КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ

ТОМЪ XXIII.

ОКТЯБРЬ.

1888 Г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, д. № 4.

Дозволено цензур. Кіевъ, 30-го Сентября 1888 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XXIII. Октябрь, Ноябрь и Декабрь 1888 г.

		стр.
I.	Первые четыре года ссылки Шевченка. **Н.И. Стороженка**	1—21
II.	Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. Глава IV—V. **Ив. Теличенка.**	22—68
III.	Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, членъ Рады великаго княжества литовскаго. II—V. **С. А. Бершадскаго.** 69—120, 235—265	417—458
IV.	Слава Богу, для начала и это хорошо! **Мирона** . . .	121—148
V.	Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. I. Панъ—повѣтовый маршалъ. **Л.**	149—161
VI.	Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **Александры Ефименко**	162—182
VII.	Графиня Е. М. Румянцева. **И. Житецкаго**	183—192
VIII.	Архивы въ Галиціи. **И. А. Линниченка**	193—214
IX.	Станиславъ Орѣховскій. **Н. Ѳ. Сумцова.**	215—234
X.	Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія. **Ѳадея Рыльскаго**	266—306
XI.	Матеріалы для исторіи гайдамачины съ предисловіемъ **В. Б. Антоновича**	307—325
XII.	Тарасъ изъ Ворохты. (Пер. съ польск.) **К. М.** 326—363,	493—542
XIII.	Люди старой Малороссіи. **Ал. Лазаревскаго.**	364—373
XIV.	Къ пятидесятилѣтію со дня смерти Ивана Петровича Котляревскаго. **В. Науменка.**	374—394
XV.	Богданъ Хмельницкій и неблагодарная исторія. **Ив. Луговаго.**	395—400
XVI.	Г.П. Галаганъ. (Некрологъ). **Ѳ. Мищенка.**	1—22

стр.

XVII. Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія. **П. И. Житецкаго** . . . . . 401—416

XVIII. Фатальная вдова. **П. К.** . . . . . 459—477

XIX. Половинщикъ. (Бытов. разск.). **Ганны Барвинокъ** . . 478—492

XX. Осада и взятіе Очакова (1788). **А. Русова** . . . . . 543—598

XXI. Критика. Новые статистико-географическія данныя объ одесскомъ уѣздѣ. **И. Каманина.** Историко-статистическое описаніе города Мглина черниговской губерніи, въ связи съ церковно-археологическимъ обзоромъ священныхъ достопамятностей этого края (?) со времени первоначальнаго его заселенія. Съ приложеніемъ историческаго очерка мѣстечка Почепа. Съ гербомъ и 2-мя чертежами г. Мглина XVII—XVIII столѣтій. Составилъ И. Токмаковъ. Кіевъ. 1888. 8°. 119 стр. **А. Л.** И. Каргопольцевъ. Путеводитель по Днѣпру и его порогамъ. Екатеринославъ. 1888. **И. Ж.** Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій. Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Собралъ Лаврентій Похилевичъ. Кіевъ. 1887. **И. К.** Сѣверо-западный календарь на 1888 годъ. Изданіе газеты „Минскій Листокъ". Минскъ 1888 г. **М. Запольскаго.** Русская военная сила. Очеркъ развитія выдающихся военныхъ событій отъ начала Руси до нашихъ дней. Составлено обществомъ офицеровъ Генеральнаго Штаба въ Москвѣ. I—II. 141. Выпускъ I. До-монгольскій періодъ. М. 1888 г. **П. Голубовскаго.** Wlad. Lozinski, przekupien Lwowski w XVII wieku (Kwart. Histor. Zeszyt III, 1888). **И. Л.** Шѣтуховъ. Серапіонъ Владимірскій, русскій проповѣдникъ XIII в. Изслѣдованіе съ прибавленіемъ „поученій" Серапіона Владимірскаго по древнѣйшимъ ихъ спискамъ. **П. Голубовскаго.** Д. И. Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. Съ 55-ю рисунками и 7-ю планами. Двѣ части. **И. Житецкаго.** Волынь. Историческія судьбы юго-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ

СТР.

П. Н. Батюшковымъ. **И. Каманина.** Н. Черневъ. Замѣтки о древнѣйшихъ русскихъ монетахъ. **Н. Б.** Географическій словарь древней Жомойтской (Жмудской) земли XVI столѣтія, сост. И. Я. Спрогисъ. **И. Каманина.** Памятная книжка волынской губерніи на 1888 г. Изданіе волынскаго губернскаго статистическаго комитета. Составлена подъ ред. И. Ф. **А. С—ча.** 1) Ив. Малышевскій. Варяги въ начальной исторіи христіанства въ Кіевѣ. Кіевъ. 1887 г. 2) Ѳ. Успенскій. Русь и Византія X в. Рѣчь, произнесенная 11-го мая 1888 г. въ торжественномъ собраніи Одесскаго Славянскаго благотворительнаго Общества въ память 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси. Одесса. 1888 г. **П. Голубовскаго** В. Поплавскій и А. Лященко. Повторительный курсъ Русской Исторіи (отъ Владиміра св. до Іоанна IV). **І. Голубовскаго.** Прилукщина. Историческое и статисическое описаніе территоріи прилукскаго уѣзда потавской губерніи. Въ 2-хъ частяхъ, съ картой уѣзда и съ планомъ города. Составилъ В—ъ А-чъ Маценко. **Ѳ. Н.** Д. Эварницкій Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ. . **Ж.** С. А. Венгеровъ. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. **Г.** Іще объ украинскихъ народныхъ разсказахъ на французскомъ языкѣ. **П. К—аго.** Бѣлорусскій сборникъ. Сказки. Собралъ Е. Р. Романовъ. **Хр. Ящуржіскаго**. . . . . 1—82

XXII. Документы, извѣстія и замѣтки. Замтка о старыхъ рукописныхъ пѣсенникахъ. **Н. Янчук** Придворный бандуристъ въ бѣгахъ. **В. Г.** Ученки переяславскихъ славяно-латинскихъ школъ в 1744 г. **В. Г.** Турецкое посольство въ 1793 г. **П. Ѵицына**. Образованіе ланд-милиціи въ полтавской губерніи. Могильники въ урочищѣ Остроня бль г. Заславля, волынской губерніи. **Н. Бѣляшевска** Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общест Нестора Лѣтописца за первую половину 1888 г.ело Ивановка. **С. Р.** Правила погарскаго благороднаго собранія. Пле-

стр.

мянница Потемкина. **В. Г.** Гаданія наканунѣ Андрея Первозваннаго (30-го ноября). **Хр. Ящуржинскаго.** Инструкція войсковому канцеляристу Григорію Губчицу, отправленному въ Санктпетербургъ за дѣлами малороссійскими. **А. Твердохлѣбова.** Къ біографіи Г. Н. Теплова **И. Каманина.** Пятидесятилѣтіе немировской гимназіи. **П. Т.** Къ исторіи открытія немировской гимназіи. **В. Науменка.** Курскіе и орловскіе кудеяры. **Н. Добротворскаго.** Обезземеленные „вольные матросы" въ г. Никополѣ херсонской губерніи. **Л. П.** Архіерейскій подарокъ. **А. Е.** Изъ прошедшей жизни **Л***.** Изъ области народныхъ преданій, повѣрій и разсказовъ. „Воянцка писня". **Мирона.** Замѣтка объ альбомѣ украинскихъ древностей И. А. Зарѣцкаго. **Д. И. Багалѣя.** Замѣтка о старыхъ и новыхъ „копачахъ". **И. А. Линниченка.** . . . . . 1—152

XXIII. Для справокъ . . . . . 45—50, 96—100, 150—152

XXIV. Библіографическій листокъ . . . 1—14, 15—32, 33—62

XXV. Объявленія . . . . . 1—30

Приложенія: 1) Портретъ проф. А. А. Котляревскаго.

2) Портретъ Г. П. Галагана съ его facsimile.

3) Наказы малор. депутатамъ 1767 г.

4) Словарь книжной малорусской рѣчи.

Отъ редакціи.

Живѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимость южнорусскаго историческаго изданія чувствуется въ самой редакціи. За короткое сравнительно время въ нашемъ портфелѣ собрано такое количество разнообразныхъ матеріаловъ, обнимающихъ всѣ стороны и эпохи историческаго бытія южной Руси, новые матеріалы, прибываютъ въ редакцію съ такимъ постоянствомъ, что въ этомъ отношеніи дальнѣйшее существованіе нашего изданія можетъ почитаться прочно и вполнѣ обезпеченнымъ. По мѣрѣ накопленія матеріала увеличивается число сотрудниковъ нашего изданія, своимъ дѣятельнымъ участіемъ ясно свидѣтельствующихъ о томъ, какое множество вопросовъ въ бытовой исторіи южнорусскаго края ждетъ подобающаго освѣщенія и разрѣшенія.

Съ особеннымъ удовольствіемъ редакція отмѣчаетъ тотъ фактъ, что на ея призывъ къ участію откликаются не только мѣстныя научныя и литературныя силы; на страницахъ нашего изданія появилось уже нѣсколько работъ, принадлежащихъ перу хорошо извѣстныхъ публикѣ столичныхъ литературныхъ дѣятелей.

Въ то же время никто яснѣе самой редакціи не видитъ и и не сознаетъ недостатковъ изданія, неизбѣжныхъ во всякомъ подобномъ начинаніи и понятныхъ для каждаго, мало-мальски знакомаго съ условіями литературнаго изданія въ провинціи. Достаточно понимать эти условія, чтобы не слишкомъ строго судить насъ за наши невольныя ошибки. За то съ чистою совѣстью мы можемъ сказать, что съ нашей стороны приложено было и прилагается всяческое стараніе къ тому, чтобы улучшить изданіе, по мѣрѣ возможности надлежаще удовлетворить читателей и, внимательно прислушиваясь къ голосу серьезной кри-

тики, устранить на будущее время замѣченные недостатки. Самый объемъ и составъ выпущенныхъ уже книжекъ, смѣемъ думать, достаточно свидѣтельствуютъ, что старанія наши въ этомъ направленіи были не напрасны. Такъ, вмѣсто обѣщанныхъ 10—12 листовъ редакція выпускала книжки журнала въ 16—22 листа и болѣе; что касается состава вышедшихъ десяти книжекъ, то о немъ можно судить по прилагаемому ниже списку напечатанныхъ статей:

Проф. В. Б. Антоновича: Грановщина, эпиз. изъ ист. брацл. Украины и Обозрѣніе предметовъ вел.-княж., эпохи, хранящихся въ музеѣ древн. и мюнцъ-кабинетѣ унив. св. Владиміра. **Ганны Барвинокъ**: Молотники (бытов. разсказъ). **Проф. С. А. Бершадскаго**: Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земск. вел. кн. литовскаго. **Н. Ѳ. Бѣляшевскаго**: Два предмета кіев. церк.-археол. музея и Клады вел.-княж. эпохи въ Кіевѣ. **Проф. Алексѣя Ник. Веселовскаго**: Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ. **Проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова**. Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Богд. Хмельницкаго. **А. А. Востокова**: Нѣжинская рада 1663 г. **Проф. П. В. Голубовскаго**: Болгары и хазары при Владимірѣ св. **В. П. Горленка**: Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій. **А. Я. Ефименко**: Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **П. С. Ефименка**: Рудни въ Сѣверщинѣ. **И. П. Житецкаго**: Графиня Е. М. Румянцева. **П. И. Житецкаго**: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII в. **И. М. Каманина**: Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву и Кіевляне и Богд. Хмельницкій. **П. Л.** Объ изображеніяхъ св. Владиміра и св. Ольги. О началѣ христіанства въ Кіевѣ. Св. Владиміръ (лѣтописное сказаніе). **Л.**: Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. **О. И. Левицкаго**: Ганна Монтовтъ (ист.-быт. очеркъ изъ жизни волын. дворянства). **Ю. Г. Левицкой-Пащенко**: Порченная (бытов. повѣсть). **Проф. И. А. Линниченка**: Архивы въ Галиціи. **Проф. И. В. Лучицкаго**: Кіевъ въ 1766 г. **Мирона**: Слава Богу, для начала и это хорошо (этюдъ изъ жизни прикарпатскаго народа). **Михайлогорскаго**: Нелишнее слово о виршахъ. **В. П. На-**

уменка: Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ. **Н. О.** „Бунтъ“ сквирскаго магистрата. Памятникъ Богд. Хмельницкому. **Проф. Н. И. Петрова**: Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. **Проф. А. А. Потебни**: Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака. **Равиты**: На рубежѣ, истор. романъ. **Проф. А. В. Романовича-Славатинскаго**: Воспоминанія объ Архивѣ Госуд. Совѣта. **А. В. Стороженка**: Леонардъ Совинскій. **Проф. Н. И. Стороженка**: Четыре первые года ссылки Шевченка. **Проф. Н. Ѳ. Сумцова**: Историч. очеркъ попытокъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь. **И. В. Теличенка**: Протестъ слободской Украины противъ реформы 1765 г. и Очеркъ исторіи кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. **Х. П. Ящуржинскаго**: Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра.

Сверхъ того помѣщено большое число рецензій на вновь вышедшія книги, документовъ и замѣтокъ. Въ библіографическомъ листкѣ редакція слѣдила, по возможности, за журнальными и газетными статьями, касающимися южн. Россіи. Въ приложеніяхъ были напечатаны: Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. Словарь книжной малорусской рѣчи, по рукописи XVII в. Слово Ѳеофана Прокоповича. Дума о Б. Хмельницкомъ и Барабашѣ съ нотами Н. В. Лисенка. Къ книгамъ были приложены слѣдующіе рисунки: Видъ запорожскаго храма въ Новомосковскѣ. Портретъ А. А. Перовскаго. Изображеніе св. Владиміра, по рис. художн. Васнецова. Памятникъ Б. Хмельницкому въ Кіевѣ по рис. В. Н. Николаева. Видъ храма, построеннаго П. Могилою изъ развалинъ Десятинной церкви.

Кромѣ вышепоименованныхъ сотрудниковъ въ журналѣ въ текущемъ году принимали участіе: проф. Д. И. Багалѣй, Н. Н. Бакай, проф. В. С. Иконниковъ, П. А. Китицынъ, М. Ѳ. Комаровъ, А. М. Лазаревскій, проф. И. И. Малышевскій, И. И. Манжура, проф. А. И. Маркевичъ, графъ Г. А Милорадовичъ, проф. Ѳ. Г. Мищенко, Н. В. Молчановскій, Ц. Г. Нейманъ, Ѳ. Д. Николайчикъ, И. П. Новицкій, Я. П. Новицкій, А. А. Руссовъ, Н. В. Стороженко, В. Н. Стороженко, В. Н. Ястребовъ и др.

Условія подписки на 1889 г.

Безъ доставки на годъ **8** р. **50** к., на полгода **5** р. Съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста Россіи на годъ **10** р., полгода **6** р. За границу на годъ **13** р., полгода **7** р. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ **50** к. съ годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну городскаго адреса на иногородній и обратно уплачивается **50** к. За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается **25** к. При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны.

Подписка принимается въ г. Кіевѣ въ конторѣ редакціи, Театральная д. № 4 и въ книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Въ редакціи можно получать „Кіевскую Старину“ за 1883—87 гг. по 8 р. 50 к. безъ пересылки и по 10 р. съ пересылкой. При покупкѣ разомъ за всѣ годы дѣлается 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. продаются по 1 р. съ пересылкою.

Подписка на 1888 годъ продолжается.

Первые четыре года ссылки Шевченка.

Описывая жизнь Шевченка въ ссылкѣ, почтенный біографъ поэта М. К. Чалый [1]) замѣчаетъ, что почти единственнымъ матеріаломъ для этого тяжкаго для Шевченка десятилѣтія служатъ разбросанныя по страницамъ его *Дневника* воспоминанія, да нѣсколько уцѣлѣвшихъ писемъ къ пріятелямъ. Хотя книга г. Чалаго вышла въ свѣтъ всего шесть лѣтъ тому назадъ, но съ тѣхъ поръ матеріалъ для біографіи Шевченка значительно увеличился: основанная на оффиціальныхъ данныхъ статья Е. Гаршина *Шевченко въ ссылкѣ* (Истор. Вѣстникъ 1886, январь) дала твердыя хронологическія рамки для всѣхъ будущихъ біографовъ поэта; на страницахъ *Кіевской Старины* (1883 г., январь—апрѣль) появились письма Шевченка къ его другу и товарищу по ссылкѣ Брониславу Залѣсскому (1853—1857 гг.), а газета *Свѣтъ* (1882 г., № 111) напечатала интересныя воспоминанія Наты Усковой, дочери коменданта Новопетровскаго укрѣпленія—оба весьма важныя для характеристики послѣднихъ лѣтъ пребыванія Шевченка въ ссылкѣ. Кромѣ всего этого въ нашемъ распоряженіи находятся неизданныя письма Шевченка къ его другу и покровительницѣ княжнѣ В. Н. Репниной, бросающія яркій свѣтъ на пребываніе Шевченка въ Орской крѣпости. Это тѣ самыя письма, безвозвратную потерю которыхъ оплакивалъ г. Чалый [2]). Нако-

[1]) Жизнь и произведенія Шевченка. Кіевъ, 1882 г. стр. 65.

[2]) За позволеніе воспользоваться для настоящей статьи этимъ драгоцѣннымъ матеріаломъ мы приносимъ глубокую благодарность высокоуважаемой кн. В. Н. Репниной, до сихъ поръ свято хранящей память о своемъ другѣ и живо интересующейся всѣмъ, что пишется о немъ.

нецъ, счастливый случай свелъ насъ съ старымъ другомъ Шевченка Ѳ. М. Лазаревскимъ, знавшимъ поэта еще въ Оренбургѣ. Съ свойственнымъ ему безпримѣрнымъ радушіемъ, за которое отъ имени всѣхъ поклонниковъ поэта приносимъ ему искреннее спасибо, Ѳ. М. не только сообщилъ намъ массу интересныхъ подробностей о жизни Шевченка въ Оренбургѣ (въ 1849—1850 г.), но предоставилъ въ наше распоряженіе одно письмо, нѣсколько неизданныхъ стихотвореній и свои рукописныя замѣтки на книгу г. Чалаго. На Ѳ. М. Лазаревскомъ, какъ на единственномъ изъ оставшихся въ живыхъ друзей Шевченка и очевидцевъ его жизни въ Оренбургѣ, лежитъ священная обязанность сказать свое правдивое слово и разсѣять туманъ, облекающій въ особенности первые годы жизни Шевченка въ ссылкѣ. Пользуясь имѣющимся у насъ подъ рукой матеріаломъ, попытаемся сдѣлать нѣсколько дополненій и поправокъ къ разсказу г. Чалаго касательно знакомства поэта съ кн. Репниной и первыхъ годовъ его пребыванія на востокѣ Россіи.

Разсказъ г. Чалаго о началѣ знакомства Шевченка съ семействомъ кн. Репнина не совсѣмъ точенъ. „Князь Н. Г. Репнинъ—разсказываетъ г. Чалый—узнавъ о художественномъ талантѣ новоприбывшаго въ Малороссію живописца Шевченка, пригласилъ его къ себѣ для снятія копіи съ своего портрета и когда копія была сдѣлана довольно удачно, то Шевченка просили остаться въ домѣ на болѣе продолжительное время и поэтъ провелъ здѣсь всю зиму 1844 г. (стр. 41). По словамъ кн. Репниной дѣло происходило нѣсколько иначе: Шевченко пріѣхалъ въ ихъ помѣстье Яготинъ не по приглашенію ея отца, а по порученію своего знакомаго Г. С. Тарновскаго [1]), заказавшаго ему копію съ портрета князя; привезъ же его съ собой и представилъ семейству Репниныхъ А. В. Капнистъ, у котораго онъ въ это время гостилъ. Это происходило не въ 1844 г., но лѣтомъ

[1]) Извѣстнаго богача и мецената, владѣльца очаровательной Качановки, гдѣ по долгу гостили Глинка, историкъ Малороссіи Н. А. Маркевичъ, Е. П. Гребенка, піанистъ Дрейшокъ и др. Два письма Шевченка къ Г. С. Тарновскому напечатаны въ „Кіевской Старинѣ“ (1883 г. февраль). Орлиный носъ Г. С. черниговскій острякъ Ширай мѣтко назвалъ сернымъ, пожинающимъ гроши.

1843 г., что доказывается между прочимъ написанной осенью того же года и посвященной кн. Репниной поэмой *Безталанный*. Съ перваго разу Шевченко произвелъ на своихъ новыхъ знакомыхъ весьма симпатичное впечатлѣніе. Онъ держалъ себя скромно, просто, но съ большимъ достоинствомъ; въ немъ не было ни стремленія рисоваться своимъ поэтическимъ призваніемъ, ни желанія подыгрываться подъ общій тонъ. Первое время онъ былъ нѣсколько сдержанъ, но простота и радушіе, царствовавшія въ гостепріимномъ домѣ кн. Репниныхъ, подѣйствовали на него благотворно; смущеніе его прошло; чувствуя, что его окружаютъ добрые и симпатизирующіе ему люди, онъ видимо ободрился, завелъ оживленный разговоръ и чуть ли не въ тотъ же день до того разошелся, что сталъ пѣть малороссійскія пѣсни, съ грѣхомъ пополамъ акомпанируя себѣ на фортепьяно. Извѣстно, что Шевченко мастерски исполнялъ народныя украинскія пѣсни, что его пѣніе производило глубокое впечатлѣніе на слушателей. По словамъ г. Кулиша, Шевченко въ ту эпоху своей жизни былъ безспорно лучшимъ во всей Малороссіи пѣвцомъ народныхъ пѣсенъ (Чалый, стр. 61); вспоминая о пѣніи Шевченка, кн. Репнина говоритъ, что оно поразило ее своей глубокой задушевностью, что мягкій, дышащій грустью голосъ нашего кобзаря (баритонъ съ высокими теноровыми нотами) невольно проникалъ въ душу. Ободренный ласковымъ пріемомъ и польщенный приглашеніемъ радушныхъ хозяевъ, Шевченко остался гостить у кн. Репнинныхъ. Это почтенное семейство, соединявшее въ себѣ все рѣже и рѣже встрѣчающійся въ наше время аристократизмъ породы съ духовнымъ аристократизмомъ, съ возвышенностью идей и чувствъ, сразу сумѣло оцѣнить въ Шевченкѣ внутренняго человѣка и не усомнилось поставить на равную ногу съ собой бывшаго крѣпостнаго. Особенно подружился Шевченко съ прекрасной и умной дочерью князя, Варварой Николаевной, которая, пренебрегая общественными предразсудками, смѣло протянула ему руку черезъ раздѣлявшую ихъ соціальную бездну и стала близкимъ другомъ, сестрой и воплощенной совѣстью поэта. Какое значеніе имѣла эта дружба для Шевченка—это всего лучше видно изъ писемъ княжны къ поэту, напечатанныхъ въ

книгѣ г. Чалаго (стр. 43—48), и изъ посвященія ей написанной на русскомъ языкѣ поэмы *Тризна* или *Безталанный*, гдѣ Шевченко называетъ княжну добрымъ ангеломъ, пробудившимъ въ немъ своими рѣчами мечты о раѣ[1]). Дружба эта поддерживалась нерѣдкими пріѣздами Шевченка въ Яготинъ и постоянной перепиской. Къ сожалѣнію относящіяся къ этой порѣ письма Шевченка не нашлись въ бумагахъ кн. Репниной, хотя, по словамъ ея, они непремѣнно должны сохраняться въ яготинскомъ архивѣ. Но за то въ бумагахъ поэта сохранилось нѣсколько собственноручныхъ отрывковъ кн. Репниной, написанныхъ большею частью для Шевченка и навѣянныхъ бесѣдами съ нимъ. Одни изъ нихъ (какъ, напримѣръ, *Часовня*, *Пѣснь нищаго*, *Напутственная молитва*) представляютъ собой вольныя переводы изъ Зейдлица; другіе, принадлежащіе перу самой княжны и проникнутые истинно-братской нѣжностью къ поэту, могутъ быть по всѣмъ правамъ отнесены къ тому разряду произведеній, которымъ Тургеневъ далъ названіе стихотвореній въ прозѣ. Таковы: *Марія*, *Сестра и Возлюбленная* и *Пророчество*[2]). Сама княжна Репнина въ письмѣ къ издателю „Русскаго Архива“, желая опровергнуть проникшее въ литературу романическое толкованіе этихъ отрывковъ, такъ объясняетъ происхожденіе ихъ: „Присутствіе поэта въ нашемъ домѣ одушевляло меня и, не имѣя дара выражаться стихами, я выливала мои мысли прозой и мало ли что я тогда писала, не какъ героиня романа, а какъ живая душа, у которой открылся заржавленный вслѣдствіе болѣзни, горестей и долгаго пребыванія заграницей клапанъ. Услышавъ

---

[1]) ... Для Васъ я радостно сложилъ
Свои житейскія оковы,
Священнодѣйствовалъ я снова
И слезы въ звуки перелилъ.
Вашъ добрый ангелъ осѣнилъ
Меня безсмертными крылами
И тихоструйными рѣчами
Мечты о раѣ пробудилъ. (Поэмы, повѣсти и разсказы Шевченка на русскомъ языкѣ. Изданіе редакціи „Кіевской Старины“. Кіевъ, 1888 г., стр. 573).

[2]) Въ книгѣ Чалаго напечатаны три изъ нихъ: *Часовня*, *Сестра и Возлюбленная* и *Пророчество*.

поэтическія выраженія наболѣвшей души, я вторила ей своими скромными строками и сообщила нѣкоторыя изъ нихъ симпатичному человѣку, который называлъ меня сестрой, что было совершенно естественно при нашихъ дружескихъ отношеніяхъ“ [1]).

Не желая повторять старую исторію о причинахъ ареста и ссылки Шевченка и его друзей, замѣтимъ только, „что въ іюнѣ 1847 г. Шевченко, обвиненный въ сочиненіи пасквиля и каррикатуры на одно высокопоставленное лицо, былъ отправленъ изъ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ содержался нѣсколько мѣсяцевъ, въ Оренбургъ и зачисленъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ рядовымъ съ правомъ выслуги, но съ запрещеніемъ писать и рисовать и чтобы отъ него—какъ сказано въ бумагѣ отъ военнаго министра къ командиру оренбургскаго отдѣльнаго корпуса генералу Обручеву—ни подъ какимъ видомъ не могло исходить возмутительныхъ и пасквильныхъ сочиненій“ [2]).

Узнавъ, что Шевченка привезли въ Оренбургъ, служившій въ оренбургской пограничной коммиссіи Ѳ. М. Лазаревскій, тогда еще не знавшій поэта лично, немедленно отправился къ чиновнику особыхъ порученій при Обручевѣ полковнику Е. М. Матвѣеву съ просьбой сдѣлать все возможное для облегченія его горькой участи. „Все, что можно сдѣлать для него—будетъ сдѣлано“—отвѣчалъ бравый полковникъ, одинъ изъ благороднѣйшихъ людей въ Оренбургѣ, всегда относившійся къ судьбѣ поэта съ истиннымъ участіемъ. Отъ Матвѣева Лазаревскій прошелъ въ казармы, куда помѣстили Шевченка. Онъ засталъ поэта лежащимъ ничкомъ въ одномъ бѣльѣ на нарахъ и углубленнымъ

---

[1]) Русскій Архивъ, 1887 г. № 6.

[2]) Гаршинъ, Шевченко въ ссылкѣ („Истор. Вѣстникъ“, 1886 г., январь, стр. 159). Повидимому, это запрещеніе первоначально не распространялось на письма. По крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ понимали запрещеніе не только самъ Шевченко, но и его ближайшіе начальники, которые очень хорошо знали, что Шевченко переписывается съ своими друзьями и не препятствовали ему въ этомъ. Но впослѣдствіи въ Петербургѣ посмотрѣли на дѣло иначе, и когда при обыскѣ въ Оренбургѣ у Шевченка нашлись письма и рисунки, то ближайшимъ начальникамъ его было сдѣлано строгое внушеніе за допущеніе этихъ послабленій (см. Гаршинъ, Шевченко въ ссылкѣ, стр. 168).

въ чтеніе библіи [1]). Проученный горькимъ опытомъ, недавно жестоко поплатившійся за свою довѣрчивость, Шевченко принялъ посѣтителя весьма сдержанно, но звуки родной рѣчи и непритворное участіе, свѣтившееся въ глазахъ вошедшаго, скоро разсѣяли его подозрительность, и онъ далъ слово въ тотъ же день посѣтить Лазаревскаго. Съ тѣхъ поръ до самаго перевода своего въ Орскую крѣпость, который послѣдовалъ въ томъ же іюнѣ, Шевченко былъ частымъ гостемъ въ домѣ Лазаревскаго, гдѣ его встрѣчали съ восторгомъ служившіе въ Оренбургѣ земляки, сдѣлавшіеся изъ почитателей его таланта его искренними друзьями. Благодаря хлопотамъ этихъ друзей, нашедшихъ путь къ двумъ вліятельнымъ лицамъ въ Орской крѣпости, попечителю пригнейныхъ киргизовъ Александрійскому и непосредственному начальнику Шевченка, командиру расположеннаго тамъ батальона Мѣшкову, пребываніе поэта въ этомъ захолустьѣ было сноснѣе, чѣмъ можно было ожидать. Правда, юридически онъ былъ простой поднадзорный солдатъ, котораго не только офицеръ, но любой фельдфебель могъ отдуть по щекамъ, но на самомъ дѣлѣ онъ находился въ исключительномъ положеніи; офицеры обращались съ нимъ, какъ съ товарищемъ, и если Шевченко тѣмъ не менѣе страдалъ нравственно, то это происходило главнымъ образомъ вслѣдствіе тоски по родинѣ, мучительнаго сознанія безправности своего положенія и тяготѣвшаго надъ нимъ запрещенія писать и рисовать. Онъ избѣгалъ этого запрещенія, пиша украдкой или по ночамъ, когда всѣ въ казармахъ спали, но рисовать при такой обстановкѣ, рискуя ежеминутно быть захваченнымъ съ поличнымъ, было почти невозможно, не говоря уже о томъ, что у него не было при себѣ никакихъ принадлежностей для рисованья. А между тѣмъ новый край, куда его забросила судьба, съ его оригинальной физіономіей и живописнымъ населеніемъ представлялъ большой соблазнъ для художника, и запрещеніе рисовать являлось весьма тяжелымъ лишеніемъ. Не будучи

[1]) Это была та самая библія, которую дали Шевченку въ Петропавловской крѣпости, когда онъ, умирая отъ скуки, просилъ что нибудь почитать и съ которой онъ впослѣдствіи никогда не разставался. Въ настоящее время она хранится у Ѳ. М. Лазаревскаго.

въ состояніи выносить этого лишенія, Шевченко вскорѣ по прибытіи своемъ въ Орскую крѣпость обращался къ шефу жандармовъ о разрѣшеніи ему рисовать портреты и пейзажи, но просьба его была оставлена безъ послѣдствій (Гаршинъ, *Шевченко въ ссылкѣ* стр. 159).

Изъ Орской крѣпости Шевченко написалъ свое первое письмо къ кн. Репниной, вложивъ его въ письмо къ общему пріятелю А. И. Лизогубу [1]). Въ письмѣ этомъ Шевченко, какъ истый украинецъ, пытается ударить лихомъ объ землю и отнестись юмористически къ своему положенію, но это ему плохо удается и его смѣхъ сквозь слезы отдается въ сердцѣ больнѣе самаго горькаго плача. „Вы непремѣнно разсмѣялись бы — пишетъ Шевченко—если бы увидѣли теперь меня: вообразите себѣ самаго неуклюжаго гарнизоннаго солдата, растрепаннаго, небритаго, съ чудовищными усами—и это буду я! Смѣшно, а слезы катятся. Что дѣлать? Такъ угодно Богу; видно я мало терпѣлъ въ моей жизни. Правда, что прежнія мои страданія въ сравненіи съ настоящими были дѣтскія слезы. Горько, невыносимо горько! И при всемъ этомъ горѣ мнѣ строжайше запрещено рисовать что бы то ни было и писать (окромя писемъ). А здѣсь такъ много новаго; киргизы такъ живописны, оригинальны и наивны, сами просятся подъ карандашъ,—и я одурѣваю, когда смотрю на нихъ. Мѣстоположеніе здѣсь грустное, однообразное: тощія рѣчки Уралъ и Орь, обнаженныя сѣрыя горы и безконечная киргизская степь. Иногда эта степь оживляется бухарскими караванами (на верблюдахъ), какъ волны моря зыблющимися вдали и своею жизнью удвоивающими тоску. Я иногда выхожу за крѣпость къ караванъ-сараю или мѣновому двору, гдѣ обыкновенно бухарцы разбиваютъ свои разноцвѣтные шатры. Какой стройный народъ! какія прекрасныя головы! и какая постоянная важность безъ малѣйшей гордости! Если бы мнѣ можно было рисовать, сколько бы я вамъ прислалъ новыхъ и оригинальныхъ рисунковъ, но что дѣлать? Смотрѣть же и не рисовать—это такая мука, которую пойметъ только истинный художникъ". Не получая долгое время отвѣта отъ кн. Репниной, Шевченко въ

[1]) Письма Шевченка къ Лизогубу напечатаны у г. Чалаго (стр. 67—72).

письмѣ къ Лизогубу (отъ 12-го декабря 1847 г.) осыпаетъ его вопросами о своемъ далекомъ другѣ: „Были-ли Вы въ Яготинѣ лѣтомъ? Что тамъ дѣлается? Гдѣ теперь живутъ яготинскія анахоретки?... Я писалъ черезъ Васъ къ В. Н.; не знаю, дошло ли мое письмо; не знаю, что она, сердешная, подѣлываетъ? Скажите ей, когда увидите, или письменно попросите, чтобы она написала мнѣ хоть строчку. Ея прекрасная и добрая душа вѣроятно часто навѣщаетъ меня въ неволѣ“ (Чалый, стр. 68). Получивъ наконецъ давно ожидаемое письмо, поэтъ до тѣхъ поръ читалъ и перечитывалъ его, пока не выучилъ наизусть [1]). Любо и бодро стало у него на душѣ при мысли, что старыя друзья не отреклись отъ него въ несчастіи; въ такомъ бодромъ настроеніи духа Шевченко встрѣтилъ 25 февраля—день своихъ именинъ. „Я какъ бы отъ тяжелаго сна проснуся—пишетъ онъ кн. Репниной—когда получу письмо отъ кого нибудь не отрекшагося меня, а Ваше письмо перенесло меня кромѣ того изъ мрачныхъ казармъ на мою родину и въ Вашъ прелестный Яготинъ. Какое чудное наслажденіе воображать тѣхъ, которые воспоминаютъ обо мнѣ, хотя ихъ очень мало. Но счастливъ кто доволенъ малымъ, а въ настоящее время я принадлежу къ самымъ счастливымъ: бесѣдуя съ Вами, я праздную 25 февраля не шумно, какъ это было прежде, но такъ тихо, тихо и такъ весело, какъ никогда не праздновалъ. И за эту великую радость я обязанъ Вамъ и Г. И. [2]). Да осѣнитъ Васъ благодать божія! Пишите ко мнѣ такъ часто, какъ вамъ время позволяетъ; молитва и Ваши

---

[1]) Письмо это вмѣстѣ съ другимъ письмомъ отъ кн. Репниной, отобраннымъ у Шевченка при обыскѣ въ Оренбургѣ весной 1850 г., должно храниться въ архивѣ III-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи.

[2]) Глафира Ивановна Бурковская, урожденная Псіолъ. Она и все ея семейство были очень дружны съ семействомъ Репниныхъ. По смерти любимаго мужа Г. И. не разставалась съ кн. Репниной и года два тому назадъ умерла въ Москвѣ въ ея домѣ. Сестры Псіолъ были весьма образованныя и талантливыя дѣвушки. Глафира Ивановна прекрасно рисовала, а Александра Ивановна весьма недурно писала малороссійскіе стихи. Одно изъ ея стихотвореній *Свячена вода* очень нравилось Шевченку, который въ своихъ письмахъ не разъ просилъ прислать ему это стихотвореніе (см. письмо къ Лизогубу въ книгѣ г. Чалаго, стр. 70). Въ письмѣ къ кн. Рѣпниной онъ повторяетъ свою просьбу, прибавляя, что эта святая вода ороситъ его увядающее сердце.

искреннія письма болѣе всего помогутъ мнѣ нести крестъ мой. Евангеліе я имѣю, а книги, о которыхъ я просилъ [1]), пришлите, это для меня хоть малое, но все же развлеченіе". Далѣе письмо Шевченка принимаетъ видъ дневника (оно писалось отъ 25 по 29 февраля 1848) и бросаетъ много свѣта на среду, въ которой онъ вращался, и на его тогдашнее душевное настроеніе. „26 февраля. Вчера я не могъ кончить письма, потому что солдаты товарищи кончили ученье; начались разсказы, кого били, кого обѣщались бить; шумъ, крикъ, балалайка выгнали меня изъ казармъ. Я пошелъ на квартиру къ офицеру (меня, спасибо имъ, всѣ принимаютъ какъ товарища) и только что расположился кончать письмо... Вообразите мою муку—хуже казармъ, а эти люди (да проститъ имъ Богъ!) съ большей претензіей на образованность и знанія приличій, потому что нѣкоторые изъ нихъ присланы изъ западной Россіи. Боже мой! Неужели и мнѣ суждено быть такимъ? Страшно! Пишите ко мнѣ и присылайте книги. 28 февраля. Вчера я просидѣлъ до утра и не могъ собраться съ мыслями, чтобы кончить письмо. Какое то безотчетное состояніе овладѣло мной. *Пріидите всѣ труждающіеся и обремененные и Азъ упокою вы.* Передъ благовѣстомъ къ заутрени пришли мнѣ эти слова Распятаго за насъ, и я какъ бы ожилъ, пошелъ къ заутрени и такъ радостно, чисто молился, какъ, можетъ быть, никогда прежде. Я теперь говѣю и сегодня причастился св. таинъ. Желалъ бы, чтобы вся моя жизнь была такъ чиста и прекрасна, какъ сегодняшній день! Ежели Вы имѣете книгу Ѳомы Кемпійскаго *О подражаніи Христу* (переводъ Сперанскаго), то пришлите ради Бога. Весной предстоитъ походъ въ степь на берега Аральскаго моря для построенія новой крѣпости. Бывалые въ подобныхъ походахъ здѣшнюю жизнь въ Орской крѣпости сравниваютъ съ Эдемомъ. Каково же должно быть тамъ, если здѣсь Эдемъ? Но никто какъ Богъ. Одно меня печалитъ—туда не ходитъ почта и прійдется годъ, а можетъ быть и три (коли переживу) не имѣть сообщенія ни съ кѣмъ

---

[1]) Гоголя. *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями* и *Чтенія въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей.*

близкимъ моему сердцу. Пишите, еще мартъ мѣсяцъ нашъ, а тамъ да будетъ воля Божія!" Получивъ это отчаянное посланіе, кн. Репнина рискнула написать къ шефу жандармовъ письмо, въ которомъ, изображая яркими красками нравственную пытку художника, умоляла графа Орлова во имя человѣколюбія разрѣшить Шевченку рисовать, прибавляя при этомъ, что правосудіе, переходящее свои границы, становится жестокостью (la justice qui dépasse des bornes devient la cruauté). Письмо это осталось безъ отвѣта, но мы увидимъ впослѣдствіи, что гр. Орловъ припомнилъ кн. Репниной ея ходатайство за Шевченка. Въ письмѣ къ кн. Репниной Шевченко между прочимъ сообщаетъ любопытный и доселѣ неизвѣстный фактъ, что со дня прибытія въ Орскую крѣпость онъ велъ свой дневникъ и въ грустную минуту сжегъ его на свѣчѣ. „Я дурно сдѣлалъ, мнѣ послѣ жаль было моего дневника, какъ матери своего дитяти, хотя и урода". Фактъ этотъ стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ извѣстнымъ заявленіемъ Шевченка въ его позднѣйшемъ дневникѣ (начатомъ въ Новопетровскомъ укрѣпленіи въ годъ освобожденія и напечатанномъ въ журналѣ Основа за 1861 годъ), гдѣ онъ радуется, что ему въ продолженіе десятилѣтней ссылки не пришла въ голову мысль обзавестись записной тетрадью. „Чтобы я записалъ въ ней? Правда, въ продолженіи этихъ десяти лѣтъ я видѣлъ даромъ то, что не всякому удается видѣть, но какъ я смотрѣлъ на все это? Какъ арестантъ смотритъ изъ тюремнаго рѣшетчатаго окна на свадебный поѣздъ. Одно воспоминаніе о прошедшемъ и видѣнномъ въ продолженіе этого времени приводитъ меня въ трепетъ; а что же было бы, если бы я записалъ эту мрачную декорацію и грубыхъ лицедѣевъ, съ которыми мнѣ довелось разыгрывать эту монотонную десятилѣтнюю драму! Мимо пройдемъ, мимо минувшаго моего, моя коварная память! забудемъ и простимъ темныхъ людей, какъ простилъ милосердый Человѣколюбецъ!" Съ трудомъ вѣрится, чтобы поэтъ въ данномъ случаѣ совершенно позабылъ о своемъ первомъ дневникѣ, чтобы коварная память не подсказала ему такого сравнительно важнаго въ его грустной жизни факта. Скорѣе можно предположить, что онъ сознательно скрылъ истину, не желая подводить подъ отвѣт-

ственность своихъ добрыхъ начальниковъ, которымъ навѣрное досталось бы, если бы дошли слухи, что отданный подъ строжайшій надзоръ Шевченко, вопреки запрещенію, имѣлъ возможность что либо сочинять. Руководимый тѣми же побужденіями, поэтъ въ письмахъ къ друзьямъ постоянно жалуется, что онъ не имѣетъ возможности ничего написать [1]), тогда какъ на самомъ дѣлѣ извѣстно, что онъ даже въ первые самые тяжелые годы ссылки написалъ не мало стихотвореній, что онъ ихъ вписывалъ въ маленькую переплетенную въ дегтярный товаръ книжечку, которую онъ постоянно носилъ при себѣ въ голенищѣ сапога и которую впослѣдствіи въ Петербургѣ показывалъ Костомарову и Тургеневу [2]).

Экспедиція къ Аральскому морю, которой такъ страшился Шевченко, состоялась весной 1848 г. Но она оказалась далеко не такъ тяжелой, какъ онъ предполагалъ. Начать съ того, что начальникъ экспедиціи, добрѣйшій и благороднѣйшій А. И. Бутаковъ относился къ нему въ высшей степени сердечно, что благодаря его ходатайству Обручевъ разрѣшилъ Шевченку снимать виды въ степи и берега Аральскаго моря. Офицеры, участвовавшіе въ экспедиціи, слѣдовали примѣру своего начальника и наперерывъ осыпали любезностями поэта, а одинъ изъ нихъ, штабсъ-капитанъ Макшеевъ, дѣлилъ съ нимъ хлѣбъ соль и радушно предложилъ ему для ночлега собственную палатку. Въ такомъ отдаленномъ походѣ не могло быть и рѣчи о строгомъ соблюденіи дисциплины; Шевченко ходилъ въ партикулярномъ платьѣ и отпустилъ себѣ большую бороду, такъ что совершенно пересталъ быть похожимъ на солдата. Это послѣднее обстоятельство подало поводъ къ забавному случаю, занесенному поэтомъ въ свой дневникъ. „Въ 1848 г.—разсказываетъ Шевченко—послѣ трехмѣсячнаго плаванія по Аральскому морю, мы возвратились въ устье Сыръ-Дарьи, гдѣ должны были провести зиму. У форта на островѣ Косъ-Аралѣ, гдѣ занимали гарнизонъ уральскіе козаки, вышли

[1]) Въ письмѣ къ Кухаренку отъ 21 апрѣля 1857 г. Шевченко говоритъ: „Самъ не написавъ нічого (да и якъ його було писать?), а теперъ уже и Богъ його святый знае, чы й напишу що небудь путне. (Основа 1861. № 10).

[2]) Книжечка эта хранится въ настоящее время у В. М. Лазаревскаго.

мы на берегъ. Уральцы, увидѣвъ меня съ широкой, какъ лопата, бородою, тотчасъ смекнули, что я непремѣнно мученикъ за вѣру. Донесли тотчасъ же своему командиру, а тотъ, не будучи дуракъ, зазвалъ меня въ камышъ, да бацъ передо мною на колѣни. „Благословите, батюшка! Мы, говоритъ, ужь все знаемъ!“ Я тоже, не дуракъ, смекнулъ, въ чемъ дѣло, да и хватилъ самымъ раскольничьимъ благословеніемъ. Восхищенный эсаулъ облобызалъ мою руку и вечеромъ задалъ намъ такую пирушку, какая намъ и во снѣ не грезилась“. (Основа 1861 г.).

Аральская экспедиція длилась безъ малаго полтора года. Въ продолженіи этого времени Шевченко почти не имѣлъ извѣстій о своихъ друзьяхъ и едва ли самъ писалъ кому либо изъ нихъ. „Я ни съ кѣмъ не переписывался—писалъ онъ впослѣдствіи къ кн. Репниной—потому что не было возможности; почта ежели и ходитъ черезъ степь, то два раза въ годъ, а мнѣ всегда въ это время не случалось бывать въ укрѣпленіи.“ Въ особенности причиняло ему нравственныя терзанія отсутствіе писемъ съ далекой родины.

И зновъ мыни не прывезла
Нычого пошта зъ Украины!
За гришныи, мабуть, дяла
Караюсь я въ оцій пустыни
Сердытымъ богомъ.

Не желая надрывать свою душу, видя, какъ другіе читаютъ и перечитываютъ полученныя съ родины письма, нашъ Тарасъ уходилъ на берегъ моря, пѣлъ заунывныя украинскія пѣсни или вынималъ изъ голенища сапога завѣтную книжечку и вписывалъ въ нее только что сочиненные стихи. Вообще во время пребыванія своего въ аральской экспедиціи Шевченко написалъ не мало вещей, вошедшихъ потомъ въ собраніе его сочиненій; такъ между прочимъ отсюда онъ прислалъ Ѳ. М. Лазаревскому прекрасное стихотвореніе *на Рождество* (на Різдво).

Осенью 1849 г. экспедиція окончила свою задачу и по ходатайству А. И. Бутакова, бывшаго для поэта не только добрымъ начальникомъ, но братомъ и другомъ, Шевченко былъ отправленъ въ Оренбургъ, чтобы состоять при немъ и доканчивать

подъ его руководствомъ работы по описанію Аральскаго моря. Полугодичное пребываніе въ Оренбургѣ (съ ноября 1849 г. по апрѣль 1850 г.) было сравнительно свѣтлой полосой въ ссыльной жизни Шевченка. Друзья-земляки съ Ѳ. М. Лазаревскимъ во главѣ встрѣтили его съ восторгомъ и устроили въ честь его пирушку; кружокъ польскихъ изгнанниковъ (Брониславъ Залѣсскій, Сѣраковскій, Станевичъ и др.), обыкновенно державшихся въ сторонѣ и отъ русскихъ, и отъ малороссовъ, на этотъ разъ измѣнилъ своей привычкѣ и считалъ за честь принимать у себя малорусскаго поэта-страдальца. Состоя при начальникѣ аральской экспедиціи, Шевченко только номинально считался солдатомъ; онъ ходилъ въ партикулярномъ платьѣ, не несъ воинской службы, жилъ не въ казармахъ, а въ домѣ своего пріятеля, адъютанта при Обручевѣ К. И. Герна, любезно предоставившаго въ его распоряженіе цѣлый флигель, гдѣ Шевченко устроилъ настоящую мастерскую. Тотчасъ по прибытіи въ Оренбургъ Бутаковъ представилъ главному начальнику края рисованный Шевченкомъ альбомъ видовъ береговъ Аральскаго моря и при этомъ распространился въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ о художественномъ талантѣ Шевченка и пользѣ, которую онъ принесъ экспедиціи, что Обручевъ обѣщалъ ходатайствовать о производствѣ Шевченка въ унтеръ-офицеры. Этому обѣщанію можно было повѣрить, ибо чуть не половинѣ Оренбурга было извѣстно, что Шевченко пишетъ портретъ жены начальника края М. П. Обручевой, конечно, не безъ вѣдома послѣдняго. По словамъ Ѳ. М. Лазаревскаго, Шевченко велъ въ это время жизнь кочевую: хотя онъ имѣлъ постоянную квартиру въ домѣ Герна, но нерѣдко исчезалъ изъ дому и проводилъ по нѣсколько дней то у Лазаревскаго, то въ польскомъ кружкѣ, за что ему не мало доставалось отъ земляковъ. Въ одинъ изъ своихъ приходовъ къ Лазаревскому Шевченко, находившійся въ веселомъ расположеніи духа, занесъ въ его записную книжку слѣдующее игривое и до сихъ поръ неизвѣстное стихотвореніе:

Ой у саду у саду
Гуляли кокошки,
Чорнявая, билявая

Дзюбатая трошки.
Хочъ я и дзюбата,
Таки жъ бо я пышна...
Сватай мене, сердце мое,
Я бъ за тебе выйшла.
Я бъ тебе любыла,
Ой я бъ тоби що субботы
Кучерыкы змыла.
Ой змыла бъ я, змыла,
Та ще й росчесала,
Ой я бъ тебе, сердце мое
Ще й поцилувала.

Въ записной книжкѣ Ѳ. М. есть еще одно стихотвореніе Шевченка, относящееся къ тому же времени, но оно уже слишкомъ игриво...

Изъ Оренбурга Шевченко послалъ В. Н. Репниной три письма. Первое отъ 14 ноября 1849 г. написано тотчасъ по возвращеніи и носитъ на себѣ слѣды тяжелыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ изъ Аральской экспедиціи. Вотъ какими чертами описывалъ Шевченко свое тогдашнее душевное настроеніе: „не много прошло времени, а какъ много измѣнилось; по крайней мѣрѣ сами Вы уже не узнали бы во мнѣ прежняго глупо-восторженнаго поэта. Нѣтъ, я теперь сталъ слишкомъ благоразуменъ. Вообразите! въ продолженіе почти трехъ лѣтъ ни одной идеи, ни одного помысла вдохновеннаго... проза и проза или лучше сказать степь и степь. Да, В. Н., я самъ удивляюсь моему превращенію; у меня теперь почти нѣтъ ни грусти, ни радости; за то есть миръ душевный, моральное спокойствіе до рыбьяго хладнокровія. Грядущее для меня какъ будто не существуетъ. Ужели постоянныя несчастія могутъ такъ печально переработать человѣка? Да, это такъ. Я теперь совершенная изнанка бывшаго Шевченка—и благодарю Бога". Едва Шевченко сталъ отогрѣваться душей въ обществѣ лицъ, искренно къ нему расположенныхъ, какъ его постигло новое разочарованіе. Передъ самымъ новымъ годомъ онъ узналъ, что представленіе Обручева о производствѣ его въ унтеръ-офицеры оставлено безъ послѣдствій

и что ему снова подтверждено запрещеніе писать и рисовать; кромѣ того до него дошли слухи, что весной его снова отправляютъ на Аральское море. Сообщая всѣ эти грустныя вѣсти кн. Репниной, Шевченко прибавляетъ: „вотъ какъ я встрѣтилъ новый годъ! Не правда ли весело? Я сегодня пишу В. А. Жуковскому (я съ нимъ лично знакомъ) и прошу его объ исходатайствованіи позволенія мнѣ только рисовать. Напишите и Вы, ежели Вы съ нимъ знакомы; или напишите Гоголю, чтобы онъ ему написалъ обо мнѣ; онъ съ нимъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ. О большемъ не смѣю Васъ безпокоить. Мнѣ страшно дѣлается, когда я подумаю о киргизской степи. Съ отходомъ моимъ въ степь я долженъ буду переписку съ Вами прервать можетъ быть на много лѣтъ, а можетъ быть и на всегда! Не допусти Господи! Ежели будете ко мнѣ писать, то сообщите свой настоящій адресъ, и сообщите также адресъ Гоголя—и я ему напишу по праву малороссійскаго виршеплета. Я лично его не знаю. Я теперь, какъ падающій въ бездну, готовъ за все ухватиться. Ужасна безнадежность! Такъ ужасна, что одна только христіанская философія можетъ бороться съ нею. Я Васъ попрошу, достаньте въ Одессѣ, потому что я здѣсь не нашелъ, и пришлите мнѣ Ѳомы Кемпійскаго *О подражаніи Христу*[1]). Единственная моя отрада въ настоящее время—это Евангеліе. Я читаю его безъ изученія ежедневно и ежечасно. Прежде я когда то думалъ анализировать сердце матери по жизни св. Маріи Непорочной, Матери Христовой, но теперь и это мнѣ будетъ въ преступленіе! Какъ грустно я стою между людьми? Но что матеріальная нужда въ сравненіи съ нуждами души, а я теперь брошенъ въ жертву и тѣмъ и другимъ... я Васъ печалю для новаго года, добрая В. Н., своимъ грустнымъ посланіемъ. Но что дѣлать? У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ, а мнѣ хоть немного отрадно стало, когда я выисповѣдался передъ Вами".

---

[1]) Надо полагать, что эта книга была послана Шевченку, потому что въ числѣ книгъ, отобранныхъ у него при обыскѣ, значится *О подражаніи Христу* (см. Гаршинъ, Шевченко въ ссылкѣ, стр. 166).

Въ третьемъ и послѣднемъ письмѣ къ кн. Репниной отъ 7 марта 1850 г. Шевченко не жалуется больше на судьбу и мало говоритъ о себѣ; письмо это отчасти теоретическаго характера и заключаетъ въ себѣ въ высшей степени оригинальный взглядъ на сущность художественнаго таланта Гоголя и на глубокое нравственное значеніе его произведеній. „Всѣ дни моего пребыванія когда то въ Яготинѣ—пишетъ Шевченко—есть и будетъ для меня рядъ прекрасныхъ воспоминаній. Одинъ день былъ покрытъ легкой тѣнью, но послѣднее письмо Ваше освѣтило и это грустное воспоминаніе. Конечно, Вы забыли; вспомните! Случайно какъ то зашла рѣчь у меня съ Вами о *Мертвыхъ Душахъ* и Вы отозвались чрезвычайно сухо. Меня это поразило непріятно, потому что я всегда читалъ Гоголя съ наслажденіемъ и потому что я въ глубинѣ души всегда уважалъ Вашъ благородный умъ, Вашъ вкусъ и Ваши нѣжно-возвышенныя чувства. Мнѣ было больно; я подумалъ—неужели я такъ грубъ и глупъ, что не могу ни понимать, ни чувствовать прекраснаго? Да, Вы правду говорите, что предубѣжденіе ни въ какомъ случаѣ не позволительно, какъ чувство безъ основанія. Меня восхищаетъ Ваше теперешнее мнѣніе о Гоголѣ и объ его безсмертномъ созданіи. Я въ восторгѣ, что Вы поняли истинно-христіанскую цѣль его. Да, передъ Гоголемъ нужно благоговѣть, какъ предъ человѣкомъ, одареннымъ самымъ глубокимъ умомъ и самой нѣжной любовью къ людямъ! Евгеній Сю похожъ, по моему мнѣнію, на живописца, который не изучивъ порядочно анатоміи, принялся рисовать человѣческое тѣло, и чтобъ прикрыть свое невѣжество, онъ его полуосвѣщаетъ. Правда, подобное полуосвѣщеніе эффектно, но впечатлѣніе его мгновенно; такъ и произведенія Сю. Пока читаешь—нравится и помнишь, а прочиталъ—и забылъ. Эффектъ и больше ничего! Не таковъ нашъ Гоголь, истинный вѣдатель сердца человѣческаго! Самый мудрый философъ и самый возвышенный поэтъ должны благоговѣть предъ нимъ, какъ предъ человѣколюбцемъ!“ Ожидая, что 1 мая его погонятъ въ степь, Шевченко просилъ княжну выслать ему Мертвыя Души: „такая книга, говоритъ онъ, будетъ для меня другомъ въ моемъ одиночествѣ. Пришлите ее, В. Н., ради Бога и ради всего свя-

таго, заключеннаго въ сердцѣ человѣческомъ[1])". Въ заключеніе Шевченко проситъ княжну адресовать свои письма въ пограничную коммиссію на имя своего друга Ѳ. М. Лазаревскаго, высокую душу котораго онъ сумѣлъ оцѣнить во время своего двукратнаго пребыванія въ Оренбургѣ: „это одинъ изъ самыхъ благородныхъ людей! Онъ первый не устыдился моей сѣрой шинели, первый встрѣтилъ меня по возвращеніи моемъ изъ киргизской степи и спросилъ, есть ли у меня что пообѣдать? Да, подобный привѣтъ дорогъ для меня! Напишите ему, благодарите его, потому что я и благодарить не умѣю за его пріязнь.

О причинахъ обыска, произведеннаго у Шевченка, и послѣдовавшаго затѣмъ отправленія его на берегъ Каспійскаго моря въ Новопетровское укрѣпленіе такъ разсказывалъ намъ свидѣтель и очевидецъ всего происшедшаго Ѳ. М. Лазаревскій: у одного изъ пріятелей Шевченка, оказавшаго ему много услугъ, была хорошенькая жена, за которой ухаживалъ смазливый прапорщикъ оренбургскаго линейнаго батальона нѣкто И...ъ. Весь городъ говорилъ объ ихъ связи; не догадывался о ней только мужъ, благороднѣйшій человѣкъ, слѣпо довѣрявшій своей женѣ. Такое индифферентное отношеніе къ чужому позору возмущало честную натуру Шевченка; ему казалось, что знать и молчать значило въ данномъ случаѣ быть соучастникомъ обмана. Тщетно друзья уговаривали его не мѣшаться въ это дѣло, увѣряя, что самъ мужъ не скажетъ ему спасибо, Шевченко тѣмъ не менѣе рѣшился раскрыть ему глаза. Живя неподалеку, онъ сталъ внимательно слѣдить за влюбленными и, увидѣвши однажды, что, пользуясь отсутствіемъ мужа, прапорщикъ И....ъ тайкомъ прокрался къ своей возлюбленной, Шевченко съѣздилъ на извощикѣ за мужемъ и прямо привелъ его къ дверямъ комнаты, гдѣ происходило свиданіе. Произошла тяжелая семейная сцена; съ виновной женой сдѣлалась истерика, Шевченко съ мужемъ съ по-

---

[1]) Прежде чѣмъ кн. Репнина успѣла выслать Шевченку просимую книгу, онъ былъ уже отправленъ по этапу въ Орскую крѣпость. Впослѣдствіи *Мертвыя Души* были присланы Шевченку въ Новопетровское укрѣпленіе его польскимъ другомъ Брониславомъ Залѣсскимъ. (См. [illegible] Шевченка къ Бр. Залѣсскому. „Кіевская Старина" 1883 г., январь, стр. 167).

зоромъ выпроводилъ растерявшагося гарнизоннаго Донъ-Жуана изъ дому, а на другой день Обручевъ получилъ доносъ, что Шевченко ходитъ по городу въ партикулярномъ платьѣ и вопреки Высочайшему повелѣнію пишетъ стихи и занимается рисованіемъ. Доносъ И....а ставилъ самого Обручева въ неловкое положеніе, ибо слѣдствіе могло обнаружить, что Шевченко писалъ портретъ съ его собственной жены въ генералъ-губернаторскомъ домѣ. При другихъ обстоятельствахъ Обручевъ могъ бы совсѣмъ не дать хода этому дѣлу, если бы былъ увѣренъ, что И....ъ ограничился доносомъ ему, а не послалъ одновременно доносъ къ шефу жандармовъ. Но онъ скорѣе былъ увѣренъ въ противномъ—о чемъ не разъ говорилъ окружающимъ—а это обстоятельство, при натянутыхъ отношеніяхъ его къ графу Орлову, побуждало его дѣйствовать быстро и рѣшительно. Вслѣдствіе этихъ соображеній онъ приказалъ своему адъютанту Герну, взявши съ собой жандармскаго штабъ-офицера, произвести обыскъ на квартирѣ Шевченка и немедленно донести ему о результатахъ обыска. Это было въ субботу на страстной недѣлѣ. Выйдя отъ генералъ-губернатора, Гернъ, очень любившій Шевченка, забѣжалъ къ Лазаревскому и, разсказавъ все происшедшее, просилъ его предупредить Шевченка, что не далѣе какъ черезъ полтора часа у него будетъ обыскъ. Не малаго труда стоило Лазаревскому разыскать Шевченка; наконецъ съ помощью одного пріятеля Шевченко былъ разысканъ и они втроемъ отправились къ нему на квартиру и весьма энергически принялись уничтожать валявшіеся по столамъ письма и рисунки. Когда большая часть находившихся въ комнатѣ бумагъ была уничтожена, Шевченко, хорошо зная, что у него не найдется ничего предосудительнаго въ политическомъ отношеніи, вдругъ заупрямился и энергически возсталъ противъ этой бумажной гекатомбы. „Довольно—сказалъ онъ—закрывая рукою пачку писемъ; оставьте хоть что нибудь для инквизиторовъ, а то они подумаютъ, что добрые люди меня и знать не хотятъ“. Благодаря этой неосторожности, попали въ руки жандармовъ два альбома съ рисунками и стихами Шевченка, да болѣе двадцати писемъ къ нему отъ различныхъ лицъ: пять отъ Лазаревскаго, семь отъ Лизо-

губа, два отъ кн. Репниной и т. д. (Гаршинъ, *Шевченко въ ссылкѣ*, стр. 170). Отобранныя при обыскѣ письма были отправлены въ Петербургъ и не замедлили навлечь на его корреспондентовъ большія или меньшія непріятности. Самого же Шевченка вслѣдо было впредь до окончанія слѣдствія отправить по этапу въ Орскую крѣпость и тамъ заключить въ казематъ. Слѣдствіе шло быстро и уже въ началѣ іюня дѣло политическаго преступника Шевченка, должно полагать вслѣдствіе приписываемой ему государственной важности, было доложено Государю Императору и вскорѣ послѣдовала Высочайшая резолюція, въ силу которой было рѣшено препроводить Шевченка въ Новопетровское укрѣпленіе подъ строгій надзоръ ротнаго командира, а его ближайшимъ начальникамъ Мѣшкову и Бутакову сдѣлать строгій выговоръ.

Въ числѣ лицъ, получившихъ большія или меньшія непріятности изъ за Шевченка, были Ѳ. М. Лазаревскій и кн. Репнина. Перваго обошли мѣстомъ, на которое онъ имѣлъ полное право расчитывать, а послѣдняя получила отъ гр. Орлова строгое внушеніе за переписку съ Шевченкомъ и за участіе, которое она принимала въ немъ. „Переписка Ваша съ Шевченкомъ—говорится въ этой бумагѣ—равно какъ и то, что Ваше Сіятельство еще прежде обращались ко мнѣ съ ходатайствомъ объ облегченіи участи упомянутому рядовому, доказываетъ, что Вы принимали въ немъ участіе, неприличное по его порочнымъ и развратнымъ свойствамъ". Въ заключеніе кн. Репниной рекомендовалось на будущее время меньше вмѣшиваться въ дѣла Малороссіи (?) съ угрозой, что въ противномъ случаѣ она сама будетъ причиной непріятныхъ для нея послѣдствій. Зная, что гр. Орловъ не остановится ни передъ чѣмъ, а съ другой стороны опасаясь, чтобы ея упорство не отразилось вредно на судьбѣ самого Шевченка, кн. Репнина скрѣпя сердце, прекратила переписку съ своимъ другомъ, но не переставала интересоваться его судьбой и получать извѣстія о немъ отъ его друзей. Ничего не зная объ этомъ рѣшеніи и обстоятельствахъ, его вызвавшихъ, Шевченко нѣкоторое время продолжалъ писать кн. Репниной. Въ нашемъ распоряженіи находится одно письмо его—послѣд-

нее писанное изъ Новопетровскаго укрѣпленія и помѣченное 12 января 1851 г. Не сообщая ничего о постигшей его катастрофѣ, Шевченко просто говоритъ, что его перевели изъ Орской крѣпости въ Новопетровское укрѣпленіе на восточный берегъ Каспійскаго моря. „Начальники мои добрые люди; здоровье мое, благодаря Бога, хорошо, только чтеніе мое весьма ограниченно, что удвоиваетъ скуку однообразія. Да, въ прошедшемъ моемъ хоть изрѣдка мелькаетъ не то чтобъ истинная радость, по крайней мѣрѣ не гнетущая тоска. Недавно кажется—всего четыре года, а какъ тяжело они прошли надъ моей головой, какъ они измѣнили меня до того, что я самъ себя не узнаю. Вообразите себѣ безжизненную флегму—и это буду я. Не слѣдовало бы и говорить объ этомъ, а лучшаго нечего сказать".

Не получая отвѣта на свои письма и подозрѣвая что то недоброе, Шевченко и самъ пересталъ писать кн. Репниной, но онъ не пересталъ любить и помнить ее.—Въ перепискѣ съ своими друзьями онъ не разъ спрашиваетъ о своемъ старомъ другѣ въ выраженіяхъ, показывающихъ, что чувства его не измѣнились, что ни малѣйшая тѣнь сомнѣнія относительно ея не закралась въ его душу. „Благодарю тебя—пишетъ онъ Залѣсскому отъ 20 мая 1853 г.—за память о Варварѣ, и ежели ты получишь о ней какое бы то ни было извѣстіе и вскорѣ сообщишь мнѣ, то я тебя не благодарить буду, а боготворить". Наконецъ, послѣ десятилѣтней разлуки друзья свидѣлись и свидѣлись въ послѣдній разъ. Въ проѣздъ свой черезъ Москву въ мартѣ 1858 г. Шевченко вмѣстѣ съ М. С. Щепкинымъ посѣтилъ кн. Репнину. Подробности свиданія ускользнули у ней за тридцать лѣтъ, но общее впечатлѣніе—и притомъ весьма грустное—живо сохранилось до сихъ поръ. Въ послѣдній разъ княжна видѣла Шевченка въ 1847 г., не задолго передъ его арестомъ; тогда онъ былъ молодымъ человѣкомъ, сильнымъ, здоровымъ, полнымъ надеждъ на будущее; теперь передъ ней онъ явился почти старикомъ, съ лицомъ покрытымъ красными пятнами (послѣдствія скорбута),

съ усталымъ апатическимъ взглядомъ, разбитый физически, и нравственно. Друзья дѣлали надъ собой усиліе, чтобъ попасть въ прежній тонъ, но это имъ плохо удавалось: между ними лежала непереходимая черта—десятилѣтняя ссылка поэта. По словамъ кн. Репниной, Шевченко показался ей на этотъ разъ совсѣмъ потухшимъ...

Н. И. Стороженко.

Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ.

(*Окончаніе*) [1]).

ГЛАВА IV.

Дѣятельность коммиссіи отъ 1729—43 гг.

О первоначальныхъ занятіяхъ коммиссіи до изданія указа 8 августа 1734 г. извѣстно очень немного. Въ 1730 году коммиссіанты, не получивъ отъ гетмана никакой инструкціи, приступили къ исполненію своихъ обязанностей „перевода и свода“ и начали это дѣло по своему разумѣнію и смыслу слѣдующимъ образомъ: взявши Саксонъ, Порядокъ и Статутъ, они стали сводить ихъ въ одно право, не сдѣлавъ однако ранѣе полнаго ихъ перевода, а переводя только нѣкоторыя мѣста, имѣвшія войти въ Сводъ.

На первыхъ же порахъ такой работы составители замѣтили, что взятые ими польскій Саксонъ и Порядокъ „совершенно невѣрно и необстоятельно“ составлены польскими авторами, а потому, добывши себѣ самый оригиналъ Speculum'a, начали его переводить, повѣряя имъ упомянутыя 2 книги. Такимъ образомъ, выбирая „все непротивное указамъ Ея Императорскаго Величества и обыкновеніямъ здѣшнимъ малороссійскимъ“ и исключая все непотребное, были сведены и составлены до 1731 г. три главы: 1 „о чести Божіей“, 2 „о чести государевой“ и 3 „о

[1]) „Кіевская Старина“, 1888 г., сентябрь.

привилегіяхъ" и отосланы гетманомъ Апостоломъ въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ. Отсылка первыхъ трехъ книгъ была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что составители Свода, не получивъ ни отъ кого инструкціи, сильно безпокоились относительно правильности принятаго ими метода и желали по этимъ тремъ главамъ узнать, „такимъ-ли образомъ дѣло начисто споражать, или инако можетъ быть дастся инструкція", потому что, добавлялъ лохвицкій сотникъ В. Стефановъ, если мы такимъ образомъ спорядимъ книгу, а она не будетъ принята и прикажутъ составлять иную, то напрасно пропадутъ труды и деньги.

На это представленіе коммиссіи изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ было отвѣчено въ томъ смыслѣ, что сначала слѣдуетъ перевести всѣ правныя книги на великороссійскій языкъ и потомъ уже производить сведеніе ихъ въ одно; но инструкціи, на которую надѣялись составители, по прежнему дано не было и сомнѣнія ихъ остались нерѣшенными.

Главныя черты усвоеннаго коммиссіантами метода состояли въ слѣдующемъ: прежде всего было принципіально допущено измѣненіе системы и порядка изложенія Литовскаго Статута и вмѣсто 14 роздѣловъ послѣдняго теперь было принято 30 главъ съ подраздѣленіемъ ихъ на артикулы и пункты; во вторыхъ, составители выбирали изъ различныхъ частей всѣхъ трехъ правъ *все* содержаніе, относившееся до опредѣленнаго предмета, и сводили его въ одно цѣлое, помѣщая въ Сводъ подъ однимъ заглавіемъ. Главнымъ матеріаломъ при этомъ былъ, конечно, Статутъ; къ нему уже присоединяли подходящій матеріалъ изъ другихъ правъ, иногда въ буквальномъ переводѣ, иногда въ видѣ экстракта; порядокъ Статута нарушался тѣмъ, что, если въ какомъ нибудь артикулѣ находился матеріалъ, относившійся къ нѣсколькимъ предметамъ, то содержаніе его размѣщалось по соотвѣствующимъ рубрикамъ. Дѣлая сводку различныхъ цитатъ изъ всѣхъ правныхъ книгъ, коммиссія указывала на поляхъ, откуда онѣ взяты, чтобы ихъ можно было потомъ повѣрить; если же приводимыя цитаты бывали настолько несогласны между собой, что ихъ нельзя было ни примирить, ни согласить толкованіемъ, то однѣ изъ нихъ, съ которыми коммиссіанты соглаша-

лись, прописывались въ текстъ, а другія противорѣчивыя, какъ мы сказали, приводились на поляхъ. Переводилось не все содержаніе книгъ, а только необходимые для свода отрывки, остальное же совсѣмъ опускалось, равно какъ и все, считавшееся неприличнымъ по обстоятельствамъ и условіямъ времени. Если коммиссіи приходилось пользоваться какими нибудь юридическими пособіями, заключавшими въ себѣ пространныя разсужденія, мнѣнія и прочее (какъ, напримѣръ, при сочиненіи главъ о чести Божіей и государевой), то она излагала сущность и силу права въ видѣ краткаго артикула или §§, не вводя въ текстъ всѣхъ разсужденій и мнѣній. Въ общемъ же система новаго Свода, несогласная съ статутовой, состояла въ томъ, что въ немъ матеріалъ располагался по своему внутреннему родству и юридической связи, такъ что предметы близкіе другъ другу и дополняющіе помѣщались рядомъ, несмотря на свое иное расположеніе въ Статутѣ, и наоборотъ—артикулы, стоявшіе въ Статутѣ рядомъ, размѣщались совершенно иначе, согласно заключавшейся въ нихъ матеріи.

Такой способъ составленія, по словамъ лохвицкаго сотника В. Стефанова, былъ принятъ коммиссіантами потому, что „инако дѣлать показалось намъ непорядочно и немощно". Въ такихъ общихъ чертахъ шелъ переводъ и сводъ правныхъ книгъ отъ начала работъ и до самаго перерыва ихъ въ 1734 году, когда почти передъ самымъ закрытіемъ занятій коммиссіанты получили отъ князя Шаховскаго „высоковажный листовный указъ" съ требованіемъ сообщить ему объ успѣхахъ своихъ занятій въ продолженіи четырехъ съ лишнимъ лѣтъ и объяснить причины медленнаго движенія дѣла. На послѣднее требованіе составители Свода, упомянувъ о томъ, что ихъ дѣло „само въ себѣ есть важное весьма и забавное", дали слѣдующее объясненіе своему промедленію. 1) Во первыхъ, что за неимѣніемъ инструкціи и на сомнительные пункты резолюціи не скоро тое дѣло начали; 2) во вторыхъ, „четвертый зверхъ трохъ книги латинской для обстоятельнѣйшаго и всякихъ найпаче же разсправныхъ дѣлахъ докладу переводъ труда и времени прибавилъ; 3) „что были переводомъ отъ себя сдѣлали до посылки первыхъ 3-хъ главъ въ Москву,

тое послѣ принуждены инако передѣлывать; 4) найпаче, что за справкой одной какой либо части или частицы дѣла всѣмъ намъ бавиться и долго надлежитъ, какъ выше показали".—Объясненіе на столько правильное и краснорѣчивое, что не нуждается въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ. Результаты же работъ были приложены въ такомъ реестрѣ.

Переведено и ужъ обще исправлено:

1) Книга Статутъ великаго княжества литовскаго.

2) Книга Порядокъ, на 4 части раздѣленная.

3) Артикулы права магдебургскаго особенно въ той книгѣ напечатанные.

4) Въ той же книгѣ артикулы пановъ цесарскихъ особенно напечатанные.

Переведено но обще неисправлено:

1) Книга Титулы названная, до книги Порядокъ приданная.

2) Книга лат. Енхиридіонъ, при книгѣ Титулы напечатанная.

3) Книга, названная Зерцало Саксонское, на польскомъ языкѣ алфавитомъ собранная и напечатанная.

4) Та же книга Зерцало Саксонское, названная самый оригиналъ права Сакс. на латинск. языкѣ въ 3 книг. собрана—переведено 3 книги.

5) Книга названная право магдебургское переведена $^1/_4$ часть.

6) Книга объ оборонѣ вдовъ и сиротъ (въ нѣкоторыхъ порядкахъ есть напечатана) переведена часть.

Остается переводить:

1) Право Хелминское.

2) Книга объ употребленіи добръ женѣ отъ мужа опредѣленныхъ.

Сведено же въ одно изъ трехъ правъ 11 главъ; остается свести 18—откуда явствуетъ, что первоначально предполагалось раздѣлить весь Сводъ на 29 главъ, между тѣмъ какъ впослѣдствіи онъ былъ раздѣленъ на 30. Эта 30-ая глава была прибавлена послѣ и представляетъ въ напечатанномъ сводѣ первую небольшую главу подъ названіемъ: „О важности и силѣ правъ

малороссійскихъ". На этомъ были прерваны работы коммиссіи, засѣдавшей въ м. Ичнѣ. Съ обновленіемъ ея персонала и переселеніемъ въ Москву, среди новыхъ составителей Свода обнаружились два различныя направленія по вопросу о методѣ дальнѣйшаго составленія Свода. Одни изъ коммиссіантовъ поддерживали методъ составленія, принятый ихъ предшественниками еще при возникновеніи коммиссіи и сообщенный нами выше; другіе же, и въ томъ числѣ самъ предсѣдатель коммиссіи, возставали противъ такого образа дѣйствій, находя, что такимъ путемъ ихъ основное и національное право Статутъ испортится до того, что „исправить оного и разумѣть не могъ бы всякъ изъ малороссіянъ". Планъ составленія, котораго держались Бороздна и его адепты, состоялъ въ томъ, чтобы, положивши въ основаніе свода Статутъ безъ измѣненія его системы и порядка изложенія, недостающее и ошибочное пополнять и исправлять на основаніи Порядка и Саксона, а лишнее и непристойное исключить, но порядка Статута никакимъ образомъ не портить. Послѣ такой выправки, говоритъ Бороздна, можно еще разъ сообща прочитать Порядокъ и Саксонъ, и что явится въ Статутѣ ошибочнаго, неяснаго или неполнаго, то на основаніи этихъ двухъ книгъ исправить.

Разногласіе по этому вопросу членовъ не мало затягивало ходъ работъ и предсѣдатель не разъ обращался въ Войск. Ген. Канцелярію за разъясненіемъ сомнѣній. Изъ имѣющагося у насъ отвѣта князя Шаховскаго отъ сентября 1735 года на письмо Бороздны видно, что главными представителями взглядовъ, противоположныхъ высказаннымъ генер. судьей Бороздною, въ это время былъ архимандритъ старецъ печерскій Онисевичъ, Столповскій и Думитрашка-Райча, которые „хотятъ новымъ якымсь порядкомъ сводъ дѣлать, якъ оніе въ Малороссіи дѣлать зачали, хотячи новое якое право составить непорядочно и необстоятельно, въ которомъ ихъ сочиненіи прежнемъ показуется иное и противное указамъ, а до того не будучи ни при какихъ дѣлахъ и не вѣдаючи ни какого порядка судового и правнаго хиба только на единую обиду Малороссіи здѣлать хотятъ и первоначальное право малоросс. Статутъ попортить и уничтожить". Изъ этого же отвѣта Шаховскаго явствуетъ, что Бороздна жаловался ему

на присутствіе въ коммиссіи людей, незнакомыхъ съ правомъ и не бывшихъ ни при какихъ дѣлахъ, отчего происходитъ болѣе спору, чѣмъ дѣла.

На первое сообщеніе Бороздны по вопросу о методѣ составленія свода Войск. Ген. Канцелярія потребовала отъ него обстоятельнаго и болѣе подробнаго доклада о томъ, всякій ли желаетъ своимъ особеннымъ порядкомъ сводить право или какимъ однимъ? въ чемъ заключается порядокъ свода, начатый еще въ Малороссіи? въ чемъ обида для нея и порча права? На все это требовался подробный отвѣтъ съ прибавленіемъ, кто какого метода держится, а покамѣстъ Бороздиѣ рекомендовалось смотрѣть накрѣпко, чтобы въ сочиненіи дѣла во всемъ поступать какъ въ Ея И. В. указѣ и инструкціи повелѣно. На вторую жалобу Войск. Генер. Канцелярія совѣтовала Бороздиѣ самому усердно и прилежно подавать примѣръ прочимъ, а если же паче чаянія будутъ споры и впредь, то объявить объ этомъ ей. Въ случаяхъ же сомнительныхъ и спорныхъ Войск. Ген. Канцеляріи рекомендовала прежде всего руководиться чувствомъ вѣрноподданности къ Ея Императорскому Величеству, а если этотъ споръ или сомнѣніе нельзя будетъ разрѣшить имъ самимъ, то, показавши, въ чемъ и отъ кого они происходятъ, представлять кн. Шаховскому въ Войск. Ген. Канцел. съ мнѣніемъ обѣихъ сторонъ. Вообще на многіе сомнительные пункты коммиссія получала самые неопредѣленные отвѣты въ родѣ совѣтовъ руководиться чувствами вѣрноподданности и прочее. Такъ, на высказанное Бороздною опасеніе, чтобы за неимѣніемъ общей инструкціи не явилось на нихъ нареканій и жалобъ, если что будетъ составлено не въ обычай, Канцелярія совѣтуетъ руководиться указами, а если таковыхъ въ коммиссіи нѣтъ, то ихъ слѣдуетъ достать у Шаховскаго. Тутъ же Бороздиѣ былъ сдѣланъ упрекъ и напоминаніе о непристойности ему, занимающему судейскую должность, оттовариваться незнаніемъ указовъ.

Мы не знаемъ, писалъ ли снова предсѣдатель коммиссіи въ Глуховъ „подробно и обстоятельно“, кто какого метода придерживается и въ чемъ состоитъ методъ сведенія, начатый еще въ Малороссіи, и проч..., но извѣстно, что планъ, составленный

и предложенный имъ, принятъ не былъ и сведеніе продолжалось по прежнему порядку до самаго его конца.

Нужно отмѣтить здѣсь интересный фактъ—когда въ Москвѣ возникли пререканія по вопросу о методѣ сведенія и Бороздна предложилъ свой проектъ, то для разрѣшенія этихъ сомнѣній предсѣдатель вздумалъ обратиться къ генеральной старшинѣ и въ своемъ докладѣ Войск. Ген. Канцеляріи онъ спрашивалъ ее: „таковымъ ли порядкомъ сводъ дѣлать какъ въ проектѣ изображено, или какъ генеральн. старшина объявитъ?“ На это самовольное обращеніе Ген. Канц. отвѣтила: „оной генеральной старшинѣ объявлять не почему, ибо всемилостивѣйшимъ Ея Императорскаго Величества указомъ по выборѣ опредѣленіе и отправленіе въ Малороссію для сочиненія показаннаго дѣла персонъ не генеральной старшинѣ, но генеральному сенатору князю Шаховскому учинить, и для оппробаціи кому отъ Ея Императорскаго Величества повелено быть тотъ и будетъ назначенъ“.

Вмѣстѣ съ представленіемъ проекта о сведеніи трехъ правъ въ одно въ то же время Бороздною былъ представленъ и другой проектъ „для скорѣйшаго сочиненія свода книгъ правныхъ“, въ которомъ трактовалось о томъ, какимъ образомъ и кому изъ опредѣленныхъ персонъ выписки дѣлать и цитовать, а кому исправлять и прочее. Проектъ по разсмотрѣніи его Шаховскимъ съ присутствующими въ Канцеляріи членами удостоился отъ нихъ похвалы и аппробаціи, и духовнымъ и мірскимъ членамъ коммиссіи было приказано придерживаться его при составленіи свода, но къ сожалѣнію мы не знаемъ его содержанія. Извѣстно только, что въ коммиссіи было допущено раздѣленіе труда и изъ 18 лицъ, опредѣленныхъ туда, 12 занималось сводкой, а 6 только однимъ переводомъ, оконченнымъ вполнѣ въ 1735 году.

Нужно замѣтить, что по окончаніи перевода опредѣленныя къ нему лица отказались было продолжать дальнѣйшія занятія, отговариваясь окончаніемъ своего дѣла, но объ этомъ ослушествѣ Бороздна донесъ въ Войск. Ген. Канцелярію и имъ было приказано оставаться въ коммиссіи и повиноваться во всемъ своему предсѣдателю. Мы видѣли уже, что Бороздна не разъ

жаловался на неимѣніе инструкціи, благодаря чему ему приходилось часто обращаться въ Глуховъ за разъясненіями сомнѣнія, такъ что во время составленія свода въ Москвѣ между Бороздной и Генеральной Канцеляріей установилась переписка, касавшаяся дѣлаемаго Свода; въ ней Генеральная Канцелярія высказала нѣсколько руководительныхъ правилъ, служившихъ составителямъ вмѣсто инструкцій и хранившихся ими во все время сведенія правныхъ книгъ. Мы приведемъ здѣсь немногія изъ нихъ, встрѣтившіяся намъ въ отвѣтѣ, данномъ въ сентябрѣ 1735 г. на письмо Борозды. Во первыхъ, предсѣдателю коммиссіи была дана надъ членами довольно обширная власть, выражавшаяся въ „*смотрѣніи за ними*“ и донесеніяхъ объ ихъ неисправностяхъ, отлучкахъ и неповиновеніи въ Войск. Ген. Канцелярію; она, какъ кажется, была установлена вслѣдствіе жалобъ Бороздны на великія досады, причиняемыя ему отъ членовъ при понужденіи ихъ къ дѣлу. Второе руководительное предписаніе Войск. Ген. Канцеляріи касается порядка занятій—сводить книги и слагать ихъ по выпискамъ приказывалось имъ въ общемъ собраніи, а не на дому, ибо въ общемъ присутствіи „лѣнивые устыдятся усердно работающихъ и сами пріймутся за трудъ“. Желающимъ не запрещалось работать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Однако замѣчаній по существу дѣла въ отвѣтахъ Войск. Ген. Канцеляріи мы встрѣтили очень немного; къ такимъ мы относимъ—позволеніе переносить артикулы одной главы въ другую не иначе, какъ за общимъ согласіемъ, и только въ томъ случаѣ, если артикулъ, неприличный для первой главы, окажется подходящимъ для второй. Во вторыхъ, относительно раздѣленія матеріала по главамъ было обращено особенное вниманіе на то, чтобы вся однородная матерія содержалась въ одной главѣ, какъ бы послѣдняя длинна ни была; для примѣра было указано, что даже четвертый, самый длинный роздѣлъ Статута „о судехъ и судьяхъ“ нельзя разбивать по частямъ. Если же въ Саксонѣ или Порядкѣ нашлось бы только по одному или по два артикула о различныхъ вещахъ, не противныхъ царскимъ указамъ и малороссійскимъ обыкновеніямъ, то заключать ихъ въ одну главу безусловно запрещалось, но требовалось о каждой матеріи составлять

особую, хотя бы и очень краткую, „дабы легче можно было отыскивать“. Изъ тѣхъ же артикуловъ, за малостью которыхъ нельзя было сдѣлать особыхъ главъ, предписывалось Войск. Ген. Канцеляріей составить при концѣ свода „особую общую главу“. Смотрѣть за правильностью всего вышеупомянутаго вмѣнялось въ обязанность предсѣдателю, архимандриту и лубенскому полковнику В. В. Кочубею. Изъ небольшихъ отрывковъ, уцѣлѣвшихъ въ бумагахъ до нашего времени, видно, что духовными составителями Свода былъ поднятъ въ коммиссіи очень важный для нихъ вопросъ о покупкѣ и безмездныхъ пріобрѣтеніяхъ земель, чтобы имъ можно было по прежнему „надавать и куповать земли“ и чтобы объ этомъ были составлены новые и обстоятельные артикулы. Обратившійся въ Войск. Ген. Канцелярію за разъясненіемъ этого вопроса Бороздна получилъ укоризненный отвѣтъ въ томъ смыслѣ, что ничего подобнаго въ противность Высокомонаршимъ указамъ дѣлать нельзя, „да и мнѣніе о томъ опасно и невозможно, ибо то состоитъ въ единой высочайшей Ея Императорскаго Величества волѣ“. Кромѣ этой заботы духовенства о своихъ интересахъ, коммиссіантами, засѣдавшими въ Москвѣ, были затронуты и болѣе общія и важныя темы, трактовавшія „о повелительствѣ, могуществѣ и указательствѣ самой государевой персоны, яко то: о ассекураціяхъ, присягахъ государевыхъ, о размноженіи и прибавленіи земли, сеймахъ, сеймикахъ и что противно указамъ и въ Малороссіи здавна не было“, т. е. о вопросахъ, касающихся правъ и прерогативъ верховной власти, устройства и созыва народныхъ собраній и прочихъ вопросовъ политическаго характера. Однако составителямъ не пришлось, какъ слѣдуетъ, остановиться на этихъ вопросахъ, ибо Войск. Ген. Канцелярія отвѣтила Бороздѣ, что объ этомъ „не только Ея Императорское Величество не надлежитъ просить по вашему прошенію старшинѣ духовной и мірской, но и вамъ самимъ о томъ представлять неприлично“, Сводъ же слѣдуетъ сочинять, говорилось далѣе, такъ, какъ это показано въ инструкціи и какъ требуетъ долгъ вѣрноподданства. Изъ приведенныхъ двухъ фактовъ явствуетъ, что члены коммиссіи пытались было подвергнуть пересмотру нормы права, касающіяся государевой особы,

но размахъ коммиссіи въ этомъ направленіи былъ остановленъ распоряженіями Войск. Ген. Канцеляріи. Болѣе того—она не позволила составителямъ Свода назвать послѣдній по ихъ желанію „Книгой правъ малороссійскихъ", ссылаясь на то обстоятельство, что право дать названіе Своду находится не въ ея власти, а „въ единомъ изволеніи Государыни", но Канцелярія разрѣшила установить въ новой книгѣ вмѣсто роздѣловъ — главы съ подраздѣленіемъ послѣднихъ на артикулы, а артикуловъ на пункты.

Мы уже сказали, что кн. Шаховской не далъ прямаго и положительнаго рѣшенія вопроса о методѣ сведенія книгъ и оно продолжалось тѣмъ же способомъ въ 35 году, который лохвицкій сотникъ В. Стефановъ излагалъ еще въ 1731 г. и который удержался до самаго окончанія правной коммиссіи. Состоялъ онъ въ слѣдующемъ: каждый членъ по взаимному согласію всѣхъ бралъ на себя составленіе одной или нѣсколькихъ главъ и трудился надъ ними самолично до полнаго окончанія, послѣ коего наступало чтеніе въ общемъ присутствіи. Во время чтенія обязательно долженъ былъ находиться авторъ читаемой главы и давать желающимъ объясненія по встрѣчающимся въ ней неясностямъ и затрудненіямъ; въ это время глава подвергалась самой подробной оцѣнкѣ, измѣненіямъ и передѣлкѣ сообразно сдѣланнымъ со стороны присутствующихъ возраженіямъ. Такъ шло дѣло до самаго 1737 г., когда труды коммиссіи были прерваны по случаю открывшейся войны съ турками, а книги и переводы были сданы Бороздною въ В. Г. Канцелярію съ приложеніемъ списка лицъ, указывающаго, кто чѣмъ занимался и какую главу сводилъ [1]).

---

[1]) Вотъ самый списокъ:

1) Отецъ Онисевичъ—о лѣсахъ, пущахъ, ловляхъ и пчелахъ.

2) Отецъ Бѣлинскій—о сельскихъ порядкахъ и о пастухахъ.

3) О. Прохоровичъ—о грабежахъ самовольныхъ, о навязкахъ и награжденіяхъ за грабежъ.

4) У его же и Дробовицкаго—о гвалтахъ, побояхъ, ранахъ и убійствахъ и головщинахъ козачьей породы людей.

Разсматривая на основаніи приведеннаго списка распредѣленіе составленія главъ по лицамъ, мы наблюдаемъ довольно интересное явленіе—въ распредѣленіи ихъ не было положено никакого различія между духовными и свѣтскими персонами и за исключеніемъ одного о. Рогачевскаго, сочинявшаго главу, о чести божіей и государевой", духовныя лица трудились надъ сочиненіемъ главъ, не касавшихся духовенства, и наоборотъ—свѣтскія персоны занимались вопросами, требовавшими участія лицъ духовнаго званія, какъ напр: „О судѣ духовныхъ съ мирскими" „О супругахъ" „О разводахъ" и пр... Изъ этого видно, что духовныя персоны привлекались въ коммиссію не въ качествѣ только спеціалистовъ по вопросамъ, касавшимся ихъ вѣдомства, но какъ представители извѣстнаго сословія и защитники его интересовъ. Что же касается того обстоятельства, что духовныя лица занимались сводкою права, нисколько до нихъ не относившагося и, казалось бы, мало имъ знакомаго, то объясненіе этого можно видѣть въ выборномъ началѣ, дѣйствовавшемъ при замѣщеніи должностей священническихъ, епископскихъ и архимандричьихъ, благодаря которому, говоритъ Кистяковскій „въ Малороссіи было не рѣдкость, что какой нибудь сотникъ или другой ранговой человѣкъ мѣнялъ кунтушъ на рясу и мечъ на крестъ".

---

4) У о. Рогачевскаго—о чести божіей и государевой.

5) У пана Чуйкевича—о походѣ, службѣ военной и о служителяхъ. О головщинѣ и навязкахъ простой породы людей. О цыганахъ, татарахъ и жидахъ.

6) У пана Столповского—о супругахъ, о приданомъ, о вѣнѣ, опекѣ матерней, наслѣдіи мужа по женѣ и жены по мужу и о разводахъ. О записахъ, уговорахъ, продажѣ и куплѣ, о дарахъ, долгахъ, закладахъ, порукахъ, о тестаментахъ или духовныхъ записахъ.

7) У пана Д. Райчи—о порядкахъ и обыкновеніяхъ малороссійскихъ. О судѣ духовныхъ съ мирскими. О наслѣдіяхъ, о рѣкахъ, мельницахъ и подтопѣ. О коммиссарахъ или межовщикахъ.

8) У Филевича—о порядкѣ гражданскомъ и о должности ихъ. О пожарахъ и зажигателяхъ.

9) У пана Кузьменскаго—объ опекѣ, опекунахъ или приставникахъ. Объ оброчныхъ или чиншовыхъ имѣніяхъ и о хоромномъ строеніи. О воровствахъ. О ярманкахъ. О процессѣ, какъ судіямъ пыткою съ злодѣями поступать.

10) У Дробовицкаго—о прелюбодѣяхъ.

11) У Лисаневича—о процессѣ судовъ.

12) У Ладонки—о тайныхъ убійствахъ, отравахъ и чародѣяніяхъ.

Подтвержденіемъ этихъ словъ г. Кистяковскаго можетъ служить и упоминавшійся нами въ началѣ статьи примѣръ отца Пироцкаго, бывшаго ранѣе какимъ то сотникомъ.

Изложивъ порядокъ и распредѣленіе занятій, коснемся теперь вопроса объ успѣхахъ коммиссіонной дѣятельности въ продолженіи двухлѣтнихъ трудовъ отъ 1735 до 1737 года. Нужно сказать, что намъ неизвѣстны точные результаты трудовъ коммиссіи за это время, но судя по тому, что предъ самымъ закрытіемъ занятій въ декабрѣ 1736 г. Бороздна докладывалъ о невозможности „читать въ остатній разъ Сводъ книгъ правныхъ составленный“ за отсутствіемъ пяти членовъ, нужно думать, что сведеніе книгъ вчернѣ было окончено уже къ концу 1736 года. Такой успѣхъ коммиссіи намъ не покажется удивительнымъ, если мы вспомнимъ, что 11 главъ она приняла уже сведенными, а большую часть книгъ переведенными, и результатъ 2-лѣтнихъ работъ, слѣдовательно, выразится въ сведеніи остальныхъ 19 главъ и переводѣ небольшой части книгъ.

Съ открытіемъ въ маѣ мѣсяцѣ 1738 г. занятій коммиссіи и обновленіемъ ея состава, Сводъ, составленный при Бороздне, подвергся новому чтенію и критикѣ въ общемъ собраніи всѣхъ членовъ при обязательномъ присутствіи автора читаемой главы, а если таковаго не было, то кого нибудь другаго, къ тому опредѣленнаго коммиссіей [1]).

Послѣ того какъ вся глава надлежащимъ образомъ была обще прочитана и согласно утверждена, составители такимъ же порядкомъ приступали къ слѣдующей. По счастливой случайности въ бумагахъ сохранилась точная копія съ опредѣленія, постановленнаго въ 1738 г. коммиссіантами для руководства въ работахъ; оно даетъ очень подробныя свѣдѣнія о пріемахъ заня-

[1]) Собственно говоря, на нихъ и лежала обязанность чтенія главы и разъясненія встрѣчающихся въ ней сомнѣній; остальные члены только слѣдили за тѣмъ, не найдется ли въ чемъ недоразумѣнія и не надобно ли какого объясненія или исправленія „въ прибавку или убавку“ составленнаго, и если такіе случаи затрудненій происходили, то объясненіе имъ производилось при помощи сличенія затруднительныхъ мѣстъ съ самими автентичными книгами, изъ коихъ они были составлены.

тій, внутреннемъ устройствѣ коммисіи, о контролѣ членовъ другъ за другомъ и пр., а потому мы и приведемъ ее въ подстрочномъ примѣчаніи дословно, съ сохраненіемъ вполнѣ понятнаго и для нашего времени языка оригинала [1]).

---

[1]) 1738 года іюня 5 дня. Опредѣленіе между нами, нижеподписавшимися согласно учиненное въ коммиссіи перевода и свода правъ малороссійскихъ, какимъ образомъ и порядкомъ дѣла тоей коммиссіи намъ порученные по силѣ имяннаго Ея Императорскаго Величества Указу и по данной инструкціи справлять имѣемъ, а именно:

I.

По всякъ день единожды поутру всѣмъ намъ безъ выключенія духовнымъ и мірскимъ для перевода и свода правъ опредѣленнымъ персонамъ собираться въ коммиссію, сіе есть въ дворъ для оной коммиссіи ассигнованный и сѣдѣть у отправленія дѣлъ оной же коммиссіи сначала 8 часа по полуночи до окончанія 12-ти неисходно, а въ протчее кромѣ того время имѣетъ всякъ тотъ, чіе дѣло читается оное къ слушанію для общей справки приготовлять, пересмотрѣвъ погрѣшенія и несходства, если якіе суть и протчее что къ дѣлу надлежитъ.

II.

Въ недѣльніе же и праздничніе дни господскіе и другіе отъ церкви установленніе, а особливо же въ дни торжественніе въ коммиссію не собираться, а чтобъ такожде и во время каникули въ іюлѣ и августѣ мѣсяцехъ и въ протчіе дни по силѣ генеральнаго Регламента тоей коммиссіи не отправлять, о томъ доношеніемъ въ Г. В. Канцелярію представлять зобща.

III.

Но буди бы кому з насъ, уховай Боже, случилась болѣзнь или якая необходимая нужда, для которой не возмогъ бы присутствовать въ коммиссіи въ урочснніе дни тотъ долженъ о томъ случаи объявить въ оной коммиссіи собою или чрезъ кого ни есть и ежели за нимъ дѣло якое перевода и свода правъ имѣется, то другому кому зъ насъ же оное повѣрить, дабы за отлучкою его остановки не было. А буди бы кто безъ правильной нужды, но токмо за приватными своими дѣлами какого дня не присутствовалъ или до конца не досидя съ коммиссіи вышелъ, тѣхъ въ отлучки и недосидѣніи въ книги записывать.

IV.

Что же къ порядку произведенія дѣлъ коммиссіи намъ повѣренной касается, то изъ переведенныхъ книгъ правнихъ сводомъ сочиненніе дѣла хотя всѣ въ томъ сводномъ сочиненіи имѣются одни начерно другіе на бѣло, но понеже не всѣ оніе исправлены, изъ персонъ же въ коммиссію перевода и свода прежде опредѣленныхъ нѣкоторые отъ того дѣла устранилися, а въ ихъ мѣсто по Указу Ея Императорскаго Величества нинѣ опредѣлени, которіе на ономъ сводномъ дѣлѣ, а найпаче на цитаціяхъ мѣстъ правнихъ при сводныхъ артикулахъ положенныхъ увѣрится не могутъ, того ради надлежитъ ввесь сводъ по расположенію главъ прежде состоявшемуся порядкомъ одну главу за другой въ коммиссіи при со-

Придерживаясь выписанныхъ сейчасъ постановленій, составители Свода успѣли къ январю 1739 года шесть первыхъ главъ свести и исправить окончательно, седьмую же главу не могли привести къ концу единственно за болѣзнью составлявшаго ее Лисаневича, восьмая была начата, но неокончена. Работы коммиссіи въ этомъ году особенно торопились Войск. Ген. Канцеляріей, и даже Правительствующій Сенатъ, не мѣшавшійся до сихъ поръ въ сводныя дѣла, потребовалъ отъ коммиссіи копій съ переведенныхъ книгъ Статута, Порядка и Саксона, которыя (копіи) хотя и были доставлены составителями въ Войск. Ген. Канцелярію немедленно, но въ Сенатъ были отосланы только въ 1740 г. послѣ повторнаго требованія выслать ему „переводовъ правъ малороссійскихъ и саксонскихъ статутовъ, которыми тамошній народъ судится точніе и засвидѣтельствованніе Енерального Суда судіями и судовымъ писаремъ копіи". Высылая въ

браніи всѣхъ изнова читать и слушать. Двохъ же или трехъ главъ вдругъ объ разныхъ матеріяхъ не читать и для того намъ на двѣ или три сессіи не разбиваться.

V.

Во время оного слушанія дѣлъ сводныхъ, которіе по главамъ тотъ всякъ кто оніе сочинялъ или кто другой вмѣсто его опредѣленній читать имѣетъ, когда напримѣръ одинъ артикулъ или партикулярный пунктъ прочитается, надлежитъ спрашивать собща всѣхъ, нѣтли кому какова въ томъ сумнѣнія и ненадобно-ль якого объясненія или исправленія въ прибавку или убавку, а между тѣмъ по приложеннымъ на березѣ цитаціямъ, сискавъ въ переведенныхъ или въ самихъ автентичныхъ книгахъ мѣста откуду тотъ вычитанній артикулъ или пунктъ взятъ, требующимъ того показать или для нихъ вычитать и когда на томъ всѣ согласно утвердятся, то тотъ артикулъ или пунктъ, замѣтивъ, что оній читанъ въ обществѣ и исправленъ, далѣе поступать.

VI.

А когда вся глава одна объ одной матеріи вычитана и исправлена будетъ, то оную тотчасъ дать писцамъ начисто и порядочно переписывать такъ, чтобы на полъ листа по лѣвой сторони цитаціи были, а по правой довольная спація для помѣти тамо во время предбудущей аппробаціи по Указу Ея Императорскаго Величества.

VII.

Буди же о якомъ дѣлѣ или одиномъ словѣ артикула между нами споръ произойдетъ, такъ требовать отъ всякого мнѣнія или сентенціи на словахъ для крат-

1740 г. въ Сенатъ копіи, Генеральная Канцелярія объяснила свою неисправность относительно отправки тѣмъ, что въ 1738 г. Малороссію посѣтила прилипчивая болѣзнь—моровая язва—и она не могла нарушать карантинныхъ правилъ.

О дальнѣйшихъ занятіяхъ коммиссіи говорить собственно нечего, ибо онѣ продолжались по заведенному разъ образцу и медленными шагами близились къ окончанію; иногда, правда, правительству, повидимому, надоѣдало смотрѣть на безконечныя занятія коммиссіи, и отъ времени до времени составители получали грозные указы трудиться надъ сводомъ съ особымъ стараніемъ и прилежаніемъ, „дабы возможно скорѣе оный переводъ и сводъ на аппробацію Ея Императорскаго Величества представить“. Такъ, въ сентябрѣ 1740 г. въ указѣ, данномъ правителю Малороссіи г. Кейту, говорилось, что сведеніе книгъ затянулось „за непримѣненіемъ въ томъ должного старательства и прилеж-

---

кости времени, а въ важныхъ дѣлахъ и на письмѣ и о чемъ болѣе голосовъ или письменныхъ мнѣній будетъ на томъ согласно и утвердиться, а самому кому одному или двоимъ или троимъ токмо лицамъ безъ согласія прочіихъ ничего не постановлять и въ артикулы не вводить.

VIII.

Ежели кто з насъ за болѣзнью или за другими какими препятствіями или за отлучкою въ домъ не будетъ присутствовать въ коммиссіи при слушаніи и исправленіи якого дѣла, тому слободно оное дѣло взять въ партикулярное свое разсмотрѣніе и въ чемъ сумнѣніе или якое несходство найдетъ о томъ въ собраніи всѣмъ представить, а для его самого одного-ль или для двоихъ и троихъ такихъ персонъ изнова дѣла уже слушаннаго и читаннаго въ обществѣ не читать.

IX.

Во время же читанія подлежащихъ сводныхъ дѣлъ всѣмъ обрѣтающимся въ коммиссіи оніе внимательно слушать, другими же своими приватными дѣлами и разговорами тогда не забавляться, и криковъ и смѣховъ не чинить непотребныхъ, да и въ ту пору, когда одинъ зъ насъ къ дѣлу надлежащую рѣчь или мнѣніе свое произноситъ, другой не долженъ своею рѣчью тому мѣшать, но порядочно одинъ другого поколѣ выговоритъ дожидаться долженъ.

X.

А з верхъ вышеписанныхъ пунктовъ сего нашего общаго опредѣленія, которіе хранить намъ надлежитъ, буди еще что къ лучшему порядку дѣлъ намъ порученныхъ сисщется и тое за благо въ собраніи принято будетъ, то и оное хранить же и исполнять надлежатиметъ.

Далѣе слѣдуютъ подписи всѣхъ лицъ, участвовавшихъ въ 1738 г.

наго трудолюбія", а посему ему приказывалось сообщить коммиссіантамъ, „дабы они взирая на это возымѣли неусыпное тщаніе и трудъ таковой, чтобъ оной переводъ и сводъ какъ возможно скорѣе дѣйствительно скончень былъ, для чего въ той коммиссіи не только по утрамъ, но и по обѣдѣ собираться и то все безъ и малѣйшаго времени туне провожденія, особливо же всякаго дня вѣрно записывать, кто какова часа въ ту коммиссію придетъ и чтобъ всякую недѣлю, сколько каковой матеріи дѣйствительно къ окончанію сведено будетъ о томъ весьма обстоятельный репортъ чрезъ каждые семь дней въ Войск. Ген. Канцелярію дѣлать". Вышеприведенный указъ не единственный въ этомъ родѣ — въ 1742 г. мы опять встрѣчаемся съ подобными напоминаніями о скорѣйшемъ окончаніи своднаго дѣла, но съ тою разницей, что теперь въ ожиданіи скораго окончанія свода былъ присланъ въ Глуховъ особый курьеръ, проживавшій на содержаніи Войск. Ген. Канцелярія.

Въ 42-мъ году коммиссію болѣе чѣмъ торопили. Бибиковъ, заступившій мѣсто Кейта, въ виду ожидающаго курьера очень долго не соглашался распустить коммиссіантовъ на каникулы, думая противъ обычая и правъ малороссійскихъ посадить ихъ за работу и лѣтомъ, но коммиссіанты настояли на отпускѣ и предположенія Бибикова не состоялись. На всѣ подобные указы составители Свода очень резонно отвѣчали, что ихъ дѣло не могло быть ранѣе окончено „за многократною въ минувшее время военною остановкою и перерывкою нашей коммиссіи, а другое за отлучкою и употребленіемъ оной коммиссіи нѣкоторыхъ персонъ къ другимъ дѣламъ и коммиссіямъ, а найпаче же за частою однихъ другими перемѣною и непріобыклостью новыхъ членовъ. Въ другомъ случаѣ, но по тому же поводу и въ томъ же году, коммиссіанты говорили, что они посколько силъ ихъ стараются о своемъ дѣлѣ, „ревнуя по подданнической вѣрности Высочайшему Ея Императорскаго Величества интересу со всякою скорѣйшою возможностью мы и сами отъ начала доселѣ прилежное стараніе и трудъ елико силы нашей прилагали, такъ и нынѣ прилагаемъ ради скорѣйшаго сочиненія того дѣла и крайняго окончанія"..., упомянувъ далѣе о своихъ болѣе чѣмъ 10-ти лѣт-

нихъ бѣдствіяхъ и издержкахъ во время пребыванія въ коммиссіи, они такъ объясняли причины своего промедленія: „между протчимъ и въ томъ немалая въ произвожденіи дѣлъ оной коммиссіи остановка преже чинилась и чинится, *что цѣлаго въ оной коммиссіи персонъ нѣтъ комплекту, а найпаче съ президентовъ нашихъ то енеральную персону, то полковника, а временемъ вдругъ и обоихъ отъ* коммиссіи, а иныхъ членовъ ежечасто перемѣниваютъ откомендировуютъ, какъ и теперь (1742 г.) *ни енеральной персоны, ни полковника въ ту коммиссію прежде опредѣленныхъ не имѣется, безъ которыхъ, а по крайней мѣрѣ безъ единого зъ нихъ, по силѣ данной инструкціи, нельзя намъ дѣйствительно дѣлъ той коммиссіи производить*“. Въ заключеніе составители Свода просили ассигновать имъ хоть одну енеральную особу или полковника для дѣйствительнаго, а не фиктивнаго присутствія въ коммиссіи.

Пусть читатель не сѣтуетъ на насъ за длину приведенныхъ выписокъ, ибо онѣ словами самихъ коммиссіантовъ правдиво, краснорѣчиво и убѣдительно объясняютъ намъ тягучесть кодификаціонныхъ работъ и освобождаютъ авторовъ ихъ отъ упрека правительства въ нерадѣніи и лѣни.

Работы коммиссіи, заключающіяся въ черновомъ сведеніи правъ, были окончены, собственно говоря, еще въ ноябрѣ 1741 г.; въ этомъ же мѣсяцѣ было приступлено къ исправленію оныхъ и исключенію пунктовъ и цѣлыхъ артикуловъ, находившихся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, но гласившихъ объ одной и той же матеріи; въ это же время исправлялся и самый языкъ Свода и правильность выписанныхъ цитатъ: „и самый стиль гдѣ что не противъ великороссійскаго штатскаго нарѣчія нѣкоторыми оной коммиссіи членами къ тому непріобыкшими поисправить нужно, а также и многочисленныя цитаты, откуда какой текстъ, изъ какого артикула или пункта взять съ автентичными мѣстами сличить должно“.

Приступивъ къ перечитыванію главъ еще въ ноябрѣ 1741 г., коммиссія успѣла къ концу его окончить около 5 главъ, остальныя были прочитаны и исправлены въ теченіи 42-го и января 43-го, въ которомъ, наконецъ, былъ оконченъ трудъ малороссій-

скихъ юристовъ и они были распущены по домамъ, съ условіемъ явиться снова для провѣрки и подписки переписывавшихся въ то время начисто нѣсколькихъ экземпляровъ Свода. Дѣйствительно, въ мартѣ Войск. Ген. Канцелярія снова разослала всѣмъ членамъ коммиссіи указы о явкѣ въ Глуховъ на 5-ое мая, и на этотъ разъ коммиссіанты явились съ большой исправностью и проработали надъ исправленіемъ переписанныхъ книгъ до 8-го іюля 1743 года, когда дѣло сведенія было всецѣло завершено и передано въ Войск. Ген. Канцелярію при слѣдующемъ доношеніи: „Въ Высокомонаршей блаженныя и вѣчно достойныя памяти Великія Государыни Императрицы Анны Іоанновны Самодержицы Всероссійской грамотѣ за собственноручнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ прошлого 734 года Августа 8-го о переводѣ и сводѣ книгъ правныхъ повелѣно права названніе Магдебурскіе и Саксонскіе статуты по которымъ малороссійской народъ судиться, собранными, такъ духовными изъ каждой епархіи, яко и мирскими знатными особами перевесть и въ едно свесть и что надлежитъ прибавить въ пользу малороссійскаго народа, въ сумнительствѣ же какое въ тѣхъ правахъ находится ясное поправленіе здѣлать и на аппробацію Ея Императорскаго Величества и что къ вѣрному подданству отъ такого народа приличествуетъ о томъ учинить проэкты, а какъ всѣ тѣ права или по главамъ окончени будуть то подавать до разсмотрѣнія кому отъ Ея Императорскаго Величества повелено будетъ и по силѣ таковаго указа означенныя права прежде сего уже въ опредѣленной на то нарочитой коммиссіи переведенныя ко Двору Им. Величества изъ Войск. Ген. Канцеляріи посланы нинѣ же и сводъ онихъ правъ при помощи божіей нами нижеподписавшимися совсѣмъ на апробацію Высочайшую оконченъ. А понеже въ томъ же сводѣ правъ за силу вышеозначенного указу, какое усмотрѣно быть въ разныхъ оныхъ правахъ несходство, тое поправлено и соглашено, а что явилось къ употребленію въ судахъ малороссійскихъ или самодержавной всероссійской имперіи необыкновенное и неприличное, тое убавлено и отставлено, что же и прибавить надлежало, то прибавлено, а пространно съ излишествомъ написанное сокращено, неясное же по возможности

изъяснено и то все на многихъ мѣстахъ исправлено: а для какихъ резоновъ и гдѣ именно таковому исправленію быть надлежало того всего за неприличіе, а въ проэктѣ за немалое число тѣхъ исправленій изобразить никакъ возможно. Того ради коммиссія книгъ правныхъ свода разсуждаетъ, что кому отъ Ея Императорскаго Величества разсмотрѣть объ ономъ правномъ дѣлѣ повелено будетъ отъ тѣхъ уповательно показаніе таковыхъ резоновъ востребуется, почему яко непремѣнная указуетъ потреба при отправѣ оного своднаго правнихъ книгъ дѣла отправить въ С.-Петербургъ изъ присутствующихъ при этомъ двухъ или трехъ персонъ такихъ, которіе все оное дѣло зъ основанія и для чего что и въ чемъ исправлено совершенно вѣдаютъ, вручить имъ и подлинныя книги прежнія Статутъ, Саксонское Зерцало и другія, изъ которыхъ тотъ сводъ дѣлался для всякихъ показанія справокъ, такъ оная жъ коммиссія общимъ своимъ разсужденіемъ къ тому при ономъ сводномъ дѣлѣ усмотрѣла паче другихъ быть потребнѣйшаго и угоднѣйшаго войск. генер. хорунжаго Н. Ханенка, который въ той коммиссіи довольнымъ прилежаніемъ и трудомъ чрезъ немалое время и даже до окончанія самого въ первыхъ персонахъ присутствовалъ, а при немъ можетъ же отправиться и сотникъ мглинскій В. Лисаневичъ и еще кто зъ той же коммиссіи третій по благоусмотрѣнію Вашего Высокопревосходительства (писалось на имя г. Бибикова) и о такомъ общомъ всей нашей коммиссіи разсужденіи въ высокое Вашего Превосходительства и Войск. Генер. Канцеляріи разсмотрѣніе стороны одправы съ сводною правъ книгою означенныхъ персонъ покорнѣйше чрезъ сіе представляемъ".

Кромѣ самаго главнаго опредѣленія коммиссіи объ отсылкѣ книгъ при персонахъ, могущихъ объяснить, что и зачѣмъ сдѣлано, ею было постановлено еще нѣсколько менѣе важныхъ: 1) просить Правительствующій Сенатъ о пожалованіи авторовъ Свода Высочайшими милостями согласно инструкціи и послѣдующимъ обѣщаніямъ, 2) подписать сводную книгу всѣмъ мірскимъ и духовнымъ членамъ и сдѣлать ей приличное заключеніе, 3) сочинить предъ самимъ началомъ „титлу краткую" этой книгѣ, 4) составить дедикацію приличную Ея Имп. Величеству съ вы-

ясненіемъ резоновъ, какъ и зачѣмъ сія книга составлена, и приложить реестръ главъ, содержащихся въ книгѣ, 5) приложить инструкцію въ коммиссію данную и обстоятельный алфавитный указатель артикуловъ и пунктовъ, о чемъ какой артикулъ или пунктъ гласитъ по примѣру Статута польскаго, 6) переписать 3 экземпляра и переплесть—одинъ для Сената, другой для Войск. Ген. Канцеляріи, а третій для лицъ посылаемыхъ въ Петербургъ. Четвертый экземпляръ безъ переплета и всѣ черновые труды и прочія бумаги и книги переданы были канцеляристу Закровіецкому для того, чтобы онъ „сложивъ въ сундуки и въ добромъ и сохранномъ спряту содержалъ до указу, какъ о тѣхъ всѣхъ дѣлахъ и книгахъ отъ Войск. Ген. Канцеляріи повелено будетъ".

Всѣ перечисленныя шесть постановленій коммиссіи были ею выполнены—титла и предикація сочинены, три экземпляра Свода переписаны, роскошно переплетены и, украшенные художественными фигурами, виньетками и проч., переданы г. Бибикову для отсылки въ Прав. Сенатъ; не исполнилось только самое выдающееся желаніе и постановленіе коммиссіи: отправка трехъ членовъ въ столицу для объясненій по поводу составленнаго ими труда почему то не состоялась, да и самый Сводъ былъ представленъ Бибиковымъ въ Прав. Сенатъ почти чрезъ годъ—27 іюня 1744 г.; въ Сенатѣ Сводъ, неизвѣстно почему, пролежалъ безъ всякого движенія въ теченіи 12 лѣтъ до обратнаго возвращенія въ Малороссію въ 1756 г.

Итакъ, 1743 годъ положилъ конецъ сочиненію Свода, отитулованнаго составителями „*Правами, по которымъ судится малороссійскій народъ*"; сведеніе трехъ правъ въ одно было совершено почти такъ, какъ это было Высочайше объявлено; не было, правда, сочинено особыхъ проектовъ законовъ [1]), какъ то рекомендовалось въ указѣ 8 авг. 1734 г., но это случилось по той простой причинѣ, что такіе проекты пришлось бы сочинять на добрую половину всѣхъ артикуловъ и пунктовъ Статута, а потому составители сочли, что „въ проэктѣ за немалое число

[1]) За исключеніемъ очень немногихъ, помѣщенныхъ въ книгѣ г. Кистяковскаго въ прибавленіи № 1 подъ заглавіемъ: „Коммиссіи перевода и свода книгъ правныхъ проэкти".

тѣхъ исправленій изобразить никакъ возможно", и вносили въ Сводъ исправленные артикулы и пункты, не составляя относительно каждаго исправленія особыхъ проектовъ. По убѣжденію коммиссіантовъ—и, конечно, совершенно основательному—составленіе проектовъ по поводу каждаго исправленія увеличило бы ихъ трудъ совершенно лишней работой, но съ другой стороны для того, чтобы не оставить Прав. Сенатъ въ невѣдѣніи, что зачѣмъ исправлено или измѣнено, коммиссія рѣшила послать для объясненій трехъ своихъ членовъ, но постановленіе ея, какъ мы уже сказали, не было принято во вниманіе. Съ отсылкою Свода въ Сенатъ должно, казалось бы, наступить вскорѣ его разсмотрѣніе и аппробація, такъ какъ, мы видѣли, Сенатъ не разъ справлялся о дѣятельности коммиссіи и торопилъ ее даже спеціальными курьерами, но этого разсмотрѣнія не случилось, и неисправленный Сводъ опять возвратился въ Глуховъ.

Слѣдующая глава представитъ дальнѣйшую судьбу, какъ Свода, такъ и другихъ законодательныхъ починовъ въ прошломъ вѣкѣ, предпринимавшихся правительствомъ.

ГЛАВА V.

Дальнѣйшая судьба Свода.

Вопросъ о разсмотрѣніи Прав. Сенатомъ труда малороссійскихъ законовѣдовъ за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ не можетъ быть рѣшенъ вполнѣ обстоятельно, однако можно догадываться, что ничего въ этомъ направленіи сдѣлано не было, иначе трудно допустить, чтобы Сенатъ, передавая Сводъ въ 1756 г. на разсмотрѣніе гетмана Разумовскаго, не приложилъ своихъ замѣчаній по этому поводу. Мы думаемъ, что трудъ составителей оставался въ Сенатѣ безъ движенія не по чему иному, какъ по неимѣнію въ немъ лицъ юридически образованныхъ и достаточно знакомыхъ съ совершенно чуждымъ имъ малорусскимъ правомъ; если 15 лѣтъ тому назадъ центральное правительство плохо знало даже названія правныхъ книгъ, употреблявшихся въ судахъ Малороссіи, то мыслимо ли допустить въ немъ въ

3744 г. настолько широкое знакомство съ правомъ, чтобы стать судьей новосоставленнаго Свода? Мы сомнѣваемся.

Какъ бы то ни было, но впервые молчаніе о Сводѣ было прервано въ 1756 г., когда именнымъ указомъ 20-го мая, даннымъ гетману Разумовскому, повелѣвалось присланный Сводъ разсмотрѣть—„довольно ли по нынѣшнимъ обстоятельствамъ будетъ того, что въ немъ постановлено и что въ немъ прибавить надлежитъ и буде по разсмотрѣнію явится что либо несходное съ нынѣшнимъ временемъ или что въ ономъ прибавить разсудится, о томъ представить въ Прав. Сенатъ". Такимъ образомъ Сенатъ былъ освобожденъ отъ возложеннаго на него непосильнаго труда и послѣдній передавался гетману, какъ лицу, наиболѣе знакомому по своему положенію съ состояніемъ національнаго права Малороссіи. Получивъ порученіе разсмотрѣть Сводъ, Разумовскій посмотрѣлъ на это, какъ на дѣло „касающееся всего малороссійской націи народа", и рѣшилъ привлечь къ нему представителей отъ народа или, лучше сказать, отъ ранговой козацкой старшины; съ этою цѣлью онъ предложилъ находившимся въ Войск. Генер. Канцеляріи генер. старшинамъ созвать всѣхъ остальныхъ генер. старшинъ, полковниковъ, бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей, сотниковъ и пр., кромѣ лицъ, находившихся при какихъ нибудь національныхъ дѣлахъ или въ отлучкахъ. Генеральная старшина должна была присутствовать вся, полковники также всѣ, бунчуковые товарищи въ числѣ 10, а войсковые въ числѣ 4 человѣкъ; отъ полковой и сотенной старшины должно было явиться по 2 человѣка отъ каждаго полка, такъ что всего имѣлось въ виду 64 человѣка, кромѣ ген. старшины. Сдѣлавъ такія приказанія относительно выбора народныхъ представителей, гетманъ потребовалъ, чтобы избранныя лица, разсмотрѣвши посылаемый имъ Сводъ, представили ему о немъ свои мнѣнія. Такимъ образомъ возникла новая коммиссія, составленная, за исключеніемъ нѣсколькихъ человѣкъ, всецѣло изъ новыхъ членовъ; засѣданія ея, судя по имѣющимся приказамъ о явкѣ въ Глуховъ, должны были открыться 15-го ноября, но въ дѣйствительности состоялись только въ декабрѣ, да и то при неполномъ комплектѣ избранныхъ въ коммиссію чиновъ; больше всего на этотъ разъ не до-

ставало полковниковъ, отказавшихся пріѣхать по многочисленности работъ, возложенныхъ на нихъ передъ войной. Къ сожалѣнію, первое собраніе коммиссіи окончилось ничѣмъ,—ибо подготовленіе къ военнымъ дѣйствіямъ потребовало полковниковъ и сотниковъ къ своимъ постамъ, а потому коммиссія, не начавши работъ, распалась и члены ея разъѣхались. Войск. Ген. Канцелярія, увидя неудачу, постигшую первое собраніе, обратилась къ гетману съ предложеніемъ составить „особую коммиссію нѣкоторыхъ чиновъ, кои при нынѣшнихъ коммандированіяхъ не столь нужны суть, какъ то: изъ бунчуковыхъ и войсковыхъ товарищей", но гетманъ не согласился съ этимъ предложеніемъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что дѣло разсмотрѣнія Свода касается пользы всего малороссійскаго народа, а посему и сессія коммиссіи должна происходить при наличности всѣхъ избранныхъ въ нее чиновъ.

Въ теченіи слѣдовавшаго затѣмъ 1757 г. коммиссія, какъ это видно изъ документовъ, ни разу не собиралась и новое ея собраніе было назначено только на 1-е сентября 1758 г. Персоналъ коммиссіи въ этомъ году былъ составленъ прежнимъ порядкомъ и въ томъ же числѣ чиновъ, но произошли большія измѣненія въ самихъ лицахъ—многіе изъ бунч. товарищей, сотниковъ и др., избранныхъ въ 1756 году, были замѣнены теперь новыми. Съѣхавшіеся въ сентябрѣ 1758 г. въ Глуховъ чины—ген. старшина, полковники, полковая старшина, бунч. и войск. товарищи, сотники—и во второй разъ къ существу дѣла не приступили, но, отложивъ разсмотрѣніе Свода на будущій годъ, выработали слѣдующій планъ для предстоящихъ занятій: 30 главъ Свода были раздѣлены ими на пять частей, по одной части для каждыхъ двухъ полковъ [1]); Затѣмъ каждые 2 полка въ составѣ своихъ полковниковъ, полковой старшины, бунч. товарищей, судоваго писаря и канцеляристовъ должны были образовать *подкомиссію* и разсматривать свои 6 главъ совершенно особенно

[1]) Стародубскій и черниговскій полкъ получили первыя 6 главъ Свода, кіевскій и нѣжинскій вторыя, прилуцкій и переяславскій третія, лубенскій и гадяцкій четвертыя, миргородскій и полтавскій пятыя.

отъ остальныхъ такихъ же подкоммиссій. Занятія этихъ подкоммиссій, имѣвшія характеръ подготовительныхъ работъ, состояли въ „убавкѣ и прибавкѣ“ Свода согласно обстоятельствамъ времени и предполагались ежедневными; для разсмотрѣнія же сдѣланныхъ подкоммиссіями работъ и окончательнаго ихъ поправленія было положено собираться дважды въ недѣлю при Войск. Ген. Канцеляріи всѣмъ ген. старшинамъ и чинамъ отъ полковъ опредѣленнымъ, „дабы оное поправленіе всѣмъ согласно могло быть“. Въ эти же общія собранія коммиссіи имѣлось въ виду внесть на разрѣшеніе письменныя мнѣнія членовъ, представляемыя ими по поводу неясностей и сомнѣній, возникавшихъ при обсужденіи Свода въ подкоммиссіяхъ.

Установивъ такой планъ занятій и назначивъ слѣдующее собраніе на 19 янв. 1759 г., коммиссіанты кромѣ того позаботились, чтобы слѣдующій ихъ съѣздъ не былъ втунѣ, благодаря отсутствію въ немъ духовныхъ особъ. Полк. А. Горленко доложилъ объ этомъ гетману и очень резонно указалъ ему на необходимость призванія въ коммиссію и духовныхъ лицъ хотя бы по одному тому, что онѣ уже ранѣе участвовали въ составленіи Свода, да, наконецъ, и сами состоятъ подъ однимъ правомъ съ мірскими людьми. Здѣсь намъ нужно замѣтить, что духовенство, обойденное гетманомъ при избраніи представителей для обсужденія Свода, было крайне обижено и оскорблено такимъ поступкомъ Разумовскаго.

Архимандритъ Кіево-Печерской Лавры Лука прежде всѣхъ обратился съ своимъ заявленіемъ о настоятельной необходимости привлечь къ разсмотрѣнію Свода и духовенство на томъ основаніи во первыхъ, что оно уже было ранѣе призываемо въ коммиссію, а во вторыхъ изъ опасенія, чтобы отъ него не послѣдовало какого нибудь „сумнительства и недовольства“, если свѣтскіе чины постановятъ прибавить или убавить что либо изъ того, что обще съ духовными постановлено. Архим. Лука добавлялъ при этомъ, что у него происходилъ по сему поводу „разговоръ съ удивленіемъ“ съ митрополитомъ кіевскимъ и консистористами, вполнѣ раздѣляющими его взгляды и неудовольствіе на поступокъ гетмана. Намъ неизвѣстно, отвѣчалъ ли гетманъ

на докладъ А. Горленка, но фактъ тотъ, что и въ 1759 году духовныя особы не принимали участія въ дѣлахъ коммиссіи. Въ этомъ году, наконецъ, собравшіеся въ Глуховъ чины приступили къ обсужденію Свода, которое на этотъ разъ было немногимъ удачнѣе, чѣмъ предыдущія—дѣло въ томъ, что на первыхъ же шагахъ занятій между коммиссіантами обнаружилось большое разногласіе во взглядахъ на возложенную на нихъ задачу и возобновился старый споръ, бывшій когда то между Бороздною и его оппонентами. Коммиссія раздѣлилась на два лагеря: одни, замѣтивъ, что диспозиція Свода совсѣмъ не та, что у Статута, не согласились съ нею и, какъ покойный Бороздна, доказывали, что Малороссія отъ самаго соединенія съ Россіей пользовалась Литовскимъ Статутомъ, какъ правомъ національнымъ и гарантированнымъ ей царскими грамотами; что Магдебургское и Саксонское права примѣняются у нихъ единственно на случай неполноты Статута и то съ резону арт. 54, розд. IV, „въ которомъ точно положено, что если бы чего въ томъ Статутѣ недоставало, въ такомъ случаи судовые росправы отправлять прикладомъ иншихъ правъ христіанскихъ“. На основаніи этихъ соображеній часть коммиссіи поставила принципіальный вопросъ: слѣдуетъ ли имъ вообще допускать къ разсмотрѣнію Сводъ, составленный не въ порядкѣ изложеннаго въ Статутѣ права, а иногда и въ его отмѣну? Не лучше ли подвергнуть разсмотрѣнію и исправленію не Сводъ, а самый Статутъ тамъ, гдѣ онъ недостаточенъ и мало вразумителенъ? Конечно, этого раскола во взглядахъ чиновъ коммиссіи было вполнѣ достаточно, чтобы затормозить работы впредь до выясненія дѣла.

Другая часть коммиссіи, не имѣя ничего противъ новой диспозиціи Свода, понимала задачу своего призванія очень скромно и, придерживаясь буквы указа, готова была заняться обсужденіемъ присланнаго ей гетманомъ Свода, не касаясь его диспозиціи и болѣе принципіальныхъ вопросовъ. Расколъ и возникшая по его поводу борьба между двумя направленіями сдѣлали, конечно, обсужденіе Свода немыслимымъ безъ предварительнаго улаженія поднятаго спора и за разрѣшеніемъ его обратились къ гетману. Кромѣ этого затрудненія, среди чиновъ коммиссіи воз-

никли недоразумѣнія и по другому поводу: письмо архм. Луки произвело свое дѣйствіе и собравшіеся чины безпокоились за будущее своихъ работъ, если къ участію въ нихъ не будутъ привлечены духовныя особы. Въ виду указанныхъ двухъ „сумнительствъ“ чины коммиссіи обратились къ гетману съ покорнѣйшимъ доношеніемъ объяснить имъ, какъ быть съ вопросомъ о духовенствѣ и удерживать ли имъ диспозицію Свода или Статута? Далѣе, гетману предлагалось на разрѣшеніе еще одно затрудненіе: начавъ разсматривать Сводъ, коммиссія убѣдилась, что многое въ немъ не соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ времени и не мало артикуловъ надлежитъ привести въ сходство и поисправить; но какимъ образомъ вести это исправленіе и приведеніе въ сходство? Если такъ, чтобы по поводу каждаго исправленія составлять особое письменное мнѣніе и отсылать его въ Войск. Ген. Канцелярію на общее обсужденіе, то прійдется создать книгу уже во всякомъ случаѣ не меньшую Свода; если же какимъ инымъ путемъ, то на это требуются указанія и разъясненія со стороны гетмана. За ними и обратились коммиссіанты къ Разумовскому, который въ концѣ мая 1759 г. отвѣтилъ, что всѣ вопросы, предложенные ему чинами коммиссіи, не могутъ быть разрѣшены заочно, а требуютъ личнаго присутствія его въ Малороссіи, почему онъ считаетъ за лучшее распустить коммиссію до другаго времени, когда обстоятельства позволятъ ему прибыть въ Малороссію. Къ тому же, продолжалъ гетманъ, господамъ полковникамъ и другимъ чинамъ отлучаться отъ командъ ихъ никакъ невозможно—для пониманія послѣднихъ словъ гетмана мы должны напомнить здѣсь, что въ то время предвидѣлась война, и по силѣ грамоты Ея И. В., данной малороссійскимъ старшинамъ, „имъ надлежало имѣть всякую осторожность отъ непріятеля и приготовлять козаковъ къ походу“, что было совершенно невозможно при отсутствіи полковниковъ ради засѣданій въ коммиссіи. Распоряженіе Разумовскаго въ этомъ отношеніи какъ нельзя лучше совпадало съ желаніями самой коммиссіи, ибо послѣдняя еще въ февралѣ, т. е. за три мѣсяца предъ этимъ просила объ отпускѣ ради военныхъ приготовленій.

Что же сдѣлано, однако, этой трижды собиравшейся коммиссіей для намѣченной указами Императрицы цѣли? Буквально, можемъ сказать, ничего, потому что занятія коммиссіи, продолжавшіяся въ общей сложности нѣсколько мѣсяцевъ, прошли болѣе въ выработкѣ плана, спорахъ и ожиданіи рѣшенія ихъ гетманомъ, но не въ трудахъ по существу дѣла, конечно, за небольшимъ исключеніемъ [1]).

Для коммиссіантовъ оказалось невозможнымъ сразу, à livre ouverte, безъ подробнаго знакомства со Сводомъ, сдѣлать что нибудь въ отношеніи исправленія, потому что, говорили они, многіе артикулы вписаны въ Сводъ не всѣ, другіе раздѣлены по частямъ и разбросаны по всей книгѣ, а въ довершеніе всѣхъ затрудненій немалое препятствіе чинится имъ въ томъ, что точность артикуловъ новосложенными терминами очень часто перемѣнена, а иногда значительно сокращена въ ущербъ разумѣнію силы права. Планъ работъ, составленный въ 1758 г., оказался также несостоятельнымъ—не было никакой возможности подготовительнымъ коммиссіямъ ограничиваться своими 6-ью главами, не заглядывая въ остальныя; полнота исправленія требовала отъ каждой изъ подкоммиссій подробнаго знакомства со всѣми частями Свода и такимъ образомъ одна изъ нихъ необходимо вторгалась въ область занятій другой. Конечно, недостатки принятаго плана работъ были поправимы и не могли составить существеннаго препятствія для продолженія занятій, но гораздо большее затрудненіе было внесено въ коммиссію борьбою между сторонниками Статута и приверженцами Свода, такъ какъ первымъ во что бы то ни стало хотѣлось удержать въ Малороссіи

---

[1]) Вотъ докладъ Разумовскому, излагающій вкратцѣ сущность занятій: „правные артикули проходили довольнимъ онихъ внушеніемъ и разсужденіемъ такожъ самоперсональнымъ свидѣтельствованіемъ точности тѣхъ малороссійскихъ правъ съ коихъ оніе артикули сведены и сложены и по тѣмъ же самимъ артикуламъ, каковы въ чемъ явились несходства, тѣ къ подлежащему поправленію и отмѣчены". Отсюда слѣдуетъ, что артикулы, нуждавшіеся въ поправкѣ, были только отмѣчены, самой же поправки сдѣлано не было, равно какъ ничего не было сдѣлано въ отношеніи пополненія или убавленія малороссійскихъ правъ на томъ основаніи, что „въ сводномъ Статутѣ диспозиція вся учинена новымъ сложеніемъ, а не такимъ порядкомъ, какъ самъ Статутъ".

употребленіе чистаго, неиспорченнаго Статута. Защитники національнаго права не убѣдили противную сторону въ непригодности Свода, но, желая удержать за собою побѣду, перенесли этотъ вопросъ на почву закона и доказывали, что введеніемъ Свода нарушается святѣйшая ихъ привилегія—пользоваться своимъ правомъ, данная еще отъ королей польскихъ, а потомъ неоднократно подтвержденная московскими царями. Съ этою цѣлью ими были собраны и выписаны привилегіи королей польскихъ, напечатанныя „въ книгахъ польскихъ печатныхъ въ Краковѣ въ архитипографіи Королевской Лазоревой 1600 г., называемыхъ статуты, правы и конституціи"; изъ этихъ книгъ приведено пять мѣстъ, говорящихъ, что „Русь присозданная къ Польшѣ частью чрезъ войны, частью же чрезъ спадки (наслѣдованіе)" должна пользоваться однимъ правомъ съ Польшею. Кромѣ этихъ выписокъ, члены коммиссіи ссылались на привилегію короля Сигизмунда-Августа III, данную въ 1569 г. въ Люблинѣ и подтверждавшую Малороссіи Литовскій Статутъ; не забыли они также привести и подходящіе пункты изъ договорныхъ статей Богдана Хмельницкаго, изъ грамотъ царя Алексѣя Михайловича и пр. до самаго послѣдняго времени. Словомъ, защитниками Статута было сдѣлано все, дабы убѣдить гетмана въ нарушеніи ихъ привилегій и правъ путемъ допущенія Свода.

Отвѣтъ гетмана намъ извѣстенъ—коммиссія была распущена и 15-ти лѣтній трудъ малороссійскихъ юристовъ, такъ безпокоившій часть коммиссіантовъ, не только не получилъ распространенія, но остался навсегда въ томъ же видѣ, въ какомъ вышелъ изъ рукъ первыхъ законовѣдовъ.

Съ мая 1759 года прекращаются всякія свѣдѣнія о Сводѣ, намѣренно забытомъ правительствомъ, какъ это думаетъ проф. Кистяковскій на томъ основаніи, что въ сенатскомъ указѣ 1761 года, говорящемъ о пересмотрѣ законовъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи, о немъ ничего не упомянуто, хотя со времени послѣдняго обсужденія Свода прошло всего 2 года, и Сенатъ не могъ такъ скоро о немъ забыть.

Упомянутый нами сенатскій указъ 31-го августа 1761 г. былъ изданъ по иниціативѣ „коммиссіи новосочиняемаго для

Россіи Уложенія", образованной 11 марта 1754 г. по представленію Шувалова „о сочиненіи ясныхъ и понятныхъ законовъ по обстоятельствамъ нынѣшнихъ временъ въ примѣненіи обычаевъ и нравовъ"; коммиссія эта преслѣдовала общую цѣль исправленія законовъ, дѣйствовавшихъ въ Россійской имперіи, и въ частности обратила вниманіе на Малороссію, гдѣ, по ея словамъ, законы настолько недостаточны, что „судъ и росправа чинится по даннымъ отъ королей польскихъ статутамъ *съ добавленіемъ правъ другихъ христіанскихъ*", поэтому коммиссіи казалось необходимымъ пополнить въ Статутѣ недостающее и отмѣнить излишнее. По ея взгляду все это должно быть совершено въ Малороссіи такимъ же порядкомъ, какъ и „по прочимъ присутственнымъ мѣстамъ повелѣно", т. е. сочинить каждому присутственному мѣсту законы, спеціально его касающіеся; результаты работъ надлежало, по мысли коммиссіи, прислать къ ней съ депутатомъ, который могъ бы порядочно изложить, что и зачѣмъ сдѣлано.

Вслѣдствіе этихъ соображеній и былъ изданъ указъ 1761 г., дававшій гетману порученіе опредѣлить особыхъ людей для разсмотрѣнія Статута и законовъ, дѣйствовавшихъ въ Кіевѣ среди мѣщанъ, посполитыхъ и купцовъ; такимъ образомъ, исправленіе малороссійскаго права представляло теперь не самостоятельную заботу правительства, а только часть обще задуманнаго исправленія всѣхъ законовъ, и Малороссія въ данномъ случаѣ была уподоблена одному изъ присутственныхъ мѣстъ, имѣвшихъ разсужденіе по дѣламъ, до нихъ относящимся.

Намъ неизвѣстно, какія вызвалъ этотъ указъ распоряженія со стороны гетмана, но судя по тому, что въ бумагахъ за 61 г. и слѣдующіе мы не встрѣтили никакихъ указаній объ исправленіи Статута, мы полагаемъ, что къ нему и не приступали. Есть, правда, за 1761 г. приказаніе гетмана, данное генер. писарю Безбородку „въ подлежащихъ обстоятельствахъ о правахъ и вольностяхъ малороссійскихъ сочинивъ экстрактъ прислать его сіятельству", но это приказаніе нельзя считать отвѣтомъ на указъ объ исправленіи Статута.

Слѣдя далѣе за исторіей правительственныхъ мѣръ относительно малорусскаго права, мы замѣчаемъ, что широкіе за-

мыслы объ исправленіи его чрезъ коммиссіи и представителей ранговаго козачества мало по малу сходятъ совершенно со сцены и ихъ замѣняетъ желаніе прійти, хотя бы путемъ канцелярскихъ работъ, къ какому нибудь концу, разрѣшавшему хаотическое состояніе права въ Малороссіи.

Съ этою цѣлью 14 ноября 1763 г. Разумовскій обратился къ ген. бунчужному г-ну Тарновскому съ ордеромъ, коимъ повелѣвалъ переведенный съ польскаго языка на русскій и утвержденный малороссійскому народу Статутъ освидѣтельствовать и исправить такъ, чтобы онъ, не заключая въ себѣ ни въ чемъ отличій отъ польскаго, былъ вразумителенъ и понятенъ всякому; во-вторыхъ, по силѣ этого же ордера, надлежало перевести и книгу правъ Магдебургскихъ, которая хотя и утверждена для употребленія въ судахъ магистратскихъ, но до сихъ поръ еще, по словамъ ордера, не переведена (?) Такъ скоро изгладилось изъ памяти даже малорусскихъ правителей воспоминаніе о бывшемъ 20 лѣтъ назадъ переводѣ всѣхъ 3-хъ правныхъ книгъ на великороссійскій языкъ! Сверхъ исправленія Статута и перевода Магдеб. права, Разумовскимъ было приказано собрать всѣ имѣющіяся на польскомъ и латинскомъ языкахъ привилегіи малороссійскаго народа и прислать ему вмѣстѣ съ переводами правъ.

Вторымъ ордеромъ, даннымъ тому же Тарновскому, гетманъ приказывалъ всякій роздѣлъ Статута послѣ исправленія представлять въ Войск. Ген. Канцелярію на общее обсужденіе всѣхъ генер. старшинъ, находящихся въ Генер. Судѣ и самой Войск. Канцеляріи, дабы узнать „такъ ли тому переведенному роздѣлу быть или еще что поисправить надлежатиметъ“; по окончаніи же перевода и исправленія Статутъ и Магдебургское право надлежало прислать въ Петербургъ *для отпечатанія*. Согласно этимъ ордерамъ Разумовскаго, ген. бунчужный приступилъ къ переводу, выбравъ себѣ въ помощники нѣсколькихъ сотниковъ— Свирскаго, Терковскаго, Дубовика и уже знакомаго намъ Лисаневича, но послѣдній отказался по своей дряхлости и недостатку средствъ и не измѣнилъ своего рѣшенія даже когда ему одному было предложено особое за это жалованье. Самъ Тарновскій взялъ на себя исправленіе Статута, 3 человѣка были опредѣ-

лены имъ къ переводу Магдебургскаго права, Трибунальное же право и выписки изъ конституцій, привилегій и другихъ полезныхъ для Малороссіи пунктовъ были поручены для перевода нѣкоему Дзѣвовичу съ назначенными къ нему лицами. Гетманъ одобрилъ такое раздѣленіе занятій, но къ сожалѣнію послѣднія ни къ какому концу, какъ кажется, приведены не были, по крайней мѣрѣ въ послѣдующее время объ этомъ не встрѣчается никакихъ извѣстій, да и при изданіи Статута въ 1810 г. пришлось дѣлать новый его переводъ.

Нелишнимъ здѣсь будетъ сказать съ какимъ трудомъ пришлось добывать переводчикамъ книги Магдебургскаго права; замѣчаніе это тѣмъ интересно, что обнаруживаетъ поразительную бѣдность въ правныхъ книгахъ, доходившую иногда до курьезовъ.

Собравшіеся въ Глуховѣ въ мартѣ 1764 г. переводчики доносили Войск. Ген. Канцеляріи, что они напрасно проживаютъ въ городѣ, не имѣя необходимыхъ книгъ Магдеб. права, и просили Канцелярію сдѣлать распоряженіе объ ихъ доставкѣ; по этому прошенію послѣдняя отправила въ черниговскій и нѣжинскій магистраты ордеры выслать книги Магдеб. права, буде таковыя имѣются, на польскомъ, латинскомъ или русскомъ діалектахъ. Замѣчательный отвѣтъ на этотъ ордеръ далъ черниговскій магистратъ: книги такой, писалъ онъ, нѣтъ, ибо еще въ 1750 г. магистратскій домъ погорѣлъ со всѣми книгами, *и самъ магистратъ принужденъ теперь чинить разбирательства по правамъ статутовымъ.* Изъ нѣжинскаго магистрата было отвѣчено, что требуемыя книги, хотя и находятся, но очень неисправны, листы выдраны, Хелминскаго права вовсе нѣтъ и проч., а въ высылкѣ ихъ магистратъ отказалъ на томъ основаніи, что онѣ нужны ему для суда между мѣщанами, но посовѣтовалъ обратиться въ полковую нѣжинскую канцелярію, гдѣ онѣ мало нужны за большимъ употребленіемъ Статута, но и оттуда книги получены не были и только послѣ долгихъ усилій Тарновскій получилъ 1 экземпляръ Магдеб. права въ августѣ 1764 г. Конечно, подобную бѣдность въ руководительныхъ книгахъ Магдеб. права нельзя объяснять ничѣмъ инымъ, какъ отживаніемъ послѣдняго. Съ этого времени у насъ прекращаются архивныя данныя о

дальнѣйшихъ судьбахъ малороссійскаго права до окончательной отмѣны его при Николаѣ I, но чтобы имѣть представленіе, какимъ образомъ оно было приведено къ настоящему его состоянію, мы изложимъ вкратцѣ послѣднюю его исторію по книгѣ проф. Кистяковскаго и статьѣ Баршевскаго „Краткая исторія Литов. Статута".

Мысль объ исправленіи дѣйствовавшихъ въ Малороссіи законовъ, говоритъ Кистяковскій, не оставляла правительственныя сферы даже послѣ многократныхъ неудачъ, но только не какъ самостоятельная, а прибавочная, въ связи съ общимъ планомъ кодификаціи отечественныхъ законовъ. Дѣйствительно, 1767 годъ очень скоро представилъ удобный случай къ осуществленію заботъ правительства, и мы видимъ, что въ коммиссіи сочиненія проекта новаго уложенія велѣно принять въ соображеніе малороссійскіе законы въ видѣ изъятія изъ общихъ, но такъ какъ изъ этой коммиссіи ничего не вышло, то и малороссійское право осталось statu quo ante.

Въ слѣдующіе годы царствованія Екатерины II попытокъ къ исправленію малорос. законовъ не дѣлалось, но, согласно съ общими централистическими стремленіями государыни, въ 1783 г. былъ сдѣланъ шагъ къ замѣнѣ національнаго права великорусскимъ, путемъ распространенія на Малороссію учрежденія о губерніяхъ, ибо отмѣной старыхъ судовъ и объединеніемъ всего судоустройства былъ открытъ широкій доступъ вліянію великороссійскихъ законовъ, особенно усиливавшемуся благодаря судьямъ-великоруссамъ, знакомымъ только съ своимъ правомъ. Правда, реформа въ судоустройствѣ, произведенная Екатериной II, продержалась недолго и была отмѣнена 30 ноября 1796 г. указомъ имп. Павла, повелѣвавшимъ снова судить по точной силѣ малороссійскихъ правъ.

Въ 1804 г., въ царствованіе Александра I, особенно заботившагося о кодификаціи русскихъ законовъ, было обращено вниманіе и на сочиненіе особыхъ законовъ для Малороссіи; трудъ сочиненія былъ возложенъ на вторую экспедицію коммиссіи составленія законовъ, а послѣ преобразованія 1809 г. на шестое ея отдѣленіе, результатомъ работъ котораго и былъ извѣстный

переводъ Статута, изданный въ 1811 г. для употребленія въ судахъ Малороссіи. Переводъ Литовскаго Статута съ польскаго,— продолжаетъ Кистяковскій, — указываетъ, что въ законодательныхъ сферахъ того времени было потеряно преданіе о первоначальномъ происхожденіи и юго-западной редакціи Статута, и только послѣ работъ проф. Линде, доказавшаго настоящее происхожденіе Статута и обнаружившаго много ошибокъ въ польскомъ текстѣ, въ Комитетѣ Министровъ состоялось постановленіе исправить изданіе 1811 г., сличивъ его съ Статутомъ 1588 г., и отпечатать на бѣлорусскомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ для распространенія среди этихъ національностей. Однако, это постановленіе Комитета не было приведено въ исполненіе по причинѣ возникшаго уже тогда намѣренія о полной замѣнѣ Статута особымъ Сводомъ, составленнымъ для западныхъ губерній. Образованный съ этою цѣлью при II Отдѣленіи Собств. Его Им. В. Канцеляріи комитетъ подъ предсѣдательствомъ гр. Сперанскаго дѣйствительно успѣлъ сочинить для западныхъ губерній проектъ законовъ, раздѣлявшійся на 3 части: 1) законы о состояніяхъ, 2) законы гражданскіе и 3) судебн. обряды, судопроизводство и мѣры гражд. взысканій; въ 1839 и 1840 гг. проектъ былъ на разсмотрѣніи Государств. Совѣта, но вслѣдствіе указа 25 іюня 1840 г., отмѣнявшаго дѣйствіе Статута въ западныхъ губ. и вводившаго въ нихъ Сводъ Законовъ Рос. имперіи, разсмотрѣніе его было оставлено безъ послѣдствій. Немного спустя та же участь постигла Л. Статутъ и въ черниговской и полтавской губерніяхъ: въ 1843 г. въ нихъ былъ введенъ общій Сводъ Законовъ, но съ тѣмъ отличіемъ отъ западныхъ губерній, что для Малороссіи были сохранены нѣкоторыя постановленія Статута, сохранившія въ ней свою силу до послѣдняго времени. Такъ Малороссія, ровно чрезъ столѣтіе послѣ сочиненія Свода, была введена въ кругъ дѣйствія общерусскаго законодательства, ни разу не воспользовавшись до этого своими вѣковыми трудами въ направленіи кодификаціи особаго малорусскаго права, и прямо перешла отъ Статута къ Своду Законовъ Россійской имперіи.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о судьбѣ Магдебургскаго права, сошедшаго въ Малороссіи со сцены немногимъ

ранѣе самаго Статута, но совершенно инымъ порядкомъ. Мы уже видѣли, съ какимъ трудомъ можно было отыскать въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка книги Магдеб. права, прежде довольно распространенныя, какъ въ магистратахъ, такъ и прочихъ судахъ; нами былъ также указанъ случай, какъ это право безъ всякаго затрудненія замѣнилось въ черниговскомъ магистратѣ Статутомъ; нужно думать, что такіе случаи замѣны считались не единицами, а были часты и шли crescendo, такъ что къ 1824 г. оно было вполнѣ забыто даже самими судами и пришло въ полное ничтожество само собою. Въ этомъ отношеніи Магдебургское право никакъ нельзя сравнивать со Статутомъ, потому что относительно его не только не было издано указа объ отмѣнѣ, но правительство изъявило обратное желаніе возстановить его дѣйствіе снова, сдѣлавъ съ имѣвшейся въ Сенатѣ книги новый переводъ и напечатавъ его въ сенатской типографіи для всеобщаго употребленія; однако Генеральный Судъ Малороссіи просилъ навсегда прекратить дѣйствіе Магдеб. права на томъ основаніи, что оно потеряло свою силу и, давно забытое въ судахъ Малороссіи, замѣняется при рѣшеніи дѣлъ то Лит. Статутомъ, то общими россійскими законами. Представленіе Генеральнаго Суда было уважено и закономъ 1831 г. оно было отмѣнено окончательно.

Въ то время какъ Магдеб. право само изжило свой вѣкъ гораздо ранѣе, чѣмъ это было завѣрено и подтверждено закономъ, относительно Статута, правительству, повидимому, пришлось ранѣе его отмѣны обратиться къ своимъ органамъ, чтобы черезъ нихъ доказать несовершенства Статута и подготовить малороссійскія и западныя губерніи къ замѣнѣ его Сводомъ Законовъ. Объ этомъ воздѣйствіи правительства сверху вскользь упоминаетъ Баршевскій, говоря: *„по заявленію ген.-губ. Бибикова* дворянство во главѣ своего предводителя графа Тышкевича ходатайствовало о дарованіи западнымъ губерніямъ рус. законовъ“, но лучшимъ доказательствомъ нашей мысли служитъ „мнѣніе предводителя дворянства пирятинскаго уѣзда ген.-майора Селецкаго, объясненное дворянству“, авторъ котораго буквально агитировалъ въ пользу отмѣны Статута не только среди

дворянъ своего уѣзда, но и уѣздовъ черниг. губерніи, стремясь объединить все дворянство въ желаніи замѣны Статута Сводомъ Законовъ. „Мнѣніе“ Селецкаго, написанное имъ въ концѣ 1840 г., настолько интересно, что я приведу его здѣсь in extenso, тѣмъ болѣе, что оно нигдѣ еще не было напечатано.

Настоятельность упраздненія Статута по убѣжденію Селецкаго оправдывается слѣдующими четырмя обстоятельствами: 1) дѣйствіе Литовскаго Статута въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно безразлично для блага Малороссіи, 2) въ нѣкоторыхъ оно даже вредно, 3) прекращеніе дѣйствія можетъ принести во многомъ важную пользу, 4) наконецъ, мнѣніе самаго правительства о Статутѣ невыгодно и можно ожидать ежегодно, что оно уничтожитъ его дѣйствіе.

Первое свое положеніе о безразличіи для Малороссіи Статута или Свода авторъ пытается, основать на совершившемся, по его мнѣнію, фактѣ сліянія двухъ національностей, сліянія, доходящаго въ глазахъ Селецкаго до „единства и тожества жизни Великой и Малой Россіи“. Конечно, авторъ „мнѣнія“ правъ, поскольку его слова относятся къ законамъ о государственномъ устройствѣ, финансамъ, полиціи и вообще публичному праву, ибо здѣсь Малороссія дѣйствительно пришла къ единству и тожеству съ Великороссіей, но онъ грубо ошибается, утверждая, что гражданская часть Статута представляетъ маловажное отличіе отъ россійскихъ гражд. законовъ, доказательствомъ чего можетъ служитъ и взглядъ самаго правительства, удержавшаго въ X т. мѣстныя особенности малороссійскихъ законовъ.

II. Что касается затѣмъ втораго положенія Селецкаго, то нельзя не согласиться съ приводимыми имъ доводами о вредномъ дѣйствіи Статута въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на общественную жизнь, ибо эти доводы вполнѣ справедливы. Главный недостатокъ, а потому и вредъ Статута, состоялъ, какъ это правильно доказывалъ Селецкій, въ его устарѣлости, несоотвѣтствіи состоянію цивилизаціи, образованію и духу времени (объ этомъ еще ранѣе Селецкаго говорило черниговское шляхетство въ наказѣ своему депутату при отправленіи его въ ком. сочиненія новаго уложенія). Справедливость требуетъ также сказать,

что и другой недостатокъ Л. Статута—неопредѣленность круга его дѣйствій изображена авторомъ очень вѣрно: несоотвѣтствіе Статута наличнымъ условіямъ жизни, говоритъ Селецкій, очень часто заставляетъ судей прибѣгать вмѣсто него къ Своду Законовъ, почему одно и то же дѣло рѣшается весьма различно; но этого мало, судьи великороссіяне, не зная Л. Статута или считая его никуда негоднымъ по привычкѣ къ общимъ законамъ, рѣшительно игнорировали Статутъ ради Свода.

III. Третье мнѣніе Селецкаго о благѣ, ожидающемъ Малороссію послѣ отмѣны Статута, подкрѣпляется имъ тѣмъ, что все дѣло сводится къ облегченію законодательной теоріи и практики и полному объединенію двухъ націй „раздѣленныхъ когда то внѣшними обстоятельствами“, а единство націй, продолжаетъ авторъ записки, имѣетъ очень важное вліяніе на благоденствіе государства. Очевидно, въ данномъ случаѣ Селецкій путаетъ причины объединенія націй съ его послѣдствіями и придаетъ законодательнымъ мѣропріятіямъ такіе успѣхи, каковыхъ они въ дѣйствительности никогда не имѣютъ.

IV. Наконецъ, желаніе самаго правительства, удобнѣе и вѣрнѣе другихъ сознающаго нужды малороссіянъ, также склоняется на его сторону, говоритъ авторъ „мнѣнія“, и доказываетъ это тѣмъ, что правительство неоднократно дѣлало попытки къ исправленію малороссійскаго права или замѣнѣ его великорусскимъ, такъ: a) въ царствованіе Елизаветы Петровны въ 1761 г. была составлена коммиссія, не имѣвшая однако успѣха по различнымъ причинамъ, b) по состоявшемуся 9 окт. 1826 года мнѣнію Госуд. Совѣта въ виду недостатка польскихъ законовъ объ опекахъ было постановлено въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ и Малороссіи руководствоваться тѣми же законами объ опекахъ, которые уже изданы или впредь будутъ издаваться для губерній великороссійскихъ, c) мнѣніе Гос. Совѣта 11 іюля 1826 г о недостаткѣ и неудобствѣ въ приложеніи къ дѣламъ постановленій Статута и d) отмѣна Статута въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ.

Въ заключеніе всѣхъ доказательствъ Селецкій писалъ: „пора принять законодательство, дѣйствующее въ великорусскихъ гу-

берніяхъ тѣмъ болѣе, что велико и мало-россіяне соединяются издавна одними и тѣми же указами, одною православною вѣрою, самодержавіемъ и однообразнымъ воспитаніемъ, и только одна остается черта, повидимому отдѣляющая ихъ, это Л. Статутъ, котораго дѣйствіе посему надлежитъ уничтожить навсегда и подвергнуть о семъ всеподданнѣйшее прошеніе на Высочайшее разрѣшеніе".

Результатомъ агитаціи Селецкаго было постановленіе предводителей дворянства полтавской губерніи объ избраніи для рѣшенія этого вопроса почетнѣйшихъ и свѣдущихъ въ правѣ дворянъ изъ каждаго уѣзда.

Неизвѣстно, состоялись ли такія собранія дворянъ въ другихъ уѣздахъ полтавской губ., но въ пирятинскомъ, вѣроятно радѣніемъ самого агитатора, избранные дворяне рѣшили просить распространенія на нихъ общихъ законовъ, находя, что послѣдніе 1) достаточно соотвѣтствуютъ обезпеченію собственности и правъ каждаго въ сравненіи съ Л. Статутомъ и 2) что введеніемъ Свода Законовъ изгладится воспоминаніе о прежнемъ униженіи малороссіянъ и отторженіи ихъ отъ Россіи. Требуя Свода, пирятинское дворянство однако признало весьма полезнымъ и необходимымъ сохранить за собою право распоряженія имѣніями согласно 1 арт. 7 роздѣла Статута.

Хотя мы не желаемъ быть защитниками устарѣвшаго малорусскаго права, но намъ кажется, что постановленіе пирятинскаго дворянства о введеніи въ Малороссію нисколько не измѣненнаго Свода Законовъ было сдѣлано подъ вліяніемъ высшей власти, а не составляло общаго убѣжденія малороссіянъ; это доказывается какъ одиночествомъ пирятинскихъ вожделѣній, такъ и состоявшимся въ 1843 г. опредѣленіемъ дворянъ испросить у Государя соизволеніе на посылку отъ нихъ депутатовъ для принесенія Его Величеству благодарности за отеческое попеченіе о благѣ и пользѣ жителей малорос. губерній *внесеніемъ въ Сводъ Законовъ издревле существующихъ въ ихъ край особыхъ законоположеній*. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что малороссіяне и въ половинѣ 19-го вѣка дорожили своими мѣстными особенностями правъ такъ же, какъ они дорожили ими въ 1767 г.,

когда черниговское шляхетство просило объ оставленіи у нихъ въ дѣйствіи Статута. Явленіе это совершенно понятно: Статутъ представляетъ исконное право южно-руссовъ; онъ составленъ подъ сильнымъ вліяніемъ обычая и заключаетъ въ себѣ много правилъ, имѣющихъ и въ наше время примѣненіе въ жизни, а пока законъ не порвалъ связи съ жизнью, имъ дорожатъ, его защищаютъ, отстаиваютъ.

Это случилось и со Статутомъ, нисколько не напоминающимъ Саксонскаго права, заимствованнаго у насъ путемъ рецепціи и исчезнувшаго, можно сказать, само собою.

Окончивши исторію правительственныхъ мѣропріятій относительно малорусскаго законодательства, мы сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній относительно составленія Свода и приведемъ здѣсь одинъ интересный документъ, трактующій о „*правной копѣ*“, опредѣленной коммиссіантами въ 1 р. 20 к., вопреки дѣйствительности, цѣнившей копу грошей въ 50 к.

Въ началѣ статьи уже говорилось, какіе крупные недостатки въ малороссійскихъ правахъ вызвали коммиссію составленія Свода, но лучше всего эти недостатки изображены въ наказѣ черниговскаго шляхетства своему депутату [1]) и мы позволимъ себѣ привести главнѣйшія изъ нихъ вкратцѣ.

Во первыхъ, по справедливому замѣчанію черниг. шляхетства, Статутъ содержитъ постановленія, противныя самодержавной власти, и говоритъ о такой военной земской службѣ, которой ни государственная польза, ни выгоды жителей возобновить не позволяютъ; во вторыхъ, земскіе и гродскіе суды, установленные въ IV роздѣлѣ, противны существующему дѣленію малороссійскаго народа на классы, но особенно же, по словамъ либеральныхъ черниговцевъ, противно естественному праву неравномѣрное возмездіе за пролитіе шляхетской и простой крови. Въ третьихъ, продолжало шляхетство, на основаніи Статута трудно сообразить видъ существующаго въ Малороссіи правленія и раздѣленіе ея народа по состояніямъ; недостаточныя же денежныя

[1]) „Кіевская Старина“ 1888 г. приложеніе, стр. 11.

взысканія, изображенныя въ Статутѣ, ведутъ къ умноженію своевольства, неистовства и неправосудія. Далѣе, были указаны и другіе недостатки Статута, какъ то: трудность въ пониманіи, дающая возможность сыскать законъ на законъ; устарѣлость его постановленій, много разъ уже подвергавшихся въ Польшѣ пополненію и измѣненіямъ; масса указовъ, отъ верховной власти исходящихъ, въ дополненіе и отмѣну Статута; употребленіе на ряду съ Статутомъ и другихъ правъ христіанскихъ и пр. Словомъ, потребность въ новомъ кодексѣ малорусскаго права въ 1767 г. чувствовалась всѣми слишкомъ живо и настоятельно, но немногимъ развѣ менѣе она ощущалась и въ 1728 г. при изданіи указа о составленіи Свода.

Совершенный въ 1743 г. малороссійскими юристами кодексъ такъ или иначе но могъ бы удовлетворить эту давно назрѣвшую потребность, если бы онъ былъ аппробованъ и введенъ въ судахъ Малороссіи, но этого къ несчастью не случилось и еще долго въ Украинѣ царствовалъ большой хаосъ въ отправленіи правосудія. О немъ можно судить по слѣдующему документу, составляющему распоряженіе Румянцева-Задунайскаго, данное Малороссійской Коллегіи въ 1777 г. дек. 1.

„Для всѣхъ здешнихъ судебныхъ мѣстъ установленни законы, на которихъ они произвожденіе дѣлъ основивать и рѣшать должни; для городскихъ и земскихъ судовъ шляхетское право книга Статутъ, для магистратовъ относительно гражданскихъ дѣлъ магдебургское, а для полковыхъ канцелярій военній уставъ и артикули, но изъ доходящихъ ко мнѣ дѣлъ усматриваю я, что нерѣдко суды рѣшаютъ не въ силу тѣхъ законовъ, по которимъ они рѣшить должны, имѣя точніе на тѣ случаи артикули, напр. магистратъ рѣшитъ гражданское дѣло по Статуту, оставляя магдебургское право, а земскій судъ или гродскій основывается по какому либо дѣлу на магдебургскомъ, не слѣдуя статутовому, а изъ сего происходитъ не только въ дѣлахъ замѣшательство и затрудненіе, но и удаленіе отъ правосудія. Малороссійская Коллегія, яко главное правительство, по доходящимъ дѣламъ прилежно сего смотрѣть обвязанна и взыскивать за то безъ послабленія. а въ предосторожность дабы впредъ отнюдь

въ судахъ безпорядковъ не происходило благоволитъ Коллегія предписать всѣмъ судамъ и магистратамъ, чтобъ они дѣла рѣшили точно по своимъ законамъ, а въ необходимомъ развѣ въ томъ случаѣ можно взаимствовать отъ другихъ, когда въ своемъ законѣ нѣтъ приличнаго на какой случай артикула; касательно же вексельныхъ дѣлъ слѣдовать точности вексельнаго устава".

Конечно, Малороссійская Коллегія, получивъ отъ Румянцева приведенный указъ, не замедлила сообщить его всѣмъ подчиненнымъ судебнымъ мѣстамъ съ требованіемъ поступать согласно съ нимъ въ отправленіи правосудія, но подобными указами нельзя было замѣнить недостатка въ кодексѣ правъ, и вотъ въ 1781 году мы читаемъ снова тоже самое: Румянцевъ-Задунайскій сообщаетъ Малороссійской Коллегіи, что къ нему доходитъ очень много жалобъ отъ лицъ, обиженныхъ въ гвалтахъ, грабежахъ и насиліяхъ, которыя (жалобы) онъ отсылаетъ на разрѣшеніе и удовлетвореніе разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, но послѣднія настолько плохо удовлетворяютъ обиженныхъ, что они снова обращаются къ нему, но уже „съ пріумноженіемъ жалобъ на самыя присутственныя мѣста". Поэтому Румянцевъ-Задунайскій сдѣлалъ новое напоминаніе Коллегіи, дабы она подтвердила всѣмъ подчиненнымъ ей судамъ *„о неотложномъ и сходственномъ съ законами дѣлъ производствѣ и рѣшеніи"* и наблюдала за сохраненіемъ въ рѣшеніи дѣлъ предписаннаго порядка, срока и прочихъ сдѣланныхъ на то узаконеній. Въ послѣдующее время случаи подобныхъ напоминаній также не прекращались, они были въ 18-мъ и 19-мъ вѣкѣ, пока, наконецъ, 1843 г. не положилъ имъ желаннаго предѣла.

Мы думаемъ, что Сводъ, составленный въ „коммиссіи перевода и свода книгъ правныхъ", значительно могъ бы уменьшить господствовавшую въ правахъ неурядицу, потому что онъ, несмотря на многіе недостатки, заключалъ въ себѣ и несомнѣнныя достоинства, отмѣченныя уже г. Кистяковскимъ въ его очеркѣ коммиссіи. Не входя далѣе въ разборъ самаго Свода, мы упомянемъ здѣсь о такъ называемой „правной копѣ", положенной составителями Свода въ 1 р. 20 к., между тѣмъ какъ въ дѣйстви-

тельности копа грошей ходила въ 50 к. Вопросъ этотъ занимаетъ насъ потому, что въ бумагахъ, относящихся до сочиненія Свода, мы встрѣтили интересный докладъ кобижскаго сотника П. Симоновскаго [1]), поданный имъ въ Войск. Ген. Канцелярію въ 1759 г. съ цѣлью обратить вниманіе засѣдавшей въ то время коммиссіи разсмотрѣнія Свода на то, что „правная копа“ оцѣнена предшествующими коммиссіантами слишкомъ высоко и неправильно.

Мы знаемъ уже, что еще съ 1588 года денежныя взысканія, опредѣленныя въ Статутѣ за различныя преступленія, ни разу не подвергались новой переоцѣнкѣ, несмотря на обезцѣненіе денегъ и увеличившіяся цѣны предметовъ; такая переоцѣнка безъ сомнѣнія являлась дѣломъ первой необходимости и хотя не была пропущена малорусскими кодификаторами, но къ сожалѣнію удалась имъ очень плохо, ибо вмѣсто того, чтобы всѣ денежныя единицы, упоминаемыя въ Л. Статутѣ, перевести на современныя великорусскія, они сдѣлали это въ отношеніи одной только „копы грошей“, создавъ для нея миѳическій эквивалентъ въ 1 р. 20 к.; литовскій же „рубль грошей“ не былъ переведенъ на великорусскія деньги въ томъ отношеніи, какъ копа, но остался просто „рублемъ“, т. е. былъ сдѣланъ менѣе копы, между тѣмъ какъ по Лит. Статуту копа грошей содержала въ себѣ 60, а рубль 100 грошей. Перевернутыя вверхъ дномъ при такомъ измѣненіи денежныя оцѣнки предметовъ и уголовныхъ наказаній особенно непріятно поражали всѣхъ имѣвшихъ дѣло съ судами еще тѣмъ, что цѣна „правной копы грошей“ именно была выдуманная, миѳическая, ибо обыкновенная „копа грошей“ ходила всего въ 50 к.

Перечитывая рѣшенія черниговскихъ судебныхъ мѣстъ за 1762 г., мы нашли, что въ это время правная копа грошей хо-

---

[1]) Петръ Ив. Симоновскій, кобижскій сотникъ и авторъ исторіи Малороссіи, окончилъ полный курсъ ученья въ кіевской академіи, потомъ доучивался въ Варшавѣ, гдѣ, по словамъ митрополита Евгенія, и самъ былъ впослѣдствіи учителемъ. Малороссійскій генер. подскарбій В. А. Гудовичъ пригласилъ Симоновскаго въ званіи гофмейстера отправиться въ путешествіе съ его дѣтьми заграницу; Симоновскій выразилъ согласіе и заграницей слушалъ чтенія профессоровъ кенигсбергскаго, галльскаго и лейпцигскаго университетовъ, а также посѣтилъ Парижъ. (Изъ введенія къ исторіи Малороссіи П. Симоновскаго).

дила въ судахъ дѣйствительно въ 1 р. 20 коп., какъ объ этомъ сообщалъ еще въ 1759 г. П. Симоновскій, но уже въ 1763 г. копа грошей снова была приравнена 50 к., и совершилось это „по указу Пр. Сената отъ 10 дек. 1763 г. состоявшемуся и въ судъ гродскій черниговскій присланному переводомъ на русскій діалектъ *копа грошей полтина*". Мы не знаемъ, въ силу какихъ соображеній Пр. Сенатъ отмѣнилъ установившуюся оцѣнку копы грошей въ 1 р. 20 к., какъ не знаемъ и того, игралъ ли въ этомъ случаѣ какую нибудь роль докладъ кобижскаго сотника или нѣтъ, но съ 1764 года въ судебн. рѣшеніяхъ уже не встрѣчается особой „правной" копы, а есть одна обыкновенная копа грошей, цѣнимая въ полтину, т. е. въ половину рубля, между тѣмъ по Л. Статуту отношеніе между копой и рублемъ было нѣсколько иное—3: 5. П. Симоновскій въ поданномъ докладѣ въ Войск. Ген. Канцелярію старается доказать, что правная копа оцѣнена составителями Свода въ 1 р. 20 к. неправильно, и предлагаетъ свое „подлое мнѣніе", согласно коему она составляетъ всего 60 к. на великорусскія деньги. Мнѣніе Симоновскаго очень интересно тѣмъ, что въ немъ находятся данныя, указывающія, въ какомъ отношеніи обмѣнивались между собою денежныя единицы различныхъ государствъ, заходившія изъ нихъ и въ Малороссію чрезъ Литву и Польшу. Поэтому, мы помѣщаемъ здѣсь его докладъ въ подлинномъ видѣ, надѣясь, что лица, интересующіяся вопросомъ о деньгахъ, ходившихъ въ Малороссіи въ 18 в., найдутъ въ немъ немало интереснаго и полезнаго для уясненія этого крайне темнаго предмета [1]); къ тому же, добавимъ мы, содержаніе доклада обнаруживаетъ въ авторѣ его довольно видное образованіе, хорошее знакомство съ дѣломъ и даже нѣкоторую эрудицію ученаго.

И. Теличенко.

---

[1]) *Прим.* Для того, чтобы читатель могъ ориентироваться среди денежныхъ названій, встрѣчающихся въ докладѣ Симоновскаго, мы напомнимъ названія литовскихъ монетъ, встрѣчающихся въ Статутѣ, и ихъ отношеніе къ современнымъ деньгамъ. Въ Литовск. Статутѣ встрѣчаются слѣдующія наименованія монетъ: рубль, копа, грошъ, пенязь. Въ 1588 г. рубль=100 грошей, копа=60 гр., грошъ=10 пенязей. Рубль по изслѣдованію Чацкаго = 35-ти польскимъ злотымъ и $21^{24}/_{50}$ грошамъ или 5 р. 36 к. на наши деньги; копа литовская=21 польскимъ злотымъ и

Приложеніе.

ДОКЛАДЪ.

Правная копа часто поминаемая въ Статутѣ была и нынѣ есть всегда ниже рубля посему что:

I. Въ Роздѣлѣ 10-мъ, артик. 2-мъ между протчею диких звѣрей оцѣнкою положено за вепра т. е. дикого кабана цену рубль грошей, за сарну же или дикую козу копа грошей; но кто не вѣдаетъ, что, какъ нынѣ, такъ и прежде сего здѣсь такъ и вездѣ по другимъ сторонамъ, дикая коза есть и была всегда дешевлѣе дикого кабана; а резонъ сему есть тотъ, чемъ кто чего труднѣе достаетъ, тѣмъ тое и дороже быть должно: сами охотники признать могуть, что вепра, яко сильнѣйшаго звѣря, съ большою достаютъ трудностію, нежели дикую козу: посему слѣдуетъ, что вепръ есть дороже кози, итакъ положенная въ правѣ за него цена рубль, большая отъ копи.

II. Въ Розд. 13-мъ, арт. 12-мъ за домового пса положена цена три копи грошей, за годящихся къ охотѣ собакъ какъ то обсочнаго (?) и бобрового и протчіихъ по три рубли, всѣмъ же извѣстно, охотничіе пси суть дороже отъ надворныхъ: слѣдовательно и здѣсь разумѣется рубль большій отъ копи.

III. Въ Розд. 12-мъ, арт. 3-мъ поголовщина простого стану людямъ положена подлежащимъ порядкомъ, между тѣмъ бортникови, яко промышленному человѣку, 40 копъ грошей, а тяглому человѣку уже ниже сорока копъ только 25 копъ грошей. Такъ же и навязка имъ обоимъ по тому жъ порядку съ прочіими: бортникови респектомъ поголовщины 2 рубли, а тяглому человѣку уже 2 копи.

И такъ, естьлибы рубль не вышше отъ копи считалъся, то бы никогда тяглому человѣку, которому поголовщина почти удвое меньшая отъ бортника положена, неполагано вышшой навязки отъ борт-

---

$12^{48}/_{60}$ грош. или 3 р. $22^{5}/_{7}$ к. Въ литовскомъ грошѣ приходилось по $5^{2}/_{5}$ к. сер По присоединеніи Малороссіи, когда прежняя монета стала замѣняться московской, вошло въ жизненную и судебную практику считать копу грошей въ полтину; такъ было до работы „правной коммиссіи", по предложенію которой „правная" копа, т. е упоминаемая въ кодексѣ правъ, стала цѣниться въ 1 р. 20 к. Такъ шло дѣло до 1763 г.; съ этого года до 1825 г. она снова ходила въ 50 к., когда наконецъ мнѣніемъ Госуд. Совѣта было постановлено копу литовскихъ грошей считать въ 1 р 20 коп. (Историческій очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи. А. Ханенка).

никовъ, ибо какая препорція быть можетъ кому поголовщина отъ другого менша тому навязка больша! Съ чего кажется лутчему доказательству, что копа есть всегда ниже рубля быть не можно?

Что же по всѣмъ Малой Россіи судамъ правная копа считается болѣе рубля, то оное вычислено чаятельно послѣдовало съ того что грошъ положенный въ Статутѣ считается въ двѣ копейки, и такъ втѣхъ шесть десятъ грошей по Розд. 4-му, арт. 22 полагаютъ въ едну копу по примѣру шести десяти сноповъ считающихся въ копу всякаго хлѣба.

А понеже съ вышеписанныхъ обстоятельствъ и при томъ резоновъ слѣдуетъ, что правная копа должна быть всегда менше рубля, такъ и грошъ не 2 копейки, но менѣе, что съ нижеслѣдующаго ясно усмотрѣть можно. По всѣмъ государствамъ разные суть гроши, какъ то [минуя объ Россіи далшіе] въ Саксоніи и Пруссіи называеміе добріе гроши сребранои монети: тѣ на нашу Россійскую монету считаються по алтину без мѣлочного чево, въ таляри же курантъ или твардій считаютъ ихъ 24. Въ Австріи, Богеміи, Венгріи и Шлезіи уже меншій грошъ, называемій индѣ ческій, а индѣ *тураку*, сіи на нашу монету считаются по пяти денегъ, а въ рейхсъ таляръ идетъ их 30.

Сихъ же имѣеться еще сребранная половинная монета ходячая въ Польщѣ, а паче по пограничью отъ Венгріи, подобная древнимъ полскимъ чехамъ, которая индѣ называется *полтура*, а индѣ хотя и рѣдко грошикъ на якомъ надписъ таковъ: Grossus magni ducatus Litwaniae, т. е. грошъ великаго княжества Литовскаго, якая не инако считается нынѣ какъ четвертая часть шостака бытого полского [въ которомъ числиться полскихъ грошей якіе съ трохъ шеляговъ состоятъ тринадцять], а нашихъ 5 копѣекъ; итакъ тѣхъ малыхъ грошиковъ или полческихъ въ рейхсъ таляръ зачислеться 60, съ которыхъ или подобныхъ симъ и правная копа надежно состоять должна за силу Розд. 4-го, Арт. 22. Равнымъ образомъ когда вышпомянутаго ческого взять половинную часть на россійскую монету будетъ одна копѣйка съ четью сію розбивъ на шесть десятъ разъ выйдетъ сумма сѣмь десятъ пять копѣекъ з якихъ и оній иностранный таляръ, какъ всѣмъ бываемымъ въ тѣхъ сторонахъ извѣстно состоить. Ежелижъ на семъ увѣриться за чемъ не можно будетъ, то въ лутчое того доказательство представляються извѣстныя всѣмъ *тинфи*, которые съ 3 польскихъ шостаковъ, а съ нашихъ 15-ти копѣекъ состоятъ, оныхъ въ рейхсъ таляръ числиться 5, то—есть ли тѣ 15 коп. размножить чрезъ 5 выходить сумма 75 коп., с которых дѣйствительно по примѣру таляровъ, имѣючихся по всѣхъ почти европейских государствахъ и оная Литовская положенная въ Статутѣ копа

состоять должна. Съ сих доказательствъ слѣдуетъ, что какъ копа не 1 р. 20 коп., но толко 75 к., такъ и статутовый грошъ не 2 коп., но копѣйка с четью зачитаться должны. А что копа 75 к. и неотмѣнно быть должна доказуетъ намъ государственное блаженнія и вѣчно достойныя памяти Гдря Царя и великого князя Алексѣя Михайловича Уложенье, которое во многихъ статьяхъ зъ статутовыми сходственно правами, яко оное по повелѣнію Его Величества справливанно съ старинными россійскими судебниками, якіе надежно отъ Литвы, яко первѣйшаго пограничного христіанскаго государства взяти были! Тамъ въ главѣ 10-й, статьи 217, 218, 219 совсѣмъ почти съ артикулами 12, 13 и 14 Розд. 10-го сходственны, ибо какъ въ Уложеньи 217 статьи такъ и въ Статутѣ 12 арт. при концѣ положенна цена между протчіимъ тетервиной сѣтѣ 3 рубли, а куропатиной единъ рубль.

Въ 13 арт. пункта „2“ напечатано такъ есть ли кто нарочно бортное съ пчелами дерево спортитъ платить долженъ 3 рубли, а безъ пчолъ, в которомъ толко деревѣ напередъ того пчолы были, 2 копи; въ Уложеньи въ ст. 218 противъ сих двохъ копъ положено $1^1/_2$ рубля, якіе виходять зъ взятой дважды суммы 75-ти копѣекъ [75×2 fit 150].

Тамъ же при самомъ конци за дерево на борть вырубленное, гдѣ еще небыли пчоли положенно копа грошей, въ Уложеньи въ той же ст. 218 25 алтинъ, т. е. 75 коп. За всякой кремъ невыдѣланной сколько их кто ни спортитъ по полъ копи грошей, въ Уложеніи тамъ же по 12 алтинъ и 3 деньги, т. е. $37^1/_2$ коп.

Зъ сихъ 12-ти алтинъ и 3-хъ денегъ или $37^1/_2$ коп. ясно (есть) и явно есть, что сія статья въ точность зъ Статута переведена и по тогдашнему употребленію литовской полкопи россійскою монетою считались $37^1/_2$ коп.

Въ 14-мъ арт. за видерте пчолей безъ порчи бортей платится тожъ 2 копи грошей, а по ст. 219-ой против того положено 2 рубля и прочая.

Сверхъ же всего всякъ кто толко прилѣжно на полскомъ язикѣ читаетъ статутъ легко разсудить можетъ, что когда литовскій грошъ считать за россійскіе 2 коп., то какова дешевизна быть можетъ, когда за одну курицу по Розд. 13-му, арт. 7 платить 4 копѣйки, а за индѣйскую 40 коп., что и в малой Россіи рѣдко гдѣ такою великою цѣною покупается развѣ въ единое военное время, в Литвѣ же и во всей Польщѣ надежно и нынѣ кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ войска стоять дешевле купить можно, какъ то и самимъ мною за восемь лѣтъ доволно дознано было, буди жъ оніе кури за силу того же роздѣла артикулѣ 4-мъ при концѣ, доведеться кому уплачивать

съ навязкою деньгами, то домовая курица 8, а индейская 80 коп. стоять будетъ посему каковое в животныхъ сходство а въ ценѣ справедливость быть имѣетъ, когда навпротивъ того цена по 5 арт. того жъ роздѣлу рабочимъ доморослимъ конямъ положено весьма малая, такожъ и въ артик. 11 цена одежи и другимъ въ домѣхъ дѣланнымъ вещамъ въ инихъ противъ нинѣшней куплѣ а въ другихъ и дешевлѣе нежели теперь въ Россіи и Литвѣ достать можно, съ сего явно и ясно быть кажется, что въ Статутѣ какъ протчіе всѣ права кои въ чемъ с другими иностранных государствъ законами несогласни взглядомъ натури и обычаевъ тогдашняго народа учинена такъ и цѣна скоту, звѣру и птицамъ и другимъ вещамъ респектомъ тогдашней продажи и купли положени неотмѣнно.

Мнѣ кажется по моему о грошѣ разумѣнію довольная и безъ навязки за простую курицу цѣна 5 денегъ, а за индійскую 15 копеекъ, т. е. полскій тинфъ, за которого и нынѣ вездѣ индика купить можна, ибо въ тогдашное время не только в Литвѣ, но и въ самой нѣмецкой земли, гдѣ нынѣ чрезвычайная за умноженіемъ народа дорожнета, а паче до 30-ти лѣтной войни, которая съ 1620 года начата продолжалась ажъ до 650 г., какъ из Гисторіи видно и росказовъ старих и учителных иноземцовъ слишно, за крайцер или по крайней мѣрѣ за 2 кр. [что на россійской монетѣ копейка съ 3-ма четмы] купить едну курицу можна было.

Что же къ нашему Малорос. принадлежитъ таляру кой съ 60 коп. стоитъ, то онъ по подлому моему мнѣнію не откуда инуда въ нашъ внійшолъ народъ какъ толко з Австріи, Богеміи и Шлезіи гдѣ въ рейхсъ таляръ какъ выше показано числитця 30 тамошних грошей, а и в Россіи не иное что грошъ какъ 2 коп. и такихъ россійских грошей въ малорос. таляръ входитъ 30 же.

Каковъ таляръ и копою называть можно, потому что въ немъ шестьдесятое находится число, без котораго копа по нонѣшнему употребленію никогда быть не можетъ, хотя она по свойству своему не только къ денгамъ, но и ко всѣмъ вещамъ и не въ шестьдесятомъ числѣ [било бъ толко то все вкупе без ущербу] принадлежитъ.

Въ Саксонѣи разная овощъ продаетца на манделъ и шокъ т. е. по 15 и по 60, которое последное слово шокъ на русскомъ языки значится копа сѣна или хлѣба и прочая.

Предъ симъ за нѣсколько лѣтъ в Малой Россіи полскіи битіи шостаки считались только по 4 коп. [почему и нынѣ простой народъ называетъ 4 коп. шостакомъ] слѣдовательно и тинфъ былъ въ 12 копейках, итакъ когда 5 тинфовъ считавшихся въ иностранний таляръ размножить 12 разъ [12×5 fit 60] видеть сумма 60 коп. что

кажется сходственнѣе по заобиклости простого народа копою нежели симъ иностраннымъ словомъ таляръ называть должно.

А что простій народъ россійскую полтину называетъ нинѣ копою, то таковое называніе можетъ статься послѣдовало съ сихъ двохъ резоновъ: 1) или что россійскій рубль въ давности считаться могль за 40 алтинъ какъ то и нинѣ бытіе полскіе таляри в случай нужди взимаются по сороку алтинъ, или 2) что другой цѣлой сребраной монети состоячой съ 60 коп., которая бы простому народу за копу служить могла нетъ въ употребленіи, кромѣ настоящой сребраной полтины.

Если же соблаговолено будетъ наблюдать и древность въ которую настоящіе полскіе чехи [кои с трехъ лядскихъ, т. е. девяти шеляговъ состоять] считались только за одну копейку такожъ и и дѣйствительніе литовскіе гроши [кои по незнанію взимались здѣсь отъ простого народу толко за осмакъ т. е. три полушки] за одну копейку итить долженствовали, то вправную копу по Розд. 4, арт. 22 нейнако какъ 60 коп. считать должно, однакъ какъ все выше писанное такъ и сіе на волѣ и благоусмотрѣніи Войсковой Генеральной Канцеляріи остается.

Сотникъ Кобижскій *Петр Симоновскій.*

АВРАМЪ ЕЗОФОВИЧЪ РЕБИЧКОВИЧЪ,

ПОДСКАРБІЙ ЗЕМСКІЙ, ЧЛЕНЪ РАДЫ ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО.

(*Продолженіе* [1]).

II.

Біографія Аврама Езофовича на основаніи документовъ Метрики Литовской.—Рабей или Рабчикъ, отецъ Аврама Езофовича и Симха—дядя Аврама.—Занятія Рабея и Симхи въ Кіевѣ, Луцкѣ и Брестѣ.—Сыновья Рабея—Первое появленіе Аврама Езофовича въ актовыхъ книгахъ Метрики Литовской.—Значеніе присловья „жидъ" въ началѣ XVI в.—Аврамъ Езофовичъ—христіанинъ.—Примѣры перехода евреевъ въ православіе въ XVI в.—Кіевская область въ концѣ XV ст. и вырабатываемые ею типы.—Служебное положеніе Аврама Езофовича въ царствованіе короля Казиміра.—Аврамъ Езофовичъ—городничій ковенскій.—Существенныя черты должности городничаго: его обязанности, какъ строителя крѣпости, финансоваго чиновника и коменданта.—Спеціальныя требованія отъ ковенскаго городничаго въ концѣ XIV в.—Аврамъ Езофовичъ въ Смоленскѣ.—Защита имъ пограничныхъ крѣпостей отъ нападенія войскъ вел. князя московскаго.—Аврамъ Езофовичъ—войтъ минскій.—Управленіе Аврама Езофовича таможенными откупами.—Аврамъ Езофовичъ становится старостою смоленскимъ.—Характерныя черты этой должности въ Смоленскѣ.—Возведеніе Аврама Езофовича въ шляхетское званіе и пожалованіе ему помѣстья Войдуны.—Политическое положеніе Литвы въ концѣ XV в.—Уступки в. князей вотчинникамъ подъ вліяніемъ финансовыхъ затрудненій.—Военныя нужды государства.—Вступленіе новыхъ людей въ ряды литовской аристократіи.—Пожалованіе Авраму Езофовичу Волутиной горы и хутора Шейничи.—Размѣры этихъ пожалованій примѣнительно къ помѣстной единицѣ того времени, т. е. „службѣ".—„Служба панцырная" и „служба тяглая".—Размѣры поземельнаго имущества Аврама Езофовича въ концѣ царствованія Александра Ягеллона.

Прежде чѣмъ приступить къ біографіи самого Аврама Езофовича, постараемся установить его происхожденіе.

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.", сентябрь.

Въ числѣ откупщиковъ таможенныхъ доходовъ при королѣ Казимірѣ Ягеллонѣ мы встрѣчаемъ подъ 1486—87 г. *мытника кіевскаго Рабчика*. Вмѣстѣ съ братомъ и товарищемъ своимъ Симхою онъ получаетъ съ ключа (изъ доходовъ, собираемыхъ в. княжескимъ чиновникомъ—ключникомъ) 10 колодъ (ульевъ, кадей) прѣснаго меду [1]). До разоренія Кіева татарами въ 1482 г. Рабчикъ съ Симхою завѣдывали сборомъ пошлинъ на таможняхъ кіевской, вышегородской и житомирской [2]). Въ 1486 г. іюля 27 въ товариществѣ съ трокскими евреями Симха и Рабей или Рабчикъ берутъ на откупъ таможенныя пошлины и питейный откупъ въ Путивлѣ.

Разореніе Кіева потрясло на нѣкоторое время состояніе Рабея, такъ какъ онъ вмѣсто аренды первоклассной таможни, какою была кіевская, довольствуется небольшою таможенною заставой, да и ту получаетъ въ погашеніе стараго королевскаго долга въ 600 к. гр. [3]), какъ это видно изъ того обстоятельства, что старый товарищъ Симхи и Рабея—Огронъ, не принявшій участія въ этомъ откупѣ, получилъ отъ короля Казиміра особое обязательство на 260 копъ и 80 гр. Въ 1488 г. октября 29 мы видимъ Рабея вмѣстѣ съ племянникомъ своимъ Нисаномъ получающими *съ ключа Луцкаго* колоду меду прѣснаго, а іюня 2—телѣгу соли съ волами съ мыта *Луцкаго*. Въ слѣдующемъ году, іюля 2, Рабей снова получаетъ 2 колоды меду *въ Луцкѣ*. При всѣхъ этихъ дачахъ Рабей называется „старымъ мытникомъ кіевскимъ“, такъ что сомнѣнію въ тожествѣ Рабея и Рабчика не можетъ быть мѣста.

Мая 20-го 1489 г. король Казимиръ свелъ счеты со своими откупщиками кіевскими и путивльскими за три года.

Откупная сумма за это время простиралась до 3,950 к. гр., да сверхъ того по королевскимъ ассигновкамъ они выдали 324 к. гр.

Несмотря на то, что Рабей съ Нисаномъ взяли въ 1496 г. на откупъ только путивльскія пошлины и корчмы, а кіевскія

[1]) Документы и регесты къ исторіи лит. евреевъ, т. I, № 9.
[2]) Ibid. № 10.
[3]) Ibid. № 13.

отданы были другой компаніи, тѣмъ не менѣе въ 1489 г. мы видимъ снова во главѣ всего предпріятія Рабея.

Рабей и Симха были родными братьями, что видно изъ документа отъ 1489 г. мая 24-го, гдѣ сынъ Рабея Еско, „жидъ луцкій“, жалуется на сына Симхи Нисана „дядковича своего“ [1]).

Рабей съ братомъ послѣ татарскаго погрома 1482 г. мѣняютъ Кіевъ на Луцкъ [2]). Недолго однако Рабею жилось и въ Луцкѣ: въ 1494 г. мы видимъ его жителемъ Бреста, снова въ компаніи откупщиковъ таможенныхъ пошлинъ [3]).

Имѣлъ ли Рабей поземельную собственность, мы въ точности не знаемъ; у племянника же его Нисана было небольшое имѣніе на Волыни, въ Тополи, „дворецъ съ двема человѣки“, который въ 1496 г. марта 12 былъ пожалованъ въ вотчину волынскому земянину Михаилу Семашковичу [4]).

У Рабея были три извѣстные по актамъ сына: Есько [5]), (Акзахъ [6]), Изакъ [7]), Айзикъ [8]), Айзакъ [9]), Михель [10]) и Авраамъ [11]), впослѣдствіи подскарбій земскій в. к. литовскаго (государственный казначей).

Тождество Рабея съ Езофомъ, отцомъ Михеля, Еска и Аврама Езофовичей вытекаетъ изъ того обстоятельства, что акты называютъ Михеля Езофовича то Михелемъ Ребинковичемъ [12]), то Рябичковичъ [13]), а равнымъ образомъ и Есько называется Ре-

---

[1]) Док. и рег. № 23. „Жаловалсь намъ“ говоритъ король Казиміръ Ягеллонъ, „жидъ луцкій Есько Рабеевичъ на дядьковича своего, на Симшина сына, на Нисана“.

[2]) Ibid. id.

[3]) Ibidem. № 25. „Мыто Берестейское и Дорогицкое и Кгороденское и Бѣльское“ „проданы“ жидовѣ Берестейской: Говашу Ограновичу, а Игудѣ, а *Рабею* а *Нисану Имшичу*“.

[4]) Документы и регесты, т. I. № 32.

[5]) Ibid. № 23.

[6]) Ibid. № 69.

[7]) Ibid. № 67.

[8]) Ibid. № 72.

[9]) Ibid. № 71.

[10]) Что Михель и Айзакъ были братьями, сравни тамъ же № 69 и № 84, 111.

[11]) Авраамъ братъ Михеля и Айзика №№ 69, 96.

[12]) Ibid № 51.

[13]) Ibid. № 58.

беевичемъ [1]). Мы же видѣли раньше, что Рабей и Рабчикъ одно и то же лицо.

Изъ сыновей Рабея первымъ мы встрѣчаемъ въ актахъ Аврама.

Уже около 80-хъ годовъ XV ст. Аврамъ Езофовичъ становится самостоятельнымъ, ведетъ свои дѣла независимо отъ братьевъ [2]).

Ближайшею причиною этого отдѣленія было, по нашему мнѣнію, принятіе Аврамомъ Езофовичемъ христіанства.

Всѣ акты, говорящіе объ Аврамѣ Езофовичѣ (первый изъ нихъ относится къ 1488 г.), не сопровождаютъ его имени эпитетомъ „жидъ“. Между тѣмъ, если не всегда, то большею частію акты уже XV ст. не забываютъ приложить этотъ эпитетъ тамъ, гдѣ онъ имѣлъ реальное значеніе.

Замѣтимъ къ тому же, что слово „жидъ“ не только въ XV но и во все продолженіе XVI в. въ Литвѣ не имѣло какого либо пренебрежительнаго оттѣнка. Слово „жидъ“ обозначало просто принадлежность къ извѣстной этнографической группѣ и употреблялось наравнѣ и съ одинаковымъ смысломъ, какъ слова „татаринъ“, „москвичъ“, „турокъ“ и т. д. Мы видимъ, напр., въ актахъ начала XVI ст., что Янъ Яновичъ Заберезинскій, воевода новгородскій, державца марковскій и довкговскій, 4 января 1519 г. заявляетъ, что остался долженъ „*пану* Айзаку Езофовичу“ „жиду берестейскому“ извѣстную сумму денегъ, которую и обязывается отдать „*его милости*“ въ опредѣленный срокъ [3]). Такимъ обр. мы видимъ, что одинъ изъ членовъ Рады великаго князя, самъ „панъ, его милость“, придаетъ этотъ важный титулъ еврею, не задумываясь поставить оный рядомъ съ эпитетомъ „жидъ“.

Поэтому, если мы въ актахъ не встрѣчаемъ *ни разу* имени Аврама Езофовича съ эпитетомъ жидъ, то слѣдовательно, въ то время, къ которому относятся акты, Аврамъ Езофовичъ не принадлежалъ болѣе къ еврейскому вѣроисповѣданію.

[1]) Ср. выше № 23.

[2]) М. Л. Зап. IV, f. 74. „Авраму 3 рубли грошей з винъ въ п. Солтана, а 10 бочокъ ржи у Стрета, а 10 бочокъ ржи у Гринашка“ октября 28 индикта 7 (1488 г.).

[3]) Метр. Лит. „Судныхъ дѣлъ“ № VII, f. 200 и 211 (b); срав. также наше изслѣдованіе „Литовскіе евреи“ Спб., 1883 г.

Теперь далѣе.

Подъ 1511 г. мы встрѣчаемъ грамоту кіевскаго митрополита Іосифа *Солтана* объ отношеніяхъ между священниками виленскихъ церквей и виленскими мѣщанами[1]). Вопросы, разрѣшенные въ этой грамотѣ митрополитомъ Іосифомъ, касались весьма важныхъ сторонъ религіозной жизни *православнаго населенія* города Вильно. Грамота издана послѣ предварительнаго опроса различныхъ лицъ, главнымъ образомъ священниковъ различныхъ виленскихъ церквей, митрополичьихъ дворянъ и т. д. Такъ какъ вопросъ объ отношеніи клирошанъ въ церквахъ столичнаго города Литвы былъ для того времени весьма важнымъ, то естественно, что въ числѣ лицъ, присутствовавшихъ при разсмотрѣніи этого дѣла, мы встрѣчаемъ архимандрита троицкаго Изосиму, намѣстника митрополичьяго Іону, архимандрита лаврашовскаго Іону, и другихъ духовныхъ лицъ. Но такъ какъ дѣло, о которомъ шла рѣчь, не было только каноническимъ, а включало и свѣтскіе элементы, то на разбирательствѣ присутствовали и свѣтскія лица, значительные православные сановники, находившіеся тогда въ Вильно: объ этомъ митрополитъ выражается такъ: „А при томъ были *дѣти наши, панъ Аврамъ, подскарбій* великій земскій, и панъ Иванъ Кошка, окольничій смоленскій, и панъ Янко, городничій виленскій“. Если иногда при выдачѣ грамотъ по духовнымъ дѣламъ православнаго населенія Литвы мы и встрѣчаемъ не только католическихъ свѣтскихъ лицъ, но и бискуповъ, то подобное явленіе объясняется тѣмъ, что бискупы ex officio были членами Рады. Но никогда мы не встрѣчали, чтобы католическій епископъ называлъ православныхъ своими дѣтьми, или же наоборотъ. Поэтому мы утверждаемъ, что присутствіе Аврама Езофовича при выдачѣ митрополитомъ Іосифомъ Солтаномъ грамоты, а равно и названіе его со стороны митрополита сыномъ (духовнымъ, конечно), несомнѣнно свидѣтельствуютъ о принадлежности Аврама Езофовича къ православію.

Имѣя въ рукахъ этотъ фактъ, мы можемъ опредѣлить приблизительно и время перехода Аврама Езофовича въ христіанство.

---

[1]) Археографическій сборникъ, т. VI, № док. 4.

Несомнѣнные документы свидѣтельствуютъ намъ, какъ увидимъ ниже, о пребываніи Аврама Езофовича въ Литвѣ въ 1499 г., т. е. за 4 года до возвращенія королемъ Александромъ изгнанныхъ имъ евреевъ. Поэтому, Аврамъ Езофовичъ въ противность утвержденію г. Вольфа былъ христіаниномъ уже въ моментъ изгнанія евреевъ, т. е. въ 1495 г.

Въ другомъ мѣстѣ намъ, кажется, удалось доказать, что однимъ изъ главныхъ мотивовъ изгнанія евреевъ былъ ярый прозелитизмъ короля Александра: невозможно допустить, чтобы государь, принуждавшій *свою собственную жену* къ переходу изъ православія въ *католичество,* сталъ бы покровительствовать переходу изъ еврейства въ православіе.

Заслужить благосклонность в. князя переходомъ въ православіе едва ли было возможно, когда однимъ изъ мотивовъ для князей, *отъѣзжавшихъ* изъ Литвы въ Москву, было именно гоненіе на православіе. Еслибы, поэтому, Аврамъ Езофовичъ перешелъ въ христіанство изъ своекорыстныхъ цѣлей во время гоненія на евреевъ, то, очевидно, мы никогда бы его не увидѣли православнымъ.

Мы видимъ, правда, что подъ конецъ жизни онъ переходитъ въ католичество, но опять таки не изъ за какихъ либо корыстныхъ видовъ; переходитъ онъ уже будучи подскарбіемъ земскимъ, членомъ Рады, переходитъ при королѣ, чуждомъ религіознаго фанатизма, и въ то время, когда православная религія ни въ какомъ случаѣ не могла служить помѣхою для служебнаго положенія. Мало того, переходя самъ въ католичество, Аврамъ Езофовичъ оставляетъ своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей православными.

Если, такимъ образомъ, Аврамъ Езофовичъ былъ христіаниномъ еще до изгнанія евреевъ, то станетъ понятно, почему при его имени мы не встрѣчаемъ эпитета „жидъ“. Отъ современнаго намъ состоянія актовъ по исторіи Литвы трудно требовать большаго количества свидѣтельствъ и по болѣе важнымъ вопросамъ, чѣмъ принятіе христіанства тѣмъ или инымъ евреемъ, тѣмъ не менѣе мы можемъ привести для Волыни и Кіевской земли нѣсколько такихъ случаевъ. Такъ, въ 1502 г. мы видимъ

пана Ивана Корсаковича, владѣвшаго во владимірскомъ повѣтѣ двумя селами: предкомъ его былъ мытникъ володимірскій жидъ *Шань*, которому эти села были пожалованы великими князьями Витовтомъ и Швитригайломъ [1]). Точно также подъ 1513 г. мы видимъ, что игумену и старцамъ Пустыннаго монастыря подлѣ Кіева присуждено „селищо Борщовка... со всимъ съ тымъ, какъ предокъ ихъ Агронъ, жидъ, изстарины держалъ и послѣ его сынъ его, *будучи въ христіанствѣ, на имя Миколай*, держалъ". Пожалованіе же Пустынному монастырю этой земли послѣдовало при королѣ Александрѣ *после смерти Николая*.

Замѣтимъ, что и позже на Волыни и въ Кіевской землѣ встрѣчаются подобные же переходы евреевъ въ христіанство: такъ, напр., во второй половинѣ XVI в. *глава* луцкой караимской общины, весьма богатый человѣкъ, Батко Мисановичъ принимаетъ православіе [2]), а сынъ его остается евреемъ.

Что южные евреи, вѣроятно потомки древне русскихъ, гораздо легче переходили въ христіанство, мы видимъ изъ того обстоятельства, что въ числѣ евреевъ, принявшихъ христіанство изъ опасенія быть изгнанными изъ Литвы въ 1495 года, встрѣчаются три кіевскіе еврея: Ѳедоръ, зять его Петръ и Иванъ, новокрещенные [3]).

Въ концѣ XV ст. кіевская область въ полномъ смыслѣ слова была Украиною, порубежною страною, за которою начинались „дикія поля". Противу набѣговъ татаръ укрѣпленныя мѣста не всегда представляли достаточную защиту: самъ Кіевъ былъ взятъ татарами въ 1482 г. Между тѣмъ Кіевъ былъ твердынею въ сравненіи съ ничтожными крѣпостцами, какими въ то время были не только Житомиръ, Браславль, но даже Кременецъ, какъ мы видимъ изъ инвентаря 1480 г. *Весь городъ* Кременецъ

---

[1]) Акты З. Р., т. II.

[2]) Ср. наши Матеріалы для исторіи евреевъ въ Литвѣ и ю.-зап. Руси, помѣщенные въ Еврейской Библіотекѣ за 1878 г. Что Батко переходитъ въ *православіе*, мы предполагаемъ на основаніи его имени „*Семенъ*".

[3]) Что эти новокрещенцы были кіевскими евреями, мы заключаемъ изъ того, что Иванъ названъ бывшимъ мытникомъ путивльскимъ, а такими мы видимъ въ 1490 г. жидову кіевскую: Мероваха и Исраеля и жида слуцкаго (луцкаго?) Аврама. Также переходятъ и караимы: ср. „Лит. евреи" стр. 25, и „Док. и рег." № 37.

состоитъ изъ *30 дворовъ*, а старинная крѣпость вооружена всего 10 пушками и одною пищалью [1]). Между тѣмъ внѣ крѣпостныхъ стѣнъ было такъ мало безопасности, что населеніе держалось только у замковъ: „На селищахъ", говоритъ ревизія 1545 г., „не смѣютъ передъ татарами жити". Тѣмъ не менѣе богатство кіевской области, такъ краснорѣчиво описанное современниками, постоянно привлекало населеніе изъ Литвы, Червоной Руси, далекой Польши, Богеміи и даже Германіи. Поэтому то въ Кіевщинѣ и на Волыни, въ виду постоянныхъ опасностей, долженъ былъ выработаться особый типъ населенія. Высшая государственная власть далека, мѣстная—весьма часто въ отсутствіи, каждый поэтому не только въ „дикихъ поляхъ", но и въ городѣ въ замкѣ долженъ полагаться на свои собственныя силы. Такъ какъ эти условія были для всѣхъ одинаковы, то понятно, что на ряду съ безпокойною шляхтою, предпріимчивымъ и буйнымъ мѣщанствомъ и мѣстные евреи должны были сложиться по иному типу, чѣмъ въ Польшѣ.

И дѣйствительно, не только въ половинѣ XVI в., но и въ началѣ XVII, по отзывамъ современниковъ, „между Русскими, Волынскими, Подольскими евреями было много крѣпкихъ и неутомимыхъ молодцовъ, которые съ саблею на перевязи, лукомъ или ружьемъ за плечами охотно садились на коня и мужественно сражались, гдѣ имъ случится" [2]).

Характеръ Аврама Езофовича, вѣроятно, какъ разъ пришелся къ этимъ условіямъ, а потому мы и встрѣчаемъ его подъ 1488 г. въ спискѣ служебныхъ лицъ, получающихъ жалованіе изъ в. княжеской казны. Въ расходныхъ книгахъ короля Кази-

---

Любопытно, что случаи перехода евреевъ въ православіе встрѣчаются еще въ концѣ XVI в., такъ, напр., въ 1594 г., октября 18, Сигизмундъ III жалуетъ своему коморнику Георг. Лавданскому выморочное имущество по „sławetnym Janie, *medyku* miasta N. Wileńskiego, który się z Żydowskiey wiary na religią Russką był okrzcił. M. L. LXXVI, 529.

[1]) М. Л. Записей № 4, f. 107 (b). Къ этому вооруженію слѣдуетъ впрочемъ прибавить 7 крѣпостныхъ ружей, 3 фуклера и 4 пороховницы. Для всѣхъ этихъ огнестрѣльныхъ снарядовъ имѣлось пороху полбочки.

[2]) „Литовск. Евреи" стр. 412, изъ современной брошюры ненавистника евреевъ Мончинскаго. Брошюра эта появилась въ Краковѣ въ 1617 году.

міра Ягелона мы видимъ, что Аврамъ (Езофовичъ) получаетъ 10 бочекъ ржи у Стрета (городничаго ковенскаго), 10 бочекъ ржи у Гринашка Ходкевича (городничаго гродненскаго) и 3 рубля грошей изъ судебныхъ штрафовъ („винъ“) у п. Солтана.

Судя по мѣстностямъ, изъ которыхъ происходитъ выдача этихъ предметовъ, мы вправѣ заключить, что занятія Аврама имѣли мѣсто въ сѣверозападной части Литвы. По самимъ предметамъ выдачи мы заключаемъ, что получаемое имъ вознагражденіе составляетъ жалованіе, „юргельтъ“, по размѣрамъ жалованья мы полагаемъ, что Аврамъ Езофовичъ занималъ должность королевскаго дворянина или же „ключника“, такъ какъ подобнаго рода жалованье дворянамъ мы встрѣчаемъ еще въ началѣ XVI вѣка [1]). Т. обр. Аврамъ Езофовичъ живетъ самостоятельно въ то время, какъ его братья живутъ при отцѣ, такъ какъ самостоятельными мы встрѣчаемъ ихъ лишь въ началѣ XVI вѣка.

Въ подтвержденіе нашего предположенія о ранней самостоятельности Аврама Езофовича мы имѣемъ его собственное свидѣтельство. Въ 1512 г. Аврамъ Езофовичъ подтверждаетъ передъ королемъ показанія своихъ братьевъ, „восковничныхъ и соленичныхъ Берестейскихъ“, Михеля Рябичковича и брата его

---

[1]) Метр. Лит. „Записей“ № XV и XIII. Ср. также дачи короля Сигизмунда Августа выходцамъ изъ Москвы „Записей“ № XXXVII, 411, четыремъ лицамъ: 4 бочки жита, 8 солоду, 2 ячменю, гороху 2 бочки и т. д. f. 435 и пр.

Приведемъ еще для образца выдержку изъ расходныхъ книгъ кор. и в. князя Сигизмунда I отъ 1510 г., когда Аврамъ Езофовичъ былъ самъ уже подскарбіемъ.

„Пріѣхали до короля *дворяне* тыи, кот. именей не маютъ, м. октября 28 д. индиктъ 14 (1510 г.) Тиша Радогощанинъ, лежанье въ тивуна виленскаго, стирта сѣна, *10 бочекъ жита*, *10 бочекъ овса*, *37 винъ 3 рубли*, (съ) скарбу 8 коней з мытъ“ и цѣлый рядъ дворянъ, получающихъ такое же точно жалованье.

Мы видимъ, правда, что жалованье это нѣсколько выше того, что получалъ Аврамъ Езофовичъ: прибавлена стирта сѣна и 8 коней грошей, но не слѣдуетъ забывать, что между 1488 и 1510 г., къ которымъ относятся приводимые документы, лежатъ почти 25 лѣтъ, и что начало XVI в. соотвѣтствуетъ какъ разъ времени постепенно усиливающагося паденія цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ.

Нельзя не отмѣтить любопытной черты консерватизма литовской административной практики: не только главныя дачи хлѣбомъ и размѣръ денежнаго вознагражденія остаются тѣми же, но сверхъ того самый разсчетъ ведется на рубли, между тѣмъ какъ въ иныхъ дачахъ мы видимъ уже замѣну этого счета (русскаго) на копы (польскій счетъ).

Айзака Рябичковича „штожъ они *зъ молодыхъ лѣтъ* посполу торгуютъ и товаръ не раздѣленъ межи собою мають. Во всемъ ихъ товарѣ какова *дѣльница* Михелю, такова его брату Айзаку“.— Въ 1488 г. городничимъ въ Ковно былъ Васько [1]) вѣроятнымъ его преемникомъ былъ Аврамъ Езофовичъ, т. какъ въ 1494 г. мы встрѣчаемъ его уже въ качествѣ ковенскаго городничаго. „Мая 6, индикта 13 (т. е. 1495 г.), говорится въ актахъ [2]), *Занько, дьякъ*, дѣлалъ личбу (съ) спижового ковенскаго у Вильни. Положилъ 200 и 90 и $1^1/_2$ копъ и 16 грошей, а золотыхъ 100 и 40 и 1 золотый и корабельникъ.—Тому расходъ: 100 копъ далъ п. Андрею, подскарбію, а *Авраму* городничому 100 копъ и 40 копъ и 16 золотыхъ. А воску купилъ за 50 копъ безъ 3 копъ, три копы себѣ взялъ, на то листъ вказалъ.—А князю великому далъ 100 золотыхъ и 20 и 6 золотыхъ и корабельникъ (талеръ)“.

Вслѣдъ за дьякомъ Занькомъ, того же дня, *Авраме*, городничій ковенскій, представлялъ счеты („дѣлалъ личбу“) въ Вильно. *Въ приходѣ* показалъ 48 к. и 18 грошей, что съ полученными отъ Занька (дьяка) $145^1/_2$ копами, составило $193^1/_2$ к. Въ расходѣ же оказалось: за пріобрѣтеніе 4 штукъ (воску) 150 копъ и дано пану Станьку 20 копъ.—Спижоваго сбора Аврамъ показалъ 47 копъ: изъ нихъ еврею Зубу далъ 18 камней (13 пуд. 4 ф.) нетопленнаго воску, и соли пріобрѣлъ 130 бочекъ, а сверхъ того воску пропущено безпошлинно черезъ ковенскую таможню 125 штукъ (4,630 пудовъ). Пошлинъ съ товаровъ на ковенской таможнѣ Аврамъ представилъ $62^1/_2$ копы и 10 гр. Изъ собранныхъ имъ денегъ израсходовано 89 копъ, соли же 65 бочекъ.

Въ чемъ же состояла должность городничаго?

Хотя въ современныхъ актахъ она встрѣчается нерѣдко, однако *точное* опредѣленіе ея довольно затруднительно. Тѣмъ не менѣе, на основаніи имѣющихся у насъ матеріаловъ, попытаемся сдѣлать характеристику этой должности. Мы считаемъ необходимымъ остановиться на опредѣленіи должности городничаго: во 1), для того, чтобы уяснить, на сколько основательны

[1]) Метр. Лѣт. кн. „Записей“ № IV, f. 67... Котюжѣ 2 дякла ржи въ городничого ковенского Васька...

[2]) Ibid. Зап. VI, f. 65.

предположенія г. Вольфа, что Аврамъ Езофовичъ явился въ Вильну потому, что, будучи евреемъ, долженъ былъ покинуть Литву вмѣстѣ со своими изгоняемыми единовѣрцами; во 2), для полученія новаго подкрѣпленія нашему утвержденію, что прежде занятія должности городничаго Аврамъ Езофовичъ долженъ былъ пройти продолжительный служебный искусъ; наконецъ, въ 3), для уясненія вопроса о томъ, насколько деньги, и только одни деньги, играли роль въ дальнѣйшей служебной карьерѣ Аврама Езофовича.

Начнемъ съ того, что обязанности городничаго были тѣсно связаны съ возведеніемъ новыхъ, поддержаніемъ старыхъ замковъ, „городовъ“, а равно и заботою какъ о боевой годности оныхъ, такъ и безопасности ихъ въ мирное время. Поэтому, въ XV еще вѣкѣ мы видимъ, что должность эта замѣщается по личному усмотрѣнію в. князя и большею частію соединяется съ должностію намѣстника или же старосты в. князя; т. напр., замокъ Мозырь былъ выстроенъ при Казимірѣ Ягеллонѣ нѣкіимъ Михаиломъ Гагинымъ, который былъ назначенъ въ Мозырь вмѣстѣ старостою и *городничимъ*. Точно также Казиміръ Ягеллонъ по просьбѣ полочанъ соединяетъ должность полоцкаго намѣстника съ должностью городничаго, „какъ было издавна“ [1]). Должность городничаго была изстаринною въ Литовской Руси и среди мѣстныхъ в. княжескихъ чиновниковъ городничимъ принадлежало первенствующее положеніе, какъ въ этомъ нетрудно убѣдиться изъ любой грамоты на отдачу въ залогъ любаго изъ в. княжескихъ имѣній. Т., напр., въ 1518 г. король Сигизмундъ, дозволяя воеводѣ новгородскому Яну Заберезинскому выкупить в. княжескій дворъ Меречъ у наслѣдниковъ С. Г. Остиковича, обезпечиваетъ Заберезинскаго въ томъ, что воевода троцкій не будетъ всылать въ мерецкую волость дѣцкихъ (судебныхъ приставовъ), а также „*врадники* наши троцкіе: *городничій*, *лѣсничій*, *тивунъ*, *конюшій*, *ключникъ* и *подключій* не мають въ ту волость въѣждчати и слугъ своихъ всылати, и доходовъ нашихъ и своихъ никоторыхъ не мають правити“ [2]). Такъ какъ каждая изъ этихъ должностей,

[1]) Ак. З. Р. т. I, № 64, отъ 1460 г.

[2]) М. Л. к. „Записей“ № X, f. 29. Ср. также № XI, f. 84, гдѣ сверхъ названныхъ урядниковъ, т. е. чиновниковъ, упомянутъ „Свиренчый“ виленскій.

пріурочена была къ осуществленію извѣстныхъ мѣстныхъ цѣлей и такъ какъ вознагражденіе за службу отчасти лишь получалось изъ казны, а главнымъ образомъ слагалось изъ пошлинъ за совершеніе отдѣльныхъ актовъ, т. е. сбора той или иной подати, дозволенія рубить лѣсъ и т. д., то всякая должность пріобрѣталась у короля за извѣстное „челобитье“.

Поэтому короли всячески стараются сохранить раздачу этихъ должностей за собою, магнаты же и сами должностныя лица слить эти должности въ возможно большемъ размѣрѣ. Такъ мы видимъ, что въ 1509 г. по челобитью воеводы новгородскаго Я. Я. Заберезинскаго „в. князь и тыи врядцы: городничое и конюшое новгородское ему къ воеводству далъ [1])“. Въ Луцкѣ должность городничаго соединялась въ XVI в. съ должностью ключника [2]).

Тамъ, гдѣ не было городничихъ изстари, напр., во вновь построенныхъ замкахъ, мы видимъ, что старосты или державцы, назначаютъ городничихъ отъ себя [3]).

На этой должности встрѣчаются самыя разнообразныя личности: въ концѣ XV в. мы видимъ, напр., въ Слонимѣ городничимъ Солтана [4]), впослѣдствіи подскарбія земскаго; въ Ковнѣ—Богуша Боговитиновича [5]), впослѣдствіи также подскарбія земскаго; п. Иванъ Горностай, также подскарбій земскій, служитъ въ 1486 г. ключникомъ кіевскимъ [6]). Т. обр. должность город-

---

[1]) М. Л. „Записей“, № VIII, f. 339, Петроковъ, февраля 30 (sic), индикта 13 (1509 г.).

[2]) Ib. Суд. Дѣлъ № VII f. 122, ключникъ и городничій и мостовничій луцк. п. Дохно.

[3]) Васильевичъ 1535 г. Симеону митрополиту.

[4]) М. Л. Зп., № IV f. 11, (b). „Стирта жита въ п. Солтана (1486 г.). f. 1. „Пятнадцать коп грш. съ *корчомъ* слонимскихъ въ п. Солтана“.—Выдача зерна, сѣна и сборъ акциза съ питей составлялъ, какъ увидимъ, обязанность городничаго.

[5]) Ibid, Записей № VIII f. 371, въ 1507 году мы видимъ Б. Боговитиновича городничимъ троцкимъ. Должность эта ему пожалована еще королемъ Александромъ, а въ 1509 онъ уступаетъ ее кор. Сигизмунду взамѣнъ пожизненнаго владѣнія имѣніемъ Довкги; онъ отказывается отъ всякихъ претензій на полученіе 100 коп гр. „широкихъ“ и 100 золотыхъ, занятыхъ имъ королю Александру взамѣнъ пожалованія должности троцкаго городничаго.

[6]) Ib. Зап. IV, f 19.

ничаго какъ бы подготовляла къ занятію высшихъ финансовыхъ должностей въ в. к. литовскомъ.

Замокъ называется въ Литовской Руси городомъ, (огороженное мѣсто), въ противуположность „мѣсту“, „подзамчью“, русскому „пригороду“. Большинство литовскихъ замковъ XVI в. были деревянными. Деревянная ограда возводилась обыкновенно изъ сосноваго лѣса, въ двѣ или даже три стѣны, промежутокъ между которыми заполнялся глиною. Съ внутренней стороны устраивался крытый ходъ („обланки“), съ котораго можно было бы сквозь отверстія въ стѣнѣ стрѣлять въ непріятеля. Съ наружной стороны стѣны покрывались толстымъ слоемъ глины [1]). Стѣны замка дѣлились на участки длиною въ 3, много 4 сажни. Такой участокъ назывался „городнею“, каждый замокъ складывался изъ большаго или меньшаго количества городней; такъ, напр., въ владимірскомъ замкѣ въ 1552 г. было 71 городня, въ Кіевѣ 133 и т. д. Такъ какъ мосты, ведущіе непосредственно въ замокъ, или же на дорогахъ къ нему были деревянными и строились на устояхъ, въ клѣтку, то и мосты дѣлились на городни. Такъ, напр., мостъ на Стырѣ въ Луцкѣ состоялъ изъ 167 городень.

Наблюденіе за постройкою и ремонтомъ городень и вообще за состояніемъ укрѣпленій замка составляло одну изъ главнѣйшихъ обязанностей городничаго [2]). Такъ, мы видимъ, что во Владимірѣ люди земянскіе всего владимірскаго повѣта обязаны были весною о св. Юрью вешнемъ показать городничему всѣ свои городни въ цѣлости и надлежащей исправности, каждое село свои городни особо. Городничему же принадлежало наблюденіе за исправностью мостовъ, гдѣ они находились въ связи съ замками, какъ это мы видимъ напр. въ Луцкѣ [3]). Городничіе, далѣе, завѣ-

[1]) М. Л. Переписей № VI, A. f. 28 (b); стѣны кіевскаго замка облѣплены глиною „ажъ до бланкованья, толсто на 2 пяди, а отъ земли толстѣй“,—1551 г.

[2]) Съ этимъ характеромъ мы встрѣчаемъ городничаго уже въ половинѣ XV в. Ср. грам. Каз. Ягел. отъ 1460 г. Акты Зап. Р. т. 1, № 64.

[3]) А. М. Л. Перп. № VI, A., f. 169. „Первая городня (моста) Муровицкая п. Григорія Ходкевича—ляха, зновъ робити треба. *Городничій* дей князя старосты тамошнего—Янко Боровичъ, взялъ коня *за то въ сесь годъ и не направилъ*“; f. 168. „Робота тыхъ мостовъ“ (передъ замкомъ) „робятъ мельники яко Господарскіе, такъ князскіи, панскіи, бискупіи и владычніи и земянскіи, гдѣ и хто колвекъ въ

дывали огнестрѣльнымъ оружіемъ и снарядами. Такъ, мы видимъ, что въ 1514 г.[1]) виленскій городничій Кучукъ отправляетъ въ г. Смоленскъ, Полоцкъ, Крычовъ ружейный и пушечный порохъ, селитру, свинецъ, орудія, снаряды и т. д.

Вмѣстѣ съ заботами о снабженіи замка военными запасами на обязанности городничихъ лежало и заготовленіе для замковъ съѣстныхъ припасовъ, какъ объ этомъ, мы напр., заключаемъ изъ посланія литовской Рады къ королю Сигизмунду I Старому, около 1520 г. Здѣсь говорится, что Рада в. князя находится въ затрудненіи относительно обезпеченія жизненными припасами пограничныхъ замковъ, потому что на вопросы, обращенные по этому поводу къ великокняжескимъ *городничимъ*, эти послѣдніе заявили, что у нихъ *нѣтъ ни ржи, ни овса* [2]). Сообразно этой обязанности правительства снабжать замки провіантомъ городничимъ предоставлено было съ королевскихъ дворовъ, причисленныхъ къ данному замку, полученіе такъ называемаго „дякла“ (annona ducalis), т. е. опредѣленной дани житомъ, овсомъ и сѣномъ съ тяглыхъ „службъ“ [3]).

Понятно отсюда, почему въ распоряженіяхъ короля Казиміра о выдачѣ разнымъ лицамъ жита, овса и сѣна лица эти направляются за полученіемъ пожалованнаго къ городничимъ.

миляхъ около замку млыны маеть, *яко ихъ Городничій обошлетъ винни прійти и робити* за своею стравою и кромъ всякое помочи“. Ср. также М. Л. „Запис.“ XV, f. 235. Отъ 1528 г., гдѣ распоряженія объ укрѣпленіи Кіева, Полоцка, Витебска оканчивается такою фразою: „А роботу городовую маютъ имъ (рабочимъ) росказовати *Городничіи тыхъ городовъ*“.

[1]) М. Л. „Записей“ № VII. „Приказаньемъ Господаря нашого, Короля Жикгимонта е. м. Я. Кучукъ, Городничій Виленскій далъ есьми пороху до Смоленска ручничого и гаковничого: Ручничого 60 каменей, а солетры 60 каменей безъ полкаменя“ и т. д. Пониже, индиктъ 2 (т. е. 1514 г.), нояб. 25. Изъ Кракова до Вильни пороховъ привезено (до) тарасницъ 15 бочокъ, до гаковницъ 12 бочокъ, до ручницъ 3 бочки и т. д. „Воеводѣ Смоленскому... на его городъ, на Дубравку далъ есьми 3 гаковницы, *въ мене* еще тыхъ гаковницъ остало 100 безъ одное“.

[2]) М. Л. Записей № VII, f. 410.

[3]) Акты З. Р. т. II, № 159. Уставная грамота объ управленіи великокняжескими дворами троцкаго и виленскаго повѣтовъ. § 9 .... *„жита наши данныи и овсы т. е. дякла* державцы наши *обы* суполно *до Городничого отдавали.* И ниже § 11.

На городничихъ же лежала обязанность сбора акциза, „корчомнымъ пенезей“ или, „капщизны“, понятно, тамъ, гдѣ существовала самая должность городничаго, слѣдовательно, во всѣхъ замкахъ. Такъ, по крайности, мы заключаемъ изъ цѣлаго ряда обращеній короля къ различнымъ городничимъ. Въ 1518 г., напримѣръ, 18 ноября, изъ Бреста король (в. князь), извѣщая объ отдачѣ въ пожизненное владѣніе Юрію Глѣбовичу двора Волковыско „исъ *пенязми корчомными* и зъ дяклы оржаными и овсяными и зъ сѣномъ подякольнымъ“ и т. д., предписываетъ гродненскому *городничему* „въ дякло, а дворянамъ, которые коли будутъ корчомные пенези правити“, не вступаться ни въ эти деньги, ни въ иные доходы [1]). Замѣтимъ здѣсь, пока, что королевскіе дворяне были посылаемы обыкновенно только для производства принудительныхъ взысканій [2]). Въ 1522 году, король Сигизмундъ предписываетъ городничему виленскому Ульриху Гозію и его преемникамъ не требовать „капщизны“ съ корчмы, которую имѣетъ въ своемъ домѣ бояринъ виленскаго повѣта Маркъ Лобковскій [3]). Это распоряженіе подтверждаетъ лишь старинную практику, такъ какъ подобное же предписаніе *городничему* виленскому Занку Ивановичу мы встрѣчаемъ подъ 1508 г. [4]).

На городничаго же возлагалась ближайшимъ образомъ забота о безопасности замка, а потому и надзоръ за стражею у замковыхъ воротъ и по стѣнамъ [5]). Изъ грамоты королевы Боны отъ 1548 г., въ которой подтверждаются старинныя обязанности бургграбія т. е. городничаго кременецкаго, мы видимъ, что на

---

[1]) Метр. Лит. Зап. XI, 25.—Ibid., XII, 78 (b). Мы видимъ слѣдующее исчисленіе мѣстныхъ должностей: „Уряды Городенскіе: Городничое, конюшое, ключництво, лѣсничое“, а пониже: вряды: Городничое, пенези корчомные, конюшое, ключництво“.

[2]) М. Л. Зап. VIII, 102 (1508 г.). П. Копоть Васильевичъ, *писарь* гродскій короля е. м., представилъ отчетъ передъ подскарбіемъ п. Иваномъ и передъ п. Ив. Сопегою... „зъ *недопомковъ* дани грошовое, медовое и бобровъ и съ куницъ“.

[3]) М. Л. книга Записей № XII, f. 33.

[4]) М. Л. Зап. № VIII, f. 233.

[5]) М. Л. кн. „Переп.“ № VI, f. 167 (b). Въ Луцкѣ „сторожи въ ночи у воротъ лежать зъ бронями, а въ день въ замку послугують старостѣ и подстаростѣ. А коли обмѣниваються даютъ *городничему* каждый изъ нихъ по грошу и куницѣ“.—И ниже, жалоба, что староста гонитъ по 6 человѣкъ на сторожу, „а городничій его беретъ на нихъ по грошу“.

городничемъ лежали слѣдующія обязанности: отдача приказаній о закрытіи въ опредѣленное время замковыхъ воротъ; охраненіе замка отъ пожара; наблюденіе, чтобы пушкари всегда ночевали въ замкѣ, а сторожа внимательно стерегли и кликали на замковыхъ стѣнахъ. Ему же принадлежитъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы всѣ арестованные и преступники содержались добропорядочно и подъ крѣпкою стражею. Въ отсутствіе же старосты на городничаго возлагаются и всѣ обязанности по завѣдыванію замкомъ [1]).

Въ виду всего сказаннаго, естественно, что должность городничаго принадлежала къ числу постоянно замѣщаемыхъ должностей въ каждомъ литовскомъ воеводствѣ и староствѣ, буде въ ономъ находился замокъ. Мы знаемъ городничихъ въ Вильно [2]), Трокахъ [3]), Ковно [4]), Гродно [5]), Кіевѣ, Луцкѣ, Витебскѣ [6]), Новгородкѣ, Кременцѣ, Минскѣ [7]), Каменцѣ [8]).

На основаніи приведенныхъ нами актовыхъ свидѣтельствъ мы вправѣ сдѣлать слѣдующее заключеніе о должности городничаго. Должность эта по преимуществу военная; приравнять ее на современные нравы можно всего скорѣе къ должности коменданта крѣпости. Сравненіе здѣсь будетъ, правда, только приблизительное, такъ какъ въ военное время обыкновенно замками и крѣпостями въ Литвѣ командовали сами воеводы, старосты, державцы, а городничіе были только ихъ помощниками. Съ другой стороны, въ мирное время о снабженіи замка всѣмъ нужнымъ заботились непосредственно городничіе, хотя прямая отвѣтственность передъ в. княземъ за исправное состояніе замка лежала на старостѣ или же на державцѣ [9]).

---

[1]) Метр. Лит., Записей № XXII, f. 28. „А въ небытности старостиномъ, ижбы вся опатрность замковая на нимъ (т. е. бургграбіи) лежала.

[2]) М. Л. Зап. IV, 53 (b).

[3]) Ibidem, idem.

[4]) Ibid. 67.

[5]) Ibidem, id.

[6]) Сапуновъ. Витебская старина, т. IV, стр. 55.

[7]) М. Л. Сд. Д. I, 71.

[8]) Ibid., f. 87 p., гдѣ городничій б. назначенъ державцею каменецкимъ кн. С. А. Чарторыйскимъ 1513 г.

[9]) Должность городничаго не безъизвѣстна и московскому государству. Ср. напр. Наказъ Іоанна Грознаго полоцкимъ боярамъ и воеводамъ отъ 1563 г., фев-

Сообразно такому значенію должности городничаго, а тѣмъ болѣе на границѣ государства [1]), въ одномъ изъ богатѣйшихъ городовъ в. княжества, должность эта не могла быть поручена первому встрѣчному, а лишь только лицу, доказавшему свое знакомство съ обязанностями городничаго, т. е. понимавшему какъ должно строить замки и содержать ихъ въ исправности, какъ содержать въ исправности орудія, снаряды, порохъ и т. д. Если принять, далѣе, во вниманіе буйный характеръ вообще литовской шляхты, и въ особенности пограничной, то очевидно, что обязанности городничаго по надзору за спокойствіемъ и безопасностью замковъ требовали достаточно энергіи и личнаго мужества. Не забудемъ также, что прошло только какихъ нибудь 25 лѣтъ со времени принесенія впервые в. магистромъ ордена ленной присяги польскому королю, что отношенія подданства были крайне непрочны, что въ 1495 и 1512—19 гг. дѣло чуть было не дошло до вооруженнаго столкновенія съ Пруссіей.

По всему этому на должность городничаго ковенскаго могъ быть назначенъ человѣкъ только испытанной вѣрности, осторожности и мужества.

Что касается вопроса, *былъ ли* однако назначенный на эту важную должность *ковенскій городничій Аврамъ Езофовичъ Ре-*

раля 26. Акты Историч., т. I, № 169. „*Городничимъ* Василью Головину и Василью Замытницкому ходити съ фонаремъ по ночамъ, перемѣняясь, по *всѣмъ старожемъ, и замыкать городъ* городничимъ... самимъ“... „А *нарядъ вельти пушки, пищали по всему городу и по остроги* и зелья (порохъ) и ядра вѣдати *городничимъ*. Пушкарей и воротниковъ вѣдати и управа давати городничимъ“. Ср. также А. П. Сапуновъ, „Витебская старина“, т IV, 1885 г. (стр. 55) видимъ, что городничій находился въ числѣ военныхъ должностныхъ лицъ.

„И къ Царю и В. К. Полотцкимъ Владыкою и Пол. Воеводою съ Довойномъ и съ Яномъ Глѣбовичемъ Иванъ Черемисиновъ пріѣхалъ, да съ нимъ же пріѣхалъ *городничій Полотцкій Быстрешской* и иные многіе *паны* Полотцкіе“.

[1]) Ковно въ началѣ XVI в. далеко еще не утратило значенія пограничной крѣпости. Въ этомъ мы убѣждаемся изъ того, что король Сигизмундъ назначилъ Васка Дашковича *городничимъ* ковенскимъ „для того, ижъ онъ Намъ подвезался *замокъ нашъ Ковенъ оправляти муромъ и деревомъ*“. Петроковъ, ян. 11, инд. 14.— Ср. также: Договоръ великаго магистра Прусскаго и магистра Ливонскаго орденовъ отъ 1507 г. въ виду грозящей имъ войны съ *Польшею* и Россіей.

бичковичъ евреемъ, какъ утверждаетъ г. Вольфъ, то въ виду всего сказаннаго и въ виду, наконецъ, спеціальной грамоты в. князя Александра [1]) отъ *1492 г.*, которою *воспрещено евреямъ жить въ Ковно*,—едва ли представляется надобность въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ.—Что Аврамъ Езофовичъ и не думалъ покидать Литвы со своими бывшими единовѣрцами, это очевидно изъ того, что 24 октября 1499 г. (индикта 3) въ Вильно п. Григорій (Хребтовичъ), маршалокъ дворный, и писарь в. князя п. Федько Григорьевичъ съ п. Федькомъ Янушкевичемъ принимали отчетъ („брали личбу“) у *мытника* смоленскаго *Аврама* и онъ, завѣдуя (самостоятельно) смоленскою таможнею въ теченіи 5 мѣсяцовъ [2]), представилъ 600 к. гр., т. е. ту сумму за которую были взяты на откупъ смоленскіе пошлины на 3 года, т. е. по 9 іюня 1496 г.

Мы не знаемъ навѣрное, соединилъ ли Аврамъ Езофовичъ съ завѣдываніемъ таможенными пошлинами въ Смоленскѣ еще и какую либо иную должность, какъ ранѣе въ Ковно должность городничаго, но что это болѣе чѣмъ вѣроятно видно изъ того обстоятельства, что въ слѣдующемъ 1500 году [3]) онъ защищаетъ пограничные литовскіе замки, подтверждая на восточной границѣ государства, что предъидущая его служба прошла не въ собираніи только податей и пошлинъ, что сабля была ему также по рукѣ, какъ чернило и счеты. Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ жалованной грамотѣ самъ король Александръ, объявляя во всеуслышаніе, что во время нашествія непріятельскаго на пограничные замки и города литовскіе Аврамъ Езофовичъ неуклонно служилъ в. князю, не щадя ни своей жизни, ни крови [4]).

---

[1]) *Balinski*, Starożytna Polska, т. III, стр. 407.

[2]) М. Лит. Зап. № 6, f. 536. „И онъ не державши ни полугода отъ св. Петра на личбѣ положилъ 600 копъ гр., што были на три года купили, на годъ по 200 копъ, а звышъ еще тыхъ трохъ годовъ положилъ 20 копъ и $1^1/_2$ к. и 6 грошей.

[3]) Война в. князя Александра съ великимъ княземъ московскимъ Василіемъ Ивановичемъ, въ которой произведены были нападенія на Смоленскъ, относится къ 1500 г. Въ первую же войну Александра съ Василіемъ Ивановичемъ въ 1494 г., мы видимъ Аврама еще въ Ковно.

[4]) Бершадскій. „Докум. и р.“ т. 1, № 42, отъ 1506 г., іюня 17, подтверждающая болѣе раннюю грамоту отъ 1503 года: король и в. князь свидѣтельствуетъ,

14 марта 1499 года в. князь Александръ пожаловалъ г. Минску магдебургское право [1]) первымъ войтомъ минскимъ былъ назначенъ одинъ изъ новообращенныхъ евреевъ, а именно Израэль, бывшій мытникъ путивльскій, названный въ грамотѣ Иваномъ *Новокрещеннымъ* [2]). Вотъ этому то Ивану Новокрещенному 29 мая 1503 г. въ Вильно (инд. 6, годъ 7011) король Александръ предоставляетъ должность минскаго войта, *вѣчно*, ему самому и его женѣ и ихъ счадкамъ, съ правомъ полнаго распоряженія оною: войтъ можетъ эту должность не только передать въ пользованіе, но и продать. Другою грамотою отъ того же года Ивану Новокрещенному отданы были *пожизненно* доходы съ питей въ г. Минскѣ, въ вознагражденіе сдѣланной имъ надбавки въ 50 к. гр. къ откупной суммѣ, такъ что казна в. князя должна была получать по 200 к. гр. въ годъ вмѣсто прежнихъ 150 [3]). Иванъ Новокрещенный скоро воспользовался предоставленными ему правами: 7 ноября того же 1503 г. [4]), мы встрѣчаемъ уже Аврама Езофовича съ титуломъ войта минска-

---

„штожъ онъ (Аврамъ Езофовичъ) въ тыи лѣта, часу нахоженья непріятельскаго на граничные замки и мѣста наши, завжды заслуговалъ намъ, *крови своее и горла своего не житуючи*“.

[2]) Акты зап. Рос. т. I, № 165.

[3]) М. Л. Зап., VI f. 224, объ этомъ мы заключаемъ изъ словъ грамоты: „*перво сего* дали ему (Ивану), говоритъ король, войтовство Менское со всими платами и доходами“. Сверхъ того: въ 1499 г. Иванъ, Ѳедоръ и зять его Петръ мытники путивльскіе ходатайствуютъ о передачѣ имъ смоленскаго мыта въ Смоленскѣ, предлагая за него в. князю надбавку въ 300 злотыхъ (М. Л. Зап., VI, f. 176) въ чемъ и успѣваютъ, такъ какъ мыто и корчма смоленскіе находятся въ ихъ рукахъ уже въ 1500 г. Но Иванъ Новокрещенный въ томъ же году вмѣстѣ съ женою и дѣтьми попадаетъ въ плѣнъ къ москвичамъ, изъ котораго возвращается въ Литву лишь въ 1502 г., т. какъ ему и его товарищамъ даются въ возмѣщеніе ихъ убытковъ нѣкоторыя льготы грамотою отъ 12 января 1502 г. (М. Л. Зап. VI, f. 202 (b), поэтому мы предполагаемъ, что войтовство было пожаловано ему одновременно съ передачею мыта въ Смоленскѣ, п. ч. трудно предположить, чтобы сейчасъ по возвращеніи изъ плѣна, потерпѣвъ убытки въ таможенныхъ доходахъ отъ войны и въ питейномъ откупѣ отъ смоленскаго гарнизона, который въ теченіи 2-хъ лѣтъ мѣшалъ ему съ товарищами пиво варить и медъ сытить (ibid), Иванъ Новокрещенный могъ бы заплатить за войтовство сколько нибудь значительное „челобитье“. А безъ этого полученіе войтовства было немыслимо въ XV в.

[3]) М. Л. Зап. VI, f. 447.

[4]) Ibidem, 523.

го. Но Иванъ Новокрещенный продалъ только свое войтовство. Питейный откупъ, несмотря на грамоту короля, остается въ рукахъ Аврама Езофовича. Не Иванъ Новокрещенный, а Аврамъ представляетъ въ 1505 г., октября 12, отчетъ съ откупныхъ доходовъ минскихъ за $3^1/_2$ года, т. е. съ 12 апрѣля 1502 г. [1]).

Удержавъ за собою въ 1502 г. минскій питейный откупъ, Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ въ слѣдующемъ году 7 ноября получить на откупъ таможенныя пошлины въ Смоленскѣ за 1080 к. гр. [2]), а черезъ двѣ недѣли, т. е. 20 ноября 1503 г. присоединить къ таможеннымъ доходамъ питейный откупъ въ Смоленскѣ, то и другое на три года за 2,400 к. гр. „дробное личбы, за грошъ по 2 полугрошки [3]), або по 10 пенезей“.

Если попытка Ивана Новокрещеннаго перебить у Аврама Езофовича питейный откупъ въ Минскѣ оказалась неудачною, то, наоборотъ, Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ въ 1503 г. перебить смоленскій откупъ у виленскаго мѣщанина Андрея Тихаго.

Въ промежутокъ между 1496 и 1505 гг. Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ сдѣлаться и смоленскимъ старостою, такъ какъ съ этимъ титуломъ мы встрѣчаемъ его въ актахъ 12 октября 1505 года [4]).

Должность старосты въ Смоленскѣ имѣла совершенно особый характеръ, далеко непохожій на должность остальныхъ польскихъ и литовскихъ старостъ. Подъ именемъ старосты разумѣлось въ XVI в. въ Литвѣ и въ Польшѣ должность, существенныя черты которой вытекали изъ управленія какимъ либо изъ населенныхъ в. княжескихъ помѣстій, дворовъ, державъ съ принадлежащею къ нимъ волостью. Въ Смоленскѣ же должность

---

[1]) Ibidem, f. 232.

[2]) Ibidem, f. 523.

[3]) Вотъ, слѣдовательно, когда уже существуютъ въ Литвѣ полугрошки, несмотря на заявленіе г. Вольфа и его ссылки на Загоровскаго и на несуществующіе въ Метрикѣ акты. Г. Вольфъ въ подкрѣпленіе словъ Загоровскаго ссылается на книгу Зап. VIII, f. 110: но на этомъ листѣ кромѣ напечатаннаго у меня документа нѣтъ болѣе ничего, а слѣдовательно нѣтъ ничего о полугрошкахъ.

[4]) М. Л. Записей, VI, f. 482.—Въ Судомирѣ, октября 12. индикта 9 (1505). Марш. господарскій дворный, намѣстникъ бѣлицкій и утеньскій кн. Мх. Льв. Глинскій принимаетъ отчетъ отъ *старосты* и мытника смоленскаго Аврама.

старосты равнозначительна должности войта магдебургскихъ городовъ, главы мѣщанскаго населенія города. Въ этомъ мы легко убѣдимся, если обратимъ вниманіе:

Во 1), на порядокъ, въ которомъ исчислены должностныя лица смоленской области: король обращается къ намѣстнику смоленскому, епископу (православному), окольничимъ, казначею смоленскому и, наконецъ, *къ старостамъ*. Староста такимъ образомъ стоитъ ниже всѣхъ. Иногда, впрочемъ, староста не упоминается и вовсе, какъ, напр., въ 1498 г. мая 15 [1]) въ оповѣщеніи в. князя тѣмъ же властямъ объ отдачѣ питейнаго откупа въ Смоленскѣ смоленскимъ же мѣщанамъ, несмотря на то, что *староста* въ это время несомнѣнно существовалъ, такъ какъ въ 1497 г.[2]), 1500 [3]), 1502 гг.[4]) мы встрѣчаемъ его въ правительственныхъ актахъ. Итакъ, въ Смоленскѣ староста не только не былъ начальникомъ замка и тянувшей къ нему области, какъ, напр., въ Брестѣ, Гродно и т. д., но стоялъ ниже казначея и окольничихъ.

Во 2), староста смоленскій всегда упоминается рядомъ съ мѣщанами: такъ, въ 1497 г. *староста* мѣста Смоленскаго и *вси мѣщане* жаловались на епископа смоленскаго Іосифа, что онъ „много людей въ мѣстѣ (т. е. въ мѣщанской части города) мѣлъ а въ томъ мѣсту... шкода была“. Въ 1500 г. *староста* г. Смоленска бьетъ в. князю челомъ съ мѣщанами отъ всего „мѣста (города) Смоленскаго“; тоже и въ 1503 г., при чемъ „*мѣсто*“, т. е. городъ ясно отличается отъ *замка* [5]), что существовало и въ дѣйствительности [6]).

---

[1]) М. Л. Зап., VI, f. 171 (b).

[2]) Акты З. Р. т. I, № 144, 1 и 2.

[3]) Ib. № 182.

[4]) Ib. № 199.

[5]) Акты З. Р. т. I, № 182. „Били намъ челомъ: староста мѣста Смоленского и вси мѣщане, *отъ всего мѣста Смоленского*“. Ib. № 199. „Староста мѣста См. и вси мѣщане... повѣдили, што въ тыми рады *тое мѣсто нашо Смоленское скарано* и люди вси зграблены отъ служебныхъ нашихъ которые *тамъ жо у Смоленску, на замку нашомъ мѣшкаютъ*“.

[6]) *A. Gwagnini.* Rerum Polanicarum etc. Frcf. 1584.

Smolensko civitas ingens et insignis, ad Boristhenem fluvium *arcem ex roboribus* aedificatum in ulteriori fluminis ripa habet.... *civitas ipsa* in vallo sita est, collibus undique, silvis vastissimis cingitur.

Принимая во вниманіе болѣе раннюю службу Аврама Езофовича въ должности городничаго ковенскаго, мы можемъ съ вѣроятностію предположить, что должность старосты смоленскаго была дана ему за заслуги.

О большей доходности смоленскаго староства не только сравнительно съ ковенскимъ и другими городничествами, но даже и со многими литовскими староствами мы заключаемъ изъ того, что ковенское городничество дано Васку Дашковичу подъ условіемъ только *ремонта* замковыхъ укрѣпленій [1]), городничество троцкое даровано королемъ Александромъ въ пожизненное владѣніе Богушу Боговитиновичу за 140 копъ грошей [2]), новгородское *городничество* и ключничество предоставлено воеводѣ новгородскому Я. Я. Заберезинскому въ возмѣщеніе ремонта замка и обязанности „подымать короля стацею всякою на кухню нашу и на оброки (?) а конемъ сѣна и овса достатокъ дати, поки въ *Новгородѣ* будемъ мѣшкати“ [3]). Между тѣмъ смоленскій мѣщанинъ Олисей Лисневъ заплатилъ отъ *староства смоленскаго* королю Александру и его приближеннымъ 250 к. гр. [4]). Около того же времени за староство берестейское съ ключомъ берестейскимъ, т. е. за право управленія и суда въ брестской волости Юр. Ив. Илиничъ даетъ королю „челомбитья“ всего 300 золотыхъ, т. е. около 150 к. гр. [5]).

Первый актъ, въ которомъ Аврамъ Езофовичъ опредѣленно названъ смоленскимъ старостою, относится къ 12 октября 1505 г., гдѣ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ названъ и мытникомъ смоленскимъ [6]), а уже въ предъидущемъ 1504 г., іюня 18, король Александръ жалуетъ ему за вѣрную и безупречную службу имѣнье *Войдуны* въ виленскомъ повѣтѣ [7]). Пожалованное имѣнье было довольно

[1]) Зап. № VIII, f. 411 (b).

[2]) Ibid., f. 371.

[3]) Зап. № VIII, f. 339, отъ 1509 г.

[4]) Зап. № VIII, f. 98 (b).

[5]) Ibid , f. 346, отъ 1510 г.

[6]) М. Л. Запис., VI, f. 482.

[7]) Записей № XXXVII, f. 465. Изъ позднѣйшаго перечисленія привилегій на имѣнія вдовы п. троцкаго Мык. Юревича, проданныя ею королю Сигизмунду Августу, между прочимъ: „Листъ короля Александра *на пергаминѣ, съ печатею*

незначительнаго размѣра, а именно 8 тяглыхъ службъ и 8 пущъ. Однако пожалованіе это было важно въ томъ отношеніи, что сопровождалось дарованіемъ Аврааму Езофовичу шляхетскаго званія; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вводился въ число земянъ, вступалъ въ составъ литовской осѣдлой шляхты землевладѣльцевъ. При слѣдующемъ пожалованіи король называетъ Аврама Езофовича уже не просто Аврамомъ, а *шляхетнымъ* Авраномъ Езофовичемъ [1]).

Мы привели выше цѣлый рядъ документовъ за десятилѣтній періодъ жизни Аврама Езофовича. Читатель изъ нихъ уже могъ убѣдиться, насколько основательны сѣтованія г. Вольфа на отсутствіе матеріаловъ. Но этого мало. Изъ сопоставленія приведенныхъ имъ данныхъ съ иными документами той же Метрики представится полная возможность опредѣлить существенныя черты нравственной физіономіи Аврама Езофовича уже въ этотъ, такъ сказать подготовительный, періодъ его дѣятельности. Происходя изъ богатаго семейства откупщиковъ, Авраамъ Езофовичъ, выросши въ кіевской области, успѣваетъ сочетать въ своей личности тѣ существенныя черты характера, которыя пролагали въ его время дорогу къ высшимъ должностямъ въ государствѣ, т. е. искусство пріобрѣтенія съ личною отвагою и преданностію своему государю.

Сравнивая списки литовскихъ должностныхъ лицъ XV и XVI в., мы замѣчаемъ, какъ мало по малу изъ рядовъ литовской аристократіи изчезаютъ древнія княжескія фамиліи, уступая мѣсто неродовитымъ, нетитулованнымъ представителямъ низшей шляхты.

Что именно эти качества цѣнятся болѣе всего въ Литвѣ въ концѣ XV и началѣ XVI в., это объясняется лучше всего тѣми политическими условіями, въ которыя была поставлена въ это время Литва.

завѣсистою, въ которомъ пишетъ, ижъ за вѣрные а справедливые службы Аврама Езофовича далъ ему имѣнье у Виленскомъ повѣтѣ на имя Войдуны зъ людми въ томъ же листѣ имены описаными службъ 8, а къ тому пустовщинъ 8. Дата того листа 1504 г., мц. іюля 18 дня". Что эта грамота не тождественна съ позднѣйшею, это видно изъ того, что это послѣдняя показана особо и съ указаніемъ на присоединеніе къ пожалованному „острова ловищъ" королевскихъ.

[1]) Наши „Док. и рег." т. I, № 42.

Сверженіе татарскаго ига, присоединеніе Новгорода и Пскова, уничтоженіе послѣднихъ удѣловъ не окончили еще многовѣковой задачи—собиранія Руси: взоры в. князей московскихъ обратились на западъ. Тамъ за литовскимъ рубежомъ лежали древнѣйшія владѣнія Рюриковичей. Со времени паденія рязанскаго княжества борьба съ Литвою стала неминуема: границы московскаго государства и Литвы столкнулись. Между тѣмъ многолѣтнее мирное царствованіе Казиміра Ягеллона ослабило въ значительной степени боевую годность литовской шляхты. Съ другой стороны, успѣхи военнаго искуства вообще выдвигали на первый планъ значеніе спеціальныхъ родовъ войскъ, въ особенности же артиллеріи. Для отпора московскимъ государямъ требовалось, съ одной стороны, возведеніе и поддержаніе цѣлаго ряда пограничныхъ крѣпостей, а съ другой постоянное отбываніе тяжелой сторожевой и гарнизонной службы отъ всего, обязаннаго воинскою повинностію, пограничнаго населенія. Результатомъ такого рода условій мы видимъ, что в. князья по необходимости даруютъ цѣлый рядъ льготныхъ грамотъ пограничнымъ землямъ. Льготы эти естественно идутъ въ ущербъ правамъ центральной власти, т. к. слагаются изъ уступокъ мѣстнымъ, обязаннымъ службою землевладѣльцамъ того или инаго в. княжескаго права.

Такимъ образомъ расширяются права вотчинниковъ. Но это расширеніе ихъ правъ неминуемо лишаетъ в. княжескую казну того или иного источника доходовъ. Поэтому князьямъ не остается ничего иного, какъ пополнять дефицитъ широкою раздачею населенныхъ земель. Раздачи же эти, практикуемыя безъ всякой системы, при отсутствіи точныхъ свѣдѣній о томъ, что дано въ вотчину и что въ помѣстье, вели къ обращенію сплошь и рядомъ помѣстій въ вотчины. Правда, всякій вотчинникъ долженъ былъ доказывать свои права письменными домументами, но такъ какъ весь административный организмъ в. княжества слагался изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, то понятно само собою, что провѣрка основанія и пространства правъ литовскихъ помѣщиковъ была крайне проблематична. Занятые въ это же время польскими дѣлами, в. князья и не пытались до самаго Сигизмунда I произвести подобнаго рода провѣрку. Когда же Сигиз-

мундъ I попробовалъ произвести провѣрку правъ землевладѣльцевъ, приказавъ имъ представить свои привилегіи, то въ большей части Литвы требованіе это разбилось о глухое сопротивленіе шляхты, дѣйствовавшей на этотъ разъ съ замѣчательнымъ единодушіемъ [1]).

Громадныя территоріальныя потери в. князя Александра, отсутствіе въ теченіи всего XVI в. прочнаго мира съ Москвою, постоянныя войны съ крымскими татарами, угрожающее положеніе турокъ, ненадежность нѣмецкаго ордена—все это требовало такого увеличенія военныхъ силъ, на которое никакъ не могли разсчитывать в. князья. Поэтому то для противодѣйствія москвичамъ Литвѣ приходилось напрягать всѣ свои силы, нужны были деньги, много денегъ. Пушкари требовали за свои услуги огромныхъ денегъ, не меньшаго мастера, приготовлявшіе селитру, и т. д., и все это приходилось выплачивать изъ за границы,—изъ Польши, Богеміи и т. д. Наемныя войска впервые появляются въ Литвѣ при Сигизмундѣ I. Содержаніе ихъ ложится тяжкимъ бременемъ на литовское казначейство; достаточно привести тотъ фактъ, что на уплату жалованья наемнымъ войскамъ напр. въ 1530 г. издержано около 15,000 копъ грошей, т. е. болѣе половины обыкновеннаго государственнаго бюджета, между тѣмъ наемники составляли всего 4,000 человѣкъ на 18,000 человѣкъ помѣстнаго войска. Жалованье не только спеціальнымъ родамъ войска было велико, но и простые кавалерійскіе солдаты получали на готовомъ содержаніи до 5 копъ на человѣка, т. е. до 300 рублей на наши деньги. Поэтому хотя Рада и писала къ в. князю: „Яко Ваша милость почали служебные въ здѣшнемъ панствѣ Вашой милости хавати и што кольвекъ В. м. намъ, слугамъ Вашимъ, розказали на тыи служебныи дати, ничимъ есми не были вымовны, даючи серебщины и поголовщины [2])“, тѣмъ не менѣе и чрезвычайныхъ налоговъ оказывалось недостаточно. При отсутствіи же государственнаго кредита, казнѣ приходилось добывать деньги не иначе, какъ на

[1]) М. Л. Переписей, VI. А. Ревизія волынскихъ замковъ.

[2]) М. Л. Запис. № VII, f. 411.

тяжелыхъ условіяхъ, не иначе, какъ подъ закладъ драгоцѣнностей или же залогъ государственныхъ имуществъ. Несмотря, далѣе, на постоянныя старанія казны замѣнить натуральные платежи деньгами, доходы в. княжества въ концѣ XV и началѣ XVI в. все еще въ значительной степени поступали натурою: медомъ, воскомъ, мѣхами, хлѣбомъ и т. д. А деньги становились ежеминутно все болѣе и болѣе нужны. Поэтому то лицу, умѣвшему успѣшно обращать сырье въ деньги, лицу съ готовымъ денежнымъ капиталомъ, Литва представляла въ это время широкое поле для осуществленія самыхъ розовыхъ надеждъ. Замѣтимъ, однако,—подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ: чтобы денежная сила подкрѣпляема была непремѣнно личною отвагою. Таковъ былъ вѣкъ. Да и самыя деньги требовались прежде всего для защиты государства. Мы видимъ поэтому, что неизвѣстныя дотолѣ лица,—шляхтичи и не шляхтичи, благодаря соединенію только что указанныхъ требованій, быстро достигаютъ значенія и почестей въ государствѣ. Къ числу такихъ „новыхъ людей“ принадлежалъ какъ Аврамъ Езофовичъ, такъ равно и два ближайшіе его преемника—Богушъ Боговитиновичъ и Иванъ Горностай: начавъ службу при королѣ Казимірѣ сначала дворяниномъ, а затѣмъ дьякомъ, Богушъ Боговитиновичъ становится въ княженіе Александра Казиміровича трокскимъ городничимъ, по вступленіи на престолъ Сигизмунда I—державцею довкговскимъ, затѣмъ каменецкимъ, писаремъ, и наконецъ подскарбіемъ земскимъ в. княжества литовскаго. Его ловкость въ увеличеніи своего имущества по истинѣ изумительна: одно великокняжеское имѣніе за другимъ переходятъ къ нему то въ собственность, то въ залогъ, то въ державу. А умирая, Богушъ Боговитиновичъ не только оставляетъ своей женѣ и дѣтямъ громадное состояніе, свободное отъ всякихъ долговъ, но еще дѣлаетъ подарокъ в. князю за опеку надъ остающимися вдовою и сиротами; подарокъ въ 5,000 к. гр. т. е. въ 300,000 руб. на наши деньги, кромѣ уступки всѣхъ суммъ, выданныхъ подъ залогъ королевскихъ имѣній. Что огромное имущество Богуша Боговитиновича было плодомъ его личной энергіи, видно всего лучше изъ того,

что отецъ его п. Боговитинъ и братъ Иванъ Боговитиновичъ обладаютъ сравнительно незначительнымъ имуществомъ [1]).

Такимъ же путемъ идетъ и преемникъ Богуша Боговитиновича Горностай. Въ 1486 г. мы встрѣчаемъ его кіевскимъ ключникомъ [2]), въ 1506 г. въ числѣ иныхъ дворянъ и дьяковъ онъ ѣдетъ на Волынь для производства переписи [3]). Мало по малу служебное положеніе Горностая подымается: онъ становится писаремъ, державцею дорсупинскимъ и слонимскимъ, маршалкомъ и, наконецъ, преемникомъ Богуша Боговитиновича и воеводою новгородскимъ [4]). Такимъ же путемъ шелъ и предшественникъ Аврама Езофовича—Ѳедько Хребтовичъ: въ 1463 г. онъ только дьякъ господарскій [5]), въ 1496 г.—онъ уже писарь [6]), и въ началѣ XVI вѣка онъ уже состоитъ подскарбіемъ земскимъ в. княжества литовскаго [7]).

Сверхъ имѣнія Войдуны Аврамъ Езофовичъ получилъ отъ короля Александра имѣніе Волутину гору, принадлежавшее ранѣе смоленскимъ мѣщанамъ Волутинцамъ вмѣстѣ съ небольшимъ селомъ на Стыганцы. Все это вмѣстѣ составляло одну „службу", т. е. совокупность земель и угодій, обязанныхъ въ пользу в. князя тѣми или иными податьми и повинностями. Судя по незначительнымъ размѣрамъ этого имѣнія, состоявшаго изъ одной только тяглой службы, и потому, что обращеніе онаго въ вотчину произошло гораздо позже, мы въ правѣ предположить, что пріобрѣтеніе этого имѣнія относится къ весьма раннему періоду дѣятельности Аврама Езофовича въ Смоленскѣ. Это имѣніе составляло часть болѣе обширнаго, лежавшаго въ смоленскомъ повѣтѣ,

[1]) М. Л. Публич. Дѣлъ № I, f. 193. Здѣсь мы видимъ Б. Боговитиновича на родинѣ, на Волыни: онъ ставитъ со своихъ имѣній 14 тяжело вооруженныхъ всадниковъ, братъ его 15, а отецъ 7. Между тѣмъ, какъ членъ Рады, Богушъ Боговитиновичъ, сверхъ волынскихъ имѣній, ставитъ еще 64 тяжело вооруженныхъ всадниковъ. Что имущества эти не принадлежали женѣ, это видно изъ духов. завѣщ. Б. Б. Акты юж. и з. Р. т. I, № 91.

[2]) М. Л. Зап. IV, f 19 (b).

[3]) Ib. Зп. VIII, f. 291.

[4]) Бершадскій. Литовскіе евреи, стр. 287, примѣч. 62.

[5]) Метр. Литов. Зап. IV, f. 1. Ѳедковъ реестръ.

[6]) Ib. Зап. VI. 552. Пр. Ѳедку писарю.

[7]) Ib. Зап. VIII, f. 414.

села Подгорскаго, въ составъ котораго Волутина гора входила подъ именемъ „тяглой службы Евсюкова на Волутиной горѣ“, все же „село“ состояло изъ 4 панцырныхъ службъ и 2-хъ тяглыхъ“ [1]). Сверхъ только что упомянутыхъ имѣній Аврамъ Езофовичъ получилъ еще въ минскомъ повѣтѣ дворецъ (т. е. хуторъ, фольваркъ) Шейничи на рѣкѣ Свислочи съ двумя службами [2]).

Для опредѣленія хотя приблизительныхъ размѣровъ этихъ имѣній мы должны сказать нѣсколько словъ о терминѣ „служба“, которымъ сопровождаются всѣ эти пожалованія.

Подъ именемъ „службы“ разумѣлась въ Литвѣ совокупность самыхъ разнообразныхъ по мѣсту и времени обязанностей, лежавшихъ на томъ или иномъ участкѣ земли. По характеру этихъ обязанностей различались службы своими названіями и размѣромъ земли. Главные роды службы, извѣстные въ Литвѣ, были службы „панцырныя“ и „тяглыя“. Какъ первый, такъ и второй родъ распадался на множество видовъ.

Панцырная служба, или служба конемъ, военная, шляхетская, состояла въ обязанности по первому требованію в. князя являться въ панцырѣ и на конѣ въ назначенное мѣсто и время. Тяглая служба состояла въ обязанности вносить въ казну опредѣленное мѣстными обычаями количество податей и отбывать тѣ или иныя повинности, напр. подводную, постоялую, дорожную и т. д. Главнымъ признакомъ тяглой службы былъ платежъ т. наз. „дякла“ (annona ducalis), т. е. опредѣленной мѣры ржи, овса и сѣна въ казну. Тяглая служба предполагала живущаго на ней „простого“ человѣка [3]), панцырная—„боярина“.

Сообразно отсутствію замкнутости сословій въ Литвѣ, до самой люблинской уніи между панцырною и тяглою службою существовалъ рядъ переходовъ: „служба щитная“, „служба ну-

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 164 (b). „Въ Смоленскомъ повѣтѣ дано ему (Аврааму Езофовичу) село Подгорское 6 службъ: 4 панцырныя и 2 тяглыя, на имя Евсюкова на Валутиной горѣ, а Орибѣсова, а Жаворонково, а Бобровниково, а Дмитрово Стрыйголпиково, а Михайлово Сениково“.

[2]) Такъ мы заключаемъ изъ словъ грамоты, „А у Менскомъ повѣтѣ на рѣцѣ по Свислочи (дворецъ) на имя Шейничи, а *Нефеда* съ сыны, а *Малявку Семеновича* съ братею“.

[3]) (b) М. Л. Суд. VI f. 102.

тная", „ловецкая", съ другой стороны тяглыя службы принимали по мѣстнымъ условіямъ разнообразный характеръ: „соленицкая", „бытовницкая", „рудницкая" и т. д., при чемъ повинности могли носить или совершенно спеціальный характеръ, т. е. съ угольницкой могъ быть, напр., доставляемъ только уголь, съ рудницкой—желѣзо, съ соляницкой—соль, или же эти повинности могли быть соединяемы еще и съ иными, напр., съ двухъ службъ бобровниковъ одно дякло, съ угольницкой по кабану и т. д.; все это мы видимъ, напр., въ королевскомъ дворѣ Волковыйскомъ въ началѣ XVI в. [1]). При чемъ нѣкоторые изъ этихъ „простыхъ" тяглыхъ людей обязаны являться на войну со своимъ „державцею" разумѣется, легко вооруженные.

Изъ сказаннаго очевидно, что размѣры панцырной и тяглой службы не только различались по временнымъ и мѣстнымъ условіямъ, напр. плодородію, количеству угодій и т. д. [2]), но и по характеру податныхъ отношеній и по количеству земли.

Панцырная служба, т. е. обязанность являться на конѣ въ тяжеломъ вооруженіи, панцырѣ, считалась тяжелою обязанностью, а потому земли, пожалованныя в. князьями съ обязанностью нести эту службу на свой счетъ, обыкновенно освобождались отъ всякихъ иныхъ повинностей. Затѣмъ, по размѣру земли эти равнялись большею частію нѣсколькимъ тяглымъ службамъ. Обыкновенно признавалось за общее начало, что одинъ тяжеловооруженный, т. е. взрослый мужчина („пахолокъ") въ панцырѣ и шлемѣ, съ мечомъ и копьемъ, на хорошемъ конѣ, цѣною не ме-

---

[1]) М. Л. Зап. VII, f. 648.

[2]) Вотъ, напримѣръ, что понималось подъ службою въ началѣ XVI в: татаринъ Майко Богдановичъ Тауповичъ продаетъ „посполь зъ жоною и зъ дѣтьми" у селѣ у Броницахъ (новгородск. повѣта) „*службу людей* на имя Бориса и брата его Мартина Наумовича, и зъ ихъ дѣтьми и со всими *землями*, и зъ *гаи*, и *сѣножатыми*, и съ поплатками и зъ службами, ничого на себе не зостовляютъ, за 25 конъ грошей", т. е. на современныя деньги около 1,500 руб. Или вотъ другой примѣръ: Сенько Терешковичъ, возражая золотовлянамъ, людямъ Дубровенскаго пути, „объясняетъ, что „избъ тыхъ отчичовъ на томъ сельци (Золотовичи) только 5, а *другая пять* истобокъ прихожихъ людцей, *дольничниковъ* ихъ. А живутъ уводномъ мѣсти на томъ же сельци, а *служба съ того села идетъ панцырная*. Март. 27, Витебскъ, индиктъ 15 (т. е. 1495 г.) М. Л. Зап. III, f. 89.

нѣе 5 копъ грошей (т. е. 300 руб.), можетъ быть поставленъ безъ отягощенія съ *восьми* тяглыхъ службъ.

И мы видимъ, что большинство литовской шляхты обладаетъ этимъ минимальнымъ размѣромъ: такъ какъ, напр., въ переписи 1528 г. число лицъ, не имѣющихъ восьми тяглыхъ службъ представляется весьма незначительнымъ. Мы въ правѣ, далѣе, предположить, что панцырная служба въ среднемъ размѣрѣ равнялась не менѣе, какъ 5 тяглымъ службамъ т. к. въ критическіе моменты государственной жизни шляхта ставила тяжело вооруженныхъ и съ 5 тяглыхъ службъ.

Изъ другихъ данныхъ мы видимъ, что *тяглая служба* по своимъ размѣрамъ приравнивалась *къ населеной „волокъ“* земли, т. е. 20 десятинамъ[1]), или же двумъ дворамъ („дымамъ“).

Что таковъ былъ размѣръ панцырныхъ службъ въ смоленскомъ повѣтѣ, въ этомъ мы убѣждаемся изъ переписи смоленскихъ князей, бояръ, слугъ панцырныхъ и щитныхъ конца XV в.[2]); напр., въ дубровенскомъ пути считалось „панцырныхъ слугъ“ 131 человѣкъ, но всѣ они составляли только 11 службъ, т. е. на одну службу приходилось среднимъ числомъ около 12 человѣкъ. Что дѣйствительность не рознилась отъ этого вычисленія, возьмемъ, напр., панцырную службу въ мащинскомъ *пути:* „Ахоня Лесутиничъ самъ *пять* чоторы брата въ него, *все слуги добрыи*, а дядя ихъ Ѳома, а *пять* сыновъ у него, а *все молодцы, у подъле, а служба одна*“, слѣдовательно на панцырномъ участкѣ находятъ возможность жить 11 семей.

Такимъ образомъ уже къ началу царствованія Сигизмунда I Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ принадлежалъ къ числу среднихъ землевладѣльцевъ Литвы, т. е. ставилъ на военную службу 6 тяжело вооруженныхъ всадниковъ, или владѣлъ около 1,200 десятинъ населенной земли. Если мы прибавимъ доходы отъ минскаго войтовства, т. е. третью часть всѣхъ судебныхъ по-

---

[1]) М. Л. Записей 47, f. 119, отъ 1567 г., сравни также жалобы волынской шляхты въ 1545 г. на то, что „завжды суть неравно больши *службы* литовскіи, нижели наши *дворища* волынскіи“, М. Л. Переписей VI в. „Описъ волынскихъ замковъ“.

[2]) М. Л. Зап. IV, f. 155 и слѣд. до 168 (b).

шлинъ и штрафовъ, право имѣть одинъ не подлежащій акцизу питейный домъ, затѣмъ доходы отъ смоленскаго староства, откупъ таможенныхъ доходовъ и т. д., то станетъ естественно, что уже въ началѣ XVI в. Аврамъ Езофовичъ становится замѣтною величиною среди литовской служилой шляхты.

Проживая въ Смоленскѣ, Аврамъ Езофовичъ не покидалъ однако изъ виду Ковно.

III.

Полученное Аврамомъ Езофовичемъ отъ короля Александра обѣщаніе ковенскаго таможеннаго откупа.—Восшествіе на в. княжескій престолъ Литвы Сигизмунда Ягеллона.—Поддержка виленскаго бискупа Войтеха Табора въ полученіи Аврамомъ Езофовичемъ таможеннаго откупа въ Ковнѣ.—Обстоятельства, при которыхъ этотъ откупъ былъ уступленъ Кгрекгелю.—Несостоятельность этого откупщика.—Переходъ ковенскаго таможеннаго откупа въ руки Авраму.—Полученіе Аврамомъ таможенныхъ откуповъ въ Минскѣ и Новгородкѣ.—Конкурренты Аврама на полученіе смоленскаго таможеннаго откупа.—Андрей Тихій, бывшій минцарь виленскій.—Устраненіе этого соперника.—Переходъ въ руки Аврама таможеннаго откупа и въ Смоленскѣ.—Примиреніе Аврама съ Андреемъ Тихимъ.—Подтвержденіе Авраму всѣхъ его пожалованій и пріобрѣтеній.—Реализація Аврамомъ откупныхъ договоровъ.—Ковенская таможня.—Провѣрка ея доходовъ.—Отказъ Аврама Езофовича въ пользу казны отъ убыточныхъ для нея откупныхъ договоровъ.—Проекты, предложенные Аврамомъ королю относительно управленія ковенской таможнею.—Колебанія Сигизмунда I.—Его неполное довѣріе къ Авраму.—Блистательное оправданіе заявленій Аврама опытомъ со смоленскими питейными доходами.—Поступленіе доходовъ на ковенской таможнѣ.—Счеты, предъявленные королю служебными людьми въ 1508 г.—Затруднительное финансовое положеніе короля.—Появленіе Аврама съ доходами съ ковенской таможни.—Отчетъ о приходѣ суммъ на этой таможнѣ въ 1507—8 гг.—Долгъ короля Авраму.—Передача ему для покрытія долга восковыхъ пошлинъ въ Смоленскѣ и Полоцкѣ.—Разсчетъ короля съ Аврамомъ Езофовичемъ въ іюлѣ 1509 г. въ Краковѣ.—Назначеніе Аврама Езофовича управляющимъ монетнымъ дворомъ.—Поземельныя пожалованія короля Сигизмунда Авр. Езофовичу.

Важная перемѣна, происшедшая въ началѣ XVI ст. въ направленіи торговли солью, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній Литвы къ Крыму, не ушла отъ вниманія Аврама Езофовича. Поэтому то онъ въ 1506 г. іюня 10 не задумывается предложить королю Александру за таможенный откупъ въ Ковно 603 копы грошей безъ 10 грошей, и 20 поставовъ сукна люньскихъ и новогоньскихъ, т. е. около 50,000 руб. на наши деньги. Оче-

видно, произошла громадная перемѣна въ торговомъ движеніи, такъ какъ не болѣе 10 лѣтъ назадъ всѣ таможенные доходы въ Ковнѣ были отданы минцерю Шлакиру за 450 к. гр.[1]), т. е. ровно за половину. Получивъ право сбора таможенныхъ пошлинъ на одинъ годъ, Аврамъ ничуть не сомнѣвается черезъ самый короткій промежутокъ времени занять королю Александру еще 1,200 злотыхъ[2]).

При возшествіи на престолъ в. князя Сигизмунда Казиміровича первою заботою Аврама Езофовича было укрѣпленіе за собою того служебнаго и имущественнаго положенія, которое онъ пріобрѣлъ въ царствованіе Александра Ягеллона.

Вокняженіе Сигизмунда на литовскомъ престолѣ при затруднительныхъ обстоятельствахъ внѣшнихъ и внутреннихъ и занятіе имъ вскорѣ польскаго престола, понятно, отложили на значительное время подтвержденіе правъ, дарованныхъ различнымъ лицамъ его предшественниками. Ограничившись наиболѣе важными дѣлами, подтвердивъ и расширивъ 7 декабря въ Гродно земскую привилегію Литвы, обезпечивъ пограничные города посылкою въ нихъ надежныхъ лицъ, в. князь ограничился уплатою нѣкоторыхъ наиболѣе нетерпящихъ долговъ и подтвержденіемъ незначительнаго числа привилегій. Только послѣ коронаціи въ Краковѣ Сигизмундъ Казиміровичъ, теперь уже Сигизмундъ I, король польскій и великій князь литовскій, приступаетъ къ обычному подтвержденію привилегій, грамотъ, раздачѣ должностей, откуповъ, уплатѣ жалованья и т. д.

Ранѣе заботъ о подтвержденіи какихъ либо иныхъ правъ, Аврамъ Езофовичъ торопится возстановить данное ему королемъ Александромъ право на таможенный откупъ въ Ковно, такъ какъ в. князь Сигизмундъ успѣлъ отдать уже этотъ откупъ нѣмцу Габріелю Кгрекгелю. Заручившись поддержкою виленскаго бискупа Войтеха Табора, перваго члена Рады, Аврамъ Езофовичъ прислалъ къ королю въ Краковъ: во 1) обязательство короля Александра и Рады в. княжества литов. на 600 копъ

[1]) М. Л. Зап. VI, 169. Городно, марта 1, индикта 14 (1496 г.).

[2]) Т. е. 440 копъ грошей, такъ какъ въ это время злотый считался въ 22 литовскихъ гроша.

грошей, 10 поставовъ сукна луньскаго и 10 новогоньскаго, взятыя у него для государственныхъ нуждъ („ку потребѣ земской“); во 2) такое же обязательство на 1,200 злотыхъ, взятыхъ у него наличными деньгами [1]); въ 3) грамоту короля Александра, данную Аврааму на таможенный откупъ въ Ковно въ теченіи 2-хъ лѣтъ [2]).

Представляя эти документы, Аврамъ Езофовичъ ходатайствовалъ о возстановленіи дарованныхъ ему правъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и виленскій бискупъ обращался къ королю съ письмомъ, чтобы король Аврама „въ томъ мытѣ не рушилъ“.

Ковенскій таможенный откупъ былъ отданъ Кгрекгелю подъ вліяніемъ настоятельнѣйшей государственной нужды,—въ то время, когда, вступивши на великокняжескій престолъ, Сигизмундъ Казиміровичъ торопился увѣдомить объ этомъ фактѣ сосѣднихъ государей: в. князя московскаго и крымскаго хана. Значительны были расходы на посольство въ Москву [3]), но гораздо еще большіе для Крыма.

Размѣръ этихъ упоминковъ былъ значителенъ уже въ 1501 г. [4]), въ виду же войны съ татарами въ 1506 г. в. князь Сигизмундъ имѣлъ полное основаніе опасаться, что татары не пропустятъ удобнаго момента для репрессій. Поэтому Сигизмундъ рѣшился значительно повысить количество упоминковъ [5]). И ко-

---

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 88 (b). „Готовыми пенезьми за золотый беручи по 20 и по 2 гроша“.

[2]) Ibid. „Рочокъ отъ середопостя прійдучого до того жъ року середопоста кот. будетъ индикта 12“, т. е. съ 1507 по 1509 годъ.

[3]) М. Л. Зап. № VIII, f. 414. „Ѣдучи дорогою зъ Мельника давано“... „*Послолъ, шлючи до Москвы* маршалку п. Яну Миколаевичу воеводичу виленскому 90 копъ грошей съ скарбу. Кухмистру п. Петру Олехновичу 60 копъ грошей, тамъ жо. П. Богдану Сопезѣ 30 копъ грошей съ скарбу“, такъ что издержки эти доходили до 200 копъ грошей, т. е. около 15000 руб. на наши деньги. Здѣсь имѣется въ виду путешествіе в. князя изъ Вильно въ Краковъ для коронаціи, слѣдоват., конецъ 1506 или начало 1507 г.

[4]) Акты З. Р. т. I. № 193.

[5]) Размѣръ ордынщины 1501 г. не превосходилъ 700 или 800 копъ грошей. Если мы прибавимъ къ этой суммѣ расходы на посольство въ Москву, т. е. 200 к. гр., то окажется, что на упоминки татарамъ предполагалось употребить около 1400 к гр.—почти вдвое противъ 1501 г.

венское мыто было спѣшно отдано Кгрекгелю на 3 года за 2000 копъ грошей съ тѣмъ, чтобы онъ немедленно внесъ въ казну, въ руки подскарбія земскаго Ѳедка Хребтовича 1,600 к. гр. Этотъ контрактъ съ Крекгелемъ давалъ казнѣ необходимыя для упоминковъ суммы. Съ другой стороны Кгрекгель, повысивъ значительно откупную сумму и уплативъ большую ея часть впередъ, обезпечивалъ себя тѣмъ отъ конкуррентовъ. Однако ни ожиданіямъ в. князя, ни надеждамъ Кгрекгеля не суждено было сбыться. Кгрекгель, не будучи самъ капиталистомъ, не могъ въ то же время составить компаніи для эксплоатаціи ковенскаго мыта. Поэтому в. князю пришлось изыскивать иныя средства для отправки посольствъ. Изъ нихъ посольство въ Москву было отправлено въ концѣ 1506 или самомъ началѣ 1507 г.[1]), посольство же въ орду еще ранѣе, такъ какъ въ концѣ 1506 или началѣ 1507 г. Сигизмундъ уже получилъ благопріятный отвѣтъ отъ хана вмѣстѣ съ ярлыкомъ[2]) на то, что или находилось уже подъ властью в. князя, какъ, напр., Кіевъ, или же на то, что никогда не принадлежало крымскому хану, напр., Псковъ и Великій Новгородъ (!). Однимъ словомъ, это былъ „легкій поклонъ“ за полученные уже „тяжелые упоминки“.

Между тѣмъ государственный казначей Ѳедко Хребтовичъ донесъ королю въ началѣ 1507 г., что Кгрекгель не далъ въ казну „ни пенезя“, казна же по прежнему нуждается въ деньгахъ. Въ виду этихъ обстоятельствъ и не желая нарушить обязательствъ своего прешественника, король Сигизмундъ, въ качествѣ в. князя литовскаго, отдаетъ Аврааму Езофовичу и его товарищу Яну Дитриховичу таможенныя пошлины въ Ковно на тотъ же срокъ и за ту же цѣну, что и Кгрекгелю, съ тѣмъ, однако, чтобы новые откупщики внесли немедленно же въ казну 800 копъ грошей и вознаградили Кгрекгеля за расходы, сдѣланные имъ для полученія откупнаго контракта[3]). Такимъ образомъ

---

[1]) Содержаніе посольству было назначено на дорогѣ в. князя изъ Мельника въ Краковъ, ранѣе коронаціи, которая произошла 25-го января 1507 г. Ср. Tomiciana T. I.

[2]) Акты зап. Р. т. II, № 6.

[3]) „Што на канцелярью выдалъ отъ оранды“. Краковъ, февраля 15, инд. 10 (т. е. 1507 г.) M. L. Зап. VIII, f. 88 (b).

одна изъ главныхъ таможень в. княжества переходитъ въ руки Аврама Езофовича. Воспользовавшись благопріятнымъ обстоятельствомъ, Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ черезъ 4 дня получить на откупъ таможенные пошлины въ Минскѣ на 3 года за 600 копъ грошей [1]) и въ Новгородкѣ на тотъ же срокъ за 300 копъ гр. [2]).

Смоленская таможня принадлежала къ числу важнѣйшихъ таможень Литвы, и мы видѣли, что уже въ 1499 г. она перешла къ Аврааму Езофовичу отъ виленскаго мѣщанина Мартина Янчелевича, которому была отдана въ 1495 г. іюня 9 на 3 года за 600 копъ грошей [3]). Хотя въ 1498 г. іюля 18 смоленское мыто было вновь отдано на откупъ тому же Мартину за тѣ же 600 к. гр., но мы видѣли, что въ 1499 г. Аврамъ Езофовичъ фигурируетъ уже въ качествѣ смоленскаго откупщика, между тѣмъ какъ Мартинъ Янчелевичъ отдаетъ въ томъ же году іюня 21 отчетъ по минскому таможенному откупу.

Мы предполагали выше, что Аврамъ Езофовичъ управлялъ таможеннымъ откупомъ въ Смоленскѣ съ 1496 г. Предположеніе это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что смоленское мыто въ 1499 г. марта 12 было передано въ руки путивльскихъ мытниковъ Ивана, Ѳедора и Петра Новокрещенныхъ [4]), во 1) въ виду ихъ жалобъ, что купцы, уклоняясь отъ платежа пошлинъ, направляются съ товарами, минуя Путивль, прямо на Смоленскъ, отчего откупщики терпятъ убытки, но главное, во 2) потому, что откупщики предложили в. князю надбавку въ 300 злотыхъ, между тѣмъ какъ Аврамъ Езофовичъ уплатилъ за 3 года всего 600 копъ гр. Дѣйствительно, въ теченіи слѣдующихъ

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 88 (b). Краковъ, февр. 19, индикта 10.

[2]) Ibid., f. 90.

[3]) М. Л. Зап. № VI, f. 167. Іюня 9, индикта 13. Вильно. Таможенные доходы въ Смоленскѣ были отданы Мартину Янчелевичу для возмѣщенія долга в. князя Александра въ 300 к. гр., такъ что М. Янчелевичъ обязанъ былъ уплачивать въ теченіи 3 лѣтъ въ казну только по 100 к. гр. ежегодно, а на 100 к. гр. погашать в. княжескій долгъ.

[4]) Ibd. f. 176, марта 12, инд. 2, Вильно.

3 лѣтъ мы видимъ ихъ въ Смоленскѣ въ качествѣ откупщиковъ таможенныхъ и питейныхъ доходовъ [1]).

Въ 1503 г. ноября 7 Аврамъ Езофовичъ успѣваетъ, какъ мы видѣли, снова получить на откупъ таможенныя пошлины въ Смоленскѣ, а въ 1504 г. присоединяетъ къ этому и смоленскій питейный откупъ, перебивъ его у виленскаго мѣщанина Андрея Тихаго. При восшествіи на престолъ Сигизмунда Казиміровича, Андрей Тихій успѣваетъ получить снова таможенный и питейный откупъ въ Смоленскѣ съ 6 января 1507 г. впредь на 3 года и при томъ за половину противъ той суммы, за которую эти пошлины были на откупѣ при королѣ Александрѣ. Одною изъ главныхъ причинъ такого невыгоднаго для казны договора было, всего вѣроятнѣе, то обстоятельство, что Андрей Тихій вмѣстѣ съ полученіемъ откупной грамоты уплатилъ впередъ откупную сумму за 2 года наличными деньгами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Андрей обезпечилъ за собою откупъ и на третій годъ подъ тѣмъ условіемъ, что если бы кто либо пожелалъ предложить в. князю за этотъ откупъ большую сумму, то онъ, Андрей, имѣетъ право, уплативъ эту надбавку, удержать откупъ за собою и на третій годъ [2]). При такихъ условіяхъ Андрею Тихому, повидимому, нечего было опасаться потери откупа, тѣмъ болѣе, что в. князь Сигизмундъ Казиміровичъ твердо держался непарушимости разъ заключенныхъ договоровъ. Однако судьба и здѣсь улыбнулась Аврааму Езофовичу: находясь въ Краковѣ, онъ напомнилъ королю (в. князю) Сигизмунду о томъ, что его слуги „поймали Андреевыхъ слугъ на дрейскихъ лукахъ [3]) и листъ его (Андрея) въ нихъ знашли, который онъ писалъ до дьяка своего, што на Бѣлой мешность, о серебро и о свинецъ и о панцыри, хотячи тые речи за границу (т. е. въ Москву) пропустити“. А такъ какъ вывозъ этихъ товаровъ настрого запрещенъ королемъ Александромъ, то подобный поступокъ Андрея составляетъ преступленіе. Въ виду же того,

---

[1]) Ibid. f. 182 (b) Извѣщ. кор. Александра объ отдачѣ имъ питейнаго откупа въ Смоленскѣ 7 янв. инд. 4 (1501), ibid. f. 224, отъ 7011 г. (1503 г.), мар. 29, гдѣ. Иванъ Новокрещенный названъ смоленскимъ мытникомъ.

[2]) М. Л. Зап. № VIII, f. 87, января 4, индиктъ 10.

[3]) Позднѣйшій г. Дрисса, на правомъ бер. р.Двины, при сліяніи ея съ р.Дриссою

что Андрей не принялъ никакихъ мѣръ къ своему оправданію, король объясняетъ, что „не годиться *ему того вряду, мыта Смоленскаго*, отъ насъ держати". Поэтому, уничтожая заключенный съ Андреемъ договоръ, в. князь отдаетъ смоленскую таможню на откупъ Авраму Езофовичу и его товарищу Яну Дитриховичу на три года за прежнюю сумму, т. е. 1,200 к. гр. [1]). Такимъ образомъ Аврамъ Езофовичъ удерживаетъ за собою таможенныя пошлины въ Смоленскѣ снова на 3 года.

По всей вѣроятности, Андрею Тихому и не пришлось вступить въ управленіе смоленскою таможнею, такъ какъ въ расходныхъ книгахъ короля Сигизмунда ассигновки на смоленскую таможню изъ Кракова (конецъ января и начало февраля) адресованы къ Авраму [2]).

Обвиненіе Андрея Тихаго не имѣло, однако, серьезныхъ основаній и было, всего скорѣе, плодомъ какого-либо недоразумѣнія; это всего лучше видно изъ того, что король приказываетъ новымъ откупщикамъ уплатить Андрею 400 копъ грошей, внесенныхъ имъ уже въ счетъ откупной суммы, но еще болѣе изъ того обстоятельства, что черезъ полгода Андрей Тихій вступаетъ въ компанію съ Аврамомъ Езофовичемъ.

Соединивъ капиталы, они берутъ у короля на откупъ не только смоленскіе таможенные, но и питейные доходы. Изъ королевской грамоты на этотъ предметъ видно, что Аврамъ и Андрей были старыми товарищами по откупу,—поэтому союзъ Аврама съ Яномъ Дитриховичемъ былъ лишь отвѣтомъ на попытку Андрея устранить отъ операцій своего стараго товарища. Такъ какъ откупная сумма доходила до 800 копъ гр. въ годъ (до 50,000 руб. современ.) и 880 Аврамъ съ Андреемъ внесли при полученіи грамоты, то они успѣли выговорить себѣ слѣдующую льготу: оставшуюся половину откупной суммы они уплачивали не вдругъ, а въ теченіи года, по ассигновкамъ („по квитанціи"). Въ управ-

---

[1]) M. Л. Зап. VIII, f. 90 (b), Краковъ, февр. 22, инд. 10 (1507 г.)

[2]) Ibid, Зап. VIII, f. 414 (b). Въ Краковѣ въ числѣ первыхъ ассигновокъ мы видимъ: „Богдану Коровѣ *у Аврама, зъ мыта Смоленскаго*, 7 копъ" „Олиферу *зъ мыта Смоленскаго*, у Аврама 7 копъ".

леніе откупомъ товарищи должны были вступить послѣ Успенія 1507 г. и собирать доходы въ теченіи трехъ лѣтъ [1]).

Въ то же время значительнѣйшіе таможенные и питейные откупа на юго-западѣ Литвы поступаютъ въ руки частію нѣмцевъ и частію старыхъ откупщиковъ евреевъ. Такъ, напр., мы видимъ, что таможенный откупъ въ Кіевѣ поступаетъ 28 ноября 1506 года мытнику луцкому Шаману Даниловичу, а 7 марта 1507 г. онъ же передаетъ свои права на луцкій таможенный откупъ краковскому бурмистру извѣстному Бонеру, до 2 апрѣля 1508 года [2]). Уступая Бонеру таможенный откупъ въ Луцкѣ для покрытія долга, Шаманъ однако не думаетъ отказываться отъ этого, такъ близко ему извѣстнаго мѣста и дѣла. Черезъ двѣ недѣли, т. е. 17 марта того же года онъ вмѣстѣ съ другимъ откупщикомъ временъ Казиміра Ягеллона—Нисаномъ Козкою береть таможенный откупъ въ Луцкѣ на слѣдующіе 3 года. Въ то же время *брестское мыто* взято на 5 лѣтъ *мѣщаниномъ* Леримомъ Герешомъ, въ возмѣщеніе долга въ 2,000 коп. грошей [3]), а восковыя пошлины въ Городно отданы съ 25 іюля 1507 года въ управленіе „къ вѣрной руцѣ“: бурмистру Ѳедку и мѣщанамъ Андреяну и Станку Бутевичамъ, писарю мѣстскому Ганусу и и двумъ евреямъ, Игудѣ и Лазарю [4]).

Что касается другихъ таможень и питейныхъ откуповъ, то они были отданы, по всей вѣроятности, въ управленіе мѣстнымъ старостамъ или намѣстникамъ, какъ мы видимъ, напр., въ Овручѣ, гдѣ питейный доходъ былъ предоставленъ намѣстнику п. Сенку Романовичу съ тѣмъ, чтобы онъ содержалъ двухъ пушкарей, привелъ въ исправное состояніе пушки и пріобрѣлъ нужное количество пороха [5]). Мы видимъ далѣе, что въ 1507 г. марта 26,

---

[1]) М. Л. З. № IX.

[2]) Докум. и Р. т. 1, № 46. Замѣтимъ при этомъ, что даже Боперъ не могъ вытѣснить Шамана Даниловича, несмотря на то, что успѣлъ за мѣсяцъ раньше, т. е. февр. 29, года 1507 получить луцкій таможенный откупъ на два года за ту же сумму, что платилъ Шаманъ.

[3]) М. Л. Зап. VIII, f. 94.

[4]) Ibid. f. 95. Въ Вильно, 15 іюля 1507 г.

[5]) М. Л. Зап. VIII, f. 96 (b) отъ 1507 г., ср. также f. 406, гдѣ въ 1509 году король предоставляетъ вновь корчму п. Сенку Палозовичу, п. ч. бояре и мѣщане

въ Краковѣ [1]) восковничему полоцкому Петру Сестренцу Навумовичу вручены 200 „квитанцѣй подъ сыкгнетомъ короля е. м. в. княжества", которые Петръ и повезъ въ Полоцкъ, а 4 ноября 1506 [2]) въ Гродно такія же квитанціи получаетъ Андрей „минцарь виленскій".—Во время же пребыванія короля Сигизмунда въ Вильно въ 1507 г. [3]) (лѣтомъ) полоцкіе восковничіе представили отчетъ въ полученіи пошлинъ съ воска отъ 5 декабря 1506 г. по 20 іюля 1507 и т. д.

Вступивъ 13 іюля 1507 г. въ управленіе таможеннымъ откупомъ въ Ковно и закрѣпивъ за собою таможню и питейный откупъ въ Смоленскѣ, Минскѣ и Новгородкѣ, Аврамъ Езофовичъ получаетъ отъ короля Сигизмунда подтвердительную грамоту на все выслуженное или пріобрѣтенное имъ въ царствованіе Александра. „Билъ намъ челомъ" говоритъ король Сигизмундъ, „*шляхетный* староста мѣста Смоленскаго, войтъ Минскій, Аврамъ Езофовичъ и покладалъ передъ нами данины привиля, листы брата Нашого, щастное памяти, Александра Короля и *Великаго Князя*" съ просьбою о подтвержденіи за нимъ всѣхъ этихъ пожалованій. Склонясь на сго челобитіе, король Сигизмундъ подтверждаетъ всѣ пожалованія, вычисленныя въ представленныхъ Аврамомъ документахъ, а именно: 1) „*имѣнье*" *Войдуны* въ виленскомъ повѣтѣ въ раконтишской волости [4]), 2) „*три службы* людей въ той же волости [5]), 3) „*островъ* [6]) *ловищъ*" королевскихъ, „на имя Студеныя болота и сѣножати котор. тежъ въ

оврудкіе, получивъ питейный доходъ въ свою пользу, не исполняли принятаго на себя обязательства содержать стражу въ полѣ противъ татаръ. Ibid. f. 106 (b). Питейный доходъ въ (О)Ршѣ арендуется на годъ князю Ѳ. Анд. Прихобскому (1508 г.)

[1]) Ibid. f. 268 (b).

[2]) Ibid f. 269.

[3]) Восковничіе эти были: Родивонъ Боровъ, Сава Бернищевъ и Петрашко Наумовичъ.—Что сборъ пошлинъ былъ имъ порученъ „къ вѣрной руцѣ", это доказывается представленіемъ ими подробнаго отчета о покупкѣ воска, объ остаткахъ его отъ продажи и т. д.

[4]) См. выше.

[5]) Наши „Док. и р" т. I, № 42, гдѣ эти оба пожалованія соединены въ одной грамотѣ и подтверждены королемъ Александромъ 17 іюня 1506 г.

[6]) Островъ здѣсь понимается въ *охотничьемъ* смыслѣ, т. е. сравнительно небольшой лѣсъ, окруженный со всѣхъ сторонъ полями.

томъ островѣ суть." 4) *село Подгорское* въ смоленскомъ повѣтѣ, состоящее изъ 6 службъ, „4-хъ панцырныхъ" и 2-хъ „тяглыхъ", 5) *дворъ* въ минскомъ повѣтѣ, на рѣкѣ Свислочи, называемый Шейничи, съ двумя службами людей, 6) *войтовство въ г. Минскѣ*, съ правомъ взиманія пошлинъ отъ передѣлки воска [1]), третьею частью судебныхъ пошлинъ и штрафовъ (на ратуши третій грошъ) и двумя свободными отъ всякихъ платежей корчмами въ самомъ городѣ Минскѣ. Изъ только что приведеннаго списка мы въ правѣ заключить, что уже въ 1507 г. Аврамъ Езофовичъ былъ довольно значительнымъ помѣщикомъ „земянином", „шляхетнымъ старостою Смоленскимъ и войтомъ Минскимъ."

Устроивъ такимъ образомъ свои дѣла, Аврамъ Езофовичъ приступилъ къ реализаціи полученныхъ имъ откупныхъ контрактовъ. Главнѣйшими изъ откуповъ были ковенскій и смоленскій. Въ первомъ Авраму принадлежали таможенныя пошлины, во второмъ таможенныя пошлины и питейные сборы. Какъ мы видѣли, большую часть времени съ 1495 г. Аврамъ провелъ въ Смоленскѣ. Поэтому ему были до тонкости извѣстны всѣ мѣстныя отношенія. Между тѣмъ, съ 1496 г. произошло огромное увеличеніе торговыхъ оборотовъ Ковно. Размѣры эти въ точности не были извѣстны Авраму, хотя не безъ достаточныхъ основаній рѣшился онъ предложить 600 копъ грошей за откупъ той таможни, которая въ его время приносила едва полтораста. Для ознакомленія съ размѣрами и причиною этой перемѣны Аврамъ Езофовичъ имѣлъ довольно времени: со дня вступленія въ управленіе ковенскою таможнею и до прибытія въ Вильно в. князя

[1]) „Воскобойня и капница", упоминаемыя въ этой грамотѣ, суть синонимы, какъ видно изъ грамоты 1499 г. (А. З. Р. т. I, № 165), гдѣ нѣтъ упоминанія о воскобойнѣ, а говорится только о капницѣ.—Передѣлка воска заключалась въ переплавкѣ свободныхъ отъ меда вощинъ въ полушаріи, или „штуки воску", вѣсомъ до 40 пуд. каждая (Д. и р. № 121); эти „штуки" выпускались затѣмъ въ продажу съ вытиснутою на нихъ печатью магистрата (Ср. подтверд. грамоту Сигизмунда I Полоцку отъ 1510 г. Ак. З. Р. т. II, № 61). Если воскъ забракуютъ въ Ригѣ или гдѣ либо, то съ продавца штрафъ (ib., № 70). Весьма старое положеніе, восходящее въ XII ст. Ср. Нанѣерскій Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами. Спб. 1857 г., № VII.

(т. е. со 2 апрѣля 1507 года)[1]) до половины іюня 1507 года[2]) прошло почти три мѣсяца. Аврамъ хорошо было понятно окончаніе полученной имъ грамоты на ковенскій таможенный откупъ: король приказывалъ здѣсь „внимательно доискиваться не опустили ли прежніе откупщики по своей небрежности какихъ либо пошлинъ. А потому, если окажется, что существовали изстари какіе либо забытые нынѣ сборы, то всѣ эти сборы Аврамъ возстановитъ для выгоды великаго князя[3]). Предчувствія короля Сигизмунда о томъ, что на ковенской таможнѣ теряются казною нѣкоторые доходы, подтвердилось какъ нельзя болѣе. Изъ того, что могъ узнать Аврамъ Ез. за трехмѣсячное управленіе таможнею, сдѣлалось совершенно очевиднымъ, что казна при откупной системѣ терпитъ громадные убытки. Явившись въ Вильно хлопотать о подтвержденіи на свои недвижимыя имѣнья, Аврамъ Езофовичъ сдѣлалъ въ то же время шагъ, который обезпечилъ за нимъ довѣріе короля Сигизмунда и былъ одною изъ причинъ возвышенія самого Аврама Езофовича. По откупному контракту Аврамъ съ товарищемъ имѣли полное право обратить всѣ доходы съ ковенской таможни въ свою личную выгоду. Однако трехмѣсячное знакомство съ оборотами таможни показало Аврамъ Езофовичу, что огромная масса пошлинъ исчезла безслѣдно для казны: разница между дѣйствительнымъ поступленіемъ доходовъ и откупною суммой была такъ велика, что уплаченная имъ съ товарищемъ откупная сумма почти въ 10 разъ была ниже дѣйствительности. Почему происходила такая разница и какимъ образомъ истинное поступленіе доходовъ оставалось неизвѣстнымъ въ царствованіе Александра, мы въ точности не знаемъ; можно, впрочемъ, предполагать, что чрезвычайное повышеніе доходовъ въ десятилѣтній промежутокъ съ 1496 по 1506 г. среди тяже-

---

[1]) „ Отъ нынѣшнего середопостя пріидучого“ (10), какъ выражается откупная грамота.

[2]) 7 іюня онъ еще въ Берестьѣ-Литовскомъ (Д. и Р. № 48).

[3]) Мытники должны „довѣдыватися того, естли будуть первыи мытники нѣкогорыхъ платъ мыта Нашого своею недбалостю опустили. И довѣдавшися старины, велѣли есмо имъ тотъ платъ, котор. жо бывалъ зъ вѣку съ того мыта Нашого за ся приводити ку нашаму пожитку“.

лыхъ войнъ съ Москвою, затрудненій отъ восшествія на польскій престолъ, борьбы съ польскими магнатами, напряженныхъ отношеній къ нѣмецкому ордену и т. д. легко укрылоеь при такомъ пассивномъ и слабомъ здоровьемъ монархѣ, какимъ былъ Александръ Ягеллонъ. Быть можетъ, что таможенный откупъ былъ отданъ на долгій срокъ [1]), деньги получены впередъ и сверхъ откупной суммы король вошелъ въ долги откупщику, какъ это постоянно бывало при короляхъ Казимірѣ и Александрѣ, поэтому трудно было обнаружить истинную цифру дохода.

Вмѣсто того, чтобы скрывать, подобно своимъ предшественникамъ, истинный размѣръ пошлинъ на ковенской таможнѣ, Аврамъ Езофовичъ является въ Вильно къ королю и, представляя ему истинное положеніе вещей, предлагаетъ: во 1) уничтожить откупной договоръ на ковенскую таможню [2]), 2) учредить въ г. Ковно особую таможню для сбора пошлинъ съ соли и 3) предоставить управленіе тѣми и другими сборами ему, Авраму Езофовичу.

Принятіе этого предложенія обѣщало королю огромныя выгоды: доходы ковенской таможни превышали откупную сумму почти въ *девять разъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что подобнаго рода отреченіе отъ собственныхъ выгодъ для блага государства встрѣчалось и во времена Сигизмунда крайне рѣдко. Съ другой стороны, умѣнье въ теченіи трехъ мѣсяцевъ открыть и установить истинную цифру доходовъ доказывало въ Аврамѣ далеко не заурядныя финансовыя способности. Поэтому то король, принимая предложеніе Аврама Езофовича, остается однако въ выжидательномъ положеніи, очевидно, не вполнѣ еще довѣряя его обѣщаніямъ и

[1]) Какъ это мы встрѣчаемъ напр. въ Новгородкѣ Литовскомъ, гдѣ мытникъ Оливеръ *Орядникъ* держалъ на откупѣ таможню въ теченіи *пяти* лѣтъ, и король по разсчету остался долженъ еще откупщику 260 к. гр. М. Л. Зап. VI, f. 497, Люб. янв. 17, индикт 9.

[2]) Вознагражденіе товарища по откупу Аврамъ Езофовичъ, очевидно, принимаетъ на себя. А такъ какъ въ то же время въ дальнѣйшихъ операціяхъ ковенской, минской и смоленской таможень мы не встрѣчаемъ ни Яна Дитриховича, ни Андрея Тихаго, то надо полагать, что вмѣсто откупной системы вступаетъ въ первые годы царствованія Сигизмунда I система отдачи таможенныхъ и питейныхъ доходовъ въ управленіе „къ вѣрной руцѣ“ за опредѣленное вознагражденіе.

прозорливости; такъ, напр., когда въ ноябрѣ 1507 г., въ Городнѣ, Аврамъ Езофовичъ заявилъ королю, что онъ отказывается отъ завѣдыванія питейнымъ доходомъ въ Смоленскѣ, такъ какъ королевскіе „служебные люди“ въ широкомъ размѣрѣ занимаются кормчествомъ [1]), то король, какъ бы не вполнѣ довѣряя Аврааму, поручаетъ завѣдываніе питейными сборами смоленскому окольничему, намѣстнику высокодворскому, п. Богдану Сопезѣ и казначею смоленскому, князю Тимофею Филиповичу Кроминскому. Результатъ однако оказался тотъ же. Двухмѣсячный опытъ заставилъ ихъ извѣстить короля, что въ виду необузданнаго корчемства солдатъ весь годовой доходъ короля отъ смоленскихъ корчемъ слѣдуетъ считать погибшимъ [2]). Тогда, все еще сомнѣваясь, король передаетъ питейный сборъ на откупъ смоленскому мѣщанину Олисею Лисневу за 400 же копъ грошей,— благо у Лиснева было задавненное обязательство короля Александра на 350 копъ грошей. Лисневъ былъ радъ, очевидно, получить хоть что нибудь, а потому отказался въ пользу казны не только отъ этого долга, но согласился еще уплачивать ежегодно по 400 к. гр. Однако, Лисневъ не могъ выполнить принятыхъ на себя обязательствъ, и въ 1509 г. мы видимъ смоленскіе питейные доходы въ управленіи Аврама Езофовича [3]).

Такимъ образомъ король еще разъ убѣдился въ правдивости Аврама. Если онъ отказался отъ ковенскаго откупа потому что здѣсь казна несла огромные убытки, то отъ смоленскаго питейнаго откупа онъ считалъ себя въ правѣ отказаться потому, что здѣсь онъ, Аврамъ Езофовичъ, долженъ былъ понести неминуемыя потери. Такимъ образомъ, въ рукахъ Аврама Езофовича въ 1507 г. находилось *управленіе* доходами ковенской и

---

[1]) Дату ноябрь 1507 г. мы ставимъ на томъ основаніи, что въ откупномъ договорѣ Лиснева, отъ 26 февр. 1508 г., говорится, что Аврамъ Езофовичъ отказался отъ управленія питейными доходами, будучи въ Гродно. Въ Гродно же король Сигизмундъ былъ въ ноябрѣ 1507 г., выѣхавши туда изъ Вильно (Д. и р. № 50, т. I).

[2]) М. Л. Зап. VIII, f. 98 (b).

[3]) М. Л. Зап. VIII, f. 442 (b) „князю Семену Соколинскому 12 локоть адамашки, а 12 копъ съ *корчомъ смоленскихъ*, въ Оврама“ (мая 15, индикт. 12, 1509 г.).

смоленской таможень, а равно *откупное* управленіе доходами минской и новгородской таможень.

По отъѣздѣ короля въ Польшу, Рада великаго княжества, въ виду войны съ московскимъ государемъ, не разъ обращалась по королевскому разрѣшенію съ денежными требованіями къ Авраму Езофовичу. Требованія эти, въ видѣ ассигновокъ на тотъ или иной источникъ доходовъ, составляли обыкновенную *форму* расходованія суммъ литовскаго казначейства [1]).

Когда въ 1508 г. іюня 26, отправляясь на театръ военныхъ дѣйствій, Сигизмундъ находился въ Минскѣ, то Аврамъ Езофовичъ представилъ ему счетъ этимъ авансамъ. Въ виду того, что суммы, выданныя Аврамомъ Езофовичемъ, значительно превосходили дѣйствительное поступленіе изъ источниковъ, бывшихъ въ его управленіи, король дозволяетъ ему эту передержку, т. е. 807 копъ и 15 грошей (50,000 руб. на современ. деньги), покрыть изъ соляныхъ пошлинъ въ Ковно. Поступленіе доходовъ изъ этого источника шло такъ успѣшно, что черезъ три мѣсяца съ небольшимъ, т. е. 5-го октября 1508 г. [2]) Аврамъ Езофовичъ получаетъ разрѣшеніе отъ короля Сигизмунда покрыть изъ соляныхъ доходовъ въ Ковно неуплоченные еще Авраму долги короля Александра т. е. 1,200 копъ грошей, а равно и взятые самимъ королемъ Сигизмундомъ 750 копъ грошей, а также и тѣ 10 копъ, которые Аврамъ заплатилъ королевскимъ дворянамъ за вводъ свой во владѣніе ковенскимъ откупомъ [3]).

Черезъ два мѣсяца, т. е. 30 ноября 1508 г., въ Гродно, Аврамъ Езофовичъ доложилъ королю, что согласно его распоряженіямъ, онъ долженъ былъ въ теченіи года со дня св. Маргариты, т. е. съ 12 іюля 1507 г. по тотъ же праздникъ въ 1508 г., погасить королевскіе долги. Назначенный срокъ слишкомъ великъ: онъ, Аврамъ Езофовичъ, не только погасилъ уже въ теченіи минувшаго полугодія эти долги, но еще получилъ излишекъ въ 535 копъ грошей, который и представляетъ королю.

---

[1]) Сравни, напр., расходныя книги короля Казиміра или же Сигизмунда I.

[2]) Док. и рег. т. 1, № 52.

[3]) Ibid. № 53. Въ Городнѣ, ноября 30, индиктъ 10.

Въ 1508 г. октября 8 заключенъ миръ между королемъ Сигизмундомъ и в. княземъ Василіемъ Ивановичемъ московскимъ; и вотъ, со всѣхъ сторонъ предъявляются королю счеты, поступаютъ просьбы, ходатайства о вознагражденіи за военную службу. Король старается удовлетворить всякаго по заслугамъ, сообразуясь, однако, съ наличными средствами казны. Такъ, напр., октября 24, назначая князя Юрія Александровича Гольшанскаго кіевскимъ воеводою, король въ то же время опредѣляетъ ему ежегодное жалованье въ 300 копъ грошей (20,000 руб.)[1]), князю Богдану Желавскому жалуетъ семью дворовыхъ (паробковъ) изъ королевскаго двора Мѣдники; монахамъ (старцамъ) спасскимъ 2 „штуки“ воску; казначею смоленскому князю Тимофею Филипповичу Кропинскому—2 куньихъ шубы; князю Вас. Андреевичу Полубенскому—2 постава сукна, Глѣбу Ивановичу Зеновьевичу—жеребца[2]) и т. д., и т. д. За наградами болѣе знатнымъ лицамъ слѣдуетъ вознагражденіе простымъ служилымъ людямъ—боярамъ и мѣщанамъ различныхъ земель и волостей великаго княжества литовскаго, напр., торопчанамъ[3]), полочанамъ[4]) и т. д.

По пріѣздѣ въ Вильно, 16 ноября 1508 г.[5]), король приступаетъ къ общему вознагражденію всѣхъ участвовавшихъ въ войнѣ съ московскимъ государемъ; здѣсь „отправа почата писати князямъ, панамъ и дворянамъ“, какъ выражаются книги. Предъявляетъ счеты гетманъ литовскихъ войскъ Константинъ Ивановичъ Острожскій[6]). Удовлетворяются наемныя войска и пушкари кіевскіе[7]). Но уже для удовлетворенія этихъ нуждъ не хватаетъ наличныхъ средствъ и король принужденъ занимать деньги у членовъ Рады, напр., 100 копъ грошей у старосты жомоитскаго, 100 червоныхъ злотыхъ у п. Ст. Кишки[8]).

Понятно, съ какимъ радостнымъ чувствомъ среди ежеминутно возрастающихъ денежныхъ затрудненій встрѣтилъ король

[1]) Ак. З. Р. т. II, № 44.
[2]) М. Л. Зап. VIII, f. 427, a слѣд. passim.
[3]) Ibid. f. 426 (b).
[4]) Ibid. f. 428 (b).
[5]) Ibid. f. 429.
[6]) Ib. f. 430—430 (b), напечатанъ въ А. З. Р. т. II, № 45.
[7]) М. Л. З. VIII, f. 430 (b).
[8]) Ibid. 430 (b).

Аврама Езофовича. Ковенская таможня рѣшительно превратилась въ его рукахъ въ золотое дно! Какое сообщеніе могло быть пріятнѣе той вѣсти, что не только значительные долги казны совершенно погашены, но, что ковенская таможня въ то же время представляетъ свободный источникъ для покрытія поступающихъ со всѣхъ сторонъ требованій. Не было надобности обращаться съ просьбами къ окружающимъ магнатамъ, не было нужды поступаться въ ихъ пользу тѣмъ или другимъ королевскимъ имуществомъ. Вмѣсто ничтожныхъ суммъ, которыми съ трудомъ поступались магнаты, таможня давала въ распоряженіе короля огромныя и совершенно свободныя отъ какихъ бы то ни было обязательствъ суммы. И король Сигизмундъ не замедлилъ обратиться къ этому новому источнику.

Въ началѣ 1509 г. Аврамъ Езофовичъ представилъ королю Сигизмунду отчетъ во всѣхъ доходахъ, полученныхъ имъ за полтора года съ ковенской соляной таможни, и въ расходахъ, сдѣланныхъ имъ за то же время по предписанію короля.

Съ ковенской таможни съ 12 іюля 1507 г. по Рождество Христово въ 1508 г. получено 7000 копъ грошей (420,000 руб. нынѣшнихъ). Съ 12 іюля 1507 г. по Рождество 1508 г. уплочено наличными деньгами и различными предметами (вѣроятно, солью, сукномъ и пр.), по королевскимъ предписаніямъ 4,665 копъ и 21 гр. (300,000 руб.). По пріѣздѣ въ Смоленскъ, уплочено по королевскимъ предписаніямъ 977 копъ и 10 гр. (60,000 руб. нынѣшнихъ). По предписанію короля уплочено въ Вильно начальникамъ наемныхъ войскъ („ротмистрамъ“) жалованье сукномъ и бархатомъ. Часть уплатилъ самъ Аврамъ, часть же вручилъ государственному казначею (подскарбію земскому), п. Ѳедку (Хребтовичу) сукномъ, бархатомъ и другими предметами, всего на 2,765 копъ и 7 гр. (170,000 р.). Итого 8,407 копъ и 40 гр. (500,000 р. нынѣшнихъ). Такимъ образомъ уже въ концѣ 1508 г. переборъ за счетъ Аврама Езофовича равнялся 3,595 золотымъ или по тогдашнему курсу 1,957 к. гр.[1]).

[1]) Изъ чего вытекаетъ, что золотой, надо полагать червоный, необыкновенно поднялся въ цѣнѣ, т. е. вмѣсто 22 или максимумъ 30 грошей литовскихъ, дошелъ до 34 грош.

Расходы на войну оказались однако настолько велики, что королю для расчета съ кіевскими и смоленскими наемными войсками („жолнерами“) и для вознагражденія королевскихъ дворянъ пришлось взять у Аврама Езофовича еще 3,673 к. и 20 гр., такъ что въ началѣ 1509 г. долгъ короля Сигизмунда Аврааму Езофовичу возросъ до 5,630 копъ и 50 грош. [1]). Для скорѣйшаго покрытія этого долга король предоставляетъ Аврааму Езофовичу, сверхъ ковенской таможни, еще соляныя и восковыя пошлины въ Полоцкѣ и сборъ восковыхъ пошлинъ въ Смоленскѣ, „къ вѣрной руцѣ“, т. е. король обязался не требовать доходовъ съ этихъ таможенъ впредь до покрытія Аврамомъ взятыхъ у него денегъ.

Размѣръ поступленія восковыхъ пошлинъ въ Смоленскѣ не можетъ быть пока опредѣленъ съ точностью, что же касается восковыхъ и соляныхъ пошлинъ въ Полоцкѣ, то съ 20 января 1507 г. по 20 января 1509 г. въ казну поступило таможенныхъ пошлинъ съ воску около 2,000 копъ и съ соли почти та же сумма [2]). Средній же размѣръ ежегоднаго поступленія пошлинъ на полоцкой таможнѣ простирался до 3,000 копъ гр. Уменьшеніе же пошлинъ въ 1507 и 1508 гг. почти на $^1/_3$ объясняется тѣмъ, что 1508 г. приходится на тревожное время бунта М. Глинскаго и на войну съ московскимъ государемъ.

Не успѣвъ, однако, покрыть въ 1508 г. всѣхъ расходовъ и не желая прибѣгать къ новымъ займамъ, король отдаетъ Аврааму Езофовичу 20 января 1509 года на откупъ питейные доходы въ Полоцкѣ съ меда, пива и водки на 3 года за 1,200

---

[1]) М. Л. Зап. VIII,. 104. „На память Аврамъ повѣдалъ вжъ взялъ съ коморы ковенское соленое отъ дня св. Малгореты (12 іюля), которое было индикта 10 (1507 г.), до свята Божого Нароженя, которое было индикта 12 (1509 г.), суммою 7,000 копъ гр.“.

[2]) М. Л Зап. VIII, f. 105. За первый годъ (т. е. съ 20 января 1507 г.) выпущено на полоцкой коморѣ за границу воску 14,411 камней (т. е. 10,830 пудовъ), а пошлины получено 1,441 копа гр. За второй годъ выпущено 4,812 камней (3,609 пуд.), пошлины поступило 480 копъ 12 гр. Соли за то же время, т. е. въ 1507 году, отпущено 19,374 „мѣховъ“ и съ нихъ получено пошлины 1,291 копа и 10 гр.; а въ 1508 г. съ 10,850 мѣшковъ получено 723 копы и 20 гр., т. е. всего за 2 года получено пошлинъ 3,937 копъ и 14 гр.

копъ гр. Получивъ впередъ 1,046 копъ, король говоритъ: а „если бы, Боже сохрани, случилось какое нападеніе (навольность) на Полоцкъ, и Аврааму отъ того случился убытокъ, то это ему не въ убытокъ („ино то ему не въ шкоду"), пот. что король приметъ эти убытки на себя" [1]). Не ограничиваясь Полоцкомъ, король отдаетъ Аврааму Езофовичу того же 20 января 1509 г. сборъ таможенныхъ пошлинъ („мыто") въ Минскѣ на 3 года за 900 копъ грош., при чемъ Аврамъ Езофовичъ ничего не уплачиваетъ королю впередъ, а обязывается разсчитываться по ассигновкамъ, которыя король будетъ давать „на жалованя" своимъ „князямъ, и панамъ, и дворянамъ".

Оставшись въ долгу у Аврама Езофовича на 5,630 копъ и 50 гр., король даетъ ему 11 февраля 1509 г. [2]) грамоту, въ которой, упоминая о причинахъ возникновенія этого долга, предоставляетъ ему со дня выдачи этой грамоты собирать на себя таможенные доходы съ соли въ Ковно, съ соли и воску въ Полоцкѣ и съ воску въ Смоленскѣ.

Съ прекращеніемъ чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ тяжелою войною съ московскимъ в. княземъ, мы видимъ, что поступленіе доходовъ и погашеніе долговъ идутъ успѣшно рука объ руку. Въ то же время обращенія короля къ Аврааму съ денежными предписаніями сравнительно сокращаются, а выдачи по ассигновкамъ незначительны, такъ что сумма *всѣхъ платежей* наличными деньгами, а также товарами, т. е. сукномъ, бархатомъ, атласомъ и т. п. не превышаетъ въ 1509 г. 1,291 копы грошей [3]).

---

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 113 (b).

[2]) Ib., f. 108 (b).

[3]) М. Л. Зап. VIII, f. 109 (b). То же мы видимъ и изъ расходной книги кор. Сигизмунда за 1509 г. Здѣсь за указанное время встрѣчаются: уплата 244 копъ грош. наличными, 3 постава колтринскаго сукна, стоящіе всего 24 копы гр., 5 поставовъ лунскаго – 100 к. гр., 75 локтей аксамиту на золотѣ, стоившіе 187 копъ гр., 126 локтей адамашки въ 48 копъ гр., 23 локтя сукна лунскаго въ 7 копъ и 40 гр.; 16 локтей махальскаго цѣною въ 1 к. 36 гр. Такъ что общая сумма выдачъ 612 копъ гр. Но сверхъ того Аврамъ Езофовичъ уплатилъ жалованье за полгода кіевскому гарнизону; размѣръ этого жалованья точно неизвѣстенъ, но если мы примемъ во вниманіе, что кіевскій гарнизонъ около 1529 года (М. Л. Зап. III, f. 410) равнялся 500 человѣкъ, при чемъ 300 изъ нихъ составляли постоянный

Въ половинѣ 1509 г. Аврамъ явился въ Краковъ для представленія отчета о движеніи доходовъ со ввѣренныхъ ему источниковъ. Еще до представленія отчета король занялъ у Аврама 350 червоныхъ злотыхъ въ счетъ доходовъ отъ чеканки монеты [1]). Черезъ три недѣли Аврамъ представилъ отчетъ въ расходахъ, сдѣланныхъ имъ по королевскихъ предписаніямъ съ половины февраля [2]) 1509 г. Расходовъ этихъ оказалось 1,391 копа гр., или 2,782 злотыхъ. Прибавивъ сюда занятые королемъ 350 злотыхъ, мы будемъ имѣть 3,132 злотыхъ, т. е. новый долгъ сверхъ подлежавшаго погашенію изъ доходовъ ковенской, полоцкой и смоленской таможенъ. Вслѣдъ затѣмъ Аврамъ Езофовичъ представилъ дополнительный счетъ объ уплатѣ жалованья смоленскимъ служилымъ людямъ: князьямъ, боярамъ и дворянамъ королевскимъ, всего на 809 копъ гр. И эти 809 копъ гр. присоединены были къ упомянутой выше суммѣ. Такъ, по крайности, должны мы заключить изъ того обстоятельства, что того же 29 іюня 1509 г. [3]) король заявляетъ, что Аврамъ Езофовичъ представилъ ему счетъ, изъ котораго оказалось, что со времени выѣзда короля изъ Вильны Аврамъ выдалъ по королевскимъ предписаніямъ 5,000 злотыхъ. Принимая во вниманіе, что 23 іюня того же года Аврамъ Езофовичъ представлялъ счетъ всего на 1,391 копу, или 2,782 злотыхъ, мы не можемъ найти никакого иного объясненія этому различію, какъ сдѣлавъ только что указанное предположеніе, т. е. присоединивъ 809 копъ, или 1,619 злотыхъ къ принятымъ раньше королемъ 3,132 злотымъ,

---

гарнизонъ, и что плата въ годъ солдату равнялась 5 коп. грошей, то мы, какъ кажется, можемъ безъ большой ошибки допустить, что жалованье, уплаченное этому гарнизону Авраномъ Езофовичемъ за полгода, равнялось 750 копамъ грошей. Сложивъ эту сумму съ указанною выше, мы получимъ 1,362 копы гр., что почти тожественно съ приведенною выше суммою.

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 111, Краковъ. 2 іюня, 1509 г.

[2]) Уже 18 февраля 1509 г. король Сигизмундъ находился въ дорогѣ изъ Вильно въ Польшу, какъ видно изъ акт. кн. Метр. Зап. VIII, f. 451. „Отправа давана маршалкомъ и секретаремъ паномъ Иваномъ Сопегою, княземъ и паномъ и дворяниномъ, лѣта Бож. нар. 1509, м-ца февр. 18 день, индикта 12, *какъ король е. м. ѣхалъ изъ Литвы до Польши.*

[3]) Док. и Рег. т. I. № 54.

т. образомъ мы получимъ 4,950 злотыхъ,—сумму, весьма близкую къ 5,000 злотыхъ.

Источники, бывшіе въ управленіи Аврама, составляли фондъ для покрытія старыхъ долговъ, т. е. 5,630 копъ гр. Не желая мѣшать этой операціи, король назначаетъ для покрытія новыхъ доходовъ изъ доходовъ ковенской таможни всего 1000 злотыхъ; для покрытія же остальныхъ 4000 король указываетъ другіе источники, а именно: 1000 злотыхъ Аврамъ Езофовичъ долженъ получить отъ виленскихъ „восковничихъ“ т. е. Занка (Станкевича), городничаго вилинскаго и слуги королевскаго Андрея (бывшаго минцаря виленскаго); 1000 злотыхъ долженъ былъ уплатить Аврааму братъ его Михель Езофовичъ изъ восковыхъ пошлинъ берестейскихъ, луцкихъ и владимірскихъ, а за 1000 зл. позволено Аврааму Езофовичу выпустить за границу безпошлинно соотвѣтственное количество воску. Наконецъ, пятая тысяча назначена изъ доходовъ виленскаго монетнаго двора, который вмѣстѣ съ тѣмъ и переданъ въ управленіе Аврааму. Такъ мы заключаемъ изъ того обстоятельства, что того же 29 іюня [1]) Аврамъ

---

[1]) Док. и рег. т. I, № 55.

Что монетный дворъ поступилъ въ управленіе Аврама Езофовича не ранѣе юня 1509 г., это подтверждается и слѣдующими соображеніями: виленскій монетный дворъ 9 февраля 1509 г. былъ отданъ въ управленіе краковскому мѣщанину Ульриху Гозію, въ рукахъ котораго *чеканка* монеты находилась до 24 августа 1510 года. Представляя королю отчетъ въ Краковѣ въ декабрѣ 1510 (индикть 14), Гозій говоритъ о томъ, что онъ получилъ отъ *подскарбія земскаго Аврама Езофовича* 13,000 гривенъ, которыя и перечеканилъ въ монету. Но Авраамъ Езофовичъ становится подскарбіемъ только въ концѣ 1509 г. Поэтому мы должны допустить, что монетный дворъ стоялъ цѣлый годъ безъ дѣйствія за отсутствіемъ нужнаго для монеты металла, но это предположеніе едва ли можетъ быть принято въ виду извѣстной состоятельности Гозія. Мало того, мы должны допустить, что вся эта масса серебра въ 13,000 гривенъ обращена въ монету только въ 1510 г., между тѣмъ какъ мы имѣемъ несомнѣнныя свидѣтельства, что въ 1509 г. монета чеканилась на виленскомъ монетномъ дворѣ. Лучшимъ доказательствомъ этому служатъ серебряные полугрошики отъ 1509 г. со штемпелемъ W (Вильно). Изъ того, что Авраамъ Езофовичъ получилъ въ свои руки управленіе монетнымъ дворомъ, не слѣдуетъ заключать, будто и чеканка монеты началась только съ этого момента: мы видимъ, что еще ранѣе король приказалъ Ульриху Гозію „бити минцу“, т. е. чеканить монету, но „минца“, монетный дворъ, имѣетъ и болѣе широкое значеніе; мы видимъ, что король не разъ назначаетъ выдачи „изъ минцы“ сукна, бархату, воску и т. д. Поэтому передача управленія монетнымъ дворомъ Аврааму Езофовичу

Езофовичъ вноситъ для этого королевскаго монетнаго двора 1000 гривенъ серебра или 5000 злотыхъ, изъ которыхъ должна быть постоянно чеканена монета до тѣхъ поръ, пока управлять монетнымъ дворомъ будетъ Аврамъ Езофовичъ. Такимъ образомъ въ половинѣ 1509 г. король Сигизмундъ все еще оставался долженъ Аврааму, старостѣ смоленскому, войту минскому, около 8000 копъ гр., или полмилліона рублей на наши деньги. Аврамъ не только не жалуется на это обстоятельство, не только даетъ для увеличенія оборотовъ монетнаго двора 2500 копъ гр. (150,000 руб.), но еще благодаритъ короля за его „ласку и жалованіе великое".

Пересматривая расходныя книги короля Сигизмунда за 1506—1509 г., мы всего разъ встрѣчаемъ назначеніе Аврааму Езофовичу ничтожной суммы въ 10 копъ грошей [1]). Правда, въ другой разъ мы встрѣчаемъ цѣнный знакъ вниманія короля къ Аврааму, а именно женѣ его Ганнѣ (Васильевнѣ) король жалуетъ дорогую кунью шубу („торлопъ куній") изъ смоленской казны [2]). Вотъ и все, что можетъ быть названо жалованіемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Слѣдовательно, заявляя о королевскихъ милостяхъ и пожалованіяхъ, Аврамъ имѣетъ въ виду нѣчто иное: Аврамъ не могъ разумѣть пожалованія какою либо должностью, такъ какъ съ титулами старосты смоленскаго и войта минскаго мы встрѣчаемъ его уже въ царствованія Александра. Не могъ Аврамъ подъ этими выраженіями разумѣть и передачи въ управленіе различныхъ источниковъ доходовъ, такъ какъ управленіе этими источниками не дало пока Аврааму ничего, кромѣ массы непогашенныхъ долговъ. Слѣдовательно, если

не возлагала на него завѣдыванія самою чеканкою монеты. Чеканка продолжала находиться въ рукахъ Гозія, завѣдываніе же оборотами монетнаго двора перешло въ руки Аврама Езофовича. Подтвержденіе этому предположенію мы имѣемъ и въ томъ обстоятельствѣ, что У. Гозій представляетъ отчетъ о прибыли и расходахъ по чеканкѣ монеты, а равно и самую отчеканенную монету Аврааму Езофовичу, а лишь спустя полгода послѣ этого преставляетъ особый краткій отчетъ королю. (М. Л. Зап. VIII, f. 114).

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 103. Справа почалася при Богушѣ Писарѣ, у Смоленску, М., сент., 8 д., инд. 12. на Матки Божее послѣднее день (1508).

[2]) Ibid., f. 443.

подъ именемъ жалованія и можно разумѣть что либо, то развѣ пожалованіе населенными землями.

И дѣйствительно, обращаясь къ актовымъ книгамъ, мы видимъ, что Аврамъ Езофовичъ, кромѣ земель, подтвержденныхъ за нимъ въ 1507 г., получаетъ отъ короля Сигизмунда слѣдующія имѣнія: I) первымъ и самымъ раннимъ пожалованіемъ мы должны считать, по ихъ незначительности, „двѣ пустыя землицы“, т. е. распаханныя, но покинутыя хозяевами, поля въ трокскомъ повѣтѣ: Кошеневскую и Бутевщину, въ тѣхъ размѣрахъ, какъ этими землями владѣлъ прежде п. Александръ Манькгирдовичъ; II) „дворецъ“ (хуторъ, фольваркъ) Гринковскій, въ трокскомъ же повѣтѣ. То и другое въ *пожизненное владѣніе* („до его живота“ [1]). Оба эти пожалованія нужно принять ранѣе 1509 г. Всего вѣроятнѣе, они случились въ концѣ 1508 г., при представленіи отчета съ ковенской таможни [2]).

Явясь въ 1509 г. съ отчетами въ Краковъ, Аврамъ Езофовичъ получаетъ (по ходатайству трокскаго воеводы Миколая Миколаевича Радивила) „человѣка одного въ сомилишской волости—Некраша Бутевича и землицу пустовскую брата того же человѣка, Петрашевщину“ [3]). Съ Бутевщины шла королю тяглая служба, Петрашевщина же была покинута своимъ хозяиномъ. Король, склоняясь на ходатайства Радивила, даетъ Авраму эти земли въ помѣстье („до нашое воли“). Спустя три недѣли король „за вѣрную старательную, неусыпную службу“ Аврама Езофовича обращаетъ пожалованныя ему ранѣе помѣстья, т. е. Гринковскій „дворецъ“ и пустыя земли Кошеневскую и Бутевщину въ вотчину: „тотъ дворецъ и пустовщины“ говоритъ король, „потвердили симъ Нашимъ листомъ ему (Авраму Езофовичу) и его жонѣ и ихъ дѣтемъ“.

Вотъ и все жалованье! Очевидно, Аврамъ Езофовичъ не былъ слишкомъ притязателенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ). **С. А. Бершадскій.**

[1]) М. Л. Зап. VIII, f. 303 (b).

[2]) Предположеніе наше основывается на томъ, что предпослѣднимъ владѣльцемъ Гринковскаго двора былъ староста городенскій Янъ Заберезинскій, убитый Глинскимъ въ 1508 г.

[3]) М. Л. Зап., VIII f. 305 (b). Краковъ, іюля 3, инд. 12 (1509 г.).

СЛАВА БОГУ, ДЛЯ НАЧАЛА И ЭТО ХОРОШО!

(Этюдъ изъ жизни прикарпатскаго народа).

I.

Натерпѣвшись и холоду, и голоду въ своей жизни, старый Шлёма стремился доставить своему единственному сынишкѣ Гавѣ въ будущемъ вполнѣ обезпеченное положеніе,—въ этомъ стремленіи помѣшала ему чрезмѣрная любовь къ сыну: любовь заставляла его кусать больше, чѣмъ онъ могъ проглотить, ну и подавился старикъ, оставивъ Гаву безъ крейцера, но съ завѣщаніемъ: „Гава! при всякомъ, даже малѣйшемъ, хорошемъ случаѣ въ твоей жизни всегда повторяй: слава Богу, для начала и это хорошо!

Гавѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда умеръ его отецъ. Росъ онъ въ деревнѣ, проводя цѣлые дни въ играхъ съ своими сверстниками—деревенскими мальчишками, то на улицѣ, то въ ихъ убогихъ хатахъ, или ловилъ раковъ въ ручейкѣ.

Еще ребенкомъ онъ отличался необыкновеннымъ любопытствомъ, проворствомъ и хитростью; эти качества дали ему возможность знать о жизни мужиковъ болѣе и подробнѣе, чѣмъ десятку мужицкихъ мальчиковъ его возраста.

Послѣ смерти отца, опеку надъ Гавою приняла какая то дальняя родственница,—тетушка или бабушка, жившая въ Дрогобычѣ. Это была старая еврейка, мелкая торговка, кормившая своимъ жалкимъ заработкомъ пять душъ собственныхъ дѣтей, кромѣ которыхъ было у нея еще трое взрослыхъ сыновей, жившихъ на собственныхъ хлѣбахъ, работавшихъ на себя и даже не думавшихъ помогать матери.

Опекунша отдала Гаву „до терміну“ учиться сапожному ремеслу, но Гавѣ ремесло это не понравилось. Когда на слѣдующій день по его вступленіи въ мастерскую, подмастерье, отправляя его въ шинокъ, вмѣсто денегъ на шкаликъ далъ ему подзатыльникъ, Гава, огорошенный такимъ страннымъ обычаемъ, вспомнилъ послѣднее завѣщаніе своего отца и вскрикнулъ: „Спасибо! Для начала и это хорошо!“, то „острота“ эта такъ понравилась всѣмъ подмастерьямъ, работавшимъ въ мастерской, что съ того же дня постоянно кто нибудь изъ нихъ дѣлалъ Гавѣ „хорошее начало“ то кулакомъ, то шиломъ, то шпандеромъ. Недѣля, прожитая среди такихъ истязаній, довела несчастнаго мальчика до отчаянія. Онъ ушелъ отъ сапожника и со слезами на глазахъ просилъ свою опекуншу взять его обратно.

— Я и безъ этого заработаю себѣ на хлѣбъ, увѣрялъ онъ ее не безъ гордости.

— Какъ же ты заработаешь, дуракъ, когда ремесла никакого не знаешь? спрашивала та.

— Что же я, гой, что ли, вскрикнулъ Гава, чтобъ не сумѣть прожить и безъ ремесла?

Замѣчаніе это опекуншѣ показалось настолько вѣрнымъ и убѣдительнымъ, что она предоставила Гавѣ полную свободу дѣйствій, объявивъ ему, впрочемъ, что болѣе недѣли кормить его не станетъ и позволитъ ему даромъ спать въ своей комнатѣ.

— Недѣлю даромъ! съ радостью вскрикнулъ Гава, значитъ, все, что я въ эту недѣлю заработаю, будетъ мое! Благодареніе Богу, для начала и это хорошо!

II.

Гава вспомнилъ свою деревенскую жизнь на улицѣ, у ручейка, среди полей, въ лѣсу съ деревенскими мальчиками, эту жизнь привольную, полную игръ, движенія и лѣтняго воздуха; но теперь было ему не до игръ... Среди этихъ воспоминаній онъ хотѣлъ отыскать что нибудь такое, чѣмъ можно было бы теперь воспользоваться. Память ему подсказала.

Проходя ежедневно утромъ по рынку, онъ видалъ тамъ старуху, сидящую возлѣ большой корзины, наполненной живыми раками.

Старуха продавала ихъ „на коны“. Гава вспомнилъ, какъ когда то искусно ловилъ онъ этихъ самыхъ раковъ, и сейчасъ же бросился распрашивать жидовъ о выгодности ихъ продажи. Такъ какъ дѣло касалось трефнаго (нечистаго), то жиды ему не отвѣчали. Пришлось обратиться къ старухѣ-торговкѣ. Она оказалась женой мельника изъ Вороблевичъ. Мужъ ея ловилъ раковъ въ городскомъ большомъ прудѣ, но обыкновенно въ городѣ было болѣе охотниковъ до раковъ, чѣмъ товара, почему она охотно согласилась покупать ихъ у Гавы, сколько у него будетъ, и платить ему по 10 крейцеровъ за копу, между тѣмъ какъ ей удавалось ихъ продавать по 15—20 и болѣе крейцеровъ за ту же копу. Гава и этимъ былъ доволенъ. Не теряя времени, сшилъ онъ себѣ длинный и узкій мѣшокъ съ веревкою черезъ плечи и утромъ слѣдующаго дня, захвативъ добрый ломоть хлѣба, поплелся за городъ искать мѣста, гдѣ водились раки. Но въ рѣкѣ, протекающей возлѣ Дрогобыча, ихъ было мало,—имъ вредилъ нефтяный „фузель“, стекавшій изъ фабрикъ въ воду и отравлявшій ее.

Пошелъ Гава вверхъ по рѣкѣ и наткнулся на ручеекъ, протекающій отъ деревеньки Дерижицъ среди сѣнокосовъ и возлѣ дубоваго лѣса Тептюжа.

Ручеекъ былъ маловодный, плылъ медленно, но имѣлъ много крутыхъ поворотовъ, глубокихъ и тихихъ омутовъ. Берега его почти сплошь были окаймлены лозой и ольхой, нависшими надъ самой водой и какъ бы полоскавшими въ ней свои корни. Гава даже въ ладоши захлопалъ отъ радости.

— Вѣдь это мѣстечко именно какъ будто созданное для раковъ! вскричалъ онъ.

И дѣйствительно, довольно было бросить одинъ пристальный взглядъ на дно ручейка, чтобы убѣдиться, что раковъ въ немъ видимо невидимо. Мѣстные мужики раковъ не ѣли, почему и водиться имъ тамъ было привольно. Гава готовъ былъ почти броситься на землю и цѣловать эти благословенные берега, которые считалъ уже своимъ владѣніемъ.

Немедленно сбросилъ онъ съ себя все платье, не исключая и рубашки, спряталъ все это за кустикъ, черезъ плечи повѣсилъ свои снасти и вошелъ въ воду. Спокойно, систематически, слегка покряхтывая, началъ онъ шарить руками въ рачьихъ гнѣздахъ, почти изъ

каждаго вытаскивая огромнаго рака, тщетно растопыривавшаго свои клешни, махавшаго длинными щупальцами и таращившаго глаза, какъ будто недоумѣвавшаго, что это за новые порядки начались въ ручьѣ, гдѣ съ незапамятныхъ временъ никто не обижалъ ихъ породы.

И часу не прошло, какъ Гава имѣлъ уже копу раковъ.

Спустя еще часъ, мѣшокъ былъ такъ полонъ и тяжелъ, что веревка начала въѣдаться ему въ тѣло. Гава почувствовалъ голодъ и утомленіе; къ тому же онъ отъ воды окоченѣлъ, а трава „ризючка", росшая вдоль береговъ, рѣзала его тѣло.

— Э, довольно на сегодня! сказалъ онъ самъ себѣ и пошелъ отыскивать свою одежду, таща за собою по водѣ мѣшокъ съ раками.

— Благодареніе Богу, говорилъ онъ, одѣваясь, для начала это совсѣмъ не плохо. Считая копу только десять крейцеровъ, получу за нынѣшнюю работу болѣе, чѣмъ двадцать крейцеровъ, а на эту сумму я могу прожить цѣлую недѣлю! Э, великъ нашъ Богъ! Затѣмъ, срѣзавъ и обдѣлавъ себѣ суковатую палку, онъ привязалъ къ одному ея концу мѣшокъ съ раками и, взваливъ его себѣ на плечи, пошелъ до Дрогобыча, жуя по пути сухой хлѣбъ, данный ему теткою на весь нынѣшній день.

До города было вовсе не близко, по меньшей мѣрѣ съ полмили. Для Гавы, поработавшаго въ водѣ и съ ношею на плечахъ, этотъ путь былъ даже очень далекій. Только позднимъ вечеромъ дотащился онъ до жалкой лачуги, въ которой жила его опекунша. Сначала онъ боялся, чтобъ раки не подохли безъ воды, и все время своего путешествія прислушивался къ ихъ тихому шелесту въ мѣшкѣ. Убѣдившись, что шелестъ этотъ не ослабѣваетъ, Гава одушевился. Но тѣмъ не менѣе, когда пришелъ домой и высыпалъ своихъ плѣнниковъ въ кадушку съ свѣжей водой, онъ не безъ сожалѣнія убѣдился, что почти полкопы ихъ передохло. Немногаго недоставало, чтобы Гава не расплакался въ виду такой потери. Ворочаясь на своей жесткой постели съ боку на бокъ, въ эту ночь долго онъ думалъ, какъ бы ему въ будущемъ предохранить себя отъ такого рода потерь. Но выдумать самъ не могъ онъ ничего и заснулъ съ тѣмъ рѣшеніемъ, чтобы завтра же распросить на этотъ счетъ старуху мельничиху, которой онъ подрядился доставлять свой товаръ.

III.

Раки оказались для Гавы очень важнымъ подспорьемъ въ жизни, но не надолго. Мужики, сѣнокосы которыхъ прилегали къ этому ручейку, встрѣчая его почти каждый день въ водѣ, сначала не обращали на него никакого вниманія, но, разузнавъ, что это еврей, а евреи раковъ не ѣдятъ, додумались до того, что должно быть онъ ловитъ ихъ для продажи, и запретили ему эту охоту. Нѣсколько разъ Гава пробовалъ ходить украдкой на ловлю, но, когда разъ мужики, поймавъ его, поколотили, отняли раковъ и еще хотѣли ободрать, то онъ пришелъ къ убѣжденію, что заработокъ его конченъ. Къ тому же появились опасные для него конкурренты. Мужики, видя, что этихъ презрѣнныхъ для нихъ до сихъ поръ раковъ можно превращать въ деньги, бросились сами ловить ихъ, посылая въ ручеекъ цѣлыя толпы своихъ дѣтей. День деньской притаскивали въ городъ цѣлые большіе мѣшки раковъ, такъ что вскорѣ ручеекъ совершенно опустѣлъ, и въ немъ осталась только мелюзга, вовсе не годная къ продажѣ.

Горько плакалъ Гава, не столько отъ побоевъ, сколько отъ этого перваго своего разочарованія, проклиналъ мужиковъ, пропитывался ненавистью къ нимъ, сознавая, впрочемъ, что противъ силы ничего не подѣлаешь. Другаго такого ручья вблизи не было. Оставался только одинъ исходъ – искать какого нибудь другаго заработка.

— Отчего это ты шатаешься такъ безъ всякаго дѣла, Гава?! спросилъ его разъ старый Фавель.

— Что же я буду дѣлать? сказалъ Гава.

— Тебѣ нечего дѣлать? удивился Фавель.—Это плохо, ежели не знаешь, что дѣлать. Жидъ всегда долженъ имѣть, что дѣлать.

Гава разсказалъ ему о своемъ горѣ съ раками.

— Дуракъ ты, Гава, замѣтилъ ему Фавель.—Не жидовское это дѣло ловить трефныхъ раковъ.

— Но деньги за нихъ не трефныя, возразилъ Гава.—Я прожилъ на нихъ слишкомъ два мѣсяца, и еще успѣлъ сберечь цѣлыхъ два гульдена.

— Цѣлыхъ два гульдена! вскрикнулъ Фавель.—Э, такъ ты богачъ! Послушай, Гава, сказалъ онъ, подумавъ немного, пойдемъ со мной по деревнямъ на заработки...

— Какой же у васъ заработокъ?

— Ты не знаешь, какой у меня заработокъ?—„Щетины, кожушины, волосины“,—вотъ что я покупаю. И ты будешь со мною въ компаніи. Придемъ въ село, ты возьмешь одну его сторону, я возьму другую; ты будешь покупать на свой счетъ, а я на свой...

— Ну, а когда накупимъ, что тогда?

— Я тебя научу, что тогда дѣлать, кому и какъ продавать.

— Э, а ежели это плохой гешефтъ?

— Не бойся, дуракъ! Старый Фавель не дастъ тебѣ худаго совѣта и обманывать тебя не станетъ. Я вижу, что ты, хотя малъ, но ловкій парень, и думаю, что тебѣ же лучше заработать что нибудь, чѣмъ здѣсь по городу топтать мостовую. Пойдемъ!

— Скажите прежде, сколько вы можете въ недѣлю этакъ заработать?

— Какъ случится, Гава. Можно заработать гульденъ, а можно и десять, не считая харчей.

Глаза Гавы блеснули дикимъ огнемъ, когда онъ услышалъ о возможности заработать въ недѣлю десять гульденовъ. Какія ужасныя деньги! Нерѣшительность его пропала сразу.

— Хорошо, рѣшилъ онъ, пойду съ вами! Когда пойдемъ?

— Завтра.

— Хорошо, пойду завтра. Только знаете что, ребъ Фавель? Въ воскресеніе мы должны будемъ быть здѣсь опять...

— Я возвращаюсь обыкновенно въ пятницу, а иногда бываю въ городѣ два раза въ недѣлю.

— А въ понедѣльникъ мы должны оставаться въ городѣ.

— Для чего же это?

— Для того, что я въ понедѣльникъ здѣсь придумалъ еще одинъ гешефтъ...

— Вотъ ка-а-а-къ! протяжно сказалъ Фавель, бросивъ на Гаву полный удивленія къ его энергіи, пристальный взглядъ.

IV.

Всю недѣлю проходилъ Гава съ Фавелемъ по деревнямъ, выкрикивая подъ окнами хатъ: „щетины, кожушины, волосины“! Защищался онъ отъ деревенскихъ собакъ толстой палкой, торговался съ

мужиками, какъ старый, привычный къ этому торгашъ, и съ завистью поглядывалъ на мужицкихъ дѣтей, свободно играющихъ на вольномъ просторѣ. Время тогда было рабочее, торговля шла вяло, и оба они съ очень скромной добычей возвратились въ пятницу вечеромъ въ Дорогобычъ. Свиную шерсть занесъ Гава къ щетиннику и продалъ ее хорошо, прочій же товаръ купилъ у него самъ Фавель; весь недѣльный заработокъ за вычетомъ прокормленія не далъ даже гульдена. Гава покривился.

— Не бойся, дуракъ! сказалъ Фавель. — Чего же ты хотѣлъ? Теперь лѣто, полевыя работы, а наша торговля только зимой развертывается. Зимой мужикъ свиней рѣжетъ, тогда и шерсти у него довольно, иногда же и шкурку изъ куницы, барсука или зайца за самую ничтожную цѣну удается купить,—вотъ тебѣ и гешефтъ! Но Гава уже не слушалъ. Для него это было будущее, онъ же заботился о настоящемъ. На завтра, хотя это былъ шабашъ, онъ пошелъ на спичечный заводъ и купилъ оптомъ за гульденъ спичекъ и отдѣльно спичечныхъ коробочекъ. Немедленно, несмотря на праздникъ и брань своей опекунши, уважавшей обычаи шабаша, принялся онъ наполнять пустыя коробочки спичками, уравнивая на ихъ счетъ полныя. Работалъ онъ не спѣша, съ разсчетомъ, и къ вечеру воскресенья имѣлъ уже полныхъ 150 коробочекъ, вмѣсто купленныхъ 100, по крейцеру каждая.

Наступилъ понедѣльникъ, базарный день въ Дорогобычѣ. Гава захватилъ свои спички, бросился на базарную площадь, уставленную мужицкими возами, и выкрикивалъ изо всей силы:

— Сирныки свижи, сирныки!

Для площади это была новинка, почему вскорѣ окружили его и бабы, и мужики. Хотя невдалекѣ на „пидсинню“ было много лавочекъ со спичками и всякою нужною въ хозяйственномъ обиходѣ мелочью, но все таки товаръ его шелъ на расхватъ. Одинъ не хотѣлъ уходить отъ воза, изъ боязни, чтобы кто нибудь чего не стащилъ; другой покупалъ потому, что на „пидсинню“ большая давка, здѣсь же и выбрать, и разсмотрѣть удобнѣй; третій покупалъ просто потому, что другіе покупаютъ. Къ вечеру Гава распродалъ всѣ свои спички и заработалъ 50 крейцеровъ на гульденъ.

— Ну, слава Богу, сказалъ онъ,—для начала это даже очень хорошо!

Съ этихъ поръ торговля его распалась на двое. Всю недѣлю ходилъ онъ съ Фавелемъ по селамъ, покупая щетину и шкурки, а въ понедѣльники бѣгалъ по базару со спичками. Со временемъ эта базарная торговля его распространилась сама собой.

— А не маешъ ты батогивъ, жыдыку? спросилъ Гаву разъ мужикъ, которому онъ предлагалъ свои спички.

— Батогивъ? переспросилъ Гава.—На що батогивъ? Ему казалось, что мужикъ потѣшается надъ нимъ.

— Якъ то на що? На продажъ. Купывъ бымъ, а не хоче ми ся йты на пидсиння.

— А видкы я маю маты батогы?

— Якъ то видкы? Жыдъ усе повиненъ маты.

Эти слова Гава твердо запомнилъ.

— Знаете шо, нанашку [1])? сказалъ онъ, подумавъ немного. Зачекайте хвылыну, заразъ вамъ будуть батогы.

И онъ мигомъ побѣжалъ на „пидсинне“ и купилъ съ полдюжины батоговъ на выборъ, конопляныхъ и ременныхъ. Продалъ ихъ въ этотъ день безъ прибыли, потому что не могъ брать дороже, чѣмъ брали на „пидсинни“, а и тамъ не хотѣли ему продать дешевле, чѣмъ остальнымъ. Но въ головѣ бойкаго мальчика уже созрѣла мысль—докопаться до источника, изъ котораго продавцы на „пидсинни“ получали эти батоги, а съ ними и свои барыши, и тамъ продѣлать такой же гешефтъ, какъ и со спичками, и съ тѣмъ же успѣхомъ.

V.

Прошла зима, прошелъ и цѣлый годъ среди такой работы. Гава не жалѣлъ ни ногъ, ни рукъ, ни глотки, но и заработывалъ такъ, что даже не одинъ еврей и постарше его ему завидовалъ. Между тѣмъ этотъ заработокъ уже не удовлетворялъ его; болѣе всего злила Гаву конкурренція, которая какъ будто шла за нимъ по пятамъ. Теперь уже всякій понедѣльникъ множество маленькихъ жиденятъ разбѣгалось по городу со спичками, батогами, мазью для телегъ и всякою мелочью; заработокъ оскудѣвалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обманъ,

[1]) Нанашко—въ подгорскомъ нарѣчіи крестный отецъ. *Авт.*

почти грабежъ, дѣлался все наглѣе и наглѣе, что отибвало и покупателей. Гава долженъ былъ искать новыхъ доходныхъ статей.

Съ давнихъ поръ обращалъ на себя его вниманіе старикъ въ старосвѣтскомъ мѣщанскомъ уборѣ, какой носятъ еще кой гдѣ въ малыхъ, глухихъ городишкахъ. Всякій понедѣльникъ онъ являлся на базаръ съ чепцами, бѣлыми и зелеными, очень красивой домашней работы. Носилъ онъ палку съ колокольчикомъ, прикрѣпленнымъ на верхнемъ ея концѣ, среди разноцвѣтныхъ лентъ; нѣсколько ниже на деревяныхъ гвоздяхъ, вбитыхъ въ палку, понавѣситъ, бывало, старичекъ на зеленыхъ веревочкахъ эти чепцы и идетъ по тротуару, что кругомъ рынка, держа палку, поднятую высоко надъ толпой людскихъ головъ и встряхивая ею отъ времени до времени, но никому не говоря ни слова. Были у него покупщики, но мало. Старикъ былъ очевидно меланхолически настроенъ, до разговоровъ не охотникъ и не любилъ торговаться. Первое его слово было всегда и послѣдней цѣной его товара.

— А шо, матуню, спросилъ однажды Гава у какой то женщины, которая только что купила чепецъ у этого человѣка, совсѣмъ не торгуясь,—добри чепци той чоловикъ продае?

— Хто, Старомиський? О, нема надъ его чепци. Оденъ на десять литъ выстане. Я се для невистки купыла. Не першый разъ у него беру, и цина у него все однакова.

— А чому жъ у нёго такъ мало купуютъ?

— Або я знаю? Бо не жыдъ. До жыдивъ уси йдуть и беруть послидне дранте, та ще й наторгуватыся мусять до сёмого поту, заки за таку саму цину дистануть.

Гава скоро рѣшился и подошелъ къ мѣщанину.

— Щасты вамъ, пане Старомиський! сказалъ онъ, кланяясь.

Старикъ удивленными глазами взглянулъ изъ подъ нависшихъ бровей на жалкаго, ободраннаго жидка, здоровавшагося съ нимъ, какъ будто съ старымъ знакомымъ.

— Тьфу на твого батька клапчастого, говорилъ онъ, отплевываясь, а ты видкиля мене знаешъ?

— Ны, пане Старомыський, хто бы васъ не знавъ. Васъ, Богу дякуваты, вси знають. А по чому чипчыкы продаете?

— По двадцить новыхъ, або шо?

— Бо я бы хотивъ у васъ купыты.

— Агу, а тоби на що? Чы для матеры твоеи лысои?

— Для матеры, або й не для матеры, а вамъ шо до того? Килько ихъ ту маете?

— Ще висимъ, або що?

— Ны, яки жъ бо вы! Висимъ по двадцить новыхъ, то писнацить шистокъ. А шо спустыте, якъ уси визьму?

— Тю на твою голову паршыву! А на що тоби всихъ?

— Шо спустыте, якъ уси визьму? настаивалъ Гава, улыбаясь.

— Та видчепысь ты видъ мене! закричалъ Старомиськiй.—Я не твий дурень, щобы ты соби зъ мене кпы робывъ.

— Ны, ны, хочете дванацять шистокъ? Ни? Отъ вамъ трынацять за вси наразъ, готовыми гришмы. Чого вамъ треба? Маете волочытыся зъ нымы ще тры понедилкы, то чы не липше вамъ видразу готови гроши взяты?

Старикъ, не довѣряя происходящему, задумался. Такой продажи ему еще не случалось дѣлать. Въ семьѣ его держался этотъ промыселъ съ незапамятныхъ временъ какимъ то особеннымъ, старосвѣтскимъ обычаемъ. Дѣдъ его и отецъ, люди довольно зажиточные, занимались этимъ промысломъ только иногда, между дѣломъ, плели чепцы „на обсталюнокъ“ и никогда ихъ не носили въ городъ продавать, у него же вышло нѣсколько иначе. Раздѣливъ предковскую землю между своими двумя сыновьями, зажившими всякiй про себя хозяинами, хотя довольно бѣдными, старикъ Стромiйскiй со старухой остались въ своемъ старомъ гнѣздѣ, да еще и не сами; у нихъ было еще три дочери, здоровыхъ, хорошо сложенныхъ и миловидныхъ: у всѣхъ у трехъ ноги были совсѣмъ неразвиты и безсильны, такъ что онѣ только съ большимъ трудомъ и медленно могли передвигаться съ мѣста на мѣсто. Эти бѣдныя обиженныя созданiя какъ будто нарочно были предназначены для усидчиваго труда, какой дѣйствительно и выпалъ имъ на долю. Хорошiя швеи, онѣ своимъ трудомъ зарабатывали не только на свое собственное пропитанiе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и поддерживали своихъ родителей. Въ минуты отдыха онѣ плели тоже чепцы, помогая въ томъ отцу, мать же ихъ работала или въ маленькомъ огородчикѣ, что возлѣ хаты, или возилась съ коровой и др. домашней живностью. Когда же чепцовъ

набиралось готовыхъ нѣсколько паръ, отецъ отправлялся съ ними въ ближайшіе города, ходилъ съ одного базара на другой, выручая съ продажи, за вычетомъ собственныхъ издержекъ, деньги, рѣдко превышавшія 20 или 30 крейцеровъ. Рѣдко удавалось ему распродать весь вынесенный на базаръ товаръ, а теперь ни съ сего, ни съ того какой то дрянный жиденокъ покупаетъ все сразу!

— Давай чотырнадцять! сказалъ онъ.

— Ны, дай Боже добрый початокъ! сказалъ Гава и отсчиталъ деньги. Але давайте все, зъ лискою.

— А лискы тоби на що?

— На щастя!

— Тьфу на твою голову! Беры й лиску, тильки за дзвинокъ десять крейцеривъ верны.

— Знаете, що? сказалъ Гава. Заждить вы ту въ шынку, я вамъ лиску заразъ прынесу. Я тильки такъ, въ позыку ей визьму.

— Ну, добре, пробормоталъ Старомійскій и отправился въ шинокъ, чтобъ выпить стаканъ пива послѣ такой удачной продажи. Одурывъ мене, проклятый жыдъ! бормоталъ онъ самъ про себя, сидя за столомъ. И чипци за собачи грошы купывъ, и ще й лиска вразъ изъ дзвинкомъ пропаде.

Но бормоталъ онъ это неувѣренно, такъ только, чтобъ времени не терять, потому что на самомъ дѣлѣ былъ доволенъ продажей, а палки нечего было жалѣть,—палка была обыкновенная, изъ дикаго орѣшника, и колокольчикъ не особенный, маленькій...

Между тѣмъ Гава, получивъ въ свои руки чепцы съ палкой, мигомъ очутился на базарѣ сначала между возами, потомъ бросился на базарныя площади и наконецъ по „пидсиннямъ“ и вездѣ надѣлалъ такого шуму, восхваляя свой товаръ, что народъ началъ стекаться вокругъ него, какъ будто онъ привелъ медвѣдей. Не прошло и полчаса, и Гава распродалъ чепцы не по 20, а по 25 крейцеровъ.

— Доброго вамъ здоровля, пане Старомійськый!—съ такимъ возгласомъ влетѣлъ онъ въ шинокъ. Отъ вамъ ваша лиска!

— А чипци де? спросилъ Старомійскій.

— Якъ то де? Занисъ до дому. Знаете що, може выпьете ще склянку пыва?

— Та выпыты бъ то чоловикъ выпывъ, але грошей дасть Бигъ. Треба ще нытокъ на нови чепци купыты.

— Ны, выпыйте за мои гроши. А я вамъ за той часъ буду шось казати.

— Тьфу на твого батька запливомизького! Чы помана якась учепылась мене ныни зъ тымъ жыдюгою? бормоталъ Старомійскій, но улыбался на этотъ разъ совсѣмъ ужъ добродушно, покуда Гава заказывалъ пиво.—Ну, що жъ тамъ таке маешъ мини казаты? Кажы!

— Хотивъ я васъ запытаты, чы багато вы такыхъ чипцивъ на тыждень можете зробыты?

— Якъ до потребы. Звычайно, робымо десять. Але якъ бы тилько нытки, то мы моглы бы зробыты й сорокъ, и пятьдесять. Можна бы вси тры дочкы до роботы засадыты, ще й стару до помочы. Тилько бида, що мало продаемо, то на якого чорта ихъ и робыты такъ много?

— Знаете шо, зробить вы для мене на другый понедилокъ пятьдесять! Я видъ васъ уси куплю. По 15 крейцеровъ за кождый.

— Эге—ге, дешево бъ ты хотивъ!

— Ны, але жъ я беру вси наразъ, то такожъ шось значыть. Не потребуете по ярмаркахъ волочытысь. Ничого васъ те не обходыть, чы буде добрый торгъ, чы ни—вы маете свое. А я ще чы продамъ, чы не продамъ, то тилько Богъ знае.

— Ну, вже бо то ты та не продавъ! Твій предокъ Юда Скарыотськый и Хрыста продавъ, а ты бъ чипца не продавъ! Ни, серденько, дай по висимнадцять за чепець, та й згода.

— Але жъ змылуйтеся, пане Старомійськый! взмолился Гава,—сами бачыте, я бидный жыдокъ, самъ неразъ не маю, що исты, а вамъ заробокъ даю. Ны, нехай буде по шиснадцять! Колы хочете, то й завдатокъ вамъ дамъ, щобы сте малы за шо нытокъ накупыты. А знаете шо, робить по половыни,—половыну чипцивъ билыхъ, а половину зеленыхъ, бо въ де якыхъ селахъ носять били, а зеленыхъ не купуютъ.

— Колы жъ бо зелена нытка мицнійша, отвѣчалъ простодушно Старомійскій.

— Вотъ старый дуракъ! подумалъ Гава. Когда бъ я зналъ, что тѣ крѣпче, а эти слабѣе, то не дѣлалъ бы и не продавалъ бы

крѣпкихъ совсѣмъ. Вѣдь это мнѣ же убытокъ. Развѣ эта баба не говорила, что одинъ чепецъ десять лѣтъ носитъ? А это значитъ, что въ эти десять лѣтъ другаго не купитъ. Тьфу на такую глупую голову!

И добавилъ вслухъ громко.

— Вы вже про те не дбайте, котри мицнійши, а котри слабши, а робить такъ, якъ я васъ прошу. Я знаю, шо ваша робота добра, побачу, якъ пиде розпродажъ. А якъ пиде добре, то мы зъ вамы зробымо таку згоду, що вы будете соби помаленьку плесты и гроши загрибаты, а я буду розпродуваты. Вы позбудетеся клопоту, а може шо й для мене капне.

— Чы ще бы такому шпекулянтови не капнуло! молвилъ Старомійскій и потрепалъ Гаву по плечу. Тебе невно маты въ сами кучкы вродыла та й ще въ слотави, и пидъ самымъ оканомъ поклала, то вже тамъ на тебе добре накапало, не бійся!

Ударили по рукамъ, и Гава немедленно далъ Старомійскому въ видѣ задатка тотъ самый гульденъ, который только что заработалъ на его чепцахъ. Въ слѣдующій же понедѣльникъ, получивъ цѣлую полсотню чепцовъ, онъ ихъ на базарѣ болѣе не продавалъ, а отправился съ ними по селамъ, и тамъ то продавалъ ихъ, то обмѣнивалъ, давая въ придачу и свой товаръ, и рѣдко изъ какой хаты не выходилъ съ хорошимъ барышемъ.

VI.

— Ну, диты! воскликнулъ Старомійскій, входя въ свою убогую избу,—тиштесь, давъ намъ Богъ щасте!

— Богу дякуваты! отвѣтила Старомійская, старая, покрытая морщинами женщина! Богу дякуваты! А яке щасте?

Старомійскій, не говоря ни слова, вытащилъ изъ своей кожаной сумы нѣсколько большихъ свитковъ полушелковыхъ нитокъ, затѣмъ нѣсколько локтей разноцвѣтныхъ лентъ и блестящихъ стеклянныхъ бусъ—для „дѣтей“.

— На, маете! воскликнулъ онъ торжественно, раскладывая всѣ эти сокровища на столѣ. Мать и „дѣти“ только глаза вытаращили.

— А то що? А то видки? спросили въ одинъ голосъ всѣ три дѣвушки.

— Ага, видки? Видъ жыда.

— Ну, знаемо, що не видъ вовка. Але за яки гроши?

— За жыдивськи.

— Та бо говоры на розумъ! перебила старуха. Де чипци?

— Продани вси до 'дного. И не досыть на тимъ. На другый понедилокъ мае буты готовыхъ ще пятьдесять штукъ, и мусыть буты готовыхъ, абы ту незнать що. Я вже завдатокъ взявъ, цилого рымського.

— Пятьдесять штукъ! вскрикнули всѣ четыре женщины.—А то для кого стилько чипцивъ потрибно?

— Певно десь циле село дивчатъ наразъ замужъ иде, шутила старшая дочь.

Старомійскій разсказалъ свое приключеніе съ жидкомъ въ Дрогобычѣ.

— Эй, старый! Задумчиво произнесла Старомійская, вважай тилько, щобъ тебе той жыдокъ въ дурни не пошывъ!

— Якъ мене мае пошыты? воскликнулъ Старомійскій. Я його можу пошыты, бо—мъ узявъ видъ нёго рымського завдатку. А винъ що мини може зробыты?

— Може взяты чепци и не заплатыты.

— Го—го, на таку полову мене не зловыть! Положы гроши, то й беры товаръ, така въ мене встанова.

— Але жъ ты не знаешъ, хто винъ и що винъ, то якъ же жъ можешъ заходыты зъ нымъ у дило?

— А мини що до того, хто винъ и що винъ! Нехай тилько роботу дае и гроши платыть! А тамъ нехай буде соби й чортъ лысый, щобъ тилько мы чесно свое дило зробылы.

— Бійся Бога, чоловиче, що се ты выговорюешъ! воскликнула старуха, набожно крестясь, и уже болѣе на счетъ жида не дѣлала никакихъ замѣчаній.

Немедленно вся семья Старомійскихъ принялась за станки. Всю недѣлю, какъ на машинѣ, шла работа. Всѣ сидѣли, не разгибая спинъ, не досыпая ночей, едва поспѣвая отдохнуть нѣсколько минутъ и то во время обѣда и ужина.

Единственнымъ развлеченіемъ бѣдныхъ дѣвушекъ при этой однообразной и скучной работѣ служили пѣсни. Онѣ пѣли безъ умолку,

изливая въ пѣсняхъ свою наболѣвшую душу. Тутъ слышалось сожалѣніе о невозможности наслаждаться въ юности жизнью, о невозможности вращаться въ этомъ бушующемъ и блестящемъ водоворотѣ, который шумно проносился мимо нихъ и изъ котораго онѣ, какъ имъ казалось, навсегда были исключены, подобно вѣткѣ, занесенной бурею далеко въ море и выброшенной затѣмъ водоворотомъ на сухой и каменистый берегъ.

Старый же отецъ подъ звуки ихъ пѣсенъ, какъ дитя, строилъ розовые планы.

— Не бійтеся, диты! говорилъ онъ. Якось то Бигъ дасть, буде колысь и на нашій улыци празныкъ. Пождить лышень! Сего тыжня заробымо висимъ рымськыхъ, другого тыжня висимъ, що—тыжня висимъ—Сусе Хрыстэ! Килько жъ то за рикъ буде! Пятьдесять тыжнивъ по висимъ рымськыхъ—то жъ то цилы чотыры соткы. А намъ же пры тимъ, що маемо, на ввесь рикъ на жыте и вси потребы й однои соткы ажъ занадто буде. То тры соткы будемо моглы готовымы до скрыни зложыты—розумієте, що то значыть?

— Э, чы дасть то ще Богъ нашому теляти вовка спійматы! задумчиво произнесла Старомійская.—Лишше бы то, старый, рахуваты те, що въ рукахъ маешъ, а не те, що ще въ жыдивській кышени сыдыть.

— Мовчы, стара! Не зъ тобою говорять! воскликнулъ онъ съ комической строгостью.—Я ту хотивъ нашій Марынци щось сказаты про одного такого пройдысвита, що то называеся Андрусь Тыхый.

— О, также щось! воскликнула старшая дочь, покраснѣвъ до корней волосъ.—Що винъ вамъ за пройдысвитъ такый удався?

— О, выдышъ, якъ за нымъ обстае! шутилъ Старомійскій. А чымъ же не пройдысвитъ, колы покынувъ ридну оселю и десь ажъ за десяту межу забигъ, до Добромыля, доли шукаты? А якъ забигъ, то вже й николы не навидаеся.

— Та до кого ему ту навидуватыся? живо возразила Марынця, низко, низко склонивъ краснѣющее лицо надъ столикомъ и работая съ удвоенною, нервною скоростью.

— Ни до кого навидуватыся! воскликнулъ съ комическимъ сожалѣніемъ отецъ. Не вже такы ни до кого? Нихто его не дожыдае? Нихто про его не згадуе? Марынцю, а?

Вмѣсто отвѣта на эту шутку горячія слезы крупными каплями покатились на зеленую шелковую ткань.

— Бийся Бога, Марынцю! воскликнулъ съ испугомъ отецъ,—ты плачешъ? Цыть, дытыно моя! Я жъ не хотивъ тоби ничымъ докорыты. Протывно, я хотивъ тоби сказаты добру новыну.

Дѣвушка подняла на него свои большіе, еще блестящіе отъ слезъ глаза.

— Яку тамъ новыну?

— А таку новыну, що твий Андрусь добру службу найшовъ. Оноди я здыбавъ его въ Добромыли. Каже: служу у попивъ, у Васылянъ. И добре платять, ще й збоку де що заробыты можна. За пивъ року, каже, ждить мене въ своий хати! Розумиешъ, що се значыть?

Марынця поняла прекрасно, но не отвѣчала ни слова, только щеки ея зардѣлись густымъ румянцемъ и въ глазахъ заигралъ веселый огонекъ.

Этотъ Андрусь, о которомъ шла рѣчь, былъ убогій сирота—батракъ. Служа у хозяина, ближайшаго сосѣда Старомійскихъ, онъ очень часто заглядывалъ въ эту ветхую, покосившуюся, но все таки опрятную и какъ то особенно привѣтливую для него хату. Вскорѣ отецъ съ матерью подмѣтили, что большіе глаза и тихіе, задушевныя рѣчи старшей ихъ дочери Марынци дѣлали для Андруся ихъ хату еще привѣтливѣе и теплѣе. Марынця, несмотря на свои недоразвитыя ноги, была красивой дѣвушкой. Ея физическій недостатокъ и сидячая жизнь придали ея характеру особенную сосредоточенность, мягкость и вдумчивость; жизнь еще не успѣла выработать въ ней того озлобленія, которое бываетъ самымъ печальнымъ удѣломъ всѣхъ обиженныхъ природой. Андрусь часто бывалъ у Старомійскихъ, помогалъ иногда старухѣ въ ея занятіяхъ по хозяйству и когда окончился срокъ его службы, то между нимъ и Марынцей все дѣло ихъ будущей жизни втихомолку было обдумано и улажено. У Андруся былъ небольшой участокъ собственной, батьковской земли, „батькивщына“, на которомъ при нуждѣ можно было, съ грѣхомъ пополамъ хозяйничая, хлѣбъ ѣсть, но Андрусь не прельщался этимъ. Ему не хотѣлось быть плохимъ хозяиномъ, на мелкомъ участкѣ.

— Що я буду на такому клаптыку робыты? толковалъ онъ Марынци;—ни я господаръ, ни я жебракъ. Липше я ось що зроблю:

мини ще два роки чекаты, поки видъ рекруччыны буду вильный и женыться зможу. Такъ отъ я ще ти два роки послужу добрымъ людямъ, а землю за той часъ у оренду виддамъ, якъ и доси. А якъ не визьмуть мене до вийська, тоди землю оту продамъ, доложу де що зъ того, що заслужу, куплю добрый визъ, пару коней и визьмуся до зарибку, до фирманкы. Теперъ, чуты, мають по пры наши миста колею зелизну весты, то заробокъ пры ній дуже добрый буває. Пры будови песокъ, каминне, дерево и всяку всячыну довозыты, а й потому до машыны то збиже, то дерево, то що разъ на разъ довозыты треба. Я се дило знаю, въ Перемышли тры роки пры такій роботи бувъ и добре до всего прыдывався.

Уходя изъ Стараго Мѣста, Андрусь объяснилъ родителямъ Марынци свое желаніе жениться на ней и разсказалъ имъ свои планы на будущее. Предложеніе его было принято стариками, такъ какъ его знали, какъ хорошаго работника и добраго, смирнаго „дытыну“.

Марынця дожидала его съ тоской, силу которой и постоянность можетъ понять только узникъ или больной. Новый заработокъ, такъ неожиданно и въ такомъ значительномъ размѣрѣ доставленный имъ Гавою, усилилъ надежду тою мыслью, что и она своимъ трудомъ тоже будетъ въ состояніи помочь осуществленію своей завѣтной мечты и обезпеченію благосостоянія семьи. Бѣдная дѣвушка всякое утро и всякій вечеръ молилась Богу о своемъ неизвѣстномъ, но великодушномъ благотворителѣ. Молилась о немъ и вся семья Старомійскихъ. Молодой, здоровый и къ тяжелому труду способный мужчина былъ крайне необходимъ въ этой хатѣ, населенной старыми и недужными, онъ внушилъ бы всѣмъ новую жизнь, новыя надежды. Младшія сестры съ самаго начала сближенія Андруся съ Марынцею радовались будущему счастью своей сестры, считая его какъ будто задаткомъ своего собственнаго счастья. Чепцы поспѣвали подъ ихъ пальцами и сходили со станковъ съ неимовѣрной быстротой. Головамъ, которымъ когда то суждено носить ихъ, навѣрное никогда даже во снѣ не явятся эти тихія, радужныя надежды, мечты, опасенья и молитвы, которыми сопровождалось ихъ плетеніе изъ тонкихъ нитокъ, всякій узелокъ, всякое мастерски связанное „очко“. Даже старуха Старомійская подъ вліяніемъ всеобщаго подъема чувствъ какъ будто помолодѣла и выпрямила нѣсколько свой сгорбленный станъ.

VII.

Прошла недѣля,—все шло, какъ нельзя лучше. Чепцы были готовы. Старомійскій вручилъ ихъ Гавѣ, получилъ деньги, получилъ заказъ на новыхъ пятьдесятъ чепцовъ и задатокъ на матеріалъ и въ очень радостномъ настроеніи вернулся домой. Работа закипѣла вновь.

Въ слѣдующее воскресеніе къ нему явились неожиданные гости. Самъ благодѣтель ихъ Гава появился въ ихъ хатѣ. Увидя жалкаго, оборваннаго и запыленнаго жидка, Старомійская хотѣла дать ему ломоть хлѣба, думая, что это попрошайка, но въ эту самую минуту мужъ ея узналъ Гаву, вскочилъ съ постели, на которой отдыхалъ послѣ обѣда, и обнялъ Гаву, какъ сына.

— То ты, Гаво? А ты що ту робышъ?

— А що маю робыты? Прыхожу васъ видвидаты. Маю ту гешефты, то й думаю: давай, зайду за однымъ заходомъ и до Старомійського.

— Маешъ ту гешефты? Ту, въ Старимъ Мисти? А яки жъ ты ту зъ Дрогобыча можешъ маты гешефты?

Гава улыбнулся.

— Отъ такъ соби! отвѣчалъ, наклоняя голову,—наши, жыдивськи гешефты. Ны, а чипци готови?

— А якъ же? Готови и спаковани. Власне мавъ я по полудни зъ нымы до городу рушаты.

— Ну, то не потребуете рушаты, я соби самъ заберу.

— А якъ же йде розпродажъ?

— Отъ яко-тако, небрежно отвѣчалъ Гава.—Клопочу багато, а пожытку мало.

— Хто бы тамъ тоби вирывъ! А въ тимъ що жъ, ты молодый, то й поклопотатыся тоби не завадыть.

Гава недолго разговаривалъ съ Старомійскимъ, но все время тщательно присматривался къ его хатѣ и домашней семейной обстановкѣ, взялъ чепцы, уплативъ за нихъ деньги, заказалъ новую партію на слѣдующій понедѣльникъ и просилъ Старомійскаго принести ихъ ему въ Самборъ. Старомійская смотрѣла на все это и не могла отъ удивленія придти въ себя; когда же Гава объявилъ, что долженъ уходить, она изъявила ему благодарность всей семьи тѣмъ, что дала ему на дорогу шесть сваренныхъ яицъ, которыя Гава принялъ съ нескрываемой радостью.

Гава не безъ умысла предпринялъ это недалекое путешествіе изъ Дрогобыча въ Старое Мѣсто. Проходя изъ деревни въ деревню, торговалъ онъ чепцами, лентами, бусами, покупалъ шерсть, шкурки куницъ, зайцевъ и выдръ, присматривался и разспрашивалъ, гдѣ и какими промыслами мужики занимаются, и все это укладывалъ въ своей памяти, какъ въ шкатулку, изъ которой при обстоятельствахъ можно и должно будетъ извлекать хорошія деньги.

Особенно же на этотъ разъ хотѣлъ онъ присмотрѣться къ домашней жизни Старомійскаго, развѣдать о его обстоятельствахъ семейныхъ и имущественныхъ и соотвѣтственно найденному имъ устроиться такъ, чтобы эту золотую нить ни подъ какимъ видомъ не упустить изъ своихъ рукъ. Старый Фавель во время ихъ длинныхъ путешествій по деревнямъ преподавалъ ему при всякой оказіи благіе совѣты, какъ поступать съ мужиками. И самого Гаву на счетъ сметливости природа не обидѣла. Теперь уже, несмотря на свой юный возрастъ, онъ чувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобы превзойти своего наставника, и подчасъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ онъ на старика Фавеля, который, несмотря на свой умъ и опытъ, на шестидесятомъ году жизни былъ такъ же бѣденъ, какъ Гава на шестнадцатомъ.

Отъ старомѣстскихъ евреевъ Гава безъ затрудненій узналъ всю исторію и всю подноготную стараго „чипчаря“, узналъ даже объ его намѣреніи выдать дочь, разузналъ все, что было нужно, на счетъ будущаго зятя и, возвращаясь пѣшкомъ въ Дрогобычъ, старался всѣ эти свѣдѣнія разработать въ своей головѣ и составить себѣ опредѣленный планъ для дальнѣйшихъ дѣйствій. Прежде всего фактъ былъ тотъ, что чепцы раскупались очень хорошо. Гава не продавалъ ихъ поблизу Дрогобыча, но разсылалъ ихъ небольшими партіями по двадцати и болѣе штукъ въ Стрый, Сколе, Турку, Борыню, Комарню, Рудки и другіе городки тамошнимъ купцамъ за наличныя деньги. Товаръ нравился и онъ получалъ все новые и новые заказы. Весь гешефтъ съ чепцами всякую недѣлю давалъ ему пять гульденовъ чистаго барыша при весьма незначительныхъ хлопотахъ и издержкахъ. Значитъ дѣло это было такого рода, что выпускать его изъ рукъ отнюдь не слѣдовало.

Съ другой стороны Гава разсуждалъ, что ежели допустить семью Старомійскихъ стать на собственныя ноги, то очень легко мо-

жетъ случиться, что семья эта выскользнетъ изъ его рукъ или какой нибудь другой еврей перебьетъ ему заработокъ. Особенно безпокоилъ его будущій зять, парень трудолюбивый и энергическій.

— Хорошо было бы, ежели бъ онъ пропалъ куда нибудь къ черту въ зубы или вотъ ежели бъ его въ солдаты взяли, ворчалъ Гава. Но въ тотъ моментъ вспомнилъ, что этотъ будущій зять прослужилъ уже урочные три года въ солдатахъ, и пропадать ему болѣе некуда и не за чѣмъ. Надо было помириться съ фактомъ, и этотъ процессъ совершился въ умѣ Гавы съ замѣчательной быстротой.

— И въ чемъ собственно онъ можетъ мнѣ помѣшать? воскликнулъ онъ почти весело. Бѣднякъ, нищій, къ такимъ же нищимъ и пристанетъ, и что же изъ этого выйдетъ? Будетъ зарабатывать извознымъ промысломъ,—мы знаемъ, сколько онъ тамъ заработаетъ! И какой это заработокъ: сегодня есть, а завтра поминай какъ звали. А когда заработка не станетъ, можно будетъ и его вмѣстѣ съ остальными прибрать къ рукамъ. Это, пожалуй, даже еще лучше для меня. Работу какую нибудь и для него подыщемъ. Хорошо, пусть и такъ будетъ. Пусть женится, пусть идетъ въ домъ къ этой калѣкѣ,—будутъ они всѣ работать на меня. При этомъ онъ склонилъ голову, какъ будто затягивалъ все новые узелки той сѣти, которой хотѣлъ опутать эту злополучную семью.

— Тилько попередъ усёго, Гаво,—сказалъ онъ себѣ въ комически наставительномъ тонѣ и на языкѣ мужиковъ,— не дуже квапся! Маешъ часъ! Тильки не раптомъ! Не думай усе разомъ загарбаты, а помаленьку. Теперъ заробокъ добрый и для мене, и для ныхъ,— нехай заробляють, нехай тишаться, се ничого не завадыть. Хто знае, чы довго се потривае. А въ тимъ—потривае, чы не потривае! Скоро побачышъ, що имъ гребень почынае видростаты, заразъ треба такъ зробыты, щобы троха похудилы. То имъ дасть пизнаты, и що на свити разъ ведеся, другый разъ ни. Потому зновъ ихъ троха пиднимемо,—вдячни будуть, потому зновъ до земли. А тамъ побачымо, що дасться дальше зробыты. Ны, ны, якось буде. Хыба бы не цвила, що бы не родыла!

— А покуда что, разсуждалъ далѣе Гава, нужно смотрѣть въ оба, высматривать новые гешефты. А сколько здѣсь гешефтовъ, и какихъ хорошихъ гешефтовъ! Ей Богу, не понимаю, какъ это такъ

таки никто не думаетъ прибирать все это къ рукамъ. Нашъ братъ еврей позасѣдалъ по шинкамъ да корчмамъ, а ежели кромѣ распаиванья мужиковъ покупаетъ еще у бабъ масло и яйца, то ужъ и думаетъ, что Богъ знаетъ, какую штуку создалъ. А какой же это гешефтъ! Яйца и масло? Тьфу! Здѣсь гешефты совсѣмъ другаго рода, надо только сумѣть взяться за нихъ. Вотъ на горахъ бойки воловъ откармливаютъ, да какихъ воловъ! Ай-ай-ай! Евреи покупаютъ этихъ воловъ на ярмаркахъ и гонятъ въ Вѣну. Дураки! Какіе изъ этого барыши можно получить? Барыши не ахти какіе, потому что бойка на ярмаркѣ не проведешь, цѣны онъ знаетъ твердо и торгуется, какъ одержимый бѣсомъ. А пусть тамъ по пути пара воловъ подохнетъ,—какой громадный убытокъ! Нѣтъ, гешефтъ въ этомъ воловьемъ дѣлѣ есть, да только не съ этого конца. Вотъ ежели бы этого самаго бойка да такъ подойти, чтобъ ему казалось, что волы его, а они въ самомъ дѣлѣ были бы мои! Онъ бы ихъ выкармливалъ и на ярмарку приводилъ, а я бы ихъ продавалъ, бойку на водку, а прочія деньги себѣ въ карманъ—фу! Да тамъ пара воловъ по четыреста, по пятьсотъ гульденовъ! Вотъ гешефтъ такъ именно гешефтъ!

Гава даже глаза прищуривалъ и губы складывалъ, какъ будто, облизалъ ложку съ медомъ,—такимъ заманчивымъ и блестящимъ казался ему этотъ новый гешефтъ, представлявшійся его воображенію пока еще въ неопредѣленныхъ чертахъ, но тѣмъ не менѣе въ розовомъ освѣщеніи.

VIII.

Прошло полгода. Старомійскіе жили, какъ у Бога за пазухой. Заработокъ не прекращался, напротивъ, даже удвоился послѣ того, какъ Марынця съ мѣсяцъ тому назадъ стала женой Андруся. Андрусь имѣлъ возъ и пару хорошихъ лошадей и возилъ дубовые брусья для строившейся какъ разъ между Хировомъ и Добромилемъ желѣзной дороги, при чемъ зарабатывалъ хорошія деньги. Правда, послѣдніе два мѣсяца Гава заказывалъ уже менѣе чепцовъ, но вмѣсто этого для какихъ то мазурскихъ деревень оказались нужными тонкія, такъ же, какъ и чепцы, плетенныя сѣтки, служащія тамъ вмѣсто вѣнчальной фаты; сѣтки эти давали еще лучшій заработокъ, чѣмъ чепцы.

Былъ прекрасный осенній день, когда Гава опять навѣстилъ хату Старомійскаго. Даже эта ветхая хата подъ рукой молодаго и домовитаго Андруся помолодѣла и приняла видъ порядочной, хозяйской усадьбы. Но Гава не смотрѣлъ на эту обстановку. Въ глазахъ его блуждали какіе то огоньки, какъ въ глазахъ кошки, готовящейся къ прыжку на намѣченную уже добычу.

— Добрый день вамъ, пане Старомійськый! сказалъ Гава, входя въ избу.

— А якъ ся маешъ, Гаво?

— Зле ся маю, отвѣчалъ жидокъ, садясь на лавѣ; кепськи торгы.

— Е, шо тамъ, дасть Бигъ, то й липши будуть.

— Може, колысь и будуть липши, але теперъ кепсько зъ нами. Знаете, вже тры недили чекаю. Видъ трьохъ недиль ани одного чипця не продавъ.

— Не може буты! вскрикнулъ Старомійскій полушутливо, потому что не очень вѣрилъ словамъ Гавы.

— Ба, не може буты, колы такъ е. Вси мають досыть чипцивъ на теперъ, ны, и що имъ зробымо.

— Треба шукаты де дали, де насъ ище не знають.

— Шукавъ я, шукавъ, ничого не помагае. А я думаю, що на якыйсь часъ треба перестаты робыты.

— Перестаты робыты! вскрикнулъ въ свою очередь встревоженный Старомійскій.—Теперъ перестаты робыты, колы саме найлипша пора до роботы? Циле лито, колы можна було въ поли заробыты и соби треба було хочъ де що рушыты, то мы сыдилы за кроснамы, а теперъ, колы сама пора така, щобъ сыдиты дома, то мы маемо перестаты робыты! Ни, Гаво, шуткуешъ!

— Ны, але що жъ я вамъ пораджу? почти сквозь слезы вскрикнулъ Гава, коли у мене нихто уже чипцивъ не купуе. Маю ихъ на склади тры копы, и що зъ нымы робыты? А килько я въ ныхъ грошей вбухавъ, самы порахуйте!

— Але бийся Бога, Гаво, що жъ мы будемо робыты?

— Ны, Богъ ласкавъ, и вы не згынете, утѣшалъ, улыбаясь, Гава. Маете ниврокы такого доброго зятя, що тилько грошей заробляе пры колии, то якось выжыете. А може за мисяць, за другый и на чыпци зновъ покупъ пиде. Скоро тилько почнуть купуваты, то будьте певни, що я дамъ вамъ знаты.

— Ну, але ти, що вже готови, що зъ ными буде?

— А багато ихъ маете?

— Сорокъ штукъ.

— Що жъ маю робыты, мушу вже ихъ забраты. Нехай страчу, а слова додержу.

Гава взялъ чепцы и уплатилъ деньги. Старомійскій стоялъ возлѣ стола, посматривая на позаснованныя кросна и опечаленныя лица дочерей, и чесалъ затылокъ.

— Ни, Гаво, сказалъ напослѣдокъ онъ рѣшительно,—то не може буты, щобы мы тепера перестали робыты.

— Ны, то робить! отвѣчалъ Гава равнодушно.

— Слухай, Гаво! Я думаю, чы такъ не буде добре. У насъ е ту ще пару крейцаривъ наскладаныхъ, накупымо матерыялу и будемо робыты, а скоро купець кынеся, то ты будешъ маты товаръ готовый. Добре такъ буде?

Гавѣ только и нужно было того.

— Що жъ, колы хочете, то нехай и такъ буде. Та тильки я вамъ напередъ повидаю, що не знаю, килько часу треба буде чекаты на купця.

— Що робыты! Килько треба буде чекаты, то й почекаемо, а тымъ часомъ будемо робыты. Аджежъ на заробитокъ теперъ никуды не пидемо, а дома дармо сыдиты—грихъ. А такъ роблячы, бодай надию будемо маты, що не дармо робымо.

Гава ушелъ отъ Старомійскихъ въ очень веселомъ настроеніи. Дѣло само собою какъ то стало на ту дорогу, что было легко предвидѣть его неизбѣжный конецъ.

IX.

Прошло два мѣсяца. Гава, казалось, совсѣмъ забылъ о своихъ прежнихъ знакомыхъ, не навѣщалъ ихъ, однимъ словомъ не давалъ о себѣ имъ никакихъ извѣстій.

Но вотъ разъ въ понедѣльникъ, среди ужаснѣйшей слякоти и стужи, встрѣтилъ онъ Старомійскаго на дрогобычевскомъ рынкѣ. Старикъ, весь обрызганный грязью, обнищавшій и изможенный, сгорбился и постарѣлъ какъ будто на десять лѣтъ. Въ окоченѣвшей

отъ стужи рукѣ держалъ онъ свою палку съ колокольчикомъ и на ней связку чепцовъ; никто не обращалъ на него вниманія, никто не подходилъ и не спрашивалъ даже, какая цѣна на товаръ.

— Якъ ся маете, пане Старомійськый? отозвался Гава, подходя къ старику.

— А, якъ ся маешъ, Гаво? проговорилъ Старомійскій какимъ то надтреснувшимъ голосомъ.

— Ны, що тамъ у васъ чуваты?

— Бида, Гаво! Доведеся намъ усимъ на пни вмираты.

— Якъ то вмираты? За що вмираты? По що на пни вмираты?

— Зъ нужды, зъ голоду! Зыма йде, а у насъ заробитку нема, хочъ забийся!

— А то чому? Адже пры колии теперъ заробитки найлипши, платять добре.

— Що зъ того, колы зятеви оденъ кинь видийшовъ! [1]) Однымъ конемъ и зъ дому выбыратыся ни що.

— Оденъ кинь видийшовъ! Ото зле! Треба купыты другого.

— Ба купыты, а за що купыты? Що було грошей, то мы выдалы на нытки, наплелы тыхъ проклятыхъ чепцивъ—лежать цили купы, а нихто купуваты не хоче.

— А вы хотилы самы продаваты? спросилъ Гава съ плохо утаеннымъ злорадствомъ.

— Що жъ мавъ чоловикъ робыты? отвѣчалъ Старомійскій, какъ бы извиняясь.—Носывъ я ихъ и до Самбора, и до Перемышля, и до Дрогобыча—ниде нихто ани не дывыться. И що теперъ робытонькы, що початонькы, вже й самъ не знаю.

— И я не знаю, отвѣчалъ Гава, и мои чипци лежать.

— Выдно, що насъ Богъ зовсимъ опустывъ! простоналъ Старомійскій, ударяя рукой объ полу.

— Ны, не кажить такъ, пане Старомійскій, наставительно сказалъ Гава,—не годыться таке говорыты. Знаете що, ходимо разомъ до шынку, выпъемо по скляночци пыва, огриемося троха, бо ту холодно зъ биса, и поговорымо, може найдеся для васъ яка рада.

[1]) Подгорскій крестьянинъ никогда не скажетъ: „кинь здохъ“, либо „корова здохла“; выраженіе это слишкомъ грубо; а всегда говоритъ: „кинь видийшовъ,“ „корова видийшла“, прибавляя при этомъ обыкновенно: „най ся пречъ каже“. *Авт.*

Старомійскій охотно пошелъ вслѣдъ за Гавой. Ему мелькнулъ лучъ надежды впереди.

— Знаете що, пане Старомійскій, проговорилъ Гава, когда они немного отогрѣлись и выпили по стакану пива,—багато вы маете тыхъ чипцивъ готовыхъ?

— Цилыхъ пять кипъ. Чипци якъ золото, а що мыни зъ ныхъ.

— Нихто не купуе?

— Самъ бачышъ, що нихто.

— Я вамъ се давно казавъ. Ны, але що то теперъ говорыты, теперъ треба яку пораду даваты. А багато вамъ треба на коня?

— Та кобы хочъ якого харлака! Теперъ на пашу тисно въ нашыхъ сторонахъ, за трыдцять рымськыхъ можна коня купыты.

— Трыдцять рымськыхъ! — то сума, пане Старомийськый. Ны, але знаете що, я вамъ дамъ трыдцять рымськыхъ—за ваши чипци.

— Якъ то за мои чипци?

— Ны такъ, за вси пять кипъ.

— Бійся Бога, Гаво! вскрикнулъ Старомійскій. Адже я за самый матерыялъ двадцять пять срибла зъ докладомъ заплатывъ, а наша работа!...

— Знаю се, знаю, але що жъ я вамъ пораджу? Я и такъ тилько зъ доброго серця хочу вамъ помогты. У мене ще тамти чипци лежать, а си я купую такъ, на выдыму страту. Пять кипъ! Що я зъ такою купою почну? А не хочете моеи помочи, то я вамъ зъ нею не набываюся!

Старомійскій даже задрожалъ. Лучъ надежды, который блеснулъ ему такъ недавно, теперь началъ потухать и теряться въ туманѣ.

— Ни, Гаво! сказалъ онъ, обхватывая своей старческой рукой худой и жесткій локоть Гавы. Я знаю, ты добрый хлопець, але бій же ся Господа Бога! Трыдцять рымськыхъ за пять кипъ чипцивъ,—адже жъ се выходыть по десять крейцаривъ за чепець—якъ разъ половына того, що варта товаръ.

— Знаю се, знаю,—отвѣчалъ въ упоръ Гава,—та що жъ я можу на се порадыты, колы того товару теперъ навыть за пивъ цины не продамъ.

— Ну, але перечекаешъ троха, то ще й зъ зыскомъ продасы.

— Перечекаешъ! вскрикнулъ Гава, какъ бы задѣтый за живое. Що то значыть перечекаешъ? А чымъ добре чекаты? Чекайте вы,

колы вамъ такъ добре. Вы гадаете, що я грошы роблю, що я господаръ на грунти, що я багачъ, то й можу чекаты? Якъ ныни не маю грошей, то мушу здыхаты зъ голоду, и нихто мини не поможе. Для мене чекаты—смерть, ще гирше, нижъ для васъ.

— Ну, ну, Гаво, не гнивайся, успокаивалъ его Старомійскій.— я се такъ тилько сказавъ, не зъ злого серця. Ну, нехай уже буде по твоему, що маю робыты. Адже жъ не можу власнымы очыма глядиты на грызоту дитей. Охъ, Гаво, якъ бы ты знавъ, яке тамъ у насъ пекло видъ того часу, якъ кинь видійшовъ? Серце краеся. Диты плачуть, а зять ходыть, якъ одурилый, мало що головою о стину не бьеся, ни розмовы, ни роботы ніякои въ хати. Ще якъ бы мы кого поховали зъ помижъ себе, то бы такъ тяжко не було.

И двѣ крупныя слезы повисли на сѣдыхъ рѣсницахъ Старомійскаго. Гава отвернулся, чтобы не видѣть этихъ слезъ.

— Ны, сказалъ онъ, немного помолчавъ, покуда старикъ нѣсколько успокоился,—то якъ же буде зъ чипцями? Прыстаете на мою цину?

— Що вже маю робыты, сказалъ старикъ, нехай и такъ буде. Тилько знаешъ, Гаво, не забувай за насъ на дали! Дай намъ заробитокъ, щобъ мы не сыдилы дармо, бо боюся, що ны тій грызоти вси подуріемо.

— Э, Богъ зъ вамы, пане Старомійскій, що вамъ тамъ до головы прыходыть. Нехай насъ усихъ Панъ Бигъ бороныть видъ того! А теперъ слухайте, що я вамъ скажу. Я ту поклычу пысаря, зробымо контрактъ на ту продажу, пидпышемо контрактъ ны свидкахъ у нотарія, и я вамъ заразъ дамъ грошы.

— А то по що ще пысаты и нотареви платыты? Хиба на слово мини не вирышъ?

— Ны, що тамъ, вирышъ, не вирышъ, усе то лишше буты певнымъ свого. А коштъ увесь я самъ понесу, то моя ричъ.

— Га, колы вже такъ хочешъ, то нехай и такъ буде.

Гава вскорѣ нашелъ „покутного пысаря“, сидѣвшаго въ томъ же шинкѣ и тутъ же за стаканомъ пива написавшаго имъ требуемый контрактъ. Гава велѣлъ подать еще два стакана пива для себя и для Старомійскаго и началъ разговоръ съ нимъ еще объ одномъ „дѣльцѣ“.

— А що до дальшого заробитку, то справди не знаю вже, якъ маю братися до тои ричы, говорилъ Гава. Хыба знаете що зробымо? Плетить вы зъ мого матерыялу...

— Що жъ, для насъ то все одно...

— Я вамъ за роботу дамъ видъ штукы по висимъ крейцаривъ.

— Висимъ крейцаривъ, Гаво? То за мало.

— А мини бачыться, що не за мало. Слухайте дальше: що тыжня зробыте мини трыдцять штукъ,—се вже мусыть буты, чы буде торгъ на чипци, чы ни. Въ такимъ рази заробыте що тыжня чыстыхъ два рымськыхъ 40 кр. Мало то, мало, але сами прызнайте, все такы липше, нижъ ничого. И не потребуете вси робыты. Одна дочка може де що шыты, друга прясты, чы якъ тамъ. А скоро тилько покупъ липшый буде, ны, то вже, розумиеся, и роботы буде бильше, и зарибку бильше. Ны, що жъ, прымаете?

Старомійскій повѣсилъ свою сѣдую голову. Чувствовалъ онъ, какое ярмо надѣвалъ ему на шею Гава, но и не видѣлъ возможности избѣжать его и, недолго подумавъ, согласился на предложенную Гавою сдѣлку.

— Ны, то й нате зробымо контрактъ нотарыяльный.

— Контрактъ? А то якымъ способомъ?

— Ны, такъ, по просту, напышемо, що теперъ весь рикъ видъ нынишного дня я маю вамъ що тыжня даваты матерыялъ що найменьше на трыдцять чепцивъ, а якъ треба буде, то й на бильше, и за кождый готовый чепець платыты вамъ по висимъ крейцаривъ. А по роци схочете дали зо мною маты дило, то добре, а ни, то ни. Думаю, що на те можете спокийно пидпысатыся.

И Старомійскій дѣйствительно подписался. Гава только ухмылялся, радуясь изрядному гешефту. Чепцы его шли лучше, чѣмъ когда нибудь прежде, особенно въ горные округа, а плата, какую ему удалось накинуть на Старомійскаго, обезпечивала за нимъ почти 100 процентовъ барышей отъ затраченнаго капитала.

Живо сбѣгалъ онъ за старымъ Фавелемъ, который, какъ опекунъ, по случаю его малолѣтства долженъ былъ отъ его имени заключить контрактъ съ Старомійскимъ.

Старый Фавель даже по колѣнямъ себя хлопнулъ и зачмокалъ, когда Гава разсказалъ ему о своей сдѣлкѣ съ чепцами, о которой онъ до сихъ поръ ничего не слыхалъ отъ своего ученика,—такъ осторожно и исподтишка этотъ послѣдній велъ свое дѣло. Когда оба договора были подписаны и засвидѣтельствованы нотаріусомъ,

Фавель, выходя изъ конторы, съ какимъ то почтительнымъ удивленіемъ смотрѣлъ на долговязую, сухощавую и вертлявую фигуру своего воспитанника.

— Ны, ни врокы ему! бормоталъ онъ,—изъ него певно щось велыке буде! За моихъ часивъ такыхъ хлопцивъ не бувало. И подумаешъ, що ему ще висимнадцять литъ не мынуло! Що то винъ покаже зъ себе, якъ ему двадцять мыне?

Гава же, спрятавъ въ карманъ своего халата драгоцѣнные документы, отдающіе въ его руки на весь годъ цѣлую мѣщанскую семью, набожно шепталъ, вспоминая завѣщаніе своего отца:

— Слава Богу, для начала и это хорошо!

Миронъ.

Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства.

(Записано со словъ разсказчика).

I. ПАНЪ—ПОВѢТОВЫЙ МАРШАЛЪ.

Въ 1817 году, послѣ отечественной войны 1812 г. и вызванныхъ ею заграничныхъ походовъ, рота брата моего была расположена на квартиры въ деревнѣ Гринькахъ, полтавской губерніи, гдѣ жилъ въ своемъ имѣніи, владѣлецъ его, славившійся кругомъ своимъ хлѣбосольствомъ, повѣтовый маршалъ дворянства П. И. Булюбашъ, производившій свой родъ отъ турецкаго паши, что значилось и въ его фамильномъ гербѣ.

Прибывъ на стоянку, мы представились маршалу и любезно были приглашены имъ квартировать въ „его дворѣ“, что значило жить во флигелѣ его дома, вмѣстѣ съ сыномъ его, взрослымъ уже молодымъ человѣкомъ. За стѣною нашихъ комнатъ, бокъ о бокъ съ нами, жилъ и самъ хозяинъ. Дочь его, молодая красивая панночка, ставшая впослѣдствіи женою моего брата, жила отдѣльно въ большомъ панскомъ домѣ съ двумя компаньонками при ней и цѣлымъ женскимъ штатомъ прислуги, состоявшимъ изъ мастерицъ всевозможныхъ профессій.

Благодаря радушію и гостепріимству хозяина и всей его семьи мы скоро освоились на новомъ мѣстѣ, сдѣлались какъ бы членами одной семьи и зажили общею жизнью,—жизнью давно отошедшею въ область преданій, — эта то жизнь, прожитая мною много и много лѣтъ тому назадъ, часто встаетъ въ моихъ воспоминаніяхъ.

Хозяинъ нашъ велъ свой родъ, какъ сказано мною выше, отъ турецкаго паши Булюкъ-паши. По семейнымъ преданіямъ, этотъ Булюкъ-паша что то напроказилъ у себя на родинѣ, за что ему грозила публичная казнь, но султанъ, оказывая ему милость и избавляя его отъ позора казни черезъ палача, прислалъ ему шелковый шнурокъ, что означало приказаніе султана повѣситься на немъ. Булюкъ-паша предпочелъ милости султана бѣгство и, собравъ все свое имущество, бѣжалъ на Прутъ, а оттуда на правую сторону рѣки Днѣпра, во владѣнія тогда Рѣчи Посполитой, гдѣ снискивая расположеніе польскаго панства, принялъ унію, вскорѣ же сообразивъ свое шаткое положеніе въ качествѣ уніата и жителя правобережной Украины, принялъ православіе, перебрался на лѣвый берегъ Днѣпра и вмѣсто Булюкъ-паши сталъ зваться въ народѣ Булюбашемъ, тогда же вошелъ въ составъ козацкой старшины и, достигнувъ чина бунчуковаго товарища, положилъ начало новому дворянскому малороссійскому роду, давшему въ лицѣ гостепріимно пріютившаго меня съ братомъ Павла Ивановича Булюбаша (внука Булюкъ-паши) маршала повѣтовому дворянству.

Павелъ Ивановичъ въ то время представлялъ изъ себя человѣка уже очень пожилаго, небольшаго роста, толстаго, съ лицемъ, изрытымъ оспою, остриженнаго подъ гребенку, съ характеромъ настойчивымъ, склоннымъ къ деспотизму; своимъ образованіемъ онъ не ушелъ отъ общаго уровня образованія дворянъ того времени т. е. зналъ грамоту, письмо, четыре правила ариѳметики, съ крестьянами жилъ по старинѣ хорошо, не притѣснялъ ихъ, вѣроятно, помня ихъ недавнее закрѣпощеніе и даже продолжалъ содержать „шпиталь“, т. е. больницу, при которой содержалъ на свой счетъ фельдшера, что составляло тогда уже рѣдкость.

Сыну своему Николаю онъ не далъ образованія, желая держать при себѣ, дочь же воспиталъ по европейски у какой то родственницы въ Ковелѣ, такъ какъ въ то время онъ уже вдовѣлъ.—Дѣтей своихъ онъ любилъ страстно и, обращаясь съ ними крайне деспотически, въ то же время принималъ близко къ сердцу всякое ихъ горе.

Будучи богатъ, независимъ, занимая видное мѣсто въ повѣтѣ (уѣздѣ), имѣя взрослыхъ дѣтей, да и по природѣ будучи радушнымъ, гостепріимнымъ хозяиномъ, онъ велъ широкую жизнь, славившую его на цѣлый округъ. Дворня повѣтоваго маршала состояла чуть ли не изъ цѣлой сотни крѣпостныхъ слугъ, у пана былъ изъ своихъ крѣпостныхъ *приказчикъ* (экономъ), писаря, ключники, цѣлая дюжина лакеевъ, 25 музыкантовъ, торбонистъ, игравшій только при однихъ мужчинахъ вольныя запорожскія пѣсни, повара (кухари) съ поваренками, кучера, конюхи, берейторы, псари съ охотничьими сворами гончихъ и борзыхъ собакъ, охотники и рыбалки.—Нѣкоторыя лица изъ этого персонала несли и двойныя обязанности,—среди лакеевъ, музыкантовъ, псарей и охотниковъ были люди, обученные какому нибудь ремеслу, большею частью портняжескому, сапожницкому, столярному, слесарному, обойщицкому, что давало возможность пану имѣть все дома и не тратить денегъ на сторонѣ. Женскій персоналъ домашней прислуги былъ также многочисленъ, среди его были: *господыня* (экономка), спеціалистка по части варенья и веденія домашняго хозяйства, *ключница*—по части соленья, изготовленія масла, сыра и пр., *перепечайки* (хлѣбницы), изготовлявшія домашнія печенія, *модницы* по части шитья платьевъ для панночки, *кружевницы*—плетенья кружевъ, *вышивальщицы*—вышиванья на пяльцахъ, *горничныя*—для домашнихъ услугъ, *коверницы, ткачи* и пр. и пр.—все это работаетъ на пана, панскую семью и дворню...

Бывало, въ началѣ или среди недѣли, охотники снаряжаются на дичь, рыбалки на рыбную ловлю въ Днѣпрѣ и его заливахъ,—все это на подводахъ, а мы съ нетерпѣніемъ, свойственнымъ нашимъ молодымъ лѣтамъ, ожидаемъ результатовъ ихъ охоты;—наконецъ, они возвращаются, нагруженные добычею—все это раскладывается передъ паномъ маршаломъ, внимательно разматривающимъ, любующимся, сортирующимъ добычу и заранѣе смакующимъ все это, имѣющее быть изготовленнымъ подъ разными подливами опытными кухарями, послѣ чего часть добычи уносится на кухню, а другая часть отправляется къ сосѣдямъ, при чемъ посланному наказывается просить сосѣда „одвидаты панськои охоты и прыихаты до пана маршала на обидъ и вечерю

въ недилю". Наступаетъ „недиля", еще къ обѣднѣ начинаютъ съѣзжаться гости: сосѣди, чиновники, офицеры расквартированныхъ по сосѣдству полковъ—послѣ обѣдни съ духовенствомъ завтракаютъ, пьютъ водку, чай, кофе, закусываютъ пирогами, разными соленьями, печеньями домашняго издѣлія; вскорѣ послѣ этого завтрака подается обѣдъ; хозяйка, окруженная дамами и дѣвицами, съ примкнувшею къ нимъ молодежью садятся въ одномъ концѣ стола, маршалъ, окруженный своими сверстниками, въ другомъ концѣ того же стола. Музыкантамъ дается знакъ и въ теченіи всего обѣда гремитъ хоръ музыкантовъ, составленный по преимуществу изъ мѣдныхъ и ударныхъ инструментовъ. Въ праздники при тостахъ стрѣляли изъ пушекъ (мажаръ), которыхъ у пана было нѣсколько, и палили изъ ружей. Послѣ обѣда старики отдыхали, а молодежь ухаживала за панночками вплоть до танцевъ, начинавшихся очень скоро послѣ обѣда и заканчивавшихся большою вечерею (ужиномъ), за которою слѣдовали еще танцы, въ которыхъ гросъ-фатеръ, введенный въ моду войсками, вернувшимися изъ за границы, мѣшался съ мѣстными „метелицею" и „журавлемъ". Послѣ танцевъ мужчины шли во флигель и разгулявшаяся компанія пила или наливку, или пунши съ наливкой, слушая или далеко нескромныя пѣсни торбаниста, или же, по требованію старшаго поколѣнія, стародавнія украинскія думы... На другой день послѣ пира жизнь въ панскомъ домѣ для подгулявшихъ съ вечера гостей начиналась рано,—уже въ восемь часовъ утра всѣ мужчины вставали и и шли къ хозяину-маршалу на его половину во флигелѣ, гдѣ прибывшихъ ожидалъ хозяинъ съ чаемъ, кофе, шоколадомъ, со всевозможнымъ печеньемъ, а для курящихъ были приготовлены чубуки съ трубками всевозможныхъ величинъ.— Маршальская комната, по обычаю того времени, была увѣшана по стѣнамъ портретами Богдана Хмѣльницкаго и бывшихъ послѣ него гетмановъ малороссійскихъ [1]), а также и другихъ народныхъ героевъ, тутъ же висѣло по стѣнамъ и старинное, оп-

[1]) Портреты эти были принадлежностью каждаго панскаго дома въ черниговской и полтавской губерніи до генералъ-губернаторства кн. Долгорукова 1830—

равленное въ серебро и бронзу козачье и турецкое оружіе, тутъ и аттрибуты бывшей козачьей власти, бунчукъ и булава.—Чаепитіе продолжалось довольно долго, среди разсказовъ о прошломъ и настоящемъ, по преимуществу относившемся къ мѣстной жизни или же къ жизни сильныхъ людей изъ малороссіянъ, проживавшихъ тогда или до того на родинѣ и оказавшихъ или примѣромъ своей жизни или своими связями съ мѣстными людьми много вліянія на текущую жизнь; при этомъ часто вспоминался 1812 годъ, жертвы, понесенныя полтавскимъ дворянствомъ въ числѣ другихъ на защиту отечества [1]), губернское маршальство Трощинскаго, начинавшееся въ то время по жалобамъ польскихъ помѣщиковъ могилевской губерніи громкое дѣло противъ графа Гудовича, бывшаго начальника малороссійскаго ополченія 1812 года, за допущенные имъ грабежи и пр. и пр.

Кто хотѣлъ изъ гостей, тотъ оставался для бесѣды у маршала во флигелѣ, иные же отправлялись гулять—кто въ садъ, кто въ поле съ ружьемъ или съ весломъ на прудъ, рас-

---

1840 г.; въ періодъ его пребыванія стали исчезать эти портреты изъ панскихъ домовъ, какъ разсказываютъ, по слѣдующему случаю.—Портреты большею частью украшали стѣны столовой, и генералъ-губернатору, любившему вкусно пообѣдать, часто приходилось за столомъ сидѣть противъ портрета гетмана Апостола, одноглазаго и какъ бы дѣлавшаго гримасу при видѣ обѣдавшаго начальника края; гримаса смущала генералъ-губернатора до того, что не разъ онъ замѣчалъ гостепріимнымъ хозяевамъ—малороссіянамъ, что не мѣшало бы убрать изъ столовой противныя рожи, лишающія только его аппетита.

[1]) Тогда среди малороссійскаго дворянства циркулировалъ слѣдующій любопытный документъ, имѣвшій цѣлію доказать, какія бы понесло дворянство траты въ 1812 г., если бы оно не имѣло среди себя сильныхъ ходатаевъ, вотъ текстъ этого документа:

Замѣчаніе.

Коликое число по причинѣ нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствъ (всходство двухъ назначеніевъ, по первому дворянскому отъ 5-го августа и по второму отъ правительства отъ 7 ноября 1812-го года положено полтавской губерніи на помѣщичьи ревизскія души приготовить и своимъ коштомъ поставить до города Минска провіанта, фуража и вина горячего, и сколько во всемъ ономъ вѣсу, полагая при томъ всему оному справочную, а за провозъ до Минска просимую теперь русскими извощиками цѣну по 7 рублей съ пуда. А посему примѣняясь сколько причтется всего онаго Решетиловскаго владѣнія въ коемъ по ревизіи состоитъ 1902 души Генваря 1813.

положенный вблизи сада; такъ шло до 12 часовъ дня, когда лакеи бросались разыскивать гостей и просить ихъ на завтракъ въ большой домъ къ панночкѣ—молодой хозяйкѣ, привѣтливо встрѣчавшей гостей. Столъ былъ накрытъ и уставленъ всевозможными яствіями большею частью, если не исключительно, до-

---

1.

Количество провіанта, фуража и вина горячаго.		Сухарей.	Ржи.	Крупъ.	Овса.	Вина.
		пуд.	четверти.			ведр.
1. По дворянскому назначенію 5-го августа 1812-го г. положено для ратниковъ на каждую ревизскую душу ржи по 1 мѣркѣ, крупъ по 1 гарнцу и овса по 1 мѣркѣ, а на всѣ 1902 души составитъ		—	237	30	237	—
2. По назначенію отъ Правительства 7-го ноября положено для арміи на каждую ревизскую душу сухарей по 1 пуду, крупъ по 1½ гарнца; овса по 6 гарнцевъ и вина горячаго по 2½ кварты, а на всѣ 1902 души составитъ. .	1902	—	45	180	475
Итого для ратниковъ и для арміи. . .	1920	237	75	417	475

2.

Сколько полагается во всемъ ономъ вѣсу съ означеніемъ цѣны какъ справочной, такъ и за провозъ до Минска по 7 рублей съ пуда.	Пуды.	Справочная цѣна.	Итого.	За провозъ	Итого.
			Р У Б Л И.		
1. Сухарей	1902	по 2 за п.	3804	13314	17118
2. Ржи 237 четв., полагая по 8 пудъ въ четверти	1896	по 7 за ч.	1659	13272	14931
3. Крупъ 75 четвертей, полагая такой же вѣсъ	600	по10за ч.	750	4200	4950
4. Овса 417 четвертей, полагая въ четверти по 5п.	2085	по 4 за ч.	1668	14595	16263
5. Вина горячаго 475 ведръ, полагая по 30 фунтовъ въ ведрѣ.	356	по 3 за в.	1425	2492	3914
Итого	6839	—	9306	47873	57179

P. S. Обошлось на каждую ревизскую душу провозныхъ по 25 рублей съ копѣйками, а полагая за провіантъ, фуражъ и вино справочную цѣну, обойдется всего по 30-ти рублей.

Какъ же въ полтавской губерніи помѣщичьихъ ревизскихъ душъ состоитъ 330286 то, полагая съ каждой души по 30-ти рублей, составитъ съ нихъ всей суммы 9908580 рублей.

Провозъ всего онаго молитвами Ахтырской и Каплуновской Божіей Матери и патріотическимъ представительствомъ здѣшняго губернскаго господина маршала (Дм. Пр. Трощинскаго) отложенъ до подножнаго корму и чрезъ то здѣшняя губернія облегчена отъ великихъ золъ —Слава Богу! Слава хорошимъ русскимъ нашимъ Патріотамъ!

машняго приготовленія; изъ закусокъ подавалась икра, колбасы, ветчина, праженцы, пироги всевозможныхъ сортовъ, заливная рыба, заливной поросенокъ и пр. и пр.; изъ напитковъ водки—настойки безъ числа: тутъ были и калгановка, и полыновка, и на сорока травахъ и спотыкачъ, и онисовка, и перчаковка и много другихъ, которыхъ не припомню, далѣе запеканка, варенуха и наливки многихъ и многихъ сортовъ, было также и вино и портеръ, но и то и другое имѣло сравнительно меньше поклонниковъ.

За завтракомъ являлась музыка, игравшая до тѣхъ поръ, пока не подадутъ обѣдъ,—послѣ завтрака обѣдъ наступалъ скоро,—на этотъ разъ кавалеры приглашали дамъ къ обѣду и попарно вели ихъ къ столу, занимая такимъ же порядкомъ за столомъ и мѣсто; все время играетъ музыка; къ обѣду собиралось много гостей—сосѣдей, знавшихъ, что въ одинъ день „недѣлю“ не кончается маршальскій пріемъ; кромѣ того въ домѣ маршала строго придерживались стародавняго „звычая“ останавливать и зазывать къ пану всѣхъ проѣзжающихъ мимо его селитьбы пановъ на обѣдъ, для этого снаряжались особые дежурные изъ панской прислуги, обязанные просить „до пана на обидъ“, и въ случаѣ отказа даже рубить колеса,—вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ обѣды были всегда многолюдны. За обѣдомъ каждое блюдо подавалось прежде всего самому пану—маршалу и, одобренное имъ, подавалось гостямъ, но бѣда, если блюдо почему либо не приходилось по вкусу хозяину: тогда призывался поваръ; разсерженный маршалъ, вмѣсто внушенія, приказывалъ ему тутъ же съѣдать добрую половину его неудачнаго произведенія и затѣмъ скакать на одной ножкѣ вокругъ обѣденнаго стола. Видъ скачущаго повара потѣшалъ всѣхъ насъ и мы просто умирали отъ смѣха... Въ концѣ обѣда подавали шипучее, послѣ чего гости благодарили Бога, хозяина, а молодую хозяйку въ знакъ благодарности цаловали въ ручку и молодежь возвращалась въ гостинную на дессертъ, а пожилые во флигель. По вечерамъ молодежь танцовала, какъ и наканунѣ, а пожилые играли въ карты или въ пикетъ, или въ марьяжъ, а то и въ „свои козыри“. Изъ обычаевъ того времени помню еще и то, что всякій прибывшій гость обязанъ былъ подойти къ ручкѣ

всѣхъ находившихся въ обществѣ дамъ и дѣвицъ, хотя бы и совершенно ему незнакомыхъ.

Какъ мы сказали выше, маршалъ Булюбашъ пользовался уваженіемъ и почетомъ въ своемъ дворянскомъ округу, что выражалось избраніемъ его въ должность повѣтоваго маршала (уѣзднаго предводителя) нѣсколько трехлѣтій подъ рядъ; въ этой должности онъ имѣлъ большое вліяніе на всѣ уѣздныя дѣла не только дворянъ—помѣщиковъ и ихъ крѣпостныхъ, но и лицъ другихъ сословій, какъ то: духовенства, купечества, мѣщанства, козаковъ и государственныхъ крестьянъ. И по службѣ, и по домашнимъ дѣламъ своимъ панъ-маршалъ выѣзжалъ изъ своей деревни рѣдко, за то всякій выѣздъ производился не иначе, какъ съ помпою,—маршалъ иначе не выѣзжалъ, какъ въ каретѣ или коляскѣ шестерикомъ съ форейторомъ; если выѣздъ былъ въ Кіевъ или куда нибудь, что считалось въ то время отдаленнымъ отъ своего мѣстопребыванія пунктомъ, то панъ выѣзжалъ всегда на своихъ (почтовую ѣзду въ то время паны не одобряли и ѣздить на почтовыхъ избѣгали), окруженный цѣлою свитою своей прислуги, нужной ему и въ дорогѣ, и по прибытіи на мѣсто. Обыкновенно поѣздъ составлялся такъ: впереди за нѣсколько часовъ до выѣзда пана съ мѣста ѣхала его кухня, дабы до прибытія его на мѣсто стоянки, если почему либо ему не приходилось остановиться у знакомаго пана, приготовить ему обѣдъ или ужинъ и распорядиться объ очищеніи для его особы хаты, въ которой можно было бы мирно отдохнуть, затѣмъ впереди панской кареты ѣхало два конюха въ красныхъ куртках, на обязанности которыхъ лежало предупреждать трубами встрѣчныхъ проѣзжихъ, чтобы сворачивали пану-маршалу съ дороги,—при непослушаніи тѣхъ, особенно изъ простонародья,—въ дѣло пускалась нагайка. Случалось, что встрѣчный мужикъ на волахъ спитъ, и волы, вдругъ услышавъ неожиданный для нихъ звукъ рожковъ и крики людей, понесутъ и на глазахъ пана-маршала опрокинется возъ съ мужикомъ, послѣ чего все обойдется благополучно, панъ доволенъ, смѣется и приговариваетъ: „такъ ему вражому сыну и треба: нехай не спить и упередъ глядить“. На обязанности этихъ же гофъ-фурьеровъ (такъ титуло-

вались они панамъ) было предупреждать попадающихся по дорогѣ рабочихъ: „звертайте, да не робить курева на дорози“, послѣ чего рабочіе должны были, исполнивши это приказаніе обратиться къ пану лицемъ и отдавать ему низкій поклонъ. При неисполненіи требованій почтенія со стороны встрѣчныхъ по дорогѣ пану-маршалу, супротивники, будь то крѣпостные крестьяне или же вольные козаки, наказывались нагайками. Такъ, разъ проѣзжая изъ своего Жовнинскаго имѣнія въ другое же свое имѣніе Гриньки, на козачьихъ поляхъ, Булюбашъ увидѣлъ много бабъ, жавшихъ жито при дорогѣ, которыя почему то не послушались требованій гофъ-фурьеровъ и не отдали ему почтенія; онъ остановился, приказалъ поставить ихъ въ рядъ и несмотря на ихъ протесты, что онѣ вольныя козачки, а не его крѣпостныя, каждой изъ нихъ было отпущено по нѣсколько ударовъ нагайкой. Въ большую дорогу за каретою тянулся цѣлый обозъ съ необходимою для пана въ путешествіи и по пріѣздѣ на мѣсто рухлядью и прислугою: везли и панскихъ слугъ, везли и постель, и гардеробъ, и посуду, и столовое серебро, и вообще все такое, что могло почему либо понадобиться пану или его семейству въ дорогѣ. Выѣзжали изъ дому въ дальнюю дорогу не иначе, какъ послѣ напутственнаго молебна, за которымъ слѣдовалъ ранній обѣдъ, передъ выѣздомъ садились всѣ въ залѣ, даже и прислугу усаживали, чтобы „все доброе садилось“, послѣ чего крестились и трогались въ дорогу. Въ дорогѣ дневки и ночлеги происходили черезъ каждые 25—30 верстъ, если не у знакомыхъ или родственниковъ, то рѣдко въ заѣзжихъ „постоялыхъ“ дворахъ, а большею частью у „заможнихъ“ хозяевъ изъ козаковъ или крестьянъ... Хаты заблаговременно прибирались панскою прислугою при помощи хозяевъ,—панская постель раскладывалась и стлалась,—прибывшіе повара готовили обѣдъ или ужинъ, смотря по времени дня, а панъ, выйдя на заваленку съ трубкою въ рукахъ, сидя, милостиво разговаривалъ съ хозяиномъ двора объ урожаѣ, цѣнахъ на хлѣбъ, или распрашивалъ про новости дня въ данной мѣстности...

Часто при этомъ вспоминалось прежнее время, когда еще малороссійскіе козаки отбывали свою пограничную службу въ

тѣхъ мѣстахъ, предупреждая набѣги поляковъ съ правой стороны Днѣпра и татаръ съ юга. Рѣка Днѣпръ отдѣляла теперешнюю кіевскую губернію, бывшую во владѣніи Рѣчи Посполитой, отъ Малороссіи, почему часть козацкихъ малороссійскихъ войскъ наряжалась на лѣвый берегъ для защиты отъ вторженія поляковъ, которымъ не особенно довѣряли. Когда въ назначенное время собирался походъ (верстъ за 7, 10, гдѣ теперь мѣстечко Чигиринъ-Дуброва), то всегда походъ этотъ ознаменовывался проводами родныхъ, друзей, часто зарученныхъ невѣстъ и т. п. Въ тѣни садовъ разстилались ковры, приносились всякія яства и питія въ громадномъ количествѣ и начиналось *гостюваніе* (угощеніе съ пожеланіемъ) „щобъ давъ мылосердный Господь вернутыся зъ войны здоровымы и не окаліченнымы“, и гостюваніе это длилось далеко за полночь, настолько далеко, что солнце заставало пировавшихъ спящими еще тогда, когда ратные козаки выступили уже въ походъ и находилось за нѣсколько верстъ отъ подгулявшаго начальства... Эту то свою службу, въ которой Павелъ Ивановичъ достигъ ранга бунчуковаго товарища, изъ котораго переименовался въ маіоры, любилъ вспоминать онъ при встрѣчѣ съ знакомыми козаками во время своихъ путешествій...

Подобная жизнь, обходилась бы пану-маршалу не дешево, если бы она велась, какъ теперь, на деньги, но въ то время для дворянъ помѣщиковъ все было даровое,—и трудъ и продукты, такъ что за малымъ исключеніемъ нѣкоторыхъ мануфактурныхъ и бакалейныхъ товаровъ, покупавшихся за деньги, все остальное, необходимое для жизни, приходилось даромъ; тогдашнему пану надлежало только не поддаваться на соблазнительныя предложенія аферистовъ, а сидѣть дома на хозяйствѣ и пользоваться дарованными ему благами,—но не всѣ были благоразумны, а такъ или иначе многіе изъ пановъ увлекались заманчивыми предложеніями аферистовъ и разстраивали свое состояніе. Подъ конецъ своей жизни и Павелъ Ивановичъ очутился въ рядахъ послѣднихъ.—Казнѣ строилъ въ Лубнахъ окружную аптеку съ подряда какой то великороссійскій купецъ за невыгодную для себя цѣну подъ поручительствомъ и залогомъ Павла Ивановича;—подряда онъ почему то не могъ выполнить и скрылся;—

на обязанности поручителя было выполнить его обязательство, и вотъ Павелъ Ивановичъ поднимается всѣмъ домомъ для переѣзда изъ деревни своей за 80 верстъ въ Лубны, чтобы закончить постройку аптеки; въ Лубны перевозится весь домъ, съ музыкантами, прислугою, охотниками, рыбалками, пушками и пр. и пр.—Все необходимое для жизни въ Лубнахъ привозится изъ деревни, оттуда же привозится матеріалъ для постройки аптеки, и наряжаютъ рабочихъ на постройку; выданныхъ казною 30,000 р. на постройку не хватило, пришлось заложить имѣніе въ приказѣ общественнаго призрѣнія и занять еще 30,000 р., чтобы закончить постройку, и въ результатѣ афера дала долгъ на имѣніи и разореніе если не помѣщичьяго, то крестьянскаго хозяйства, несомнѣнное въ виду постояннаго, въ теченіи извѣстнаго періода времени довольно продолжительнаго отсутствія рабочихъ рукъ у своего насущнаго дѣла... За то, окончивъ постройку и освободившись отъ тягостнаго и разорительнаго для него дѣла, панъ маршалъ, собравъ гостей и отслуживъ молебенъ въ монастырѣ, тронулся въ путь къ себѣ въ деревню, окруженный гостями, слугами, рабочими, переѣхалъ рѣку Сулу, послѣ чего остановилъ свой кортежъ, приказалъ всѣмъ снять шапки, перекреститься на всѣ стороны, а затѣмъ, надѣвши шапки, плюнуть на выстроенную аптеку, послѣ чего велѣлъ музыкантамъ играть маршъ „Громъ побѣды раздавайся“, а слугамъ палить изъ пушекъ...

О чудачествахъ пана маршала не мало ходило разныхъ анекдотовъ. Однажды во время жовнинской ярмарки съ нимъ случился такой казусъ. Устройство кукольныхъ балагановъ было очень незатѣйливо; публика пользовалась мѣстами не по нумерамъ и плата была общая: шагъ или грошъ. Представленіе смѣняло посѣтителей черезъ каждые 1_2 часа. Мальчишки, не имѣющіе чѣмъ заплатить, ухитрялись даромъ *дивиться на кумедію*, ложась на землю и приподнимая полки балагана, но это вскорѣ было замѣчено смотрителемъ и по распоряженію хозяина балагана велѣно было всякій разъ бросать имъ въ лицо песокъ, когда поднимутся полки балагана. Панъ маршалъ отправился со своими гостями осматривать ярмарку и, подойдя къ балагану, который былъ запертъ по случаю начавшейся комедіи, недолго

думая, приподнялъ полки балагана и тотчасъ былъ осыпанъ массой песка. Кто можетъ описать его гнѣвъ, оскорбленіе? Опомнившись, онъ тотчасъ призвалъ казаковъ, велѣлъ созвать музыкантовъ и дворовыхъ съ канчуками, гости окружили балаганъ, а ярмарочная толпа поскорѣй давай Богъ ноги, предчувствуя, что сентенція пана маршала не знаетъ ни апелляціи, ни кассаціи, ни снисхожденій, изрекая при этомъ „гдѣ страхъ, тамъ и Богъ“. Хозяинъ балагана скоро былъ вытащенъ, поваленъ на землю, гдѣ ему всыпали 200 канчуковъ и немедленно разодрали балаганъ, отправивъ его въ другой уѣздъ. Этотъ самосудъ не остался однако безнаказаннымъ уже введенными общими судебными учрежденіями въ малорус. губ. и по рѣшенію уголовной палаты маршалъ присужденъ былъ къ уплатѣ 200 руб. потерпѣвшему. Исполненіе приговора было возложено на коммиссара Бочарова, который, зная характеръ Булюбаша, долго не рѣшался объявить ему рѣшенія палаты и, наконецъ, улучивъ минуту, передалъ въ мягкихъ выраженіяхъ свое порученіе, которое противъ ожиданія было принято довольно спокойно; правда, при этомъ не обошлось безъ крѣпкихъ словъ по адресу судившихъ, но маршалъ согласился подчиниться приговору, съ условіемъ, чтообы потерпѣвшій самъ пришелъ за полученіемъ денегъ въ 8 часовъ вечера; по полученіи денегъ потерпѣвшимъ была выдана росписка маршалу, что онъ больше не имѣетъ никакихъ претензій и въ будущемъ имѣть къ Булюбашу не будетъ. Возвращаясь обратно въ сумеркахъ черезъ панскія угодія, жалобщикъ неожиданно былъ схваченъ выскочившими изъ засады людьми, тутъ же положенъ на землю и награжденъ 200 ударами не канчуковъ, а розогъ. Съ того времени его балаганъ не являлся больше на жовнинской ярмаркѣ, а самъ онъ, уѣзжая, сказалъ окружавшимъ его людямъ: „теперъ я понявъ добре, що зъ дужчымъ не борысь и зъ багатымъ не позывайся“.

Свою маршальскую службу закончилъ Павелъ Ивановичъ слѣдующимъ эпизодомъ. На послѣднихъ выборахъ, когда ему сообщили, что по большинству бѣлыхъ шаровъ должность предводителя дворянства переходитъ къ Максимовичу, онъ, повернувшись спиной къ публикѣ, отпустилъ дворянству такое непе-

чатное словцо, которое трудно и передать. При своей тучности П. И. любилъ плотно покушать и при томъ нѣсколько разъ въ день, пилъ кофе, шеколадъ, спиртныхъ напитковъ не употреблялъ и часто страдалъ разстройствомъ пищеваренія. Пріѣхавъ на ярмарку въ Градижскъ, куда стекалось всегда множество народу и почувствовавъ себя худо, онъ велѣлъ везти себя въ Гриньки, довѣряя больше всего своему цирюльнику (брадобрѣю) Ивану Степановичу Колотѣевскому (своему крестнику), за которымъ признавалъ немаловажныя медицинскія познанія, отчего тотъ былъ извѣстенъ болѣе въ народѣ подъ названіемъ, „панъского лѣкаря“. Но въ Гриньки онъ привезенъ былъ уже въ полусознательномъ состояніи и помочь было невозможно. На другой день онъ скончался и былъ скромно погребенъ въ сосѣднемъ селѣ Горбахъ.

Л.

ДВѢНАДЦАТЬ ПУНКТОВЪ ВЕЛЬЯМИНОВА.

3-го іюля 1722 года, въ Глуховѣ умеръ гетманъ Скоропадскій. Онъ не пережилъ послѣдняго удара, который нанесъ Петръ гетманской власти учрежденіемъ Малороссійской Коллегіи.

Смерть избавила престарѣлаго гетмана отъ униженія состоять подъ командой бригадира Вельяминова и другихъ штабъ-офицеровъ Коллегіи.

Положеніе края было смутно и тяжело. Изъ соціальнаго хаоса, въ какой онъ былъ погруженъ въ половинѣ XVII-го вѣка, уже возникло общество; его элементы вышли изъ первоначальнаго броженія, но еще не окрѣпли, не пришли въ состояніе вполнѣ устойчиваго равновѣсія. А между тѣмъ уже новый страшный толчокъ потрясалъ до основанія это неокрѣпшее общество. Петръ, со всей своей страстной и всесокрушающей энергіей, втиснулъ и Малороссію въ ту общерусскую государственную тягу, которая обязательна была въ Великороссіи.

Уже не говоря о тягостныхъ, истощавшихъ край, постоянныхъ войнахъ, тысячи за тысячами лучшихъ силъ страны гибли на государственныхъ работахъ, при устройствѣ укрѣпленій и крѣпостей, рытьи каналовъ, какъ на сѣверѣ съ его суровымъ климатомъ, тамъ и на югѣ, среди нездоровыхъ знойныхъ степей Каспійскаго прибрежья.

А въ то же время, независимо отъ всего этого, въ малорусскомъ обществѣ шла подпольная борьба. Поспольство чувствовало, что узы его зависимости отъ владѣльцевъ стягиваются все тѣснѣе, жмутъ все больнѣе и больнѣе. Оно не могло и не хотѣло примириться съ такимъ положеніемъ и глухо волновалось. Всякая

катастрофа или просто крупное измѣненіе наверху, на исторической сценѣ, отзывалось взрывомъ, хоть и частичнымъ, народнаго неудовольствія, направленнаго противъ владѣльцевъ. Такимъ взрывомъ сопровождалась и смерть Скоропадскаго.

Съ другой стороны, вновь народившееся изъ козацкой старшины, малорусское панство было цѣликомъ поглощено своимъ соціальнымъ вопросомъ, который былъ для него вопросомъ существованія, роковымъ вопросомъ о томъ, „быть или не быть“ ему, какъ дворянству, какъ сословію привилегированному.

Все зависѣло отъ того, успѣетъ ли оно закрѣпить за собой народъ съ землей и трудомъ: только подъ этимъ условіемъ будущность его могла бы быть обезпечена, тогда оно могло бы разсчитывать на прочное общественное положеніе, соединенное съ правами наслѣдственнаго дворянства; въ противномъ случаѣ оно ничто, случайно поднявшійся гребень общественной волны, который спадетъ въ слѣдующій же моментъ по волѣ той или другой стихіи.

Понятно, что передъ этимъ вопросомъ блѣднѣли и стушевывались всѣ другіе вопросы—историческихъ или иныхъ правъ, политической или національной независимости и т. д. А главное, не могло же панство упустить хоть на одинъ моментъ изъ виду того, что въ случаѣ настоящаго, сильнаго народнаго взрыва, его спасеніе было возможно лишь подъ сѣнью русскаго оружія, и нигдѣ больше. Въ свою очередь и народъ былъ убѣжденъ, что только въ центральной правительственной власти онъ могъ найти поддержку противъ пановъ. Съ своей стороны, русское правительство дѣлало все, чтобъ поддержать въ народѣ эту увѣренность: однимъ изъ первыхъ дѣйствій Малороссійской Коллегіи былъ разосланный по краю универсалъ, который высказывался въ этомъ смыслѣ вполнѣ откровенно [1]). Третье главное сословіе малорусскаго общества козачество, съ одной стороны, было до нельзя ослаблено государственными тяготами, которыя ложились почти исключительно на него; съ другой, разбито въ своихъ

[1]) Оговариваемся, что мы сами не знаемъ этого универсала. а пишемъ о немъ со словъ Костомарова (Историч. монографіи и изслѣдованія, т. 14, ст. Павелъ Полуботокъ, стр. 231).

интересахъ, примыкая верхнимъ слоемъ къ панству, нижнимъ къ поспольству.

Слѣдствіемъ этихъ взаимныхъ отношеній между сословіями, а равно отношеній каждаго изъ нихъ къ русской власти было то, что край былъ переполненъ неудовольствіемъ; но оппозиціи по отношенію къ крутымъ мѣрамъ русскаго правительства, сознательнаго и организованнаго сопротивленія, ни даже стремленія, наклонности къ оппозиціи нигдѣ не было и тѣни. Петръ могъ дѣлать, что ему угодно. Малороссійская Коллегія такъ же спокойно водворилась и открыла свои засѣданія въ Глуховѣ, какъ могла бы это сдѣлать въ любомъ изъ городовъ Россійской Имперіи.

Но человѣчеству свойственно питаться иллюзіями... Традиціи старинныхъ правъ и вольностей были такъ привлекательны и еще такъ свѣжи; обѣщанія о ненарушеніи ихъ еще такъ недавни: а вѣдь это были обѣщанія никого инаго, какъ Петра, обѣщанія человѣка страшной, исполинской силы, которая слишкомъ чувствовалась всѣми, силы, не нуждавшейся, какъ иная сила, во лжи и дипломатическихъ уловкахъ. Забывалось только или просто не понималось, что Петръ уже давно успѣлъ включить Малороссію въ свою идею „государства“, которая безраздѣльно властвовала надъ его душей. Что были для него всѣ эти обѣщанія, вынужденныя когда то обстоятельствами? Можетъ быть, непріятная, но, во всякомъ случаѣ, ничтожная подробность. Петръ могъ припоминать въ иныя минуты, что люди называютъ это несправедливымъ, что кому то отъ этого больно, могъ искренно пожалѣть старика Скоропадскаго, но въ сущности все это были для него такіе пустяки, съ которыми совсѣмъ не стоило считаться. Вѣдь онъ, Петръ, хочетъ пріобщить и малорусскій народъ къ тому великому благу, которое онъ творитъ для своей родины, творитъ, не щадя ни себя, ни другихъ. Къ чему тутъ эта жалкая старшина съ ея какими то жалкими правами?

Но старшина надѣялась, что Малороссійская Коллегія ограничится ролью высшей аппелляціонной инстанціи по отношенію къ генеральному суду. Однако бригадиръ Вельяминовъ не да-

ромъ былъ выбранъ Петромъ въ президенты Коллегіи. Это былъ человѣкъ крутаго нрава. „Я бригадиръ и президентъ, а ты что такое передо мной?“ кричалъ Вельяминовъ Полуботку, наказному гетману: „Ничто! Вотъ я васъ согну такъ, что и другіе треснутъ. Государь указалъ перемѣнить ваши давнины и поступать съ вами по новому!“ На замѣчаніе Полуботка о неприличіи такого его, бригадирскаго, поведенія при чтеніи высочайшаго указа—„я вамъ указъ!“ было отвѣтомъ. И все это не была одна свойственная тогдашнимъ московскимъ людямъ грубость; дѣло шло за словомъ. Коллегія видимо хотѣла захватить въ свои руки всѣ главныя нити управленія краемъ и энергически принялась за дѣло. Старая войсковая организація скоро должна была сдѣлаться лишь ненужнымъ придаткомъ къ новой власти, въ лучшемъ случаѣ—ея исполнительнымъ органомъ. Вельяминовъ олицетворялъ собою смертный приговоръ всему старому строю. Понятно, что генеральная старшина не могла остаться индифферентной. Бороться съ надеждой на успѣхъ она не могла; но не могла она также хоть чѣмъ нибудь не проявить, что существуетъ. Все время, впрочемъ очень непродолжительное, отъ смерти Скоропадскаго и назначенія наказнымъ гетманомъ Полуботка до отъѣзда Полуботка въ Петербургъ (іюль 1722 г.—августъ 1723 г.) наполнено этой quasi—борьбой Полуботка съ Вельяминовымъ, генеральной старшины съ Малороссійской Коллегіей.

Разумѣется, ничего драматическаго въ этой борьбѣ не было: никакихъ коллизій, ни трагическихъ моментовъ или эффектныхъ положеній. Финалъ всей этой борьбы — вызовъ Полуботка въ Петербургъ со всѣми послѣдствіями, конечно, не лишенъ драматизма, но старые малорусскіе лѣтописцы и историки такъ испортили все, что было въ этомъ эпизодѣ истинно драматическаго, сильнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ фальшивымъ освѣщеніемъ, такъ поспѣшили задрапировать Полуботка въ тогу римскаго гражданина, что пока лучше оставить все это въ покоѣ. Борьба на самомъ дѣлѣ велась самымъ скучнымъ и прозаическимъ способомъ—канцелярской перепиской. Указы, доношенія, промеморіи шли изъ Малороссійской Коллегіи въ Генеральную Войсковую Канцелярію, и обратно; шли въ полки, сотни, и обратно; нако-

нецъ—и что самое главное—бумаги изъ Малороссійской Коллегіи шли въ Петербургъ и тоже шли обратно.

Рѣшающее вліяніе во всей этой перепискѣ имѣли представленія отъ Малороссійской Коллегіи въ Петербургъ. Условія жизни сложились однако же такъ, что, какъ ни ясенъ былъ смыслъ всей этой канцелярской борьбы, какъ ни отчетливо читался онъ между строкъ, все таки на поверхности стояли вопросы о сборахъ, о привлеченіи козаковъ въ поспольство и о пр. Всѣ эти вопросы не имѣютъ никакого значенія для характеристики борьбы, если она только можетъ нуждаться въ характеристикѣ, но они имѣютъ значеніе для уясненія положенія дѣлъ въ краѣ, и съ этой точки зрѣнія очень не мѣшаетъ съ ними познакомиться.

Мы совершенно случайно натолкнулись среди листовъ дѣла, взятаго въ харьковскомъ архивѣ [1]), на одинъ интересный документъ. Документъ этотъ—двѣнадцать пунктовъ, въ которыхъ Вельяминовъ формулировалъ свои столкновенія съ генеральной старшиной. Повидимому, съ этими пунктами ѣздилъ Вельяминовъ въ Петербургъ, по крайней мѣрѣ, на нихъ отмѣчено: „поданы Его Императорскому Величеству“ и т. д.; извѣстно, что за этой поѣздкой послѣдовалъ и вызовъ Полуботка. Этотъ документъ, важный и интересный по содержанію, не былъ обнародованъ; поэтому мы и прилагаемъ его цѣликомъ. Здѣсь же разберемъ его постольку, поскольку онъ обрисовываетъ тогдашнее положеніе Малороссіи.

Вельяминовскіе пункты обнимаютъ собою два главныхъ предмета, на которыхъ происходили по преимуществу столкновенія Малороссійской Коллегіи съ генеральной старшиной: это сборы и отношеніе высшихъ сословій къ низшимъ, т. е. козацкой старшины къ козачеству и поспольству. Сборы, ихъ организація и все, до нихъ относящееся, естественно, было главнѣйшимъ предметомъ попеченія русскаго правительства, и понятно, почему половина пунктовъ относится именно сюда. Но въ данный моментъ другой вопросъ—объ отношеніяхъ козацкой стар-

[1]) Малороссійскій Архивъ при харьковскомъ университетѣ. Дѣло подъ № 995.

шины къ низшимъ классамъ выдвинулся по нѣкоторымъ случайнымъ обстоятельствамъ на первый планъ. Въ этомъ вопросѣ были такія нити, посредствомъ которыхъ русское правительство легко могло держать въ рукахъ всѣ общественные элементы края. Выше уже показано отчасти, въ чемъ тутъ было дѣло. Но здѣсь мы еще дадимъ нѣкоторыя объясненія.

Между владѣльцами и поспольствомъ происходила борьба, и это была уже не канцелярская борьба на бумагѣ, а борьба настоящая съ энергичнымъ наступленіемъ и такимъ же сопротивленіемъ, если безъ смертоубійствъ, то, во всякомъ случаѣ, не безъ розогъ, канчуковъ, плетей. Владѣльцы дѣлали все, что могли, чтобъ обратить подданныхъ въ свою живую собственность; крестьяне дѣлали все, что могли, чтобъ отстоять свою недавнюю свободу, свой свободный трудъ, свою собственную землю; однако они должны были отступать шагъ за шагомъ, такъ какъ противъ нихъ была вся организація мѣстнаго войсковаго управленія, спаянная круговой порукой насущнаго личнаго интереса. Закрѣпощеніе шло неизмѣнно и быстро впередъ, хотя и неровными шагами. Къ описываемому нами времени оно еще не успѣло уйти очень далеко: сколько можно судить по драгоцѣннымъ документамъ, приводимымъ г. Лазаревскимъ [1]), для описываемаго нами момента можно было принять за обычную норму повинностей посполитыхъ два дня въ недѣлю работизны и осенщину. Но нормы въ этихъ случаяхъ всегда оказываются растяжимыми, даже когда они закрѣплены закономъ; здѣсь же не было никакого общаго правоваго закрѣпленія. Поэтому эластичность ихъ оказывалась чрезвычайной. Кромѣ того являлись возможными уже и исключенія въ такомъ родѣ, что владѣлецъ, напримѣръ, „могъ зъ кождого двора по человѣку съ конемъ высылать уставичне безъ перемѣны кождого дня на роботизну, не минуючи и не чтячи господскихъ божественныхъ праздниковъ и святыхъ нарочитыхъ [2])“... А надо замѣтить, что исключенія этого рода имѣ-

---

[1]) Записки черниговскаго губ. стат. Комитета 1866 г., книга первая, ст. „Малороссійскіе посполитые крестьяне“.

[2]) Тамъ же, стр. 39.

ютъ постоянную коварную тенденцію какъ разъ обращаться въ правило, а затѣмъ и въ законъ. Къ этому же моменту относятся и жалобы крестьянъ, приводимыя тамъ же[1]) на пана Ѳедора Гречанаго, одного изъ трехъ малорусскихъ членовъ Малороссійской Коллегіи (назначенныхъ вслѣдъ за смертью Полуботка). Все это дѣло представляетъ картину крайне утѣсненнаго положенія крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, чего могли ждать истцы, подавая просьбы такимъ лицамъ, къ которымъ отвѣтчикъ обращался „полецая себя“ ихъ „непремѣнному братерскому назавше аффектови“ [2]).

Смерть Скоропадскаго и нововведенія, которыми она сопровождалась, оживили надежды крестьянъ на улучшеніе ихъ участи. Вотъ чрезвычайно характерныя слова изъ одной владѣльческой жалобы, которыми обрисовывается положеніе: „Подданные наши, уже лѣтъ отъ сорока намъ въ послушенствѣ обрѣтающіеся, но мѣрѣ своей служили; а теперь, или съ чьихъ наговоровъ, или сами собой, въ развращеніе пришли, и не хотятъ належитого своего отдавати послушенства; сами между собою бунтъ вчинаютъ до заводовъ, который сильнѣйшій, то убогого бьетъ, и нѣтъ средствъ какъ ихъ унять бо отказуютъ: не можетъ зъ насъ нихто теперь учинити справедливости, а державцѣ своего не боимося! И осторожно мы теперь съ ними обходимся, боясь, чтобъ отъ бунтовъ ихъ въ своемъ здоровьѣ не пострадать“ [3]). Интересно, что подразумѣвалъ жалобщикъ подъ „чіими наговорами?“ Не былъ ли это намекъ на дѣйствія великорусскаго правительства? Недаромъ же Полуботокъ и Чарнышъ въ своихъ показаніяхъ на слѣдствіи, которое производилось надъ ними въ Петербургѣ, говорили, что Вельяминовъ разсылалъ офицеровъ внушать поспольству, чтобъ оно не боялось ни своихъ владѣльцевъ, ни старшинъ[4]). Костомаровъ упоминаетъ также и объ универсалѣ, которымъ Коллегія, при самомъ своемъ учрежденіи, оповѣстила по всей Малороссіи, чтобы всѣ, „которые имѣютъ

[1]) Ib. стр. 55 и слѣд.

[2]) Ib. стр. 57.

[3]) Ib., стр. 67—68.

[4]) Костомаровъ, стр. 234.

какое нибудь неудовольствіе противъ старшинъ и какого бы то ни было начальства, подавали жалобы въ Коллегію, установленную государемъ съ тою цѣлью, дабы защищать бѣдныхъ противъ богатыхъ и вообще простой народъ противъ малорусскихъ властей [1]).

Какъ бы то ни было, поспольство волновалось. Въ іюлѣ Полуботокъ сдѣлался наказнымъ гетманомъ, а уже въ августѣ онъ разсылалъ въ полки универсалы, въ которыхъ были угрозы ослушному поспольству [2]). Но безпорядки продолжались. Въ декабрѣ Полуботокъ и генеральная старшина уже снова „требовали“, какъ пишетъ Вельяминовъ въ 10-мъ изъ нижеприлагаемыхъ пунктовъ, „совѣту, чтобъ послать имъ во всю Малую Россію универсалы въ такой мѣрѣ: извѣстно-де имъ учинилось, будто поспольство, подданные легкомысленные, показывая самовольство, не хотятъ владѣльцомъ своимъ надлежащаго отдавать послушанія, и ежели гдѣ отъ нихъ, подданныхъ, имѣла бъ противность, такихъ брали въ тюрьму и по разсмотрѣнію вины нещадно публично наказывали“. Вельяминовъ объявилъ старшинѣ, „дабы они того не чинили, понеже, усмотря то, прочая старшина станутъ поспольству противъ прежняго чинить немалыя тягости безъ всякой вины“, а совѣтовалъ, „дабы они прежде, ежели кто изъ такихъ чинятъ своимъ владѣльцомъ противности, освидѣтельствовали, а по свидѣтельству учинили таковымъ, кто чему достоинъ будетъ, а не всѣмъ бы такой страхъ объявлять“. Полуботокъ и генеральная старшина не приняли этого совѣта и разослали свои универсалы. Изъ-за этого то и загорѣлся сыръ-боръ. Конечно, онъ не загорѣлся бы, еслибъ всѣми прочими условіями не былъ доведенъ до того, что достаточно было къ нему поднести малѣйшую искру, чтобъ онъ ярко вспыхнулъ. Тѣмъ не менѣе, любопытно все-таки, что именно эти универсалы были краеугольнымъ камнемъ обвиненія (на слѣдствіи въ Петербургѣ) противъ Полуботка и его товарищей [3]). Замѣтимъ при томъ, что въ указѣ,

---

[1]) Ib. 231.

[2]) Лазар., стр. 68.

[3]) Костомар., стр. 233.

который представлялъ собою отвѣтъ на пункты Вельяминова, не упоминается объ этомъ, повидимому, такъ обострившемся и такъ интересовавшемъ правительство крестьянскомъ вопросѣ ни одного слова. Очевидно, что интересъ правительства къ этому вопросу былъ интересомъ не по существу дѣла, а лишь по временнымъ политическимъ соображеніямъ. Да и могло ли оно быть иначе? Вѣдь въ то же самое время въ Великой Россіи происходила первая ревизія, которая была существеннымъ шагомъ къ окончательному закрѣпощенію народа, какъ это отчетливо показываетъ Бѣляевъ [1]).

Въ самой тѣсной связи съ этимъ краеугольнымъ пунктомъ обвиненія противъ старшины стоитъ пунктъ 8-й. Здѣсь затрогивается вопросъ, который и потомъ долго возбуждалъ вниманіе правительства, вызвалъ нѣсколько спеціальныхъ указовъ, загромоздилъ архивы Малороссійской Коллегіи и Генеральной Канцеляріи массою дѣлъ: это переходъ козаковъ въ посполитые (дѣла „о посполитыхъ, ищущихъ козачества“). Вельяминовъ, на основаніи нѣкоторыхъ жалобъ, поданныхъ въ Малороссійскую Коллегію, обвинялъ старшину въ томъ, что она выключаетъ козаковъ изъ козацкой службы и беретъ ихъ насильно себѣ въ подданство; на генеральную же старшину и Полуботка набрасывалась тѣнь сознательнаго потворства и укрывательства всѣхъ такихъ злоупотребленій. Фактъ злоупотребленій былъ, по свидѣтельству Вельяминова, подтвержденъ розысками оберъ-офицеровъ, которые съ этой цѣлью высланы были Коллегіей. Но, повидимому, Вельяминовъ въ этомъ своемъ обвиненіи положилъ слишкомъ густыя краски на поведеніе старшины, и самъ это чувствовалъ, по крайней мѣрѣ, такъ можно заключать по недостаточно рѣшительному тону этого пункта. „А по розъискамъ тѣхъ офицеровъ показано, что тѣхъ челобитчиковъ дѣды и отцы и родственники ихъ, а нѣкоторые и изъ нихъ, челобитчиковъ, козацкую службу служили и въ походахъ бывали, а старшина де нѣкоторыхъ изъ тѣхъ челобитчиковъ въ подданство къ себѣ взяли по неволи“, пишетъ Вельяминовъ, отступая отъ своей обычной

[1]) Крестьяне на Руси, стр. 251 и слѣд.

категоричности. Само петербургское слѣдствіе, сколько можно судить о немъ по статьѣ Костомарова, громоздившее всевозможныя вины на Полуботка и старшину, не подняло вопроса объ этомъ предметѣ. Да и въ самомъ дѣлѣ, оправдывалось ли подобное обвиненіе положеніемъ дѣлъ, по крайней мѣрѣ, обвиненіе въ такой рѣзкой и категорической его формѣ? Великороссу, человѣку незнакомому съ условіями мѣстной жизни, который натолкнулся бы на два-три факта обращенія козака въ посполитые при давленіи пана, напр. путемъ задолжанія, могло бы bona fide показаться, что онъ имѣетъ дѣло съ страшнымъ злоупотребленіемъ. Но чтобы вѣрно судить объ этихъ фактахъ, надо не упускать изъ виду слѣдующаго соображенія. Конечно, съ великорусской, или вообще съ государственной точки зрѣнія между козакомъ и посполитымъ была огромная разница—это были два общественныхъ элемента съ совершенно различными функціями и значеніемъ; но дѣло въ томъ, что жизнь еще не успѣла отлить эти элементы въ прочныя, соотвѣтствующія ихъ функціямъ формы. Да и когда же было успѣть? Вѣдь все это начало осѣдать и кристаллизоваться изъ хаотическаго состоянія всего какихъ нибудь полстолѣтія съ небольшимъ тому назадъ. Двѣ эти общественныя группы, посполъство и козачество, обозначились тотчасъ же,—но обозначились какъ? „Можнѣйшіе понисались въ козаки, а подлѣйшіе остались въ мужикахъ“, вотъ какъ говорится объ этомъ въ одной тогдашней рукописи [1]). Кто имѣлъ возможность, по имущественному и семейному положенію, по наклонностямъ и энергіи, записываться въ козаки, записывался; кто не могъ, оставался въ мужикахъ. Этой первоначальной свободѣ не такъ то было легко положить конецъ, хоть она и шла совершенно въ разрѣзъ со всѣми цѣлями государственнаго благоустройства. Удержать не только личность, но даже землю при опредѣленной общественной функціи оказывалось дѣломъ очень труднымъ: только съ 1739 г. вошелъ въ силу законъ о неотчуждаемости козачьей земли лицамъ некозачьяго сословія. До тѣхъ же поръ „за прежній давній обычай и по волностямъ грунта

[1]) Лазар., 6.

по куплѣ и иными образы отъ козаковъ въ посполитые, а отъ посполитыхъ въ козачіи руки отходили безпрепятственно, и непрежде землѣ утвержденія, гдѣ посполитая, а гдѣ козачая неположено“ [1]). Понятно, что посполитый, еще лично свободный, покупая, получая въ приданое, въ даръ или по наслѣдству козачью землю, дѣлался или могъ дѣлаться козакомъ; понятно, что и козакъ, получая такимъ же образомъ землю посполитаго, дѣлался или могъ дѣлаться посполитымъ. Все это было дѣломъ доброй воли и желанія владѣльца земли, хотя, при извѣстномъ стеченіи условій, могло имъ и не быть: при благопріятномъ оборотѣ, можно было, пожалуй, освободить себя и отъ всѣхъ обязательствъ, при неблагопріятномъ—можно было быть вынужденнымъ принять тѣ или другія во что бы то ни стало, вынужденнымъ даже при помощи „вязенія“ или „кіевъ“. Все это понятно для общества, еще не отлившагося въ прочныя формы. Если же принять все это въ соображеніе, то едва ли можетъ быть рѣчь въ данномъ случаѣ о систематическихъ злоупотребленіяхъ со стороны старшины, о насильственномъ обращеніи ею козаковъ въ подданство. Конечно, злоупотребленія могли случаться и, по всей вѣроятности, случались, но въ нихъ не было никакой общей и настоятельной надобности; старшина могла дѣлать то же самое самымъ легальнѣйшимъ образомъ, тѣмъ же путемъ экономическаго давленія богатаго на бѣднаго, какой практикуется испоконъ вѣковъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ. Козакъ могъ и продать свою землю пану, и заложить ее, и такимъ образомъ дать ему права надъ собой; могъ и просто, тяготясь козачьей службой, придти къ мысли о томъ, чтобъ укрыться отъ всего за широкой спиной властнаго и добраго пана. Однимъ словомъ, въ пунктѣ 8-мъ Вельяминовъ, обобщая свое обвиненіе, или задался сознательно намѣреніемъ очернить старшину во что бы то ни стало, или былъ самъ введенъ въ заблужденіе по незнанію мѣстныхъ условій.

Но все таки большая часть пунктовъ была посвящена сборамъ и вопросамъ, къ нимъ относящимся. Государство, да къ

---

[1]) Малор. Архивъ. Дѣло подъ № 2066.

тому же еще Петровское государство съ его страшными потребностями и до нельзя стѣсненными средствами, не могло упускать изъ виду интересовъ фиска. До сихъ поръ Малороссія, можно сказать, не давала никакихъ прямыхъ доходовъ въ государственную казну (не считая консистентскихъ дачъ). Необходимо было измѣнить дѣло: съ одной стороны, надо было увеличить доходы, съ другой, организовать сборъ ихъ такъ, чтобъ они попадали въ государственную казну. Для всего этого уже приняты были нѣкоторыя предварительныя мѣры. Скоропадскій самъ подалъ поводъ къ вмѣшательству. При немъ, какъ извѣстно, войсковымъ скарбомъ завѣдывалъ его частный управляющій Иванъ Даровскій; понятно, что тутъ не могло быть и рѣчи о строгомъ порядкѣ или отчетности. Его смертью русское правительство воспользовалось, чтобъ, такъ сказать, упорядочить сборы. Собирать доходы продолжали еще „ихъ же малороссійскіе люди“, урядники, войты, бурмистры, райцы, лавники и опредѣленные генеральной старшиной сборщики изъ „людей добрыхъ и пожиточныхъ“, которые могли бы гарантировать сборы своимъ имуществомъ. Но сбирались сборы уже подъ строгимъ контролемъ Малороссійской Коллегіи и доставлялись ей. Любопытно, что Малороссійская Коллегія не брезгала даже такими сборами, какъ яица, гуси, капуста и т. д.: все это шло на гетманскую кухню (пунктъ 6). Въ этомъ направленіи оставался еще одинъ послѣдній шагъ—назначеніе фискальныхъ агентовъ самимъ правительствомъ: на необходимость этого шага и намекаетъ Вельяминовъ въ 9 пунктѣ. Не менѣе важно было увеличеніе сборовъ. До сихъ поръ дѣло сборовъ находилось въ такомъ положеніи. Сборы дѣлались на слѣдующія главнѣйшія надобности: на войско, бывшее при гетманѣ, на церкви и монастыри, на гетмана, на ратуши, на полковниковъ, сотниковъ, войтовъ и прочую старшину. Войско содержалось на доходы съ арендъ, хотя при Скоропадскомъ дѣлались также и сборы съ полковъ на сердюковъ и компанейцевъ. На содержаніе гетмана и старшины шли: индукта съ товаровъ, стація съ нѣкоторыхъ посполитыхъ людей, покуховное, показанщина, хлѣбъ отъ мельницъ съ войсковыхъ частей, поколющина и покабанщина, тютюнная десятина, десятина медовая и нѣк.

др. Это были доходы войсковаго скарбу; а гетманскій дворъ имѣлъ еще и свои спеціальные доходы. Ратуши сами дѣлали свои сборы и распоряжались ими.

Отъ сборовъ въ войсковой скарбъ была свободна старшина и все знатное войсковое товарищество. Изъ пунктовъ Вельяминова видно, въ какомъ направленіи дѣлались первые шаги къ увеличенію доходовъ. Это было, прежде всего, уничтоженіе всѣхъ платежныхъ льготъ—мѣра, вызвавшая было даже противодѣйствіе со стороны сената; затѣмъ расширеніе покуховнаго, очень важнаго сбора въ виду распространенности винокуренія; далѣе, привлеченіе ратушныхъ доходовъ въ общій фискальный оборотъ (пункты 2, 4, 5). Нечего и распространяться о томъ, какъ задѣвало все это матеріальные интересы старшины. Но ей ничего не оставалось, кромѣ пассивнаго сопротивленія недоставленіемъ вѣдомостей, справокъ (пунктъ 11), безъ чего Коллегія, впрочемъ, умѣла обходиться. Недостатку свѣдѣній должна была помочь и ревизія, которая имѣла мѣсто въ томъ же 1723 г.

И такъ, нашъ обзоръ Вельяминовскихъ пунктовъ почти законченъ. Остаются не разсмотрѣнными только два пункта. О пунктѣ 7-мъ, касающемся содержащихся подъ карауломъ „поповъ и прочихъ чиновъ тамошнихъ малороссійскихъ обывателей въ непристойныхъ словахъ, касающихся чести Его Императорскаго Величества“, сказать нечего: мы ничего не знаемъ объ этомъ дѣлѣ. Остается сказать нѣсколько словъ по поводу послѣдняго 12-го пункта—о комендантахъ. Коменданты, какъ начальники мѣстныхъ гарнизоновъ, повидимому, были старымъ учрежденіемъ; но съ появленіемъ Малороссійской Коллегіи нѣкоторымъ изъ нихъ (въ г.г. Стародубѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, Полтавѣ) поручена была новая важная обязанность. Изъ нихъ образовано было что то въ родѣ военно-административной цензуры, обязанной слѣдить за сношеніями генеральной старшины съ полковыми управленіями. Установленъ былъ такой порядокъ дѣлопроизводства по важнымъ дѣламъ (важными дѣлами считались, на первомъ планѣ, наряды войска, денежные и хлѣбные сборы, публикованіе смертныхъ экзекуцій и наклады на посполство, а затѣмъ и другіе). Всякій указъ или универсалъ съ та-

кимъ содержаніемъ, посылаемый генеральной старшиной въ полки, долженъ былъ быть представляемымъ въ копіи въ Малороссійскую Коллегію. Коллегія пересылала эти копіи комендантамъ. Обязанность комендантовъ заключалась въ слѣдующемъ. Получая копіи съ универсаловъ изъ Малороссійской Коллегіи, коменданты должны были свѣрять ихъ съ подлинными документами, получаемыми мѣстной полковой старшиной. Если бы универсалы оказались несходны съ копіями, или еслибъ обнаружились универсалы безъ соотвѣтствующихъ копій, то коменданты обязаны были не допускать такіе универсалы къ исполненію. Сомнительные же подлинники коменданты должны были отбирать и держать при себѣ, посылая съ нихъ копіи въ Малороссійскую Коллегію и ожидая дальнѣйшихъ распоряженій Коллегіи[1]).

Прилагаемъ въ подлинникѣ пункты Вельяминова и промеморію, заключающую въ себѣ распоряженія Петра по этимъ пунктамъ.

Александра Ефименко.

Пункты, поданные Его Императорскому Величеству въ Санктъ-Петербургѣ марта 31-го дня 1723 года.

1.

Въ Малой Россіи сборы, какъ было начаты собирать въ казну Вашего Величества съ сочиненія Коллегіи до полученія указу изъ Правительствующаго Сената, нынѣ оные попрежнему ль собирать все въ казну Вашего Величества, и ежели собирать—все то такимъ образомъ, какъ сборщики показали, или сбирать во всѣхъ полкахъ и сотняхъ равнымъ образомъ, понеже помянутые сборщики показали, какъ въ полкахъ, такъ и въ сотняхъ, сборы неравные.

2.

Покуховное, показанщина, пчельная, табачная десятины, съ мельницъ войсковая часть, такожъ и прочіе сборы, какъ видно по сборщиковымъ вѣдомостямъ, прежде сего сбирали въ Малой Россіи на гетмана, на полковниковъ, сотниковъ и прочую стар-

[1]) Малор. Арх. Дѣло подъ № 995.

шину съ козаковъ убогихъ и съ посполитыхъ людей, а старшина и знатные козаки и полковые товарищи, и монастырскіе и церковные владѣльцы, которые у себя имѣютъ казаны, пчелы, табакъ, мельницы и другіе заводы, противъ помянутыхъ козаковъ и посполитыхъ надлежащихъ сборовъ не платили, а нынѣ оные со всѣхъ ли равнымъ образомъ сбирать.

3.

Оброчныя статьи, которыя прежде сего въ Малой Россіи были на откупѣ, нынѣ охочимъ людямъ, ежели кто пожелаетъ взять на откупъ съ торгу и съ наддачи, отдавать ли, понеже изъ малороссійскихъ обывателей и прежде сего въ Малороссійской Коллегіи объ отдачѣ имъ тѣхъ статей на откупъ требовали указу.

4.

Во всей Малой Россіи покуховное берется токмо съ шинкарей съ вышинкованныхъ куфъ, а малороссійскіе тамошніе обыватели многіе продаютъ вино пріѣзжающимъ изъ великороссійскихъ городовъ куфъ по сту и по двѣсти и больше, а покуховнаго, какъ берется съ вышинкованной куфы, не платятъ, а платятъ токмо скатного по 6 алтынъ по 4 деньги и по 8 алтынъ по 2 деньги; а нынѣ съ такихъ продавцовъ или купцовъ противъ вышинкованной куфы покуховное равнымъ образомъ брать ли.

5.

Въ Кіевѣ до ратуши имѣетъ быть разного званія сборы, на которые той ратуши войтъ съ магистратомъ объявили въ Малороссійской Коллегіи Вашего Императорскаго Величества жалованныя грамоты, чтобъ того сбору для всякихъ ихъ отправленій быть при той ихъ ратушѣ; а нынѣ тѣ ихъ ратушскіе сборы протихъ другихъ малороссійскихъ ратушъ въ казну Вашего Величества собирать ли.

6.

Съ гетманскихъ маетностей сбираны гетману на булаву и на кухню сборы, кромѣ денежныхъ и хлѣбныхъ сборовъ, шубы, сапоги, козлины, чулки, рукавицы, полотна, сани, телѣги, всякая пряжа, яйца, яловицы, бараны, гуси, утки, капуста и про-

чіе сборы тому же подобные, которые прежде сего употреблялись въ домъ гетманской на его домовые расходы,—а нынѣ оное по смерти гетманской съ тѣхъ маетностей собирать ли, и ежели собирать, на какіе расходы употреблять, понеже скотину и птицъ ежели держать, то на кормъ онымъ птицамъ въ расходъ хлѣба употребляться будетъ немалое число, а ежели впредь онаго не собирать, то нынѣшнее собранное куда употребить.

7.

По поданнымъ въ Малороссійскую Коллегію доношеніямъ отъ малороссійскихъ обывателей, содержутся во оной Коллегіи подъ карауломъ изъ поповъ и изъ прочихъ чиновъ тамошніе малороссійскіе обыватели въ непристойныхъ словахъ, касающихся къ Вашей Императорскаго Величества чести, по которымъ доношеніямъ во оной Коллегіи кѣмъ надлежитъ розыскивано, а по розыску оные за ними и явилось, и съ такими что чинить.

8.

Изъ малороссійскихъ посполитыхъ людей бьютъ челомъ въ Коллегіи на генеральную и прочую старшину и на другихъ владѣльцовъ, что дѣды и отцы ихъ, а изъ нѣкоторыхъ и они, челобитчики, многіе годы служили козацкую службу и были въ разныхъ походахъ, а старшина изъ той козацкой службы написали ихъ, а другихъ и по неволи взяли къ себѣ въ подданство. По которымъ ихъ прошеніямъ писано изъ Коллегіи къ полковнику Полуботку и генеральной старшинѣ, дабы они въ Коллегію прислали извѣстіе, оные челобитчики, дѣды и отцы ихъ съ козаками по реестру написаны ль; на что они отвѣтствіемъ объявили: давнихъ де козацкихъ реестровъ у нихъ не сыскано, а которые есть реестры, и по тѣмъ имянъ ихъ, челобитчиковыхъ, нѣтъ. Чего ради въ тѣ села, гдѣ оные челобитчики жительство имѣютъ, для розыску тамошними и сторонними старинными козаками и мужиками посылапы изъ Коллегіи оберъ-офицеры, а по розыскамъ тѣхъ офицеровъ показано, что тѣхъ челобитчиковъ дѣды и отцы и родственники ихъ, а нѣкоторые и изъ нихъ, челобитчиковъ, козацкую службу служили и

въ походахъ бывали, а старшина-де нѣкоторыхъ изъ тѣхъ челобитчиковъ въ подданство къ себѣ взяли по неволѣ, и нынѣ оные челобитчики въ Коллегіи просятъ, дабы имъ по прежнему изъ подданства быть въ козацкой службѣ. И по тѣмъ ихъ прошеніямъ и по розыскамъ оныхъ челобитчиковъ, такожь и впредь ежели будутъ такіе же подавать о томъ прошенія, изъ подданства по прежнему въ козацкую службу опредѣлять ли.

9.

По пунктамъ гетмана Богдана Хмельницкаго и на оное въ рѣшительныхъ въ 7-мъ пунктѣ показано въ городѣхъ быть урядникамъ, войтамъ, бурмистрамъ, райцамъ, лавникамъ, и доходы всякіе денежные и хлѣбные сбирать на Ваше Императорское Величество и отдавать въ казну тѣмъ людямъ, которые отъ Вашего Величества присланы будутъ, да тѣмъ же присланнымъ людямъ надъ тѣми сборщики смотрѣть, чтобъ дѣлали правду. А нынѣ по указу Вашего Величества изъ Малороссійской Коллегіи для сбора денегъ и хлѣба и прочего сборщики изъ ихъ же людей опредѣлены во всѣ малороссійскіе полки, а для усмотрѣнія надъ тѣми сборщики, чтобъ въ томъ сборѣ дѣлали правду, надлежитъ опредѣлить изъ какихъ чиновъ Ваше Величество изволите десять человѣкъ людей добрыхъ, чтобъ въ каждомъ полку было по одному человѣку, а безъ такихъ нарочно къ тому дѣлу опредѣленныхъ за тѣми сборщики Коллегіи усмотрѣть неможно, понеже многіе малороссійскіе городы отъ Глухова имѣють быть въ дальнемъ разстояніи.

10.

По указу Вашего Величества изъ Правительствующаго Сената велѣно мнѣ съ черниговскимъ полковникомъ Полуботкомъ и генеральною старшиною во всѣхъ ихъ дѣлахъ присутствовать и смотрѣть, дабы ничего противнаго Вашего Величества интересу чинено не было, и буде что усмотрю, того имъ не позволять. А прошедшаго 722 года декабря 15-го дня оной полковникъ и генеральная старшина требовали отъ меня совѣту, чтобы послать имъ во всю Малую Россію универсалы въ такой мѣрѣ: извѣстно-де имъ учинилось будто поспольство, подданные

легкомысленные, показывая самовольство, не хотятъ владѣльцомъ своимъ надлежащего отдавать послушанія, и ежели бъ гдѣ отъ нихъ, подданныхъ, имѣла бъ противность такихъ брали въ тюрмы и по разсмотрѣнію вины нещадно публично наказывали. Что я усмотря объявлялъ имъ, полковнику и генеральной старшинѣ, дабы они того не чинили, понеже усмотря то прочая старшина станутъ поспольству противъ прежняго чинить немалыя тягости безъ всякой вины, а объявлялъ имъ, дабы они прежде, ежели кто изъ такихъ чинятъ своимъ владѣльцомъ противности, и о такихъ бы прежде освидѣтельствовали, а по свидѣтельству учинили таковымъ штрафъ, кто чему достоинъ будетъ, а не всѣмъ бы такой страхъ объявлять; токмо онъ полковникъ и генеральная старшина, не принявъ того моего совѣту, оные универсалы въ Малую Россію послали. И ежели впредь оная старшина будутъ чинить такіе отправленія безъ моего совѣту, и въ томъ какимъ образомъ съ ними поступать.

11.

Въ Малороссійской Коллегіи надлежитъ для всякихъ отправленій имѣть обстоятельныя вѣдомости о малороссійскихъ сборахъ, такожь къ расположенію квартиръ на драгунскіе полки о дворовомъ числѣ да имянные наличные списки о козакахъ, обрѣтающихся во всей Малой Россіи, и о прочемъ, которые многократно требованы отъ полковника Полуботка и генеральной старшины, токмо они такихъ вѣдомостей въ Коллегію не дали, а нынѣ ежели прилучится изъ Малороссійской Коллегіи взять изъ котораго полку ко исправленію Вашего Величества дѣлъ какія вѣдомости или о чемъ справиться, и для того въ тѣ полки къ полковникамъ или къ кому надлежитъ указы изъ Малороссійской Коллегіи мимо генеральной старшины посылать ли.

12.

Указомъ Вашего Величества изъ Правительствующаго Сената въ Малороссійскую Коллегію объявлено о бытіи въ малороссійскихъ полкахъ опредѣленнымъ изъ Сенату комендантомъ, а именно въ Стародубѣ, въ Черниговѣ, въ Переяславлѣ, Полтавѣ, которые въ тѣ полки и прибыли. А велѣно тѣмъ комендантамъ,

будучи во оныхъ городѣхъ, присланные отъ полковника Полуботка и генеральной старшины къ тамошнимъ малороссійскимъ полковникомъ указы и универсалы съ присланными жь къ тѣмъ комендантамъ изъ Коллегіи съ такихъ же указовъ и универсаловъ копіями свидѣтельствовать, а по свидѣтельству ежели будутъ несходны то оныхъ до дѣйства не допущать. О чемъ я письменно предлагалъ полковнику Полуботку и генеральной старшинѣ, дабы они въ тѣ полки къ полковникомъ послали отъ себя указы, чтобъ тѣ полковники онымъ комендантомъ присланные къ нимъ отъ нихъ, генеральной старшины, указы и универсалы объявляли. Токмо того онъ, полковникъ, не учинилъ, а объявилъ въ Коллегію промеморіею, что о объявленіи-де тѣмъ комендантомъ оныхъ универсаловъ указу Вашего Величества они у себя о томъ собственнаго не имѣютъ. Того ради дабы указомъ Вашего Величества повелѣно было оному полковнику и генеральной старшинѣ объявить, дабы они впредь по предложенію отъ Малороссійской Коллегіи во отправленіи Вашего Величества дѣлъ имѣли отправленіе безо всякія отговорки, дабы затѣмъ во исправленіи положенныхъ на оную Коллегію дѣлъ не имѣло быть остановки.

Промеморія отъ 3-го іюня 1723 года.

Изъ Коллегіи Малороссійской въ Войсковую Генеральную Канцелярію.

По именному его Императорскаго Величества указу, который во оной Коллегіи сего іюня 3 дня чрезъ г-на Бригадира Вельяминова полученъ за подписаніемъ Его Величества собственной руки, велѣно учинить слѣдующее: 1. Въ Малороссіи всякіе доходы, денежные и хлѣбные, о которыхъ показали сборщики, сбирать въ казну урядникамъ и войтамъ малороссійскаго народа, такъ какъ сбирано, и принимать у нихъ въ Малороссійскую Коллегію. и изъ тѣхъ сборныхъ денегъ жалованье давать по пунктамъ Богдана Хмельницкаго и по даннымъ инструкціямъ. 2. Съ малороссійскихъ старшинъ и знатныхъ козаковъ и войсковыхъ товарищей и съ монастырскихъ и съ церковныхъ вла-

дѣльцевъ, которые у себя имѣютъ козаны, пчелы, табакъ, мельницы и другіе заводы, съ такихъ со всѣхъ надлежащіе сборы брать равно отъ высшихъ и до нижнихъ чиновъ, не выключая никого. 3. Съ малороссійскихъ же обывателей, которые продаютъ вино пріѣзжающимъ изъ великороссійскихъ городовъ малымъ и великимъ числомъ куфъ, съ тѣхъ съ такого продажнаго вина въ отвозъ брать равно какъ и съ вышинкованныхъ куфъ. 4. Которые посполитые люди бьютъ челомъ, чтобъ имъ быть въ козацкой службѣ попрежнему для того, что дѣды и отцы ихъ, а нѣкоторые и сами челобитчики прежде сего служили въ козакахъ многіе годы и были въ походахъ, а старшина и другіе владѣльцы написали ихъ, а иныхъ и по неволѣ къ себѣ взяли въ подданство,—того ради для подлинной о таковыхъ справкѣ изъ войсковой канцеляріи взять съ прежнихъ давнихъ и съ нынѣшнихъ козацкихъ реестровъ списки. А чтобъ оные присланы были конечно немедленно, о томъ въ Войсковую Генеральную Канцелярію Его Императорскаго Величества указъ посланъ изъ Малороссійской Коллегіи. Съ тѣми реестрами справливаться и изъ которыхъ дѣды и отцы и сами челобитчики въ козацкой службѣ прежде были написаны, тѣхъ по ихъ челобитью писать въ козаки по прежнему. А буде прежнихъ давнихъ реестровъ не сыщется, о такихъ свидѣтельствовать малороссійскими жителями, и ежели по подлиннымъ свидѣтельствамъ которыхъ дѣды и отцы или сами челобитчики въ козацкой службѣ были, тѣхъ по тому жъ писать въ козаки. 5. У полковника Полуботка и генеральной старшины взять обстоятельныя вѣдомости о малороссійскихъ сборахъ, такожь къ расположенію квартиръ на полки о дворовомъ числѣ, именные наличные списки о козакахъ, обрѣтающихся во всей Малороссіи и о прочемъ; во умедленіи же оной или когда надобно будетъ въ Коллегію изъ котораго полку ко исправленію по указу дѣлъ такія вѣдомости или о чемъ справки, то посылать и мимо генеральной старшины. 6. Полковнику Полуботку и генеральной старшинѣ посылаемые къ полковникамъ всѣ указы и универсалы, которые когда имѣютъ быть посланы о какомъ генеральномъ положеніи и публикованіи какихъ указовъ, о нарядахъ войска, о сборахъ денежныхъ и хлѣбныхъ,

о публикованіи смертныхъ экзекуцій и публичныхъ наказаній, о накладахъ на поспольство и о другихъ важныхъ дѣлахъ подписывать обще, а безъ коллежской подписи никуда никакихъ указовъ не посылать и по нимъ въ городѣхъ не дѣйствовать. А о прочихъ, которые не касаются до какого генеральнаго опредѣленія, но токмо въ ихъ партикулярныхъ дѣлахъ, оное имъ не воспрещается и безъ коллежской подписи. Того ради Войсковая Генеральная Канцелярія да благоволитъ о томъ вѣдать и о присылкѣ во оную коллегію означенныхъ вѣдомостей и о прочемъ исполненіе учинить, какъ означенный Его Императорскаго Величества имянной указъ повелѣваетъ, и что учинено будетъ въ Коллегію Малороссійскую объявить промеморіею.

ГРАФИНЯ Е. М. РУМЯНЦЕВА.

(*Письма графини Е. М. Румянцевой къ ея мужу графу П. А. Румянцеву—Задунайскому 1762—1779 гг. Издалъ графъ Д. А. Толстой*).

Письма гр. Румянцевой, изданныя графомъ Д. А. Толстымъ въ этомъ году, относятся къ послѣднему періоду ея жизни и писаны къ мужу, когда онъ находился на высотѣ своего могущества. Изъ 222 писемъ сборника подлинники 147 хранятся въ маковской библіотекѣ гр. Д. А. Толстаго, а тексты 75 писемъ взяты изъ бумагъ Государственнаго Архива: графъ П. А. Румянцевъ [1]), съ 1775 г. получившій наименованіе Задунайскаго, въ періодъ изданной нынѣ переписки съ женой былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи; въ 1768—1770 г., командуя сперва первою, потомъ второю арміею, прославился въ Турецкой войнѣ: онъ же заключилъ Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ въ іюлѣ 1774 г. Жена Петра Александровича Румянцева, Екатерина Михайловна, авторъ упомянутыхъ писемъ, была дочь фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына отъ втораго его брака съ княжною Татьяною Борисовною Куракиною. Родилась 1714 г.; вышла замужъ 34 лѣтъ (въ 1748 г.) за 23-хъ лѣтняго Румянцева и имѣла отъ него сыновей—Михаила, Сергѣя и Николая (р. 1754 г.) впослѣдствіи государственнаго канцлера, предсѣдателя Государственнаго Совѣта и основателя Румянцевскаго музея въ Москвѣ. Екатерина Михайловна Румянцева, подъ конецъ жизни (1773 г.) пожалованная статсъ дамой и въ 1776 г. награжденная орденомъ св. Екатерины, умерла 22 августа 1779 г.

[1]) Род. 1725 г., ум. 1796 и похороненъ въ Кіево-Печерск. лаврѣ.

Письма Румянцевой важны для насъ, во-первыхъ, какъ матеріалъ для характеристики взаимныхъ отношеній графа и графини,—тѣхъ отношеній, которыя бросаютъ яркій свѣтъ на нравственный образъ суроваго героя, перваго генералъ-губернатора Малороссіи; во вторыхъ, неменѣе любопытны для насъ письма въ отрывкахъ, касающихся юга Россіи, края, которымъ въ теченіи долгаго времени правилъ мужъ Екатерины Михайловны.

Что на оборотной сторонѣ медали никогда не найдешь того блеска и красоты, какъ на лицевой—старая истина. Но люди всегда увлекаются широкими движеніями, шумнымъ блескомъ, великими, по силѣ производимаго впечатлѣнія, подвигами. И рѣдко кто помнитъ, что есть другая сторона жизни, гдѣ величіе лицъ и событій отражается иначе, гдѣ льются слезы незримыя никѣмъ, невѣдомыя никому... Мемуары, письма, рѣдкіе отрывки историческихъ матеріаловъ даютъ намъ свѣдѣнія о томъ, какъ отражались эти великія событія и подымавшееся значеніе гиновниковъ ихъ на людяхъ близкихъ героямъ, людяхъ, тѣсно связанныхъ съ ними узами дружбы, любви или родственными отношеніями. Однако, важно знать и для выясненія эпохи, и для характеристики великихъ людей, какова оборотная сторона ихъ жизни,—среди тѣснаго круга близкихъ людей можно искать пружины немалыхъ событій, поражавшихъ потомъ міръ своею грандіозностью и необычайностью.

Подвигъ за подвигомъ возвеличивалъ Румянцева... Но уже съ 1756-го года Петръ Александровичъ не живетъ съ своею супругою, которая любитъ его искренно и вѣрно, но не любима юнымъ и пылкимъ полководцемъ, оторвавшимся среди военныхъ походовъ отъ привычки жить спокойною семейною жизнью. 27-го іюня 1762 года изъ Москвы, гдѣ проживала брошенная Румянцевымъ жена съ тремя сыновьями, она пишетъ графу: „Батюшка мой Петръ Александрычь, въ неописанной горести, что писемъ не получаю. Вчерась пріѣхала княгиня Бѣлосельская, которая присылала сказывать, что тебя видѣла и ты, слава Богу, здоровъ. Казалося бы, знавъ такую оказію вѣрную, можно написать, да, знать, что несчастіе мое часъ отъ часу умножается и въ горести

уже безъ примѣру огорчена, а за что, то Богъ знаетъ, такъ забыта, не для меня сдѣлай милость пока жива, хоть для бѣдныхъ дѣтей того удовольствія не отымай, что пиши. Шесть лѣтъ живучи, и такъ быть огорченной! Боже мой, когда бы конецъ мой, вѣкъ прекратилъ, можетъ быть бы бѣдныя дѣти въ жалость пришли тебѣ. Правда, что я въ горести конеча много утѣшена. Бѣдныя дѣти уже пятая недѣля были больны все, что я боялася и за тѣмъ и въ деревню по сю пору не ѣду, что бы имъ да справиться послѣ болѣзни и въ грусти сидя, жду почту, думаю, что хоть то утѣшеніе буду имѣть, что письмо получу, анъ нѣтъ ни строчки и ни слуху, ни вѣсти. *Умѣть то все это переносить, конечно, моей натурѣ желѣзной!* И такъ, батюшка мой, самимъ Богомъ тебя прошу, сдѣлай милость сжалься въ мое горестное состояніе, вздумай, что мое благополучіе въ твоихъ рукахъ, жизнь и конецъ мой сдѣлать, за что же такъ меня огорчать, истинно нимало передъ тобою не виновата, а единственно горячностью любви моей къ тебѣ и такъ, окончивъ, пребуду покорная, вѣрная жена Г. К. Румянцева" (стр. 2—3). И у Екатерины Михайловны была желѣзная натура: она постоянно бодрилась, постоянно „всѣ огорченія въ жизни сносила съ тѣмъ, что утѣшалася надеждою, что и (онъ) увидѣвъ (ея) поступокъ противъ (него) сжалится надъ нею" (стр. 6). Но не тутъ то было... Графъ и слышать не хотѣлъ о сближеніи, избѣгая о томъ даже и разговоровъ. Онъ завелъ любовницу, и графиня въ томъ же году съ огорченіемъ пишетъ мужу: „жену бросить и сокрушить, это плюнуть, а матресу покинуть жаль" (стр. 11). Больше всего мучилась бѣдная мать думая, что нелюбовь къ женѣ заставляетъ графа не обращать никакого вниманія и на дѣтей: „дѣти", пишетъ она, „нонѣ отъ меня погибаютъ, какая я имъ мать могу назваться, что отъ меня единственно они страждутъ" (стр. 12). Но за то „всѣ горести безпримѣрныя претерпѣваю", говоритъ она, „не изъ чего другаго, какъ единственно для бѣдныхъ дѣтей" (стр. 19). И изъ наболѣвшей отъ долгаго страданія души вырывается опять скорбный плачъ на свою долю: „не сердись, Бога ради, я сіе истинно безъ сердца пишу, но слезами горькими, видѣть, какъ я несчастна въ свѣтѣ рождена" (стр. 23).

„Вижу уже", говоритъ она дальше, „что тебѣ совсѣмъ ненадобна, и ты въ жизни уже ничего для меня и сдѣлать не хочешь, а я льщу себя еще надеждою, что человѣколюбія изъ одного ты войдешь въ мое состояніе когда нибудь и увидишь правость мою предъ собою. Боже мой, плача сіе пишу, такая тоска нашла, что жизнь не мила" (стр. 27).

Но надежда, поздняя, пустая надежда не разъ закрадывается въ ея сердце, измученное долгимъ томленіемъ въ отсутствіи любимаго человѣка... Въ торжественные дни съ необыкновенною нѣжностію и скромностію она поздравляетъ мужа съ наступленіемъ праздниковъ и робко проситъ, не будетъ ли въ будущемъ больше счастья, чѣмъ въ прошлыхъ годахъ, годахъ мучительныхъ для одинокой, не любимой, старѣющей женщины... И все несчастье потому такъ обидно, говоритъ Румянцева, „что тебя много люблю, и себя сокрушаю и тебѣ досаждаю" (стр. 24). Выразивши нѣсколько разъ болѣе рѣшительно желаніе возвратить прошлое, возвратить себѣ счастье еще на мигъ, желаніе жить вмѣстѣ съ мужемъ, она, когда замѣтила неудовольствіе Румянцева, пишетъ ему: „какъ писать начать сама не знаю, вижу, что въ проступокъ попала тѣмъ, что считала вмѣстѣ съ вами жить для пользы общей и дѣтей, особливо первое" (стр. 93). Графъ все время съ 1756 г. до смерти жены (1779 г.) избѣгаетъ какъ встрѣчи съ нею, такъ въ особенности совмѣстной съ нею жизни. Раза два, и то на короткое время имъ приходится свидѣться. Въ Москвѣ, гдѣ больше всего жила графиня, мужъ не заѣзжаетъ къ ней въ домъ. Значительная доля его нежеланія жить въ столицахъ зависѣла, можетъ быть, именно отъ необходимости постоянно видаться тогда съ матерью его троихъ дѣтей, статсъ-дамой двора и московской старожилкой. Графиня въ одномъ письмѣ (отъ 11 окт. 1764 г.) проситъ мужа сдѣлать ей удовольствіе, дозволить ей одной безъ дѣтей пріѣхать къ нему (стр. 36). Не знаемъ, согласился ли графъ, но съ женой онъ не жилъ подолгу никогда, послѣ того какъ разошелся въ 1756 году.

Графиня не была только любящей и нелюбимой женой: она—хорошая и толковая хозяйка; письма ея къ мужу полны заботъ о томъ, какъ бы увеличить благостояніе своей семьи, не

растратить накопляющихся богатствъ. То она старается ввесть фабричное дѣло въ своихъ имѣніяхъ, то стремится, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ всѣ бриллианты, подаренные мужу или преподнесенный ему сервизъ, реализировать мертвый капиталъ въ доходную статью. Екатерина Михайловна накопляла и хранила тѣ средства, которыя создали грандіозное богатство Румянцевыхъ. Но хранить нужно было уже послѣ первой турецкой войны, когда на графа посыпались великія и богатыя милости, до этого же времени приходилось не копить, а сводить концы съ концами и бояться разоренія, тѣмъ болѣе что Румянцевы жили на два дома. Въ 1767 г. графиня жалуется, что она принуждена будетъ „для себя съ дѣтьми занять, что бы учителямъ ихъ платить, ихъ и себя содержать“ (стр. 80), а въ 1768 г. еще рѣшительнѣе говоритъ что „со всѣми доходами сочтяся, мы не можемъ ни долгу заплатить, ни дому себѣ построить, и такъ знать вѣкъ доживать“. (стр. 95). Нужно сказать, что, несмотря на обширное хозяйство, графиня часто слѣдила не за общимъ ходомъ дѣла, а увлекалась мелочами по хозяйству, старалась выгадать какіе нибудь пустяки (свойство веденія хозяйства женщинами) и впадала въ излишнюю расчетливость изъ за копѣекъ. Разсчетъ у нея вездѣ: „Меня дарили штофомъ, я принуждена была по обычаю одаривать и купила двѣ кострюли серебряныхъ, за которыя заплатила 120; разсудилася, что бы табакерка еще дороже пришла, а это виднѣе и мнѣ дешевле обошлось“ (стр. 18). Но не однѣ заботы о хозяйственныхъ мелочахъ, что въ значительной степени развязывало руки ея мужу, занимали жену знаменитаго человѣка... Росли дѣти,—необходимо было дать имъ хорошее образованіе, и такъ какъ тогда существовала система гувернеровъ—учителей, то нужно было найти подходящаго, да при томъ еще человѣка серьезнаго и знающаго. Мать обращается къ графу, которому сподручнѣе найти учителя, такъ какъ онъ гораздо болѣе чѣмъ она вращается среди людей; вотъ графиня и напоминаетъ мужу, что „у етмана (Разумовскаго) всѣ лучшіе учителя были изъ Варшавы, потому что они такой платы не получаютъ въ лучшемъ домѣ, какъ у насъ въ россіи послѣднему даютъ“ (стр. 49). Наконецъ учитель найденъ за дорогую плату—400 р. въ годъ (стр.

50), но за то человѣкъ солидный. Сама Екатерина Михайловна слѣдила за образованіемъ дѣтей и, хотя не могла дать имъ отъ себя никакихъ знаній, но въ дѣлѣ нравственнаго вліянія она, видимо, внесла немало хорошаго и возвышеннаго въ настроеніе своихъ дѣтей. Въ одномъ письмѣ (отъ 27 апр. 1764 г). графиня говоритъ: „дѣтей препоручая въ милость, пишешь, чтобы Миколашкѣ я дала что къ именинамъ отъ тебя; воля твоя, этого не сдѣлаю, что бы не сдѣлать промежду братьевъ завидости. Ты писалъ, Мишѣ пришлешь, а не прислалъ, а этому дать; такъ пускай всѣмъ ничего, а утѣшатся тѣмъ, что съ собой привезешь; я же николи одному предъ другимъ ничего лишняго не давала, даже что и въ одинакомъ платьѣ вожу, что бы не думали одинъ предъ другимъ, что лучше получилъ“ (стр. 27—28). Мы должны не забывать, что Николай Румянцевъ, прославившійся своими жертвами для отечествовѣденія и основатель музея—сынъ Екатерины Михайловны и своими добрыми зачатками вполнѣ обязанъ матери—отецъ въ это время устраивалъ Малороссію. Графъ даже когда сыновья подросли, не хотѣлъ ни помогать имъ въ ихъ военной карьерѣ, ни пріучать ихъ къ военнымъ дѣламъ въ своемъ лагерѣ, что казалось вполнѣ естественнымъ и удобнымъ его женѣ. Сама графиня заботится о подрастающихъ сыновьяхъ, съ безпокойствомъ слѣдитъ за первыми шагами въ свѣтѣ, поощряетъ ихъ въ добромъ, руководитъ ими и подаетъ имъ часто мелочные, но необходимые совѣты. Въ 1774 г. она доставила двумъ старшимъ сыновьямъ возможность путешествовать заграницей съ извѣстнымъ Гриммомъ. Всюду видно желаніе, чтобы дѣти оказались образованными людьми.—Хлопотливая дѣятельность Екатерины Михайловны по хозяйству, постоянныя заботы о воспитаніи дѣтей отвлекали брошенную жену отъ скорбныхъ думъ объ одиночествѣ. А одиночество было полное, тоскливое...

Графиня большею частью жила на сѣверѣ, графъ въ Малороссіи. Одно время (1766 г.) Екатерина Михайловна провела въ м. Дубовичахъ (глухов. у.) и въ Глуховѣ (Румянцевъ былъ тогда въ Петербургѣ). Глуховъ графинѣ не понравился: „Пустоты и скуки Глуховской описать невозможно послѣ такого людства и такъ теперь не больше какъ человѣкъ шесть, а то все раз-

ѣхались и разъѣзжаются" (стр. 46). Это было въ январѣ, въ іюнѣ „истинно такая тоска и скука; Глуховъ совсѣмъ пустъ, всѣ по деревнямъ разъѣзжаются" (стр. 61). Даже черезъ годъ на жалобы мужа о глуховской скукѣ графиня пишетъ: „вѣрно, батюшка, что скучно въ Глуховѣ, я знаю, каково было" (стр. 73). Что бы какъ нибудь разогнать скуку, Екатерина Михайловна ѣздила по окресностямъ: въ февралѣ ѣздила „въ Дубовицы Богу молиться (стр. 49). Въ маѣ „всѣ въ Батуринъ ѣздили и тамъ двѣ ночи ночевали и сюда воротились, время очень хорошо было, и тамъ были на фабрикѣ суконной, гдѣ красильня, да еще гдѣ и ковры дѣлаютъ, и такъ опять сюда воротились на старое жилище" (стр. 58); въ сентябрѣ „на ярмонку въ Каралевицъ ѣздила и дѣтямъ купила, что надобно, а паче суконъ каждому на двѣ пары и чулковъ, и всякой мелочи для нихъ" (стр. 65). Но эти поѣздки не могли быть постоянными; въ Глуховѣ графиня все таки скучаетъ, она проситъ мужа приказать „французкія газеты сюда... пересылать по почтѣ" (стр. 51), а то „я теперь безъ всякихъ сижу, ни русскихъ, ни французскихъ нѣту" (стр. 54). Въ Малороссіи удивляетъ графиню, что „около Глухова снѣгу множество и третьяго дня только рѣка прошла, а въ Полтавѣ на полѣ цвѣтъ, уже и скотина ходитъ, въ Лубенскомъ полку пашутъ, вотъ какая разнота, а все Украина" (стр. 53). Но событія ея жизни текутъ на югѣ чрезвычайно медленно и однообразно. Сообщеній и новостей въ письмахъ почти никакихъ, развѣ о балѣ, что она давала въ Глуховѣ 29-го іюня или по поводу слуха, что „въ Кіевъ посылается новый губернаторъ Федоръ Матвѣевичъ Вачиновъ" (стр. 57). Но Екатерина Михайловна была наблюдательный человѣкъ и хорошо замѣчала многія особенности малорусскаго хозяйства, что выразилось въ ея порученіяхъ о кое какихъ покупкахъ въ Малороссіи, винокуренномъ дѣлѣ и проектахъ по поводу украинскихъ „мазанокъ". Въ 1767 г. графиня пишетъ мужу: „прикажи, батюшка, купить, въ Глуховѣ продаютъ много подносовъ лаковыхъ, мнѣ для кофе, когда гости случаются" (стр. 80). Въ 1768 г. Екатерина Михайловна поручаетъ „купить двѣ половинки сукна бѣловатаго для людей на шинели, въ Украйнѣ гораздо дешевле здѣшняго, да дѣтямъ камлоту на

шубы къ зимѣ, потому что въ Глуховѣ камлотъ по 75 коп. такой здѣсь по 120 коп.“ (стр. 99—100). Въ письмѣ 1769 года стоитъ: „въ Полтавѣ будучи, буде увидишь бумажныя матеріи продажныя пожалуй, батюшка, пришли мнѣ, что бы кусочка по два одинакія или бы три одинакихъ, онѣ недороги; княгиня... сюда къ своимъ роднымъ прислала и пишетъ, что по 4 р. кусочикъ; или кисеи хорошей шитыми травочками, то бы просила прислать для платья; здѣсь оное въ великой модѣ, и всѣ носятъ и дорого очень покупаютъ“ (стр. 132).

Винокуреніе въ Малороссіи дало поводъ графинѣ устроить и у себя винокурни на малорусскій манеръ. Екатерина Михайловна писала мужу изъ Глухова: „да еще батюшка хотѣла тебѣ доложить, не прикажешь ли здѣсь поискать винокура нанять, котораго бы въ Чебарчино отправить, потому онъ бы тамъ обучилъ по здѣшнему сидѣть; ты самъ батюшка знаешь, какъ здѣсь вино выгодно передъ нашимъ: мы рады коли по три ведра изъ четверти выходитъ, а здѣсь 6 четвериковъ ржи да два четверика овса—4 ведра хорошаго выходитъ“ (стр. 67). Въ имѣніе Румянцевыхъ Чебарчино былъ отправленъ винокуръ. Графиня взяла у казны подрядъ на доставку вина; объ этомъ она пишетъ мужу такъ: „не думаю, что бы они изъ Украины покупали вино, хотѣли рядить съ поставкою, давали по рублю по десяти копеекъ, а слышу, что они посылали офицеровъ, которые тамъ покупали добровольно по рублю на мѣстѣ за ведро... А что Туманскій тебѣ на меня солгалъ, будто я ведя счетъ на Середину Буду [1]) и хотѣла въ подрядъ, онъ ко мнѣ приступалъ и совѣтовалъ, что бы я вошла, а съ Мельгуновымъ поговорила и обѣщалъ барыша намъ сдѣлать 10 тысячъ. Только ты меня знаешь, какъ мнѣ входить безъ твоей воли въ эдакія дѣла, да и деревни не наши, и я какая управительша, только я нонеча слышала, что будто многіе малороссіяне покупаютъ въ Польшѣ вино и недороже, какъ по 40 и 50 ведро, и продаютъ въ казну по 1 рублю и свыше, такъ это правда барышъ великъ, такъ объ этомъ тебѣ, батюшка извѣстнѣе, правда ли, а что по рублю съ радостію да-

[1]) Мѣстечко новгородсѣв. у., пожалованное Румянцеву „на столъ“.

дуть здѣсь; я не знаю, что прикажешь дѣлать, буде еще понеча насъ спросятъ къ будущему году пятую часть подряжаться ли?“ (стр. 83). Но винокуреніе не удалось; неурожай слѣдующаго (1768-го) года сильно поднялъ цѣну хлѣба; графиня пишетъ Румянцеву: „объ винѣ, какъ и прежде писала, что никаковой надежды нѣтъ... мы рожь и пшеницу по сю пору не меньше, какъ по два съ полтиною покупаемъ четверть, а высѣдимъ вина 3 ведра, а за три ведра въ Балакнѣ беремъ полтора рубли, такъ уже тутъ рубль накладу, а въ Алатырѣ за три ведра беремъ по сороку алтынъ, такъ тутъ прибавляемъ по рублю по тридцати копѣекъ“ (стр. 87). Въ 1769 году винокуреніе въ Чебарчинѣ прекратилось совсѣмъ.

Присмотрѣвшись, что въ Малороссіи живутъ въ мазанкахъ, графиня рѣшила устроить такія же мазанки для своихъ крестьянъ, Проектъ она сообщила мужу: „писала въ Глуховъ, князь Платона Степаныча просила, чтобы нанялъ мнѣ 8 человѣкъ такихъ, которые умѣютъ дѣлать мазанки—туда бы ихъ отправить... Не знаю, апробуешь ли ты мою выдумку, только боюся, что сдѣлаютъ ли все такъ; мнѣ черезъ это бы хотѣлося и мужиковъ вести, чтобы они зачали избы себѣ дѣлать, вѣдь въ Украинѣ живутъ же и все въ мазанкахъ“ (стр. 139). Но едва ли мазанки особенно пришлись по вкусу великорусскимъ крестьянамъ... Екатерина Михайловна узнала на Украинѣ и о червцѣ. Для ея фабрикъ эта краска казалась выгоднѣе „канцелеи“, и графиня пишетъ мужу: „да пожалуй не забудь прислать, пока я здѣсь, этой краски, что въ Украинѣ теперь берутъ, червецъ. Мнѣ хочется при себѣ пробу сдѣлать, не годится ли она вмѣсто канцелеи, которую дорогою цѣною покупаютъ, а слышу, что на другихъ фабрикахъ все украинскую употребляютъ, такъ я бы пробу видѣла при себѣ“ (стр. 101).

Таковы были хлопоты подвижной и энергической женщины, озабоченной увеличеніемъ, насколько возможно, богатствъ своей семьи и улучшеніемъ своего обширнаго хозяйства.

Образъ Екатерины Михайловны вырисовывается передъ нами самыми симпатическими чертами. Полная любви къ мужу, она больше двадцати лѣтъ живетъ въ разлукѣ съ нимъ и несмотря

па это, всегда стремится сберечь время и силы своего мужа: она озабочена финансовой стороной жизни, она—охранительница богатства Румянцевыхъ и этимъ въ значительной степени даетъ графу возможность сосредоточить все свое вниманіе на дѣлахъ государственныхъ. Наконецъ, что всего важнѣе, графиня—воспитательница дѣтей и въ числѣ ихъ славнаго Николая Петровича Румянцева. Эти три заслуги Екатерины Михайловны ставятъ ее въ рядъ замѣчательныхъ русскихъ женщинъ.

Съ одной стороны,—въ судьбѣ этой энергичной женщины отразилось много разъ повторяющееся положеніе: оборотная сторона медали не то, что лицевая; за великими подвигами скрыто много слезъ и страданій, и велико бремя, налагаемое знаменитыми людьми на близкихъ своихъ;—съ другой стороны, графиня—женщина своего вѣка. Сама она не уяснила себѣ, что (помимо мужниная величія) самый способъ заключенія браковъ по расчету безъ добраго чувства, безъ общей симпатіи и искренняго влеченія—одна изъ причинъ всего горя и мученій, что тяготятъ надъ людьми, устроившими свою судьбу такъ, какъ случилось это съ Екатериною Михайловною. Прочтите письмо, гдѣ заботливая мать говоритъ о желаніи ея женить старшаго сына на богатой невѣстѣ, которой сынъ и не знаетъ... „Я конечно знаю, Михайла Петровичъ изъ воли нашей не выйдетъ; когда это намъ надобно, такъ онъ женится“, добавляетъ мать (стр. 187—188). Таковы нравы времени. Мать своими собственными руками создаетъ сыну, почти навѣрное, то положеніе, какое душу вымучило втеченіи всей ея безпокойной и тоскливой жизни.

Русская историческая наука скажетъ большое спасибо издателю писемъ гр. Румянцевой: они раскрываютъ яркую картину семейной жизни блестящаго вѣка; въ слезахъ любящей матери и „покорной, вѣрной“ жены читается полное осужденіе такого порядка жизни, гдѣ мужъ имѣетъ всѣ права, жена—никакихъ.

И. Житецкій.

АРХИВЫ ВЪ ГАЛИЦІИ.

(*Окончаніе* [1]).

Оригинальныхъ (пергаментныхъ и др.) документовъ (грамотъ, актовъ и др.) въ библ. Оссол. множество. Важнѣйшіе изъ нихъ уже напечатаны въ разныхъ изданіяхъ (Dodatek do Gaz. Lwowsk., Akta grodzkie и пр.). Есть между этими актами и русскіе. Большинство ихъ списалъ проф. черновицкаго универс. г. Калужняцкій и весьма любезно предоставилъ свой списокъ въ наше распоряженіе. Считаемъ не лишнимъ предложить здѣсь содержаніе этихъ актовъ.

1. (№ 550) 1461, дек. 22. Въ Луцкѣ. Панъ Ивашко Васильевичъ продаетъ князю Семену Васильевичу Несвижскому свою отчину, дворъ и село на имя Ровное.

2. 1463, іюля 10. Въ Луцкѣ. Условіе князей Василія и Семена Васильевичей Збаражскихъ относительно спуска ставовъ Ивачевскихъ.

3. 1466, іюня 20. Въ Острогѣ. Панъ Янко Чапличъ мѣняетъ свою отчину Голче на дворъ князя Ивана Васильевича Острожскаго Межирѣчье и обязывается служить князю съ этого двора, если же онъ или дѣти его не захотятъ служить князю Острожскому, то могутъ свободно отъѣхать, но лишаются имѣнія.

4. Въ Луцкѣ іюля 4 инд. й (1475—1490). По порученію короля Казиміра кн. Алекс. Сангушковичъ, п. Мих. Монтовтовичъ и п. Олизаръ Шиловичъ разбираютъ споръ между кн. Михаиломъ Васильевичемъ Збаражскимъ и его дядей кн. Семеномъ

[1]) „Кіевская Старина“, 1888 г., августъ.

Васильевичемъ о наслѣдствѣ послѣ князя Солтана. По рѣшенію судей наслѣдство дѣлится пополамъ, при чемъ кн. Михаилъ взялъ гор. Вишневецъ и Таражъ, а кн. Семенъ Городокъ, Маневъ и село Лапушное.

5. 1475. Болѣе подробная раздѣльная грамота тѣхъ же князей наслѣдствомъ кн. Солтана.

6. 1478. Тоже разд. грамота на то же имѣніе.

7. 1481, 1 апр. Раздѣльная грамота между кн. Михаиломъ Васильевичемъ Збаражскимъ, его дядиной кн. Марьей Семеновой и ея зятемъ кн. Семеномъ Юрьевичемъ наслѣдствомъ кн. Семена Васильевича Колоденскаго, при чемъ кн. Михаилу Васильевичу отошли Маневъ, Вербовецъ, Передьмирка и Борсуковци, княгинѣ же Марьѣ, ея дочери Настасьѣ и зятю Семену—Городокъ.

8. Іюня 2-го, инд. перваго (1498). Въ Вильно. Корол. грамота пану троцкому Яну Юрьевичу по жалобѣ кн. Конст. Иван. Острожскаго, что Янъ Юрьевичъ „привернулъ“ къ Новгородку двухъ человѣкъ Любейка и Богдана Зубовичей, служившихъ къ Зетелѣ (?); король велитъ Яну отдать этихъ людей съ ихъ землями кн. Острожскому.

9. 1507 [1]), ноября 24. Въ Городнѣ. Король подтверждаетъ раздѣлъ наслѣдства между кн. Александромъ Юрьевичемъ, старостою берестейскимъ, и его братаничемъ кн. Юріемъ Ивановичемъ Дубровицкимъ (наслѣдство послѣ бабки князя Юрія, матери кн. Александра, и дядей кн. Юрія, кн. Василія и Юрія). Кн. Александру достаются имѣнія въ Станковѣ, Житинѣ, Глускѣ, Голшанехъ, Шошолехъ „со всѣми селы боярскими и слугами путными и з людми тяглыми и данники и слободичи со всѣми их землями“.

10. 1543 г., мая. 29. Въ Кременцѣ. Раздѣлъ имѣнія (Жижниковцы, Борзовщина) между п. Федоромъ Корницкимъ и сестрой его Филкой, женою Мартына.

11. Инд. 4, іюля 24 (1531?). Въ Острогѣ. Вслѣдствіе жалобы Ивана Покотиловича, служебника кн. Константина Ивановича

[1]) По инд. 1508.

Острожскаго, на княгиню Ровенскую Марью Семеновую, отнявшую у Покотила его отчину Богдашовъ, выслуженную его отцомъ на п. Олизарѣ, кн. Конст. Остр., по просьбѣ кн. Маріи, своей тещи, даетъ Покотилу въ замѣнъ за им. Богдашевъ 3 дворища (Пятигорщину и Костиковщину, подлѣ Ровно).

12. 1529, февр. 13. Въ Вильно. Король дозволяетъ кн. Конст. Ивановичу Острожскому въ его замкѣ Чернеховѣ „мѣсто садити и корчмы мѣти“, даетъ мѣсту магдеб. право и дозволяетъ учредить еженедѣльный торгъ и ярмарку на Обрѣзаніе Господне.

13. Инд. 5, ноября 6-го (1532). Въ Вильно. Андрей Станковичъ, бояринъ господарскій, переуступаетъ кн. Конст. Ивановичу Острожскому двѣнадцать человѣкъ данниковъ на имя Ючинцовъ „з даню грошовою и медовою и з бобровыми гоны“, отданныхъ ему п. Маріей Федоровной Григоревой и ея сыновьями Михаиломъ и Якубомъ въ заставъ за долгъ 30 золотыхъ черленыхъ.

14. 1531, августа 3. Въ Неполомицахъ. Король подтверждаетъ замѣнъ им. Здѣтеля, пожертвованнаго покойнымъ кн. Конст. Иван. Острожскимъ, когда онъ находился въ московскомъ плѣну, митрополіи кіевской къ церкви св. Пречистой, на имѣнія „материстыя“ кн. Ильи Конст. Остр.—Шешолы, Свиряны и Крошты.

15. Безъ даты. Въ Городкѣ. Донесеніе королевскаго коммиссара, командированнаго для разсмотрѣнія споровъ между кн. Ильей Константиновичемъ Острожскимъ и его мачихой, вдовой кн. Конст. Ив. Острожскаго.

16. 1531, авг. 4. Въ Неполомицахъ. Королевское подтвержденіе купчей на им. Сатыевъ въ луцкомъ повѣтѣ, купленное покойнымъ кн. Конст. Ив. Острожскимъ у п. Яна Яновича Довойновича.

17. 1531, ноября 5. Въ Пузыришкахъ. Сайдала Менбулатовичъ, хорунжій татарскій, отдаетъ п. Донину Семеновичу, служебнику воеводы виленскаго, въ заставъ за долгъ 80 копъ гр., своихъ данниковъ въ Реваничахъ, „а я Саидала у тотъ час печати своее при собѣ не мѣлъ, ино есми для лепшое справедливости клеино свое на тотъ листъ свои наложил власною рукою своею по татарскии написал же то лист мои справедливыи

вызнаны как то и в первых листех моих тымже обычаем стоит“ (слѣдуютъ слова татарскія).

18. 1534, апр. 2-го. Въ Вильно. Король приказываетъ старостѣ слонимскому и мстиславскому Ивану Горностаю отобрать у Василія и Гаврила Тышкевичей им. Банковичи и Белавичи, которыя имъ, не имѣя на то права, продалъ покойный князь Семенъ Чарторыйскій; но въ видѣ особенной милости велитъ Горностаю вернуть Тышкевичамъ 950 копъ гр., уплоченныхъ ими кн. Семену за эти имѣнія.

19. 1541 [1]), 18 дек. Въ Вильно. Королевское постановленіе въ спорѣ о границахъ им. Блудово (луцк. повѣта, купленнаго королевой Боной у дворянина Богдана Хребтовича и отданнаго ею въ держанье королевскому писарю Михаилу Василевичу) и земли п. Шимка Мацковича.

20. 1544, мая 4. Въ Охматковѣ. Королевскій дворянинъ Грицко Федоровичъ Охматковскій по просьбѣ кн. Василія Конст. Острожскаго указываетъ границы имѣній Везовцы и Здѣтельскъ.

21. 1544 [2]), сент. 29. Въ Брестѣ. По жалобѣ кн. Беаты (жены Ильи Константиновича Острожскаго) на кн. Василія Конст. Остр., задерживающаго документы на доставшіяся ей и ея дочери Алжбетѣ (Елисаветѣ) имѣнія; король вытребовалъ у кн. Василія эти привилегіи и вноситъ въ настоящій актъ документъ на имѣніе Госче.

22. 1546, іюня 25. Въ Вильно. Королевскій позывъ земянину новгородскаго повѣта Ивану Кмитичу Стрѣтовичу по жалобѣ на него кн. Александры Семеновны (жены Конст. Ив. Остр.) о присвоеніи ея имѣнія Любаничи. (Sigillum lithuanicum); подпись: Горностай.

23. 1546 [3]), окт. 18. Въ Вильно. Корол. постановленіе въ спорѣ кн. Беаты, жены кн. Ильи Конст. Острожскаго, съ кн. Василіемъ Конст. Остр. о волости Кузьминской.

24. 1546 [4]), окт. 18. Въ Вильно. Корол. подтвержденіе кн.

---

[1]) Инд. 15-го—невѣрно, должно быть 14.

[2]) Инд. 3—долженъ быть 2-ой.

[3]) Инд. 5—приходится на 1547.

[4]) Тоже.

Беатѣ Острожской записи ея мужа, кн. Ильи Конст. Остр., по которой онъ, взявъ у нея въ долгъ шесть тысячъ копъ гр., заставилъ ей въ этой суммѣ свой замокъ Ровно съ принадлежащими къ нему селами и людьми.

25. 1546 [1]), окт. 18. Въ Вильно. Корол. подтвержденіе кн. Беатѣ Острожской записи ея мужа кн. Ильи Конст. Остр., по которой онъ подарилъ ей замокъ Степань (выслуга его отца) и замокъ купленный Сатыевъ и купленный замокъ Хлапотинъ.

26. 1555, марта 24. Въ Вильно. Король, по жалобѣ кн. Конст. Конст. Острожскаго, посылаетъ дворянина (имя вырвано) „вижемъ", для разслѣдованія кривдъ, причиняемыхъ ему сосѣдями, а особенно п. Михаиломъ Радивиломъ.

27. 1555, ноября 24. Въ Вильно. Корол. указъ воеводѣ троцкому п. Михаилу Юрьевичу Радивилу по жалобѣ на него кн. Конст. Конст. Остр. Король запрещаетъ ему дѣлать насилія людямъ (имѣнія Здѣтельскаго) кн. Острожскаго.

28. 1556, дек. 21. Въ Вильно. Король отдаетъ Олехну и Ивану Яцковичамъ Борзобогатымъ на откупъ на три года мыто волынское, берестейское, подляшское, минское и новгородское за двадцать тысячъ четыреста копъ гр. лит и 900 золотыхъ черленыхъ венгерскихъ и подробно перечисляетъ условія откупа.

29. 1561, генв. 10. Въ Луцкѣ. Василій Михайловичъ Семашко, судья луцкаго повѣта, продаетъ п. Ивану Борзобогатовичу Красенскому, его женѣ Ганнѣ и ея сестрѣ Маріи им. Грушовку, пріобрѣтенное Василіемъ покупкою отъ пановъ Михаила, Остафья, Плакиды и Андреяна Андреевичовъ Короваевъ.

30. 1565, февр. 15. Въ Петроковѣ. По просьбѣ пани Ольбрихтовой Лаской (п. Беаты кн. Острожской въ первомъ замужествѣ) король подтверждаетъ купчую грамоту на им. Сатыевъ волынск. земли, купленное кн. Конст. Иван. Острожскимъ у п. Яна Яновича Довойновича. Купчая затерялась было при наѣздѣ на острожскій замокъ воеводы кіевск. кн. Конст. Конст. Острожскаго и стар. черк. и каневск. кн. Димитрія Ѳедоровича Сангушковича въ 1555 г., но вмѣстѣ съ другими документами слу-

[1]) Тоже.

чайно найдена въ башнѣ подъ крышей дѣтьми мужа кн. Беаты п. Альбрехта Ласкаго.

31. 1565, февр. 15. Въ Петроковѣ. По просьбѣ той же п. Ольбрихтовой (бывшей кн. Беаты Остр.) король подтверждаетъ купчую, по которой кн. Илья Конст. Острожскій купилъ часть имѣнія Зарѣцка у волынскаго земянина Андрея Михновича.

32. 1574, апр. 24. Въ Краковѣ на сеймѣ коронацыи. П. Альбрехтъ Ласкій, воевода сѣрадзскій, свидѣтельствуетъ, что по спору о наслѣдствѣ кн. Ильи Конст. Острожскаго, перваго мужа его жены Беаты, съ кн. Конст. Конст. Острожскимъ и кн. Елисаветой, женою п. Лукаша Горскаго, онъ, Альбрехтъ, получилъ съ кн. Конст. Конст—ча Острожскаго сполна всю сумму, записанную ему его женой Беатой, въ колич. 48082 злотыхъ польскихъ.

33. 1576, марта 20. Въ Луцкѣ. Ганна Васильевна Семашковна Реканскаго записываетъ мужу своему Ивану Борзобогатому Красенскому дворъ и им. свое Рыкани и село Тополье и подворье въ Луцкомъ замкѣ.

34. 1583, мая 8. Въ Луцкѣ. Алекс. Пронскій, стар. луцкій, вызываетъ въ судъ п. Ивана Красенскаго и жену его Раину Малинскую по жалобѣ п. Миколаевой Харлинской и п. Ганны Любецкой за наѣздъ.

35. 1485, дек. 14. Въ Городнѣ. По просьбѣ земянъ луцкаго повѣта Ивана и Семена Борзобогатыхъ Красенскихъ король Стефанъ выдаетъ имъ копію привилегіи на им. Воисечь и Вечинъ въ пов. луцкомъ.

36. 1591, іюля 22. Въ Краковѣ. Король отдаетъ въ пожизненное владѣніе князю Янушу Острожскому замокъ и мѣсто *Богуславъ*, основанное имъ для защиты отъ татаръ.

37. 1591, сент. 20. Въ Вислицѣ. Король велитъ дворянину Яну Мешковскому ввести во владѣніе шляхтича Рафала Силистровскаго пожалованнымъ ему королемъ имѣніемъ Лазденицей въ пов. слонимскомъ, „в которомъ волокъ людми оселых деветь, а пустыхъ петнадцат".

38. 1592, іюня 22. Въ Краковѣ. Король дозволяетъ Гальжбетѣ Стужинской, княгинѣ Миколаевой Ружинской, уступить князю Янушу Острожскому урочища и городища надъ р.

Сквирь въ кіевск. воеводст., которымъ она владѣетъ на правѣ доживотномъ.

39. 1604, марта 17. Въ Краковѣ. Король подтверждаетъ уступку князя Константина Острожскаго своему сыну Янушу, каштеляну краковскому, старостѣ черкасскому, бѣлоцерковск. и каневскому, староства владимірскаго (уступочная запись кн. Константина писана по польски).

40. 1641, сент. 17. Въ Варшавѣ. Король выдаетъ по чьей то просьбѣ (не сказано чьей) копію завѣщанія кн. Ильи Константиновича Острожскаго (1539 г.)

41. 1507—1522—1537, іюля 11. Богданъ Азъдеръбышевичъ продаетъ свою отчину Пархвековщину въ Паневичахъ за $4^1/_2$ копы гр. Богдану и брату его Темешу Окуличамъ.

42. Авг. 8, инд. 10, между 1507—1537 гг. Въ Минскѣ. Король дозволяетъ княгинѣ Маріѣ Семеновой Васильевича Ровенской брать въ свою пользу мыто съ ярмарокъ въ ея имѣніи Стволовичахъ (новгор. пов.).

43. 1572, марта 22. Павелъ Ивановичъ Сапега, воев. новгор., обѣщаетъ черезъ 6 недѣль произвесть судъ по жалобѣ кн. Конст. Конст. Острожскаго по претензіи къ нему въ суммѣ 1317 копъ гр.

44. Выпись изъ земскихъ книгъ воев. брацлавскаго.

1634, іюня 14. Жалоба п. Юзефа Ободенскаго на притѣсненія и безчинства, произведенныя въ его имѣніи, мѣстечкахъ Старыхъ и Новыхъ Иллинцахъ (брацл. воев.) ротмистромъ кварцянаго войска Осуховскаго пана Ворыжка, поручника и людей ихъ роты, называемой волочной, состоящей изъ поляковъ и чужеземцевъ.

45. 1621, мая 4. Выпись изъ книгъ главн. трибунала воеводства волынскаго.

II. Миколай Гриневицкій свидѣтельствуетъ, что получилъ сполна сумму пять тысячъ злотыхъ, которая ему слѣдовала съ наслѣдниковъ князя Адама Константиновича Острожскаго, кн. Катерины, жены Томоша Замойскаго, кн. Анны, жены Карла Ходкѣвича, и Софьи Станиславовой Любомирской.

46. 1590, генв. 8. Выпись изъ луцкихъ гродскихъ книгъ.

Жалоба п. Ивана Борзобогатаго Красенскаго, мытовничаго луцкаго, на п. Яна Харлинскаго, подкоморья луцкаго, за наѣздъ.

47. 1614, мая 17. Выпись изъ книгъ земскихъ луцкаго повѣта. Въ луцкія гродскія книги вносится королевская грамота князю Янушу Острожскому (1613 г.), по которой король Сигизмундъ III за военныя услуги, оказанныя государству кн. Янушемъ, (...„подъ одездъ нашъ прошлого лѣта до Москвы за вторгненьемъ татарскимъ до панствъ нашихъ, можнаго и военнаго цара татарскаго непріятеля нашего з границъ панствъ нашихъ воиски и людми своими зразилъ и далеи ходити, загоновъ пусчати и пустошити панствъ нашихъ тымъ поганцомъ не допустилъ“) уступаетъ ему на семь лѣтъ волынское цло.

Изъ прочихъ львовскихъ архивовъ намъ пришлось еще нѣсколько позаняться въ городскомъ (магистратскомъ) архивѣ, находящемся въ городской ратушѣ. Для исторіи города Львова это собраніе безцѣнное. Здѣсь находится масса документовъ (въ оригиналахъ и копіяхъ), касающихся Львова—королевскія грамоты, сдѣлки съ разными лицами, судебныя рѣшенія и пр. (съ XIV в.), приходо-расходныя книги (съ конца XIV в.), книги магистратскаго суда, и пр. Почти всѣ оригинальные документы напечатаны въ Akta grodzkie i ziemskie. Архивомъ этимъ пользовался Зубрицкій при составленіи своего извѣстнаго труда Kronika miasta Lwowa, и Rasp въ замѣчательномъ трудѣ Beiträge zur Gesch. der Stadt Lemberg (Arch. für Oesterr. Geschichte, Bd. 43). Впрочемъ, что касается послѣдняго труда, то люди, заслуживающіе полнаго довѣрія, сообщили мнѣ весьма странный слухъ, будто бы Распъ (бывшій магистратскій секретарь во Львовѣ) только воспользовался трудомъ извѣстнаго галицко-русскаго ученаго Вагилевича, другими словами просто на просто перевелъ на нѣмецкій языкъ оставшуюся послѣ Вагилевича рукопись и выдалъ этотъ трудъ за свой. На сколько основателенъ этотъ слухъ, рѣшить не берусь. Несчастнаго Вагилевича дѣйствительно эксплоатировали разныя лица на всѣ лады, пользуясь его полной безхарактерностью. Быть можетъ въ бумагахъ Вагилевича (онѣ находятся въ библ. Оссол.) найдутся какія либо данныя для подтвержденія или опроверженія этого слуха.

Въ настоящее время магистратскимъ архивомъ завѣдываетъ городской секретарь, п. райца Карлъ Видеманъ, человѣкъ весьма обязательный и самъ занимающійся архивными розысканіями (краткое описаніе магистратскаго архива начато имъ въ періодическомъ изданіи Przegląd archeologiczny. Lwow, 1882—3, I—II). Однако нельзя не сказать, что, несмотря на любезность г. Видемана, занятія въ городскомъ архивѣ поставлены въ весьма невыгодныя условія. Отдѣльной комнаты для занятій не имѣется, приходится работать въ кабинетѣ самого г. Видемана, къ которому постоянно является масса лицъ по разнымъ городскимъ дѣламъ. Городскому управленію слѣдовало бы позаботиться объ устройствѣ отдѣльнаго помѣщенія для желающихъ работать въ его архивѣ.

Нѣсколько сотъ рукописей, преимущественно церковнаго характера, находится въ львовской университетской библіотекѣ. Отмѣчу нѣкоторыя изъ нихъ.

1. Niconi archim. exhordium ad monachos, XVI в., сербск.

3. Tetraevangelium cum figuris Anast. Krimkowicz archiep. Mold.

18. Vocabularium etymologicum, 15 в.

26. Chronica ex graeco in moldav. linguam, 1723.

58. Кирилла Іерусалимскаго cathetreses, XVI в.

62. Патерикъ печерскій, 1619.

72. Малорусская рукопись 17—18 в. о спорныхъ пунктахъ между греческимъ и римскимъ костелами.

101. Vita Petri Magni съ греч. на молдавск. яз. 1753.

103. Varia diplomata ex bibl. Stan. Augusti.

109. Антологіонъ, 1527 (русск.).

110. Гомиліи разныхъ отцевъ (болг.).

111. Statuta M. Duc. Lith.

112. Прологъ, 16 в.

113. Статутъ литовскій, 17 в.

118. Privil. constit. etc. Regni Polon. 1374—1572.

130. Statuta juris armenici.

135. Типиконъ, 16 в. (сербск.).

153. Kazania a homilie.

164. Іоанна Синайскаго Лѣствица.
213. Lexicon armeno-latinum.
253. Догматика православная, нач. 18 в.
257. Superata librorum bibl. Premisl.
258. „ „ „ Sambor.
259—265. Каталоги библіотекъ разныхъ монастырей.
313. Obrazy Rossyi Zubrzickiego.
314. Hist. Wernihory.

Рукописей библіотекъ Павликовскаго и гр. Дѣдушицкаго намъ, къ сожалѣнію, не удалось осмотрѣть (собранія эти вполнѣ доступны для публики); впрочемъ намъ извѣстно, что рукописи этихъ собраній не представляютъ ничего замѣчательнаго, особенно въ историческомъ отношеніи. За то, говорятъ, очень важно обширное собраніе рукописей (около 1000 №№) гр. Виктора Баворовскаго. Но, какъ мы уже раньше сказали, собраніе это недоступно даже для польскихъ ученыхъ. Нельзя не удивляться такому странному поведенію владѣльца (замѣтимъ, литератора), нежеланіе допускать ученыхъ къ своимъ рукописнымъ сокровищамъ еще понятно у ученаго, изслѣдующаго свои собранія; но, насколько намъ извѣстно, г. Баворовскій только поэтъ, и наукой не занимается. Результаты подобной скрытности въ большинствѣ случаевъ тѣ, что по смерти владѣльца, собранія его расхищаются или распродаются въ разныя (преимущественно еврейскія) руки и очень часто погибаютъ для науки.

Въ львовскомъ Ставропигіальномъ институтѣ (старинное Львовское братство) есть также архивъ, состоящій преимущественно изъ документовъ, касающихся Львовскаго братства [1]), старопечатныя книги и музей. Послѣдній недавно устроенъ нынѣшнимъ сеньоромъ братства, проф. Исидоромъ Ивановичемъ Шаранѣвичемъ. Этотъ музей составленъ исключительно изъ пожертвованій разныхъ лицъ и состоитъ преимущественно изъ ве-

[1]) Перечисленіе документовъ архива Ставропигіальнаго братства см. въ указанной статьѣ Калужняцкаго (Тр. 3-го арх. съѣзда). Тамъ же довольно обстоятельно описаны многіе памятники церковнаго характера, сохранившіеся въ галицкихъ архивахъ.

щей церковнаго характера: евангелій и др. церковныхъ книгъ, древняго церковнаго одѣянія и утвари, портретовъ, въ числѣ которыхъ есть портретъ Зубрицкаго, и пр. Въ нынѣшнемъ году пр. Шаранѣвичъ предполагаетъ устроить въ Ставроп. институтѣ выставку, на которую надѣется собрать важнѣйшія рукописи изъ разныхъ галицкихъ монастырей. Выставка эта будетъ продолжаться съ октября 1888 г. въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, пока важнѣйшія изъ присланныхъ рукописей не будутъ описаны или списаны и тѣмъ спасены отъ возможныхъ случайностей. Несомнѣнно, что предложеніе почтеннаго ученаго встрѣтитъ общее сочувствіе въ Галиціи, и сама выставка обѣщаетъ быть весьма интересной и плодотворной въ научномъ отношеніи.

Нѣсколько важныхъ архивовъ находятся въ гор. *Перемышлѣ*. Къ сожалѣнію, обстоятельства не дозволили намъ лично посѣтить Перемышль и объ архивахъ его мы знаемъ только изъ описаній Беды Дудика и Гаузера (Monografiam. Przemysla). Считаемъ однако нелишнимъ по этимъ описаніямъ указать на важнѣйшіе изъ хранящихся въ нихъ документовъ.

Въ архивѣ перемышльскаго *греко-катол.* (уніатскаго) *епископства* м. пр. находятся:

Diplom. Reg. Russiae—80 документовъ, въ томъ числѣ 3 грамоты Льва Даніиловича:

1298 (?). Монастырю въ Стришовицахъ подъ Самборомъ (мы имѣемъ, благодаря любезности проф. варшавскаго унив. А. И. Павинскаго, копію этого документа, какъ кажется подложнаго, изъ варшавскаго центральнаго архива).

1302. Надѣленіе имѣніями того же монастыря.

3-я безъ даты.

Документъ Владислава Опольского, 1378, г.

Varia documenta ad episcopatum Premisl.—14 документовъ, изъ нихъ два русскихъ, 1422 и 1424.

Consignatio document. pro Ruthenis—27 докум., изъ которыхъ древнѣйшій 1410 г.

Часть этихъ документовъ напечатана въ Шематизмѣ діецезіи Перем. за 1879 г. и Календарѣ Перемышлянинѣ.

Въ библіотекѣ греко-католич. капитулы м. пр. находится:

Leo Kiszka, Annales Nestoris съ продолж. Есть короткія записки 1306—1768 по исторіи Перемышля, жизнеописанія русскихъ князей, епископовъ и пр.

Городской архивъ. Многіе документы изъ этого важнаго собранія напечатаны въ Akta grodzkie iziemskie. Древнѣйшій—1356, слѣдующій затѣмъ—1443.

Тутъ м. пр. находятся:

Акты перемышльск. цѣховъ—шевскаго съ 1386, рѣзницкаго съ 1400, ковалей съ 1471, сѣдларей 1472.

Книги лавничаго суда съ 1402 г.

Книги завѣщаній съ 1486 г.

Городскіе счеты съ 1472.

Ks. miejskie okoliczniowe съ 1474.

Подъ № 384 интересное собраніе liber legum.

№ 287—9 Liber privilegiorum.

Документы о жидахъ съ 1568 г.

Документы о русскихъ съ 1512 г.

№ 395. Дѣла супружескія.

Дѣла о городскихъ владѣніяхъ съ 1425 г.

Люстраціи съ 1571 г. Счеты съ 1487.

Дѣла магистратскія съ 1409.

Документы о церквахъ съ 1474.

Частные документы съ 1406.

Къ сожалѣнію, этотъ важный архивъ до сихъ поръ весьма мало разработанъ.

Въ *Краковѣ* находится цѣлый рядъ архивовъ и другихъ рукописныхъ собраній, но для насъ имѣютъ значеніе только собраніе университетской (ягеллоновской) библіотеки и богатѣйшее собраніе князей Чарторыйскихъ.

Въ универс. библіотекѣ въ Краковѣ болѣе 4000 рукописей. Каталогъ ихъ напечатанъ г. Вислоцкимъ (Wlad. Wisłocki, Kat. rękop. bibl. uniw. Jagiell. Krak. 1877—1880. Здѣсь описано 4176 рукоп.). Описаніе г. Вислоцкаго довольно кратко и значительно уступаетъ по обстоятельности описанію библ. Оссол., начатому г. Кентржинскимъ. Рукописей историческаго содержа-

нія здѣсь сравнительно немного. Отмѣчу нѣкоторыя, имѣющія отношеніе къ Руси.

№ 2926. Выписки изъ книгъ войтовскихъ виленскихъ (копія 19 в.).

№ 2957. Hrycko Russin z Kolomyi Михаила Готовскаго († 1828).

№ 3065. Rzez Humanska (напеч. въ Tygodnik liter. 1838).

№ 3066. Копія меморіала, поданнаго товіанчиками имп. Александру I.

№ 3168. Копія подлиннаго журнала Петра I (изъ его заграничнаго путешествія).

№ 3433. Стадницкаго родословіе Гедиминовичей.

№ 3573. Содержаніе писемъ Адама Киселя къ Сапѣгѣ 1641—1650 (копія 19 в.).

№ 3691. Wspomnienia archidiec. Mohilewskiej przez Ant. Moszynskiego.

№ 3707. Chron. Polonorum 1516—1526 (ею пользовался Ваповскій, но, по словамъ г. Вислоцкаго, есть и извѣстія, которыхъ нѣтъ у перваго).

Кромѣ того сборники документовъ 16, 17, 18 вв., въ томъ числѣ относящіеся къ войнамъ съ Москвою 17—18 в.

Несравненно важнѣе по своему содержанію рукописное собраніе князей Чарторыйскихъ. Въ Краковѣ это собраніе находится всего нѣсколько лѣтъ, сюда оно перевезено изъ Парижа. Кн. Чартор. построили для него отдѣльное помѣщеніе, здѣсь же помѣстили и свой, весьма любопытный музей и дали средства на его содержаніе. Въ настоящее время музеемъ и библіотекой Чарторыйскихъ завѣдываетъ проф. Маріанъ Соколовскій, человѣкъ очень любезный, знакомый съ русскимъ языкомъ и слѣдящій за русской литературой преимущественно въ томъ, что касается его спеціальности—искусства. Библіотека и музей открыты ежедневно съ 10—2 ч. Единственный недостатокъ музея—ограниченное помѣщеніе и малый доступъ свѣта въ комнатѣ для занятій (окна выходятъ на небольшой, со всѣхъ сторонъ застроенный дворъ).

Въ богатѣйшемъ собраніи кн. Чарторыйскихъ до 4000 рукописей и нѣсколько тысячъ отдѣльныхъ документовъ. Для тѣхъ

и другихъ есть рукописный каталогъ. Съ прошлаго года г. Корженевскій началъ печатать описаніе рукописей этого собранія (Catalogus codicum manuscriptorum Musei princ. Czartoryski, Cracov. edidit Dr. Ios. Korzeniowki, Crac. 1887). Пока вышелъ только первый выпускъ этого труда, содержащій описаніе текъ Нарушевича. Извѣстно, что для знаменитаго польскаго историка еп. Адама Нарушевича, по приказанію короля, были въ концѣ прошлаго вѣка сдѣланы обширныя выписки изъ разныхъ польскихъ архивовъ. Это собраніе въ настоящее время разбито по разнымъ архивамъ. Часть наибольшая (болѣе 100 фоліантовъ) находится въ музеѣ Чарторыйскихъ, часть въ Петербургѣ, въ библ. генеральнаго штаба, часть въ варшавскомъ центральномъ архивѣ (копія 64 книгъ Литовской Метрики). Къ сожалѣнію, описаніе г. Корженевскаго составлено весьма мало удовлетворительно, содержитъ только одно голое заглавіе каждаго тома. Отмѣтимъ кое что, имѣющее для насъ интересъ:

№ 64. Попись замку кременецкого.

№ 69. Relazione di Moscovia.

№ 75. Spisanie kroniki woloskiej.

№ 86. Описаніе втораго похода Стефана Баторія на Москву.

№ 96. Цецорская битва. Ibid. Silvii Antonii ad episcopos Ruthenos oratio 1596.

№ 102. О Димитріѣ Самозванцѣ.

№ 106. Въѣздъ Сигизмунда III въ Вильно 1611.

№ 107. О Димитріѣ Самозванцѣ; Żdanie o narodu ruskiem.

№ 108. Ист. Димитрія Самозванца.

№ 114. Донесеніе римскихъ пословъ о московской религіи.

№ 122. Ист. Руси русскимъ языкомъ, латинскими буквами.

№ 126. Дѣла московскія 1601—13.

Насколько поверхностно составлено это описаніе, можно видѣть изъ слѣд. примѣра. Заинтересовавшись заглавіемъ № 122, мы осмотрѣли эту рукопись. Оказалось, что это просто на просто латинскими буквами сдѣланная копія ипатьевскаго списка. (На 1-й стр. надпись: Rękopism Ruskiej kroniki przez pewnego czernca w miescie Żywotowie z różnych Latopiscow za rozkazem xcia j. mosci Czetwertynskiego, podkomorzego Braslawskiego w roku 1629

napisany, a w roku 1758 po xiędzu Oscimowiczu Bazylianie pozostaly, w R. 1778 j. o. xcia J. M. Czetwertynskiemu oddany). По этой рукописи можно судить, насколько вообще можно довѣрять точности списковъ въ текахъ Нарушевича. Переписчику, очевидно, попалась рукопись плохо переплетенная, съ перемѣшанными страницами, но онъ переписывалъ, не справляясь вовсе съ содержаніемъ, отчего въ текстѣ послѣ событій, напр., X в. идутъ въ строку событія XII, а продолженіе гдѣ нибудь черезъ много страницъ. Списокъ оканчивается нѣсколько раньше ипатьевскаго.

Содержаніе богатаго собранія кн. Чарторыйскихъ стало только недавно, съ перенесеніемъ архива изъ Парижа въ Краковъ, извѣстно польскимъ ученымъ. Краковская академія наукъ, затѣявъ изданіе Monumenta Medii aevi res gestas Poloniae illustrantia, узнавъ, что въ собраніи Чарторыйскихъ находятся теки Нарушевича, содержащія копіи многихъ, въ значительной части уже утраченныхъ оригиналовъ, обратилась къ владѣльцамъ съ просьбой доставить ей эти теки, что кн. Чартор. съ большой готовностью и исполнили. По этимъ то копіямъ и изданъ академіей Codex epistolaris seculi XV. Но когда весь архивъ переведенъ былъ въ Краковъ, оказалось, что большинство изъ напечатанныхъ по мало исправнымъ (русскіе документы при томъ переписаны въ текахъ Нарушевича латинскими литтерами) спискамъ документовъ находится въ томъ же собраніи въ оригиналахъ—открытіе довольно непріятное, тѣмъ болѣе, что краковская академія печатаетъ свои изданія съ большой осмотрительностью и точностью. Намъ сообщали, что кн. Чарторыйскіе предполагаютъ издать всѣ имѣющіеся въ ихъ собраніи подлинные документы, и что fac simile ихъ уже давно сдѣлано. Нѣкоторые изъ русскихъ документовъ собранія Чарторыйскихъ напечатаны въ вышедшемъ годъ назадъ изданіи Архива Сангушко; однако изданіе это не вполнѣ удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ (разборъ этого изданія см. въ Kwart. histor. 1888, I). Мы сами имѣли случай сравнить нѣкоторые изъ изданныхъ здѣсь документовъ съ подлинниками и убѣдиться въ неисправности изданія; издатели видимо не вполнѣ еще освоились съ чтеніемъ русскихъ документовъ.

Считаемъ нелишнимъ привесть здѣсь древнѣйшую изъ русскихъ грамотъ собранія Чартор., напечатанную также въ Архивѣ Сангушко, такъ какъ тамъ она напечатана весьма неточно.

№ 274. Се їазъ кнѧзь великыи Димитрии докончиваю и повинꙋю сѧ службою таковою. А се докончанье межи королемь польскымь. и кнѧземь дмитриемь. къ володимирю ѿступаєтьсѧ потолѣ. по оуниминцю по пѣсчаныи бродъ. по еуфимковое село. ѿ еуфимкова села до Маркова става. ѿ маркова става по львовскую дорогу къ Скоморохомъ. а ѿ пѣсчана бродꙋ по пиньскыи мостъ, а ѿ толѣ по тꙋрью droколѣ тꙋрьїа прошла. А мыта не примышлѧти но какъ извѣка пошло. а по старымъ дорогамъ гостемъ поити кꙋда хочеть. а гостѧ не приневолити. но кꙋда хочеть тꙋды поидеть. а кнѧзю дмитрию помагати королеви на всѧкого неприїателѧ. опроче своїеѣ братьѣ. безо всѧкоѣ хитрости и льсти. своимь животомь. если бꙋдеть недоспѣшенъ. кнѧзю дмитрию люди своѣ послати. а коли братьїа кнѧжа поидꙋть на королѧ. кнѧзю дмитрию братьи не помогати. а кто поидеть на мене королеви помагати мнѣ на моѣ неприїателѣ. безо всѧкоѣ хитрости и льсти. а мнѣ королеви помагати. ѡльна годъ минеть дмитриїевъ днь. а на то есмь приложилъ свою печать. и оць мои влдка лꙋчьскыи Арсении. кнѧзь данилии. Васко кирдѣевичь. иванъ воевода лꙋчьскыи. иванъ мьстишиньскыи.

(Оригиналъ писанъ на бумагѣ, четкимъ и крупнымъ полууставомъ, на ниткахъ шесть малыхъ печатей).

Въ Краковѣ намъ, къ сожалѣнію, пришлось работать сравнительно недолго, такъ какъ подоспѣли праздники, въ теченіи которыхъ музей Чарторыйскихъ былъ закрытъ. Вслѣдствіе этого намъ удалось просмотрѣть главнымъ образомъ только тѣ рукописи и документы, которые имѣли прямое отношеніе къ нашимъ личнымъ занятіямъ[1]). Тѣмъ не менѣе мы постарались просмотрѣть весь писанный каталогъ рукописей музея и отмѣтить изъ него имѣющее отношеніе къ русской исторіи. Укажемъ и здѣсь на нѣкоторыя изъ такихъ рукописей.

---

[1]) Извлеченныя нами изъ львовскихъ и краковскихъ архивовъ документы будутъ напечатаны въ приготовленномъ нами къ печати „Собраніи матеріаловъ для исторіи внутреннихъ отношеній юго-западной Руси XIV—XV в.“

№ 531. Собраніе разныхъ писемъ, въ томъ числѣ и Петра В. 1704.

№ 751. Akta dyssidentów w Polsce съ 1764 г.

№ 880. Акты коммиссіи, производившей разграниченіе земель Польши, Украины и Новороссіи 1781.

№ 933. Корреспонденція Деболія, посла въ Петербургѣ, съ Хребтовичемъ 1792 г.

№ 934. Pisma różne względem relig. grecko dysunitsk. w Polsce.

№ 961. Rozmowy z poslem rossyiskim 1777—88.

№ 1040. Rachunki dochodow z kwarty w Malopolsce.

№ 1043—4. Rachunki pieniężne dóbr królewskich 1579.

№ 1050. Описаніе королевскихъ имѣній 1739 г.

№ 1056. Tranzakcye odnosz. się do folwarkow 1425—1719.

№ 1118. Zbiòr Lojki и Rus.

№ 1119. „ „ Галичь и Владиміръ.

№ 1120. „ „ Литва.

№ 1121. „ „ Литва, Подоль, Волынь, Подлясье.

№ 1131—2. Zbiór urzędow w Kor. i Litwie.

№ 1133. Собр. относ. къ ординаціи острожской.

№ 1172. Sq., 1180, 1182. Сочиненія, переписка и документы, собранные Чацкимъ.

№ 1270. Евангеліе 1618 (русск.).

№ 1271—2. Гомиліи Іоанна Златоуста (русск.).

№ 1273. Хроники Слейдана и соч. Ипатія Потѣя объ уніи (русск.).

№ 1325. Historya o scytach, gotach i rusinach.

№ 1329. Переводъ на польск. языкъ литовской исторіи Кояловича.

№ 1341. Путешествіе Корба 1698.

№ 1352. Кояловичъ. Гербарій Литовскій.

№ 1354. То же *автографъ*[1]) (рукописей Гербарія Кояловича существуетъ много, есть и у насъ въ Имп. Публ. Библ.; отличный экземпляръ его находится у А. А. Куника; почтенный

[1]) Кажется, однако, это невѣрно—автографъ Гербарія Кояловича находится въ Импер. Публ. Библіотекѣ въ Петербургѣ.

академикъ не разъ выражалъ намъ свое желаніе увидѣть въ печати важный трудъ Кояловича и готовъ для этой цѣли пожертвовать свой экземпляръ).

№ 1369. Ист. Димитрія Самозванца и Марины Мнишекъ (копія 1744).

№ 1416. Славянск. рук. объ Александрѣ Великомъ (Александріада).

№ 1417. Хроника Слейдана (русск.)

№ 1419. Литовскій Статутъ 1529.

№ 1420—21. „ „ 1560 2 экз.

№ 1422—3. „ „ 1565 2 экз.

№ 1424. „ „ 1563 (русск.).

(Разновременные списки перваго Статута?).

№ 1425. Uchwały W. Ks. Lit. aż do unii Łubelskiej.

№ 1426. Wyjątky ze statutow.

№ 1429. Статутъ Волынскій.

№ 1437. Польскій переводъ армянскихъ правъ 1601 (латинскихъ и польскихъ экз. перевода арм. правъ существуетъ много. Обзоръ ихъ сдѣланъ Бишофомъ въ статьѣ Das aelteste Recht der Armenier).

№ 1499. О моровомъ повѣтріи 1679 (въ Галичѣ).

№ 1632. Początek wojny mosk. 1604.

№ 1633. Dziennik o Dym. Iwanowiczu.

№ 1654. Gody mosk. albo process prowadzenia Dym. Iwan.

№ 1718. Project obywat. dla W. Ks. Lit. 1782.

№ 1731. Regestrum perceptorum 1508.

№ 1747. Списки русскихъ и литовскихъ фамилій.

№ 1758—60. Стат. Литовскій.

№ 1762—4. Конституція трибунала литовскаго 1769.

№ 1520. Торунская констит.—de laboribus kmethonum и др. конст. 16 в.

№ 1974. Memoire sur l'ordination d 'Ostrog.

№ 2014. Привилегіи Львова (копія).

№ 2045. Русская литургія 1783.

№ 2048. Псалмы Давида (слав.).

№ 2055. Spiewnik ruski.

№ 2066. Acta eccles. Przeworsc. 18 в.

№ 2091. Апостолъ (слав.).

№ 2094. Привил. Вильно.

№ 2097. Слав. евангеліе пергаментное (liber rarissimus).

№ 2101. Посольство къ Дим. Самозванцу 1605.

№ 2102—2114. Акты XVII в. м. пр. касающ. Андрус. договора; подлинные документы временъ Хмельницкаго.

№ 2204. Res ecclesiae Ruthenae 1639—1797.

№ 2211. Rod wielkich kniaziow ruskich.

№ 2227—33. Евангелія слав.

№ 2266. Dziennik kupcia o niewolie moskiewskiej (кажется, тотъ самый, который напечатанъ В. Б. Антоновичемъ въ „Кіевск. Стар.“. Дневникъ кіевскаго мѣщанина Божко Балыки).

№ 2294. О Лит. Статутѣ 1566.

№ 2358. Осмогласникъ.

№ 2595. Документы о родѣ Чарторыйскихъ.

№ 2754. Письма московскихъ государей.

№ 2893. Akta ruskie trybunalskie i wojskowe.

№ 2978. Выписки изъ перемышльск. актовъ съ 1470 г.

№ 3585. Акты ординаціи острожской.

№ 3789. Евангеліе слав.

№ 3785. Проповѣди (русск.).

№ 3786. Тріодь.

№ 3787. Осмогласникъ.

№ 3813—и слѣд. Akta grodzkie: белзскіе, перемышльск., саноцкіе, винницкіе, жидачевскіе.

Кромѣ того масса отдѣльныхъ документовъ, цѣлые фоліанты тщательно переплетенныхъ актовъ, десятки томовъ т. наз. Silva rerum и пр.

Оканчивая наши краткія путевыя замѣтки [1]), цѣль которыхъ—обратить вниманіе русскихъ ученыхъ на богатый матеріалъ для русской исторіи въ галицкихъ архивахъ, мы не можемъ не по-

[1]) Кромѣ указанныхъ мною, въ Галицкой Руси существуетъ еще рядъ архивовъ частныхъ и общественныхъ въ повѣтовыхъ городахъ, монастыряхъ, имѣніяхъ разныхъ русскихъ и польскихъ помѣщиковъ и пр., но содержаніе подобныхъ архивовъ не всегда бываетъ доступно, почему только относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ

благодарить еще разъ почтенныхъ галицкихъ ученыхъ, какъ русскихъ, такъ и польскихъ, за ихъ рѣдкое вниманіе, любезность и цѣнные научные совѣты. Въ этомъ отношеніи мы болѣе всего обязаны д-ру Антонію Прохаскѣ, профессору Ксаверію Лиске, роф. Александру Семковичу, проф. Исидору Ивановичу Шаранѣвичу и о. Антонію Петрушевичу. Каждый пріѣзжій ученый встрѣтитъ навѣрное со стороны этихъ почтенныхъ людей тотъ же радушный пріемъ, какимъ былъ удостоенъ и авторъ настоящихъ замѣтокъ.

И. А. Линниченко.

Приложеніе.

1612. Актъ о смерти Шуйскихъ.

(Bibl. Ossol. № 1951).

Actum in Castro Gostynensi sabbatho in crastino Festi S. Mathei Apostoli et Evangeliste, anno Domini millesimo sexcentesimo duodecimo, regnante serenissimo Sigismundo III Rege Poloniae et Sueciae.

Sławnej pamięci urodzony nieboszczyk Wasiel Sujski, który był (jako o tym słychac) wielkim Carem Moskiewskim, który pospołu z urodzonemi Dymitrem Hetmanem, Iwanem Podskarbiem Sujskiemi kniaziami Moskiewskiemi, Bracią Rodzonemi za roskazaniem Najiasniejszego Iego Krolewskiej Mosci Krola Polskiego odesłani na mieszkanie na murowany zamek Gostynski czasu starostwa urodzonego Jm. Pana Ierzego Garwaskiego starosty na ten czas Gostynskiego, przy ktorych Jm. Pan Zbigniew Bobrownicki dworzanin Krola Jego

---

собраны болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія. Такъ у Бэды-Дудика есть свѣдѣнія объ архивѣ въ гор. Тарновѣ; Садокъ-Баранчъ описалъ архивъ доминиканскій въ Ярославѣ, Бѣловскій сообщаетъ нѣкоторыя (впрочемъ слишкомъ краткія) свѣдѣнія о фамильныхъ архивахъ: Тарновскихъ въ Дзиковѣ, Потоцкихъ въ Ланцутѣ, Сангушекъ въ Тарновѣ, Любомирскихъ въ Пржворскѣ, Ржевусскихъ въ Подгорцахъ, Сѣнявскихъ въ Брежанахъ (Rzecz o arch. famil. Dodatek do Gaz. Lwowskiej 1854 r.). См. еще указанное соч. Радзишевскаго, ст. Маевскаго въ Roczn. Tow. przyac. Nauk. Warsz. 1816, Powstanski, въ Roczn. Tow. nauk. Krak. т. IX и X. Но, какъ мы уже сказали, многіе изъ указанныхъ въ этихъ перечисленіяхъ архивовъ перемѣщены или распроданы. Нужно надѣяться, что предстоящая львовская археологическая выставка много поможетъ собранію свѣдѣній о мѣстонахожденіи разныхъ рукописныхъ собраній.

Mosci przystawem iest tu na zamku Gostynskim, dnia to jest w sobotę po S. Mateuszu Apostole y Ewangeliscie w pokoju swoym w izdebce murowanej nad bramą murowaną Panu Bogu Ducha swego oddal Żył około Roku swego 70 lat [1]). Actum in castro Gostinensi Feria quinta ante Festum S. Michaelis Archangeli proxima anno Domini millesimo sexcentesimo duodecimo.

Sławnej pamięci Niebosczyk urodzony Dymitr Sujski wielki Hetman Moskiewski, który pospołu z urodzonemi Wasilem Carem Moskiewskim y z Iwanem Podskarbim Sujskiemi, Bracią rodzonemi, za roskazem krola Iego Mosci odeslani są na mięskanie do zamku Gostynskiego na ten czas za starostwa wrodzonego Jm. Pana Ierzego Garwaskiego starosty Gostynskiego, przy których przystawem był urodzony Zbigniew Bobrownicki dworzanin krola Iego Mosci, dnia to jest we czwartek przed S. Michalem Roku ninieyszego tysiącznego szescsetnego dwunastego w Izbie w pokoju swoim murowanym nadolnym ku winnicy będącej przy oblicznosci urodzonej Katarzyny knieiny małzenki swej y ynnych slug Moskiewskich, umarł y Ducha Swego Panu Bogu oddał. Actum in Castro gostinensi, die dominica Festi S. Catherinae Virginis et Martiris [2]) Anno Domini Millesimo Sexcentesimo duodecimo.

Generosa olim Catharina Sujska, consors olim Dimitry Sujski Ducis Moscovitici, piae memoriae, quae Catharina vocabatur Knieina, quae die hodierna, videlicet die dominico Festi S. Catharinae virginis et Martyris in Castro presenti Gostinensi murato, in hypocausto inferiori versus vineam seu sylvam in dextram partem intrando arcem muratam, circa fenestram angularem pertis seu pentis in mansione seu sessione sua, ex mandato Sacrae Serenissimae Regiae Majestatis habita, hora una cum mediante meridiem, in praesentia generosi Ioannis Sujski dicti kniaz, *Iwan Lewin* (подчеркнутое вписано другимъ чернилomъ въ пустое мѣсто, оставленное между словами kniaz и sui) sui germani, ancillarumque et Famularum suorum existens, detenta infirmitate magnae intumescentiae cum pia memoria ultimum diem vitae Snae clansit, valedicta vivis tempore capitaneatus Magnifici Georgii Garwaski Capitanei loci praesentis castri Gostinensis, nec non generosi Zbigniewij Bobrownicki curatoris vulgo przystawa aulici Sacrae Regiae Majestatis.

Рукоп. in f., всего 4 стр.; это послѣднія страницы церковной метрики, какъ видно изъ приписки на 1-й стр. рукописи, прону-

[1]) Соловьевъ, Ист. Росс., т. VIII пр. 81, замѣчаетъ, что по свидѣтельству надгробной надписи въ Архан. Соборѣ царь Шуйскій умеръ 60 лѣтъ.

[2]) 25 ноября.

мерованной 456: Hic liber mortuorum finitur et alius comparatus seorsus est in quo copulati ab initio et circa medium incipiunt metricae mortuorum. Ita est Iacobus Cudnicki C. P. D. (какая то подпись).

Omnes in isto libro mortui requiescant in pace. Amen. Hic finitae sunt metrices (др. рука).

Księga niniejsza składająca się z kart czterysta piędzisiąt szesc przez Dziekana Dekanatu Gostynskiego rewidowana pieczęczią tegoz dekanatu i podpisem oznaczona.

Xiądz Kazimir Koburski.

Так. обр. въ книгѣ было 456 стр. Оставались еще пустыя страницы (обознач. 457), на которыхъ кто то и сдѣлалъ выписку изъ гродскихъ гостынскихъ книгъ о смерти Шуйскихъ. Выпись эта сдѣлана въ концѣ 18 в., что видно изъ слѣд. замѣтки на 1-ой (456) стр. Anno Domini 1797 die 16 Maij obiit subitanea morte ab equo occisus Paulus Walęciak annorum 20, cujus corpus Iacobus Cudnicki C. P. D. P. Gost. in Cemeterio Paroch. sepelivi (съ боку Myslownia). А Яковъ Чудницкій, какъ мы видѣли выше, заключилъ этотъ томъ метрики.

Извѣстно, что захваченные поляками Шуйскіе были привезены Жолкѣвскимъ въ Варшаву и и послѣ унизительнаго представленія Сигизмунду были отвезены въ Гостинскій замокъ (недалеко отъ Варшавы). У Костомарова (Московское раззореніе, В. Е. 1867, іюнь, р. 58) находимъ лишь слѣд.: „Царя съ братьями отправили въ Гостынскій замокъ, недалеко отъ Варшавы, и тамъ назначили имъ пребываніе подъ стражею. Впрочемъ, ихъ содержали не скудно, какъ видно изъ описи вещей и одеждъ, послѣ Василія оставшихся большею частью подаренныхъ Сигизмундомъ. Неволя и тоска свели царя черезъ годъ въ могилу. Въ томъ же замкѣ скончался, послѣ него, Димитрій, братъ его, и жена Димитрія, подозрѣваемая въ отравленіи Скопина. Много лѣтъ спустя, костямъ невольниковъ суждено было перейти въ родную землю...

Критика.

Новые статистико-географическія данныя объ одесскомъ уѣздѣ.

Эти новыя данныя собраны статистическимъ отдѣленіемъ при херсонской земской управѣ и сведены въ книгу подъ заглавіемъ: „Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губерніи". Т. I „Одесскій уѣздъ". Херсонъ. 1883 г. По постановленію херсонскаго губ. земск. собранія мѣстная статистика должна имѣть въ виду практическую цѣль—опредѣленіе платежныхъ средствъ губерніи; поэтому губернская статистич. коммиссія выработала программу собиранія свѣдѣній, касающихся только земледѣлія, какъ исключительнаго средства существованія и источника платежей мѣстнаго населенія. Такимъ образомъ херсонская статистика и по цѣли, и по исполненію ближе всего подходитъ къ типу черниговскому, и очень мало, лишь нѣкоторыми сторонами, къ вятско-московскому. Главнымъ недостаткомъ херсонской статистики, какъ заявляютъ въ предисловіи составители тома, служитъ неточность и неопредѣленность данныхъ о населеніи, его занятіяхъ, распредѣленіи земли и проч., которыя могутъ быть устранены только при подворномъ описаніи уѣзда; на необходимости такого описанія и настаиваетъ статистическое отдѣленіе одесскаго уѣзда, теперь же ему приходилось брать за единицу изслѣдованія не дворъ, а земскую дачу; такихъ дачъ статистич. отдѣленіе намѣтило 60; онѣ не совпадаютъ съ дачами генеральнаго межеванія (коихъ 147), потому что послѣднія или слишкомъ малы, или слишкомъ велики, а со времени генеральнаго межеванія измѣнили еще и свой характеръ. При раздѣленіи уѣзда на дачи принимались статистиками во вниманіе преобладающіе посѣвы, формы землевладѣнія и способы эксплоатаціи земли. Это первый опытъ статистическаго описанія херсонской губ самимъ земствомъ.

До настоящаго времени херсонскимъ земствомъ изданы слѣдующіе „Матеріалы для оцѣнки земель херсонской губерніи“:

а) Томъ I. Одесскій уѣздъ (съ двумя картами и приложеніями, Херсонъ, 1883).

б) Томъ II. Елисаветградскій уѣздъ (съ двумя картами и приложеніями, Херсонъ, 1886 г.).

в) Мѣстечко Курисово—Покровское (Балай тожъ). Статистическое описаніе поселенія. Херсонъ 1886 г.

г) Евгеньевская волость (тираспольскаго уѣзда херсонской губерніи). Статистико—экономическое описаніе. Херсонъ 1888.

Съ содержаніемъ этихъ изданій, чрезвычайно богатыхъ новыми данными по географіи и экономіи Новороссіи, мы намѣрены время отъ времени знакомить читателей, и начинаемъ теперь съ одесскаго уѣзда, описаніе котораго, какъ указано выше, составляетъ I-й томъ „Матеріаловъ“.

Границы и пространство. Одесскій уѣздъ занимаетъ площадь, ограниченную съ вост. Южн. Бугомъ, съ зап. р. р. Кучургапомъ и Турунчукомъ, съ юга Чернымъ моремъ отъ устья Днѣстра до Буга; онъ простирается въ длину отъ з къ в. на 150—160 верстъ и въ ширину съ с. на ю. около 50 в. Площадь уѣзда по военно-топографической съемкѣ 1850—52 гг. равна 965,871 1/2 дес. или 9,272 1/3 кв. версты. По генеральному межеванію эта площадь безъ пространствъ, находящихся подъ водой, равна только 909,304 дес., или 8,729 кв. верстамъ.

Устройство поверхности. Поверхность одесскаго уѣзда представляетъ равнину, постепенно повышающуюся отъ береговъ Чернаго моря; самые же берега возвышены надъ моремъ на 15—22 саж. Наиболѣе высокая часть полей у д. Капоклоневки и д. Колосовки достигаетъ 60 саженъ высоты [1]).

Изъ низменностей замѣчательно старое русло Днѣстра, возвышающееся не болѣе 1—2 саженъ надъ уровнемъ моря. Долина представляетъ поемные луга, наз. плавнями. Другой родъ низменности у морскихъ береговъ и при устьяхъ рѣкъ; это—„пересыпи“, или дюны.

Орошеніе. Главныя рѣки Бугъ и Днѣстръ со множествомъ притоковъ, впадающихъ въ нихъ, и лиманы орожаютъ одесскій у.

---

[1]) Возвышенная равнина одесскаго у. пересѣкается по направленію съ с. къ ю. балками, оврагами и ярами.

Многія балки образуютъ лиманы, отдѣляющіеся отъ моря пересыпями; они содержатъ въ себѣ очень соленую воду и уподобляются Мертвому морю: флора и фаунаихъ очень бѣдна. Наибольшіе изъ лимановъ: Хаджибейскій съ р. Мал. Куяльникомъ, Куяльницкій съ р. Бол. Куяльникомъ, Тилигульскій (въ немъ вода менѣе солона и водится рыба) съ р. Тилигуломъ, Березанскій и Сасицкій лиманы съ рр. Березанью и Сасикомъ. Лиманами называются также озера, устья Днѣпра, Буга и Днѣстра и морскіе заливы. Изъ озеръ замѣчательно Кучурганъ. Почвенную воду добыть очень трудно; да и она всегда бываетъ солоноватая на вкусъ.

Почва — состоитъ изъ суглинистаго чернозема; средняя толщина ея $^1/_2$ аршина. Черноземная почва при толщинѣ въ $^1/_2$ аршина встрѣчается на склонахъ балокъ и лимановъ. По берегу моря господствуютъ пески. Подпочву для чернозема образуютъ глины и лессъ потретичнаго періода. Глины налегаютъ на известняки, изъ коихъ добывается польный камень. Ископаемыми минералами уѣздъ очень бѣденъ; находится лишь лигнитъ. Растительность уѣзда также бѣдна. Лѣсныя и садовыя насажденія, встрѣчающіяся на возвышенностяхъ,—всѣ искусственнаго происхожденія.

Вообще характеръ мѣстности степной.

Климатъ. Для характеристики климата существуютъ болѣе точныя наблюденія лишь въ Николаевской и Одесской метеорологическихъ обсерваторіяхъ; средняя годичная температура по Цельзію равна 9,9°; высота барометра 757 миллиметровъ; среднее количество осадковъ 434,1 миллиметра.

Ясныхъ дней въ году 65,6, пасмурныхъ 96,4. Средняя температура зимы равна — 1,8, весны = + 8,8, лѣта + 21,7 и осени = + 11. Дождевыхъ дней — 106, но въ виду большой сухости воздуха и зноя выпадающая влага въ большомъ количествѣ испаряется и земледѣльцамъ приходится выносить всѣ невыгоды обработки почти сухой земли. Вѣтры преобладаютъ сѣверные (45%), восточные и южные (36%) и западные—27%.

Поселенія. Всѣхъ поселеній въ одесскомъ уѣздѣ, исключая городовъ (Маяки, Овидіополь и Очаковъ), а также одесскаго градоначальства съ его пригородами и хуторами,—466. По списку населенныхъ мѣстъ въ 1859 году въ уѣздѣ было 325 поселеній; изъ нихъ девять совсѣмъ исчезли, но появилось новыхъ 150, или 43 $^5/_{13}$% Подраздѣляя уѣздныя поселенія на мѣстечки, села, деревни и хутора, составители описанія находятъ мѣстечекъ 11, колоній—49, рус-

скихъ селъ—26, деревень 106, хуторовъ 264, разнаго рода поселковъ (сол. промыслы, маяки, кордоны)—8. Прeбладающая *національность*—малорусская, занимается преимущественно хлѣбопашествомъ; преобладающее *вѣроисповѣданіе* православное.

Всѣхъ дворовъ въ уѣздѣ—23258[1]), изъ нихъ владѣльческихъ 826. быв. помѣщичьихъ крестьянъ—6392, государственныхъ—4115, десятинщицкихъ—4640, чиншевиковъ—336, быв. колонистовъ—5820, колонистовъ собственниковъ—1059.

Жителей въ уѣздѣ, кромѣ городовъ и пригородовъ, 127729 душъ, изъ коихъ мужчинъ 65692 и женщинъ 62037, т. е. на 100 мужчинъ приходится 96 женщинъ. Число жителей увеличилось на 41,32%, т. е. возросло прямо пропорціонально числу поселеній. На одну квадратную версту, за исключеніемъ водъ и болотъ, прійдется 15,35 души. Въ Одессѣ живетъ 160 тысячъ, въ Очаковѣ 5130, Овидіополѣ—4162 и Маякахъ—4000 душъ; если принять во вниманіе городское населеніе, то плотность въ уѣздѣ будетъ равна 32, 46, а при 965,871 десятинахъ придется на душу по 3,2 десятины. Не лишены интереса также и слѣдующія цифры:

Въ рабочемъ возрастѣ тамъ находится 66214 душъ, изъ коихъ 33975 мужчинъ и 32239 женщинъ.

По *вѣроисповѣданіямъ* числится: православныхъ—84892 души, католиковъ—24114, протестантовъ 13169, евреевъ—4037, другихъ (сектантовъ, раскольниковъ)—1517.

По *занятіямъ:*

Хлѣбопашествомъ—116165 душъ, торговлей—3766, ремеслами—5645, другими занятіями—2153.

Въ административномъ отношеніи уѣздъ дѣлится на 6 частей: четыре стана и два надзирательства; города Очаковъ и Овидіополь служатъ центромъ надзирательства, а г. Маякъ служитъ центромъ стана. До 1863 года уѣздъ былъ раздѣленъ на 3 стана, а въ городахъ находились надзирательства.

Колонизація, землевладѣніе и *земледѣліе.* Заботы правительства о заселеніи побережья Чернаго моря, занимаемаго южной частью одесскаго уѣзда, начались со времени присоединенія его къ Россіи, потому что жившіе здѣсь татары, ногайцы и русскіе бѣглецы разошлись. Князь Потемкинъ отдалъ сначала эту землю черноморскимъ козакамъ, но послѣ его смерти козаки были переселены на Кубань,

[1]) Въ 1858 г. ихъ было 12414; слѣд. увеличилось на 87,14%

а земли одесскаго уѣзда розданы для заселенія чиновникамъ, польскимъ шляхтичамъ и друг. лицамъ, не имѣвшимъ своихъ крестьянъ, а потому заселеніе шло чрезвычайно медленно. Въ то же время сюда направилась колонизація.

а) *Казенно-слободская.* Государств. крестьяне, переселенные сюда по суду и бѣглецы (малороссы и великороссы) заняли 37000 десятинъ въ Поднѣстровьи,—раздѣлились на 5 селъ и ввели у себя общинное землевладѣніе съ періодическими передѣлами земли по числу наличныхъ душъ; передѣлы происходили въ 1837 г., когда на душу пришлось по $6^2/_8$ десятины; въ 1846—неизвѣстно сколько: въ 1858—по $4^1/_2$; въ 1876—$3^2/_8$ десятин.; въ 1881 г.—по 3; получившимъ участки предоставляется полная свобода въ веденіи хозяйства. Усадебная земля находится въ подворномъ наслѣдственномъ владѣніи. Подъ толоку идетъ выпасъ, солонцы и мокрый сѣнокосъ. Въ Приднѣпровьи числится на общинномъ владѣніи 6. государственныхъ крестьянъ 5 селъ и одно съ подворнымъ владѣній, въ степяхъ еще 9 селъ также съ подворнымъ владѣніемъ, 10 селъ позднѣйшей колонизаціи; во всѣхъ 15 селъ находится 3891 дворъ съ 11,808 душами муж. пола съ 59217 десят. земли; такимъ образомъ на дворъ приходится 14,87 душъ, а на душу—5,01 десят.

б) *Народная* колонизація велась бродягами, бѣгавшими съ сѣвера отъ крѣпостнаго гнета и рекрутчины; по распоряженію правительства, они должны были приписаться въ помѣщичьи крестьяне; въ 1860-хъ годахъ помѣщики, предвидя освобожденіе крестьянъ съ землею, стали освобождать бѣглецовъ отъ крѣпостной зависимости: въ настоящее время эти безземельные, приписавшіеся въ мѣщане люди (4600 дворовъ) занимаются уборкой полей за $^1/_{10}$ урожая и называются *десятинщиками;* они кочуютъ съ мѣста на мѣсто, не имѣя опредѣленныхъ жилищъ; разсѣяны по всему уѣзду.

в) *Помѣщичья колонизація* шла путемъ переселенія помѣщиками своихъ крестьянъ изъ Велико и Малороссіи въ Новороссію; большинство помѣщичьихъ крестьянъ дано народной колонизаціей; въ настоящее время ихъ 109 обществъ, владѣютъ 45,955 дес., дворовъ 6094, при 16,856 душахъ, при 7,54 души на дворъ, а на душу—2,72 десят.

Къ помѣщичьей колонизаціи относятся также *чиншевики* одесскаго уѣзда. Происхожденіе ихъ зависѣло отъ нужды въ торговыхъ и промысловыхъ людяхъ и ограниченія закономъ права землевладѣнія только дворянами; въ пользу помѣщика они плотятъ опредѣленный чиншъ и договариваются съ нимъ объ условіяхъ промышленности и торговли; всѣхъ чиншевиковъ въ уѣздѣ 336 дворовъ.

Одновременно съ другими началась и иностранная колонизація одесскаго уѣзда; первыми поселенцами были греческіе эмигранты, служившіе во флотѣ въ турецкую войну 1787—1791 г. въ количествѣ 900 человѣкъ и получившіе 15000 десят.; позже они переименованы въ государств. крестьяне и большую часть земли распродали нѣмцамъ; въ 1801 году явилось 19 семей болгарскихъ и греческихъ; имъ отведено было 36681 десят.; всѣхъ дворовъ ихъ было 1219 при 4188 душахъ; слѣдов., на дворъ приходилось 3,09, а на душу 8,75 десятинъ; съ 1803 года является и нѣмецкая колонизація; въ виду наплыва колонистовъ было сдѣлано въ 1804 году ограниченіе по пріему ихъ; теперь число семействъ, имѣющихъ надѣлы = 1970; число семействъ, имѣющихъ одни усадьбы = 397, число же вовсе не имѣющихъ ни надѣловъ, ни усадебъ, = 996. Всѣхъ нѣмецкихъ колоній 29; въ нихъ 4906 дворовъ, они владѣютъ 129,489 десятинами; слѣд., на дворъ приходится 25,7 десятины. Наконецъ, сербская колонизація, также началась въ 1803 г.; тогда черногорцамъ и герцеговинцамъ было отведено 12000 дес. по р. Балаю.

Городская колонизація, послѣ того какъ опустѣли города съ занятіемъ края русскими войсками, велась путемъ раздачи, на льготныхъ условіяхъ, мѣстъ подъ дома и усадьбы, а также подъ хутора, на правахъ полнаго владѣнія внѣ городской черты, такъ какъ города получили большое количество земли; напр. Одесса была надѣлена 30700 десятинами.

Распредѣленіе владѣній. Земли въ одесскомъ уѣздѣ числится 865,925 десятинъ; она распредѣляется по сословіямъ на такіе отдѣлы: 1) частное землевладѣніе — 547061 д. (63,18%) 2) сельскообщественное — 271340 д. (31,33%); 3) государственное — 24,753 д. (2,85%); 4) городское — 18861 д. (2,15%); 5) церковное — 4090 д. (0,47%).

Частное землевладѣніе распредѣляется по сословіямъ слѣдующимъ образомъ: дворянству въ настоящее время принадлежитъ 264,625 (или 48,38%) десятинъ; остальныя 282436 (51,62%) десятинъ распредѣляются такъ: у нѣмцевъ 86,931 (15,90%), у евреевъ — 59931 (10,95%), у представителей смѣшаннаго владѣнія — 34075 (6,23%), у иностранныхъ подданныхъ — 26,754 (4,55%), у нѣжинскихъ грековъ — 14,442 (2,64%), у купечества — 12699 (2,33%), у крестьянства — 10,558 (1,92%), у мѣщанства — 9,726 (1,78%), у болгаръ, грековъ и арнаутовъ 9,246 (1,70%), у разночинцевъ — 2,957 (0,57%), у почетныхъ гражданъ — 2,285 (0,42%), у духовенства — 2,227 (0,40%),

у нижнихъ чиновъ—573 (0,10%) и, наконецъ, у товарищества Хаджибейско-куяльницкихъ соляныхъ промысловъ—10057 д. (1,98%).

Въ поселянскомъ землевладѣніи различаются: иностранное (нѣмецк. и греко-болгарск.); въ немъ на одинъ дворъ приходится у нѣмцевъ—25,7 дес., у болгаръ — 30,09 дес.; казенно-слободское—14,87 десят. на дворъ, и помѣщичье крестьянское—7,54 десят. на дворъ.

Вообще наблюдая землевладѣніе до и послѣ крестьянской реформы, статистика приходитъ къ выводу, что дворянское землевладѣніе сильно уменьшается, нѣмецкое и еврейское ростетъ, а въ крестьянскомъ мельчаютъ надѣлы.

Сельское хозяйство. Обращаясь къ исторіи сельскаго хозяйства на основаніи опубликованныхъ за послѣдія 30—40 лѣтъ свѣдѣній, статистическое бюро приходитъ къ заключенію, что „съ увеличеніемъ населенія и измѣненіемъ соціальныхъ отношеній, хозяйство въ одесскомъ уѣздѣ, увеличивая напряженность культуры, идетъ быстро по пути развитія земледѣлія на счетъ скотоводства; въ 40-хъ годахъ скотоводство преобладало надъ земледѣліемъ. Увеличеніе пахатныхъ полей дошло до своего предѣла".

Организація хозяйствъ чрезвычайно разнообразна у обществъ и частныхъ владѣльцевъ. Общее громадское хозяйство у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ вездѣ ведется сообща. Всѣ надѣльныя земли находятся въ рукахъ цѣлыхъ обществъ, „громадъ", въ хозяйственномъ отношеніи они дѣлятся на усадьбу, кладбище, выгонъ, толоку и царину (пахатное поле). Сѣнокосовъ у одесскихъ обществъ нѣтъ; на выгонъ и толоку идетъ $^1/_6$ земли; вся остальная земля обрабатывается изъ года въ годъ; отдыхомъ для нея служитъ смѣна посѣвовъ; внутренніе распорядки въ участкахъ зависятъ отъ личнаго усмотрѣнія хозяевъ. У бывшихъ государственныхъ крестьянъ при передѣлахъ для уравненія подворныхъ участковъ по числу рабочихъ съ перемѣною пользованія землей происходитъ и обновленіе полей. Обычаи эксплоатаціи земли тѣ же, что и у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Наиболѣе установившаяся система переложнаго хозяйства встрѣчается у колонистовъ. У нихъ въ каждомъ обществѣ есть выгонъ, а поля дѣлятся на смѣны: толока, картофель, кукуруза, озимые и яровые хлѣба. Земли городскихъ обществъ отдаются съ торговъ въ обработку разнымъ лицамъ; право дѣленія земли на выгонную и обрабатываемую принадлежитъ думамъ, но послѣднія объ этомъ совершенно не заботятся. Казенныя земли раздѣлены на участки, а

каждый участокъ на 10 смѣнъ, изъ коихъ 4 назначается подъ обработку и посѣвъ хлѣбовъ, а 6 лежатъ въ перелогѣ съ ежегодною замѣною одного участка толоки однимъ изъ пахатнаго поля. У частныхъ владѣльцевъ полный періодъ оборота полей совершается лѣтъ въ 10—15. Орудіями обработки служитъ не старый малороссійскій плугъ, а новый рансомовскій, англо-болгарскій и бугаевскій; мягкую землю орутъ 3-хъ лемешными плугами и 3-хъ зубыми ралами. Борона употребляется четыреугольная, а иногда треугольная. Для удержанія весной влаги въ почвѣ чрезъ уплотненіе верхняго слоя земли пользуются катками. Уборка хлѣба производится косами; машины сѣнокосилки и жатвенныя начинаютъ вводиться въ употребленіе, вслѣдствіе большихъ выгодъ, даваемыхъ ими; для заграмаживанія хлѣба и травы служатъ грабли; употребляются и конныя грабли.

Самый распространенный способъ молотьбы хлѣба—это „горпакъ“, т. е. молотьба лошадьми, „гономъ“; существуетъ и болѣе выгодная машинная молотьба.

Молотьба производится также каменными катками съ глубокимъ нарѣзомъ въ формѣ звѣзды; болгары молотятъ досками, „деканками“, молотьба цѣпами почти совершенно вытѣснена. Для укладки хлѣба и сѣна въ скирды служатъ пяти и трезубыя вилы, набоины, карполои и орурки; очищается зерно лопатами, рѣшетами и „млинками“, вѣялками. Кромѣ того изъ машинъ употребляется: экстирпаторы, культиваторы, вѣялки, сортировки и куколеотборки и старыя галаджійки. Для обработки мягкихъ полей и пропалыванія употребляется новоизобрѣтенный мѣщаниномъ Бурдою инструментъ подъ названіемъ „граса“; онъ употребляется также и при обработкѣ огородовъ.

Орудіями транспорта служатъ воловьи и конные возы, фургоны-драбиняки и фургоны-молочные, гарбы, маджары, платформы, передвижныя ясли.

Обработка земель начинается съ конца февраля или начала марта: „сій ячминь въ грязь, буде зъ тебе князь!“ говорятъ пахари, указывая значеніе раннихъ посѣвовъ; къ маю посѣвы обыкновенно всѣ оканчиваются; съ половины мая идетъ косовица травъ, а съ конца іюня уборка хлѣба; къ 15 августа оканчивается уборка хлѣба и тогда же начинается оранка подъ озимые хлѣба; одновременно съ посѣвомъ идетъ оранка на зябль; въ ноябрѣ полевыя работы оканчиваются.

Глубина запашки отъ 2 до 3 вершковъ; глубина задѣлки сѣмянъ $^1/_2$—1 верш., а подъ плугъ 2—$2^1/_2$—это въ мелкихъ хозяйствахъ, а въ болѣе крупныхъ запашкахъ доходитъ до 5 вершковъ; при этомъ примѣняются къ погодѣ; отъ этого и выходитъ, что осенью пашутъ гораздо глубже, чѣмъ весною.

Формъ эксплоатаціи земли три: веденіе хозяйства самими собственниками, аренда на долгій срокъ и съемка на лѣто. Изъ земель частнаго владѣнія 20,02% находится въ долгосрочной арендѣ; наиболѣе отдаютъ въ аренду земли крупные хозяева и привилегированныя сословія; чаще всего земли арендуются на срокъ отъ 3 до 5 лѣтъ; наиболѣе земель арендуется нѣмцами и евреями (болѣе половины); товариществами арендуется четверть арендныхъ земель. При веденіи хозяйства самими собственниками употребляются служащіе: управляющій, приказчикъ, отаманъ, объѣздчики, ключники, конторщики и бухгалтеры; при овцеводствѣ—шафмейстеры или отаманы и чабаны. Съемщиками земли являются десятинщики—крестьяне и нѣмцы. При съемкѣ дѣлаются только устные договоры отдавать хозяину извѣстную долю урожая; виды съемки называются копой, оторомъ, отсѣвомъ. Общественная запашка существуетъ въ немногихъ крестьянскихъ поселеніяхъ; вездѣ она замѣняется взносомъ зерна; общественная запашка дѣлается силами всего населенія.

Величина общественныхъ лановъ зависитъ прямо отъ величины крестьянскихъ поселеній; она колеблется между 3 и 56 дес.

Итакъ, въ большей части среднихъ и крупныхъ имѣній земля обрабатывается спольщиками; но, какъ вся промышленность зависитъ отъ капитала и труда, то и земледѣліе зависитъ отъ капитала (земли) и отъ труда (рабочихъ рукъ); капиталъ нами разсмотрѣнъ; надо разсмотрѣть и трудъ.

Рабочіе являются въ Новороссіи изъ губерній кіевской, подольской и полтавской на рынки мѣстечекъ Березовки и Ляхова (ананьевск. у.), Яновки (одес. у.) и Петроваровки (тираспол. у.)

Наибольшая плата работнику у нѣмцевъ, но и работа у нихъ труднѣе; меньшая въ уѣздѣ. Поденно наиболѣе получаютъ косари за уборку хлѣба—отъ 1 руб. 50 коп. до 3 руб. (у нѣмцевъ) и отъ 1 руб. до 2 (въ уѣздѣ). Наименьшую плату получаетъ погоничъ отъ 25 до 30 коп. поденнаго у нѣмцевъ и отъ 15 до 25 коп. въ уѣздѣ; при годовой платѣ средняя цифра заработка равна 100 рублямъ; высоко цѣнится трудъ спеціалистовъ какого-нибудь дѣла: плотниковъ, кузнецовъ, чабановъ, машинистовъ; годичная заработ-

ная плата первыхъ трехъ доходитъ до 400 руб., а машинистовъ до 800. Пунктами сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ служитъ Одесса и Николаевъ.

Сельско-хозяйственныя угодья и ихъ производительность. Въ хозяйствѣ одесскаго уѣзда извѣстны слѣдующіе виды поверхности: поля засухи или солонцеватыя пространства соляныхъ озеръ, гдѣ добываютъ соль; по рѣкамъ встрѣчаются плавни съ лѣсными зарослями, на которыхъ косятъ сѣно и камышъ, низменныя долины у рѣкъ и балокъ—левады, а среди полей—поды. Сухія поля дѣлятся на угодья: усадьбу, садъ, огородъ, виноградникъ, выгонъ, цѣлина и переложный „степъ", наконецъ, земли не эксплоатируемыя: дороги, кладбища, обрывы и проч. Переложное поле подраздѣляется на цѣлину, сбой, твердое поле, мягкое или старополье, пари (баштанища и кукурузища), твердыя, затвердѣлыя, сѣнокосы, пастбища, толока и перелогъ. Опредѣлить качество этихъ полевыхъ угодій, вслѣдствіе ихъ измѣнчивости, очень трудно, ибо урожайность ихъ зависитъ отъ весьма многоразличныхъ условій; наибольшее вліяніе принадлежитъ климату; по метеорологическимъ наблюденіямъ за 12 лѣтъ, всякій годъ, когда влага выпадаетъ за осень, зиму и лѣто менѣе 150 миллиметровъ, грозитъ неурожаемъ; для обильнаго урожая требуется 500 миллиметровъ; такихъ годовъ за 12 лѣтъ былъ лишь одинъ; тогда какъ годовъ съ меньшимъ количествомъ средняго осадковъ было 6; это вполнѣ подтверждаетъ слова хозяевъ, что на 10—12 лѣтъ половину надо считать неурожайными—плохими. Для урожая яровыхъ хлѣбовъ и сѣна важно также, чтобы при хорошей влажности осени и зимы весна дала не менѣе 100—150 миллиметровъ осадковъ; при 250 миллиметрахъ уражай получается отличный.

Естественными врагами урожая являются жукъ, или кузка, гусеница (осельныця), червяки на льнѣ и рапсѣ, черный жукъ, подъѣдающій кукурузу, муравьи, вредящіе хлѣбу при посѣвахъ, блохи, истребляющія ленъ при всходѣ; на сколько распространенъ здѣсь хлѣбный пильщикъ и гессенская муха—неизвѣстно. Что касается до урожайности полей, то образцомъ могутъ служить среднія цифры земель Севериновки за 10 лѣтъ (пространство 10000 десятинъ); по результатамъ воздѣлыванія, хлѣба слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: ячмень (среднее $5^1/_2$ четвертей съ десятины; самъ—$7^1/_4$), просо ($5^1/_4$ четв.; самъ—50), овесъ (5 четв.; самъ—5), жито озимое (3 четвер. самъ—$6^2/_3$), ленъ ($2^1/_2$ четвер.; самъ—$16^2/_3$), чирка ($1^1/_2$ четвер.; самъ—3) озимая пшеница ($1^1/_4$ четвер.; самъ—$2^2/_4$), яровое

жито (1 четвер.; самъ—2). Цифры севериновской экономіи немногимъ разнятся отъ показаній другихъ хозяевъ и только выше показаній крестьянъ объ урожайности ихъ полей. Такимъ образомъ мнѣніе о высокой производительности земель Новороссійскаго края не подтверждается; хотя, дѣйствительно, и встрѣчаются годы съ урожаемъ 8—15 четвертей съ десятины, но годы плохіе или вовсе неурожайные понижаютъ среднюю цифру на 4—4½ четверти съ десятины.

Пространство, занимаемое пахатными полями, занимаетъ почти половину пространства всего уѣзда (48%); на сѣнокосы отходитъ ⅙ часть уѣзда (16%), а подъ выпасъ ¼ его (около 24%).

Не останавливаясь на опредѣленіи качествъ сѣнокосовъ и родовъ травы, замѣтимъ лишь, что южныя приморскія части менѣе урожайны, чѣмъ сѣверныя степныя, и что въ общемъ въ хорошій годъ десятина даетъ 120, въ средній 80, а въ плохой 40 и менѣе пудовъ.

Скотоводство. Лошадей въ уѣздѣ 74895 и рогатаго скота 103585 штукъ; всего 177,480 штукъ. Весь этотъ скотъ пасется на толокѣ 204,877 десятинъ, т. е. на каждыя 10 десятинъ приходится 8 штукъ скота, или другими словами—на одну десятину нѣсколько менѣе одной штуки скота; по мнѣнію мѣстныхъ хозяевъ, на одной десятинѣ свободно могутъ пастись двѣ штуки; на той же толокѣ пасутся еще 272206 штукъ овецъ. У нѣмцевъ на 100 человѣкъ приходится 95 лошадей и 106 штукъ рогатаго скота; у русскихъ—50 лошадей, 42 штуки рогатаго скота. Вообще же скота у русскихъ менѣе, чѣмъ вдвое.

Лѣсоводство наиболѣе распространено въ Днѣстровской долинѣ; здѣсь находится 564 дес. лѣсу или 46,76% всего пространства уѣзда; 9960 плавней (низменныя мѣста, поросшія камышемъ, осокой, рогозой и проч.) или 70,48%; 269 десят. мокраго сѣнокосу или 59,38% и 4000 дес. болотъ или 84,81%. По владѣльцамъ эти угодья распредѣляются такъ: лѣсу

у государства	461 д. (81,88%),	у крестьянск. общ.	103 д. (19,12%)
плавней . .	6400 „ (64,25%)	. . . . .	.3560 „ (35,75%)
мокрыхъ сѣн.	113 „ (42%)	. . . . .	156 „ (58%)
болотъ . .	877 „ (21,90%)	. . . . .	. .3123 „ (78,10%)

Породы деревьевъ: верба, дубъ, берестъ, ясень, осокорь и тополь; строеваго лѣса (10%), дровяной (70%) и заросли (20%). Десятина строеваго лѣса стоитъ 266 руб., а лозы и хвороста—25 руб.

Прибугскихъ плавней 1510 дес. и лѣсовъ 83 десятины; степныхъ плавней очень мало.

Рыболовство. Хотя лиманно-рѣчной уловъ рыбы сравнительно съ уловомъ азовско-донскимъ, черноморско-кубанскимъ или каспійско-волжскимъ не великъ, но благодаря близости одесскаго рынка онъ получаетъ немалое значеніе; крупное рыболовство ведется заводами. Изъ рыбъ здѣсь ловится коропъ, судакъ, лещъ, окунь, рыбецъ, сомъ, щука, севрюга, чечуга и друг. Напротивъ, побережье Чернаго моря въ одесскомъ уѣздѣ издревле славится обиліемъ рыбы; ее вывозится на ½ милліона рублей; на побережьи также развита крупная заводская рыбопромышленность. Артельныя предпріятія очень рѣдки. Изъ породъ ловимыхъ рыбъ извѣстны: осетеръ, бѣлуга, пестрюга, сѣрюга (севрюга), чечуга, стерлядь, тарань, рыбецъ, чехонь, выризубъ, сельдь, баламутъ, сомъ, судакъ, окунь, щука, коропъ, карась, линь, лещъ, глоссы, камбала, скумбрія, бычки, тюлька, кефаль, анчоусъ, лифара, морской пѣтухъ, устрицы, селинкосы, мидіи, крабы, раки, маленькіе рачки, скакуны или креветки и небольшіе черепахи-архивады. Ловля производится съ марта по ноябрь.

Соляные промыслы находятся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, именно на Куяльницкомъ лиманѣ и солонцахъ Тузлянскомъ и Аджибольскомъ; приготовлялись къ промыслу на Бугазѣ и Карабужскомъ лиманѣ. Среднее количество добыванія соли въ Куяльницкомъ лиманѣ 2—3 милліона пудовъ; въ Тузлянскомъ промыслѣ—900,000 п.

Огороды, сады и виноградники не могутъ быть отдѣлены одни отъ другихъ и находятся при усадьбахъ. Лучшіе огороды въ подгородныхъ селахъ; болѣе извѣстны Клейнъ-Либентальскіе, Нерубайскіе и Татарскіе. Изъ садовъ наиболѣе доходны абрикосовые. Сады и виноградники разбросаны повсюду; сборъ винограда начинается въ половинѣ августа, а оканчивается въ октябрѣ. Наибольшій урожай винограда даетъ восточная часть уѣзда, потомъ западная и наконецъ средняя.

Каменоломни находятся не въ уѣздѣ, а въ градоначальствѣ, лучшія въ Нерубайскомъ и его окрестностяхъ Усатовѣ, Большомъ Куяльникѣ и Холодной балкѣ. Камень изготовляется двухъ сортовъ: четверикъ и пятерикъ. Первый имѣетъ въ поперечномъ разрѣзѣ квадратъ, ребро котораго 4 вершка, а во второмъ—5 и даже 2½, длина каменнаго бруска каждаго рода 8—10 вершковъ; при 300 рабочихъ въ мѣсяцъ можно изготовить 50,000 брусковъ.

Известковыя печи находятся близь городовъ Одессы и Николаева; каждая печь выжигаетъ до 3000 пудовъ извести.

Таково въ общихъ чертахъ положеніе одесскаго уѣзда.

Что касается свода оцѣночныхъ данныхъ, которыя въ главныхъ и важнѣйшихъ цифрахъ уже приведены нами выше, то мы его опускаемъ. **И Каманинъ.**

Историко-статистическое описаніе города Мглина черниговской губерніи, въ связи съ церковно-археологическимъ обзоромъ священныхъ достопамятностей этого края (?) со времени первоначальнаго его заселенія. Съ приложеніемъ историческаго очерка мѣстечка Почепа. Съ гербомъ и 2-мя чертежами г. Мглина XVII—XVIII столѣтій. Составилъ И. Токмаковъ. Кіевъ. 1888. 8°. 119 стр.

На томъ основаніи, что лѣтописное свѣдѣніе о г. Мглинѣ въ первый разъ встрѣчается въ 1387 г., мглинцы возымѣли мысль отпраздновать пятисотлѣтній юбилей своего города. Къ этому юбилею и было заказано городомъ настоящее описаніе. Заказано оно было г. Токмакову, какъ кажется, одному изъ чиновниковъ московскаго главнаго архива мин. ин. дѣлъ.—Авторъ говоритъ, что описаніе имъ составлено „на основаніи точныхъ документовъ и рукописей государственныхъ архивовъ и библіотекъ, а равно археографическихъ и библіографическихъ данныхъ.“ Несмотря на такое громкое указаніе источниковъ, описаніе г. Токмакова немного чѣмъ полнѣе отъ историческаго очерка Мглина, напечатаннаго въ книгѣ „Городскія поселенія въ Россійской Имперіи“, изданной около 30-ти лѣтъ назадъ мин. внутр. дѣлъ. Г. Токмаковъ лишь нѣсколько распространилъ указанный перечень событій внѣшней исторіи этого сѣренькаго городка черниговской губерніи.—Указываемый въ заголовкѣ книжки „обзоръ священныхъ предметовъ края“ заключаетъ въ себѣ рядъ выписокъ изъ книги архіеп. Филарета.—Начавъ обзоръ этотъ съ Аскольда и Дира (стр. 27), и посвятивъ затѣмъ четыре страницы этнографическому очерку лѣтописныхъ сѣверянъ, которые были погружены во мракѣ язычества,“ авторъ „изъ общаго обзора христіанскаго просвѣщенія въ этой мѣстности“ отмѣчаетъ „не вдаваясь въ подробности,“ что „ревностію *архіепископа черниговскаго Лазаря*, мглинскій Воскресенскій храмъ, съ 1632 г. уніатскій, возвращенъ православію.“ А затѣмъ въ рядъ, приводитъ—„отзывъ Иродіона Жураковскаго, архіепископа черниговскаго, *къ гетману Богдану Хмель*

ницкому 1729 г., о духовенствѣ того времени."—Извѣстно, что Лазарь Барановичъ поставленъ былъ черниговскимъ епископомъ только въ 1657 г., 37-ми лѣтъ отъ роду. Извѣстно также, что Иродіонъ Жураковскій, епископствовавшій въ Черниговѣ съ 1722 по 1733 г., не могъ быть современникомъ Хмельницкаго... Затѣмъ „общій обзоръ" наполняется сплошными выписками изъ Филаретовскаго „Описанія черниговской епархіи," [1]) при чемъ г. Токмаковъ и въ примѣчаніяхъ повторяетъ Филаретовскія же ссылки на разнаго рода источники, ни слова не говоря, что это ссылки чужія... Указавъ затѣмъ въ одномъ примѣчаніи (стр. 38) на „Описаніе черниговской епархіи", авторъ, продолжая и затѣмъ дѣлать сплошныя выписки изъ этой книги, уже ни слова не говоритъ объ источникѣ этихъ выписокъ, а лишь буквально повторяетъ Филаретовскія ссылки на источники... Заканчиваетъ свое „описаніе" г. Токмаковъ историческимъ очеркомъ г. Почепа, *буквально переписавъ* таковой изъ книги „Городскія Поселенія въ Рос. Имп." (т. VII, ч. I, стр. 408). Интересно, что списавъ слово въ слово этотъ очеркъ, источники къ нему г. Токмаковъ указываетъ однако же свои. Напр., при описаніи ссоры Скоропадскаго съ Меншиковымъ за Почепъ, г. Токмаковъ дѣлаетъ ссылку на книгу г. Барсукова „Родъ Шереметевыхъ" т. II, стр. 50, 85 и 454. Хотя на указанныхъ страницахъ этой книги о Почепѣ и говорится, но говорится о событіяхъ, не упоминаемыхъ въ разсказѣ о Почепѣ, взятомъ изъ книги „Городск. Посел." Видно, что г. Токмаковъ стр. 50, 85 и 454 тома II-го книги г. Барсукова просто списалъ изъ указателя, приложеннаго къ этому тому (см. его стр. 522)....

Въ приложеніяхъ къ описанію (стр. 63—119) помѣщено нѣсколько документовъ, изъ числа которыхъ только три говорятъ о Мглинѣ, а остальные относятся къ исторіи Почепа за время Меньшиковскаго имъ владѣнія. Въ числѣ документовъ помѣщена между прочимъ, „запись 1676 г. о размежеваніи земель, принадлежащихъ *Новымъ Млинамъ* и тамошнему дѣвичьему монастырю."—Запись эта имѣетъ въ виду нынѣ закрытый Кербутовскій дѣвичій монастырь, находившійся около сосницкаго мѣстечка Новыхъ Млиновъ, и внесена въ описаніе г. Мглина лишь по созвучію названій....

Просмотрѣвъ книжку г. Токмакова, приходится пожалѣть, что благая мысль мглинцовъ осуществлена такъ неудачно. **А. Л.**

[1]) Напр. стр. 36—52 изъ монографіи г. Токмакова составляютъ сплошную выписку изъ книги преосв. Филарета.

И. Каргопольцевъ. Путеводитель по Днѣпру и его порогамъ. Екатеринославъ 1888

Въ предисловіи г. Каргопольцевъ говоритъ, что „желаніе доставить путешественникамъ и судопромышленникамъ возможность имѣть всегда подъ рукой свѣдѣнія о р. Днѣпрѣ и его историческихъ окрестностяхъ, а во вторыхъ всѣ необходимыя справки и указанія, относящіяся къ судоходству по этой рѣкѣ, заставало насъ предпринять изданіе „Путеводителя по Днѣпру и его порогамъ". Не касаясь справочныхъ свѣдѣній, особенно необходимыхъ судопромышленникамъ, мы обратимъ вниманіе только на историческую и описательную части путеводителя, которыя составлены весьма неудачно. Въ книжкѣ напечатаны очерки: „Днѣпръ", „ Пристани и города, лежащіе по Днѣпру", „Историческія свѣдѣнія о селахъ, лежащихъ по порогамъ", „Бѣлоруссы",--принадлежащіе по всей вѣроятности, самому составителю; къ нимъ присоединены очерки и замѣтки, перепечатанныя изъ соч. Овсянникова, Рус. Художеств. Листка, Рус. Судоходства и др. И тѣ, и другія статейки нѣсколько скучны, а къ тому же самостоятельныя произведенія написаны тяжелымъ языкомъ. Мы думаемъ, что путешественники, немного знающіе исторію Днѣпровскаго бассейна, удивятся, когда прочитаютъ въ путеводителѣ г. Каргопольцева, что городъ Черкассы въ 1342 г. былъ назначенъ „гетманскою столицею, въ 1637 сожженъ первый разъ поляками, а въ 1663 году атаманомъ (?) Сошко (?)", что родиной Т. Шевченка составитель путеводителя считаетъ г. Каневъ и что „бѣлоруссы говорятъ старорусскимъ языкомъ, въ которомъ однакоже много словъ польскихъ" (стр. 262). Г. Каргопольцевъ любитъ *рѣдкостныя* слова и оригинальныя выраженія. Потемкинъ имѣлъ въ Кременчугѣ каменный дворецъ, „отъ котораго остался одинъ обширный (нынѣ городской) садъ". Описывая путь по Днѣпру, авторъ, не доѣзжая Кіева (отъ села Навоза), впадаетъ въ чувствительность и разсказываетъ, что вспоминается ему при осмотрѣ окружающихъ береговъ. И многое вспоминается г. Каргопольцеву... вспоминается между прочимъ и „вѣковая борьба православія съ католицизмомъ и злосчастной уніей, съ высокими свѣтлыми личностями этой кровавой эпохи" (стр. 120).

Г. Каргопольцевъ въ предисловіи ставитъ своею цѣлію дать „матеріалъ для чтенія въ долгіе, быть можетъ утомительные, часы

путешествія", но его матеріалъ для чтенія самъ по себѣ утомителенъ такъ, что путешественникъ можетъ развлекаться только разыскиваніемъ историческихъ и стилистическихъ курьезовъ въ путеводителѣ. Бо́льшія надежды путешественника останутся тщетными...

И. Ж.

Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій. Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Собралъ Лаврентій Похилевичъ. Кіевъ. 1887.

Г. Похилевичъ въ 1864 г. издалъ въ Кіевѣ „Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ въ кіевской губерніи," гдѣ по приходамъ, признаннымъ имъ болѣе устойчивымъ дѣленіемъ, сообщилъ историческія, статистическія и церковно-административныя свѣдѣнія о деревняхъ, селахъ, мѣстечкахъ и городахъ губерніи. Книга эта, удостоенная въ 1865 г. академіею наукъ малой уваровской преміи и сдѣлавшаяся теперь библіографическою рѣдкостью, служила и служитъ справочною книгою для всѣхъ, заинтересованныхъ прошлою жизнью нашихъ селъ, но сама по себѣ, какъ первый опытъ историко-статистическаго описанія кіевской губерніи,—губерніи богатой явленіями прошлой жизни, и къ тому же предпринятая исключительно однимъ лицемъ, и собиравшимъ сырой и печатный матеріалъ, и извлекавши изъ него для своихъ цѣлей все то, что признавалось имъ необходимымъ, заключала въ себѣ много недоговореннаго, отчего рѣдкому изъ читателей не бросалась въ глаза эпизодичность разсказа автора о многихъ мѣстностяхъ губерніи, о которыхъ разсказъ прерывается на сто и болѣе лѣтъ... Въ теченіи 25 лѣтъ, прошедшихъ со времени изданія „Сказаній о нас. мѣст. кіев. губерніи", появилась въ свѣтъ масса новаго печатнаго матеріала и г. Похилевичъ, не переставшій слѣдить за новостями въ литературѣ предмета, имъ разработаннаго, и ознакомившійся съ матеріаломъ сырымъ, не бывшимъ при изданіи его первой книги у него въ рукахъ, предпринялъ новое изданіе выпусками своего перваго труда, внося въ него и разрабатывая до того неизвѣстные ему факты, отчего въ новомъ изданіи онъ старался: 1) расширить и умножить историко-статистическія данныя, 2) опустить многія изъ тѣхъ подробностей, изображавшихъ положеніе церквей и духовенства, мѣсто которымъ въ мѣстныхъ церковно-періодическихъ изданіяхъ, 3) отмѣтить въ каждой населенной мѣстности результаты крестьянской,

реформы, т. е. опредѣлить размѣръ крестьянскихъ налоговъ и платежей за нихъ, количество выкупленной окончательно въ собственность земли, съ именами этихъ собственниковъ, и 4) прослѣдить всѣ измѣненія, происшедшія въ жизни селъ за послѣднія 25 лѣтъ, для чего онъ отмѣчаетъ перемѣну владѣльцевъ, увеличеніе народонаселенія, ростъ промышленной и заводской дѣятельности отдѣльно по каждой мѣстности,—задача весьма почтенная, увеличившая объемъ книги (для кіев. уѣзда съ 107 стр. на 155, для радомысл. уѣзда съ 81 стр. на 129) почти, что на 50% и заставившая автора выпускать свой трудъ не книгою, а отдѣльными выпусками. При выполненіи же своей задачи авторъ, хотя и даетъ около полутори сотни названій населенныхъ мѣстностей, не вошедшихъ въ прежнее его изданіе, но при этомъ забываетъ отмѣтить, составляютъ ли эти мѣстности новыя поселенія, или онѣ почему либо опущены были имъ при его первомъ изданіи; подобная отмѣтка была бы гораздо умѣстнѣе въ серьезной книгѣ, чѣмъ публицистическій задоръ въ отдѣлѣ „Указатель нѣсколькихъ предметовъ, выдающихся и болѣе интересныхъ для любознательнаго читателя;“ также точно показанія автора о приростѣ населенія, развитіи земледѣлія, промышленной и заводской дѣятельности населенія относятся къ настоящему положенію дѣлъ и не даютъ никакихъ данныхъ для сравненія съ прошедшимъ. Карты, приложенныя г. Похилевичемъ, составлены по Шуберту, между тѣмъ какъ мы имѣемъ лучшія и болѣе полныя карты, составленныя генеральнымъ штабомъ.

Отмѣтивъ такимъ образомъ болѣе видные недостатки труда г. Похилевича, мы тѣмъ не менѣе должны благодарить почтеннаго автора „Сказаній“ за то, что имъ сдѣлано для бытовой исторіи нашихъ селъ, и выразить надежду, что авось его трудъ на мѣстахъ вызоветъ людей, заинтересованныхъ прошлымъ своего роднаго села, заняться продолженіемъ и исправленіемъ труда г. Похилевича.

И. К.

Сѣверо-западный календарь на 1888 годъ. Изданіе газеты „Минскій Листокъ“. Минскъ 1888 г.

Редакція „Сѣверо-западнаго календаря“ задалась цѣлью пролить немного свѣта на Бѣлоруссію, заявивъ въ объявленіяхъ объ изданіи, что она стремится „пополнить давно уже ощущавшійся недостатокъ въ справочной книжкѣ, въ которой были бы сконцен-

трированы всѣ необходимыя свѣдѣнія для жителя сѣверо-западнаго края и въ которой онъ могъ бы, хотя приблизительно, познакомиться какъ съ прошлою, такъ и текущею жизнью той мѣстности, гдѣ ему приходится вращаться". Къ сожалѣнію, тутъ же въ продисловіи редакція заявляетъ, что задача эта не могла быть выполнена за $1^{1}/_{2}$ мѣсяца, въ теченіе которыхъ составлялся и печатался Календарь.

Впрочемъ, нѣкоторые отдѣлы, какъ напримѣръ, сельско-хозяйственный, коммерческій и юридическій, составлены вполнѣ добросовѣстно; хотя нѣкоторые изъ нихъ заимствованы, какъ, напр., сельско-хозяйственный отдѣлъ, составленный по „Календарю русск. сельск. хозяевъ", по „Памятной Книжкѣ" П. Калугина и по Лангеталю, что, не уменьшая, конечно, цѣнности этого отдѣла для пользующихся календаремъ, облегчило трудъ составителей.

Какъ особенно пріятное явленіе, отмѣтимъ приложенный редакціей къ каждому мѣсяцу календарь по народнымъ бѣлорусскимъ воззрѣніямъ. Народный календарь составленъ весьма полно (по страницѣ петита на каждый мѣсяцъ), живо и интересно; онъ рисуетъ взгляды бѣлоруссовъ на различныя времена года, праздники, указываетъ суевѣрія и обряды, связанные съ извѣстными днями года.

Статистическія свѣдѣнія, касающіяся собственно Бѣлоруссіи, помѣщаются всего на всего на трехъ страницахъ (99—101), изъ коихъ полторы заняты исчисленіемъ городовъ и мѣстечекъ съ показаніемъ числа ихъ жителей.

Составители „Сѣверо-западнаго календаря" упустили изъ виду одно важное обстоятельство: въ немъ совсѣмъ отсутствуетъ, хоть приблизительная, цифры чисто бѣлорусскаго населенія. Такимъ образомъ, календарь, издающійся спеціально для бѣлоруссовъ (вѣдь календарь нуженъ только для бѣлоруссовъ сѣверо-западнаго края: поляки, литовцы и евреи имѣютъ свои календари), вовсе не указываетъ количества бѣлоруссовъ. Между тѣмъ г. Карскій („Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи", стр. 13) насчитываетъ всего бѣлоруссовъ до 4 милліоновъ, если принять во вниманіе бѣлорусское населеніе смоленской губ., сувалкской и др. Кромѣ того, намъ кажется, что календарь долженъ былъ бы дать намъ свѣдѣнія о распространеніи народонаселенія по уѣздамъ, по вѣроисповѣданіямъ и національностямъ и вообще обставить вопросъ такъ, чтобы читатель могъ составить ясное понятіе о Бѣлоруссіи. При этомъ замѣтимъ, что редакція „Сѣверо-западнаго календаря" упустила изъ

виду то, что большая часть Смоленской губ населена бѣлоруссами. Такъ, по исчисленію М. Цебрикова, около 1860 г. бѣлорусское племя составляло 54% всего народонаселенія смоленской губ., или 600,678 душъ обоего пола [1]). По этому намъ кажется вполнѣ справедливымъ, чтобы редакція давала въ своемъ календарѣ свѣдѣнія и о смоленской губерніи.

Немного даетъ намъ „Сѣверо-западный календарь“ и о состояніи народнаго образованія; свѣдѣнія, помѣщенныя въ немъ по этому вопросу, крайне скудны, и притомъ ими неудобно пользоваться, такъ какъ редакція не подвела даже итоговъ.

Отдѣлъ о фабричной и заводской промышленности составленъ также поверхностно и скуденъ по содержанію. Вообще, было бы желательно встрѣтить въ слѣдующихъ изданіяхъ „Сѣв.-зап. календаря“ болѣе обстоятельныя статистическія данныя.

Перейдемъ теперь къ литературному отдѣлу „Сѣверо-западнаго календаря“. Въ общемъ онъ составленъ недурно, хотя по объему своему очень не великъ: стихотвореніе „Родной Бѣлоруссіи“, народная легенда „Божье наказанье“, разсказъ „Потапъ и Тереха“ и историческая статья „Изяславль и Туровъ“.

Стихотвореніе „Родной Бѣлоруссіи“ не можетъ быть названо удовлетворительнымъ. Болѣе интереса представляетъ разсказъ „Божье наказаніе“. Легенды такого рода существуютъ не только въ Бѣлоруссіи; онѣ извѣстны въ болгарскихъ, сербскихъ и великорусскихъ сказаніяхъ.

Разсказъ г. Лапно „Потапъ и Тереха“ не имѣетъ никакихъ литературныхъ достоинствъ и, если бы не было въ заглавіи надписи: „Изъ бѣлорусскихъ картинъ“ и нѣсколькихъ бѣлорусскихъ фразъ Потапа, то было бы трудно подозрѣвать, что авторъ хотѣлъ нарисовать картину именно бѣлорусскаго быта.

Гораздо больше имѣетъ для насъ интереса историческая статья „Сѣверо-западнаго календаря“, къ разбору которой мы сейчасъ и обратимся.

Редакція календаря сочла нужнымъ высказаться по поводу 900-лѣтняго юбилея крещенія Руси, выступивъ со статьей: „Изяславль и Туровъ—разсадники христіанства, основанные Владиміромъ св. въ нынѣшней Бѣлоруссіи“ А. Слупскаго. Статейка эта, излагаю-

---

[1] Матеріалы для географіи и статистики Россіи. Смоленская губерн. Спб. 1862 г. стр. 127.

щая краткую исторію названныхъ городовъ и ихъ современное положеніе, а также и народныя преданія, къ нимъ относящіяся, представляетъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ, хотя историческая ея часть не безъ крупныхъ промаховъ.

Такъ, авторъ утверждаетъ, что Изяславль, нынѣшній Заславь, мѣстечко минской губ., основанъ въ 986 году Владиміромъ св. для покинутой имъ супруги Рогнѣды и сына Изяслава. Между тѣмъ, мы рѣшительно не имѣемъ данныхъ утверждать, что Изяславль основанъ въ 986 году, да и вообще относить основаніе его къ какому либо опредѣленному году, и даже приписывать его Владиміру. Одна только Лаврентьевская лѣтопись говоритъ объ этомъ послѣ извѣстнаго разсказа о покушеніи Рогнѣды на жизнь своего мужа: „Владиміръ устроилъ городъ и далъ имъ (Рогнѣдѣ и Изяславу), и назвалъ этотъ городъ Изяславлемъ“ [1]). Но нужно замѣтить, что въ другихъ спискахъ вовсе не находится этого извѣстія, а въ самой Лаврентьевской лѣт. оно записано подъ 1128 годомъ, и, слѣдовательно, вовсе не указываетъ года построенія Изяславля. Да это противорѣчило бы и прямому свидѣтельству всѣхъ списковъ лѣтописей, въ которыхъ подъ 988 годомъ говорится, что Владиміръ, раздавъ сыновьямъ своимъ княженія, Изяслава посадилъ въ Полоцкѣ [2]). Слѣдовательно, Изяславъ княжилъ въ Полоцкѣ и ему, конечно, принадлежалъ Изяславль. Вѣрнѣе предположить, что Изяславль и былъ основанъ самимъ Изяславомъ, какъ оплотъ противъ Литвы.

Очевидно, г. Слупскій, помѣщая свою статью въ разбираемомъ календарѣ, не позаботился ознакомиться со всѣмъ лѣтописнымъ матеріаломъ по данному предмету. Кромѣ того у него крайне слаба критика нѣкоторыхъ данныхъ, вслѣдствіе чего онъ впадаетъ въ грубыя ошибки. Составленныя такимъ образомъ популярныя историческія статьи могутъ распространять въ обществѣ только ложныя понятія. При этомъ намъ кажется, что г. Слупскій допускаетъ иногда въ своей статьѣ нѣсколько фельетонныя выраженія, которыя не совсѣмъ гармонируютъ съ серьезной работой. Такъ, передавая разсказъ о принятіи Рогнѣдою монашества и не упоминая, что это только вѣроятное преданіе (извѣстіе это помѣщено только въ одной Тверской лѣт., стр. 112—113, въ формѣ, менѣе всего заслуживаю-

---

[1]) Лавр. л., изд. 1872 г. стр. 285.

[2]) Ипат. стр. 83; Тверская лѣт. стр. 113; Никоновская стр. 57 и др.

щей довѣрія), онъ приписываетъ ей даже мысли такого рода: „на предложеніе же бывшаго мужа креститься, по всей вѣроятности *увлекшись перспективою играть въ будущей жизни* (?!) *одну изъ первыхъ ролей*, отвѣчала ему"... и т. д.

Далѣе, авторъ приписываетъ Изяславлю слишкомъ значительную роль въ насажденіи христіанства въ древней Руси. Это не болѣе, какъ гипотеза автора. Скорѣе слѣдуетъ признать, что цѣль его основанія заключалась въ передовомъ постѣ на границахъ съ Литвой, на стражѣ дѣйствительно значительнаго въ то время Минска. Какъ бы доказательствомъ этому служитъ большое число селеній, напоминающихъ своими названіями пограничныя укрѣпленія: къ сѣв.-вост. отъ него мы находимъ по дорогѣ, ведущей къ Логойску, *Городокъ* на р. Вячѣ, *Городокъ* на р. Усяжѣ; къ западу отъ него мы находимъ *Кривичи* и *Городокъ* на Нѣманской Березинѣ, мѣст. виленской губ., къ югу—Рубежевишки и т. д. [1]).

Фактически извѣстно, что Изяславъ, Брячиславъ и Всеславъ преемственно княжили въ Полоцкѣ, а Изяславль, какъ удѣльный городъ, является не ранѣе 1101 года, послѣ смерти Всеслава, но лѣтописи упоминаютъ о немъ, какъ объ удѣльномъ городѣ, только въ 1127 году (Лавр., стр. 283) и затѣмъ подъ 1159 г. (Ипат. 340). Такимъ образомъ, когда Изяславль выступаетъ, какъ удѣльный городъ, христіанство уже распространилось на Руси.

Къ сожалѣнію, и та часть статьи г. Слупскаго, въ которой онъ говоритъ о Туровѣ, не лишена нѣкоторыхъ крупныхъ недостатковъ. Говоря о прибытіи въ Туровъ къ Святополку Владиміровичу епископа колобрежскаго Рейнберна съ дочерью Болеслава Храбраго, авторъ невѣрно смотритъ на характеръ его дѣятельности: миссія Рейнберна скорѣе была политическая, чѣмъ религіозная.

---

[1]) Кромѣ того замѣтимъ, что около Заславля по всѣмъ направленіямъ расположены группы кургановъ; рядъ ихъ идетъ по направленію къ юго-вост. черезъ Минскъ по рѣкѣ Свислочи, Березинскому притоку; особенно въ большемъ числѣ курганы группируются около слѣд. мѣстностей по Свислочи: около Заславля, Минска, дер. Замостичья, м. Смиловичъ, Новоселокъ, Блона, Лапичъ, Изборска и др. Затѣмъ послѣдовательныя группы ихъ тянутся по Березинѣ до Днѣпра, и далѣе внизъ по теченію Днѣпра. Такимъ образомъ послѣдовательный рядъ кургановъ какъ бы указываетъ путь изъ Кіева на границу съ Литвой въ Изяславль, а попадающіяся между курганами городища—на укрѣпленія пути. Вышеизложенныя свѣдѣнія мы почерпнули изъ археологической карты минск. г. Татура, еще не вышедшей въ печати и хранящейся при минскомъ статистическомъ комитетѣ.

Несмотря на эти недостатки, статья г. Слупскаго содержитъ много интересныхъ подробностей относительно преданій, сохранившихся въ народѣ, о древнихъ временахъ Турова и Изяславля, о курганныхъ раскопкахъ и археологическихъ находкахъ около послѣдняго, и вообще читается съ интересомъ.

Резюмируя все вышесказанное объ изданіи „Сѣв.-зап. календаря“, мы повторяемъ, что мысль, положенная редакціей въ основаніе изданія, весьма симпатична; если нѣтъ достойныхъ періодическихъ изданій въ Бѣлоруссіи, то и простой календарь, хорошо обставленный, можетъ быть весьма полезенъ. Но содержаніе „Сѣверо-западнаго календаря“ за настоящій годъ, въ особенности статистическій его отдѣлъ, весьма слабо и требуетъ многихъ улучшеній.

М. Запольскій.

Русская военная сила. Очеркъ развитія выдающихся военныхъ событій отъ начала Руси до нашихъ дней. Составлено обществомъ офицеровъ Генеральнаго Штаба въ Москвѣ. I—II. 141. Выпускъ I. До-монгольскій періодъ. М. 1888 г.

Разбираемая брошюра составляетъ I-й выпускъ большаго труда, имѣющаго появиться въ свѣтъ постепенно. Этотъ выпускъ заключаетъ въ себѣ предисловіе и три главы: 1) Славяне и другіе народы, жившіе въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, 2) Русь.—Призваніе варяговъ.—Рюрикъ.—Походъ Аскольда и Дира въ Византію.—Княженіе Олега и его войны, 3) Военное дѣло на Руси съ половины IX столѣтія до нашествія монголовъ—въ первой четверти XIII вѣка. Въ своемъ предисловіи составители высказываютъ мотивы, побудившіе ихъ принять на себя трудъ составить исторію русской военной силы и русскаго оружія. „Такого рода трудъ, говорятъ они, именно теперь, казалось бы, долженъ представлять всеобщій интересъ въ виду того, что современная военная сила всякаго государства выражается не въ обособленной арміи, а въ цѣломъ вооруженномъ народѣ, такимъ образомъ въ наше время всякій русскій долженъ считать себя частицей военной силы Россіи и неизбѣжно интересоваться какъ самымъ военнымъ дѣломъ, такъ и его исторіею“. Предполагается издавать этотъ трудъ отдѣльными выпусками, которые постепенно охватятъ: 1) періодъ княжескій—до монгольскій, 2) монгольскаго ига и начала московскаго государства, 3) царскій періодъ, 4) регу-

лярная армія при императорахъ и 5) новѣйшее время—всеобщая воинская повинность. „Разсматривая же устройство военной силы, продолжаютъ составители, нельзя не касаться и важнѣйшихъ событій военной исторіи, почему въ настоящемъ трудѣ будутъ помѣщены также очерки наиболѣе выдающихся войнъ и походовъ". Вслѣдствіе сказаннаго и первый выпускъ „Русской военной силы" распадается на два отдѣла: историческій, заключающій въ себѣ краткій очеркъ военной исторіи Руси отъ зарожденія государства и кончая княженіемъ Мономаха, и спеціальный, содержащій описаніе оружія, боевой тактики и военныхъ силъ Руси и т. д. въ до монгольскій періодъ ея исторіи. Каждый изъ этихъ отдѣловъ распадается еще на нѣсколько мелкихъ подраздѣленій, имѣющихъ особыя заглавія. Изданіе снабжено исторической картой древней Руси и нѣсколькими рисунками въ текстѣ.

Очеркъ военной исторіи русскаго государства, при всей своей краткости, можетъ быть названъ удовлетворительнымъ. Событія передаются живо, такъ что книжка читается очень легко и можетъ возбудить интересъ среди читающей публики. Конечно, тому, кто болѣе или менѣе интересуется исторіей русскаго народа, факты, сообщаемые въ первой части разбираемаго труда, извѣстны уже изъ другихъ историческихъ сочиненій, но за то читатель найдетъ во второмъ отдѣлѣ работы составителей „Военной русской силы" сгруппированныя данныя о древнемъ русскомъ оружіи, о русскомъ войскѣ, данныя, разбросанныя въ различныхъ трудахъ историковъ. Разбираемый трудъ, издаваемый съ цѣлью ознакомить общество съ прошедшимъ русской военной силы, есть трудъ популярный, представляющій собой удачную компиляцію изъ ученыхъ историческихъ сочиненій, но не могущій, конечно, претендовать на значеніе труда научнаго. Въ концѣ книжки приложенъ „Указатель сочиненій, служившихъ источниками при составленіи очерка". Изъ просмотра этого „Указателя" обнаруживается полное отсутствіе источниковъ первой руки и даже нѣкоторая случайность въ подборѣ пособій. Мы находимъ тутъ трудъ Дорна „Каспій" и вмѣстѣ съ тѣмъ не видимъ статьи Григорьева, извѣстнаго русскаго оріенталиста, „О походахъ руссовъ на Востокъ". Составители трактуютъ о Литвѣ, но совершенно выпустили изъ вида спеціальный послѣдній трудъ профессора В. Б. Антоновича „Очеркъ исторіи В. Кн. Литовскаго". Въ „Указателѣ" показано „Извлеченіе изъ лѣтописи Яхьи Антіохійскаго"—источникъ, почти ничего не дающій для исторіи русской военной силы, но со-

вершенно отсутствуютъ сборники арабскихъ извѣстій Гаркави, Хвольсона и др., которые могли бы дать составителямъ гораздо. больше матеріала по интересующимъ ихъ вопросамъ. Извлеченіе изъ лѣтописи Яхьи Антіохійскаго—это единственный источникъ первой руки, которымъ воспользовались составители. Но выборъ этого источника и упущеніе болѣе важныхъ и идущихъ къ дѣлу показываетъ вполнѣ всю случайность ихъ выбора и отсутствіе предварительнаго знакомства съ ними. Замѣчательно, что краеугольный камень древней русской исторіи—лѣтопись—оставленъ въ полнѣйшемъ пренебреженіи. Составители нѣсколько разъ указываютъ на нее, говорятъ, что о томъ то и объ этомъ повѣствуютъ наши лѣтописи, такъ что можно было бы подумать, что составители знакомы съ этимъ важнѣйшимъ источникомъ, хоть и не выставили его въ своемъ „Указателѣ", но, къ несчастью, обнаруживаютъ противъ своей воли, конечно, полнѣйшее незнакомство съ лѣтописью, да вмѣстѣ съ тѣмъ и съ самымъ общеизвѣстнымъ и замѣчательнымъ литературнымъ памятникомъ древней Руси—со „Словомъ о полку Игоревѣ". На стр. 113 составители говорятъ: „въ *Словѣ о полку Игоревомъ*", напримѣръ, ясно обозначены всѣ эти шесть частей боеваго порядка, описываемаго слѣдующимъ образомъ: „И изрядиша (русскіе) полковъ 6: Игоревъ полкъ середе, а по праву Всеволожъ, а по лѣву Святославль, на передъ сынъ Володимерь и другой полкъ Ярославль, а третій на передѣ-же стрѣльцы, иже бяху отъ всѣхъ князей выведены"... Кто хоть немножко знакомъ со „Словомъ о полку Игоревѣ", сразу почувствуетъ, что тутъ языкъ не „Слова", и кто хоть разъ пробѣгалъ этотъ литературный памятникъ, тотъ скажетъ, что такихъ прозаическихъ подробностей, какъ перечисленіе полковъ, въ немъ быть не можетъ. На стр. 114 мы опять находимъ: „Въ томъ-же „*Словѣ о полку Игоревомъ*" говорится"... и далѣе снова идетъ цитата, якобы изъ этого памятника. Но рекомендуемъ желающимъ раскрыть Ипатьевскую Лѣтопись, изданіе Археографической Коммиссіи 1871 года, на стр. 431 и 432 и убѣдиться, что все приписываемое составителями „Слову о полку Игоревѣ" и будто бы взятое ими оттуда, находится только въ лѣтописи и ничего общаго съ содержаніемъ „Слова" не имѣетъ.

Слабое знакомство съ источниками первой руки, полная случайность выбора пособій и нѣсколько поспѣшное и невнимательное, какъ мы только что видѣли, пользованіе ими (пособіями, а не источниками первой руки, съ которыми, какъ показываетъ вышеприве-

денный фактъ, составители совсѣмъ незнакомы)—все это неминуемо должно было приводить къ неточностямъ, мелкимъ ошибкамъ и даже къ пробѣламъ какъ въ первомъ, такъ и во второмъ отдѣлѣ труда. Не можемъ не указать въ подтвержденіе нашихъ словъ на слѣдующіе два факта. Въ разсказѣ о дѣятельности Святослава составители въ числѣ разоренныхъ имъ городовъ въ Хазаріи ставятъ Козеронъ и Итиль. Города Козерона не было, а былъ Казеранъ, при чемъ это не два отдѣльные города, а первый есть часть втораго, именно западная, гдѣ было мѣстопребываніе хазарской царицы со всѣмъ ея штатомъ; кромѣ того тутъ же жили купцы-магометане, евреи, русскіе и славяне. Затѣмъ составители упоминаютъ половецкаго хана Шурагана. Но такого хана не было, а упоминается и въ лѣтописи, и въ „Словѣ о полку Игоревѣ" ханъ Шарукань, или Шарукъ. Подобныя неточности можно объяснить лишь нѣкоторою поспѣшностью работы, такъ какъ въ тѣхъ пособіяхъ, которыми пользовались составители разсматриваемаго труда, такихъ погрѣшностей нѣтъ. Несомнѣнно, изъ двухъ отдѣловъ, на которые распадается книга, болѣе тщательной обработкой отличается отдѣлъ спеціальный. Но и здѣсь, какъ и въ первой части, составители находились въ полной зависимости отъ своихъ пособій и не могли критически отнестись къ сообщаемымъ ими даннымъ, не имѣя подъ руками источниковъ первой руки. По нашему мнѣнію, приступая къ спеціальной части своего труда, составители должны были познакомиться съ лѣтописью, какъ почти единственнымъ и богатымъ источникомъ для исторіи русскаго оружія и военной тактики. Если бы составители прочли лѣтопись съ картой въ рукѣ, то передъ ними открылось бы много интересныхъ стратегическихъ вопросовъ, ускользнувшихъ теперь совершенно отъ ихъ вниманія. При знакомствѣ непосредственномъ съ лѣтописью составители остановились бы съ бо̀льшимъ интересомъ на войнахъ удѣльнаго періода, во время которыхъ выполнялись иногда важные стратегическіе планы.

П. Голубовскій.

Wlad. Lozinski, Przekupien Lwowski w XVII wieku (Kwart. Histor. Zeszyt III, 1888).

Въ рукописномъ отдѣлѣ библ. Оссолинскихъ во Львовѣ подъ № 2111 находятся записки львовскаго торговца Петра Кунащука. Не заключая въ себѣ никакихъ почти историческихъ свѣдѣній,

записки эти однако любопытны въ томъ отношеніи, что иллюстрируютъ намъ бытъ и занятія южнорусской мѣщанской семьи средней руки. Въ сущности, если хотите, это даже не записки, а просто приходо-расходная книга аккуратнаго человѣка, до того погруженнаго въ финансовыя операціи и настолько привязаннаго къ злотому, что и самыя родственныя отношенія свои онъ оцѣниваетъ на деньги.

Кунащукъ русскій и православный; но въ религіозномъ и политическомъ отношеніи это человѣкъ совершенно индифферентный. Записки писаны имъ по польски, лишь изрѣдка попадаются въ нихъ русскія фразы или поговорки. Послѣднее обстоятельство дало случай г. Лозинскому, излагающему содержаніе данныхъ записокъ, распространиться на счетъ значенія польской культуры и преимуществъ ея предъ русской. Но если такіе люди, какъ Петръ Кунащукъ, легко ополячивались, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; индифферентный по всему, кромѣ наживы (изъ дальнѣйшаго мы увидимъ, что главное занятіе Кунащука было ростовщичество), онъ принадлежалъ къ тому разряду людей, которые за злотый готовы были продать и вѣру, и народность. Утратѣ такихъ людей можно только радоваться, а привлеченіе ихъ въ свою среду не великая честь.

Начавъ торговое дѣло съ самыми незначительными средствами, Петръ Кунащукъ въ теченіи двухъ десятковъ лѣтъ всякими правдами и неправдами составилъ себѣ порядочное состояніе, пріобрѣлъ даже домъ на Галицкой улицѣ (во Львовѣ) за 7800 зл. Хотя главный предметъ его торговли было полотно, но онъ понемногу торговалъ всѣмъ чѣмъ попало, книгами, металлическими издѣліями и пр. Въ счетахъ его сохранилась цѣна разныхъ книгъ, преимущественно русскихъ богослужебныхъ: такъ *охтоихъ* шелъ по 20 и 15 зл., молитвенники по 2 зл., шестодневъ по 8 и 6 зл. 15 гр., псалтирь по 5 зл., полуставъ по 5 зл., часовникъ 1 зл. 20 гр., номоканонъ 2 зл. 24 гр., служебникъ 9 и 10 зл., требникъ 9 и 5 зл., азбуковникъ по 30 и 24 гр., трефолой по 28, 29 и 30 зл., часословъ 8 и 9 зл., Бесіды св. Макарія по 3 зл. 15 гр.

Изъ металлическихъ издѣлій Кунащукъ торгуетъ колоколами и пушками. Но не торговля составляла главное занятіе его и не торговлей онъ обогатился. Главное его занятіе — ростовщичество.

Деньги онъ отдаетъ только подъ вѣрное обезпеченіе, преимущественно подъ драгоцѣнныя вещи; въ этомъ отношеніи онъ не дѣлаетъ исключенія ни для кого; даже братствамъ церковнымъ онъ занимаетъ не иначе, какъ подъ залогъ, и въ числѣ закладовъ у него не мало церковныхъ вещей. Даже отъ родной дочери онъ беретъ залогъ. Проценты онъ беретъ чисто жидовскіе—не менѣе 26%, но порою до 50 и даже 86%.

Привычка цѣнить все на деньги до того вошла у него въ плоть и кровь, что даже собственныхъ дѣтей онъ, какъ товаръ, оцѣниваетъ на деньги, т. е. тщательно вычисляетъ, во сколько обошлось ему воспитаніе и обученіе каждаго изъ нихъ. Такъ, отмѣчая день смерти одной изъ своихъ дочерей, онъ подводитъ итогъ всей суммы, въ которую ему обошлось ея воспитаніе, замужество и погребеніе—3000 зл. 26 гр.

Кунащукъ имѣлъ двухъ дочерей и 3 сыновей. Дочерей повыдавалъ замужъ, повидимому, за ремесленниковъ или торговцевъ, такъ какъ за одного изъ зятей онъ платитъ въ цехъ, а другому даетъ полотна для торговли.

Мы находимъ въ его запискахъ весьма подробное перечисленіе всѣхъ вещей, данныхъ имъ въ приданое за дочерьми, съ точнымъ обозначеніемъ цѣны каждой вещи—хорошій матеріалъ для исторіи цѣнъ XVII в.

Не такъ легко было ему пристроить сыновей, особенно двухъ младшихъ; въ отличіе отъ своего болѣе нежели практическаго папаши, это были гуляки и пропойцы. Множество разъ отецъ снабжаетъ ихъ всѣмъ необходимымъ и отправляетъ то въ науку, то на заработки, но каждый разъ они возвращаются обратно, чуть не нагіе и босые, прокутивъ все, данное имъ отцемъ. Особенно много хлопотъ и денегъ стоилъ ему, повидимому, наиболѣе любимый изъ сыновей Янъ, на котораго онъ возлагалъ особенныя надежды и для котораго нанималъ даже учителей русскаго и латинскаго языка. Испытавъ множество разнообразныхъ профессій, этотъ сынъ-гуляка, стоившій отцу цѣлыхъ 1120 зл. и 16 гр., поступилъ наконецъ въ солдаты, но и тамъ не удержался, вернувшись по прежнему оборванцемъ къ отцу. Другой изъ его забулдыгъ-сыновей окончилъ свою разгульную жизнь въ монастырѣ.

Такимъ образомъ Кунащукъ мало видѣлъ утѣшенія въ дѣтяхъ; въ концѣ жизни онъ имѣлъ еще несчастье испытать, какъ одна изъ его невѣстокъ, поселившись въ его домѣ, хозяйничаетъ въ немъ, какъ въ своемъ, и обдираетъ ослабѣвшаго старика.

Таково вкратцѣ содержаніе записокъ Петра Кунащука (1663—1696), изъ которыхъ г. Лозинскій извлекъ почти все существенное.

И. Л.

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Замѣтка о старыхъ рукописныхъ пѣсенникахъ.

Люблю я иногда порыться въ семейномъ архивѣ какого нибудь сельскаго батюшки, дьячка, писаря, мелкаго помѣщика, или даже деревенскаго грамотѣя въ сермягѣ. Я не могу равнодушно видѣть запыленную, засаленную, истрепанную тетрадь изъ толстой синей бумаги, чтобы не перелистовать ее отъ начала до конца. Особенное же пристрастіе я питаю къ тетрадкамъ со стихами. Эти тетрадки, имѣющія часто весьма курьезный видъ, представляютъ ничто иное, какъ семейные литературные альбомы, и рѣдкая семья, принадлежащая къ означенному кругу людей, къ такъ называемой деревенской интеллигенціи, не имѣетъ такой завѣтной тетрадки. Переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, эти альбомы часто мѣняютъ свою физіономію и свой объемъ. Каждое поколѣніе, каждая эпоха вноситъ туда что нибудь свое, налагаетъ свой отпечатокъ, что легко можно замѣтить, если только тетрадь болѣе или менѣе значительнаго объема. Мнѣ кажется, что если бы собрать коллекцію такихъ альбомовъ изъ одной какой нибудь области за извѣстный періодъ времени, то изученіе ихъ могло бы дать не безъинтересную страничку для исторіи данной области, а можетъ быть и всей страны, — такъ много бываетъ любопытнаго, забавнаго, а иногда и поучительнаго въ этихъ тетрадкахъ! Особенно, конечно, любопытны могутъ быть тѣ изъ упомянутыхъ тетрадокъ—альбомовъ, гдѣ сильнѣе отражаются разнородныя вліянія, смѣна которыхъ всегда соотвѣтствуетъ тѣмъ или другимъ историческимъ фактамъ. Одной изъ интереснѣйшихъ въ этомъ отношеніи частей нашего отечества можетъ считаться наша западная окраина, гдѣ историческія перемѣны такъ часто слѣдовали одна за другою, и разнородныя вліянія оставляли по себѣ такіе

глубокіе и неизгладимые слѣды въ жизни народа матеріальной и духовной. Поэтому, если вы заглянете въ какую нибудь старую тетрадь стиховъ, написанную гдѣ нибудь на Волыни или въ Бѣлоруссіи, то тамъ вы найдете ту же пестроту, какая наблюдалась и въ жизни соотвѣтствующаго періода времени: польскій, малорусскій, великорусскій и другіе элементы укладываются иногда здѣсь въ самую причудливую мозаику подъ руками семинаристовъ, разныхъ другихъ студіозусовъ, военныхъ и т. п. людей. Иногда, взявши въ руки такую рукопись, вы сразу угадываете, кто былъ ея составителемъ по своему общественному положенію, по своимъ занятіямъ. Но это возможно только тогда, если черезъ всю рукопись можно прослѣдить ту идею, какая руководила составителемъ, что далеко не всегда удается. Обыкновенно среди невообразимой пестроты подобныхъ сборничковъ нельзя подмѣтить ничего объединяющаго, и составленіе ихъ обусловливалось, очевидно, чистою случайностью. Не всегда даже проводится строгая грань между духовными стихами и свѣтскими: тѣ и другіе слѣдуютъ одни за другими въ перемѣшку. Здѣсь вы встрѣтите и базиліанскій стихъ, выписанный изъ „Богогласника“ почаевскаго, и польскую пѣсню изъ ченстоховской „кантычки“, и гимнъ Костюшку, и „Боже царя храни“, и стихи Пушкина и другихъ поэтовъ русскихъ и польскихъ, и народную пѣсню. Среди этой массы матеріала, перенесеннаго цѣликомъ или изъ общеизвѣстныхъ печатныхъ источниковъ, или изъ народныхъ устъ, случается натолкнуться и на нѣкоторые опыты самостоятельной, оригинальной работы: на какую нибудь пародію, подражаніе, сатиру или даже элегію хотя бы по названію, которое такъ и обозначено въ заголовкѣ, напоминая собою классическую надпись подъ дурнымъ рисункомъ: „Се конь, а не собака“. Въ прежнее время я имѣлъ возможность просматривать большое количество подобнаго матеріала, но, къ сожалѣнію, я тогда ограничивался лишь удовлетвореніемъ своего любопытства, не придавая этому особеннаго значенія и не задаваясь иными цѣлями. Теперь же, когда я иначе смотрю на это дѣло, у меня нѣтъ подъ рукою достаточнаго матеріала, чтобы можно было полнѣе обслѣдовать этотъ вопросъ. Я выдѣлю въ немъ только два-три пункта, чтобы яснѣе указать на его важность. Во-первыхъ, при разсматриваніи книжечекъ, о которыхъ мы говоримъ, является общая мысль о степени взаимодѣйствія двухъ элементовъ, русскаго и польскаго, на нашей западной окраинѣ. Конечно, на основаніи однихъ только этихъ матеріаловъ нельзя высказывать окончатель-

наго сужденія въ этомъ отношеніи; но все таки и эти сборники пѣсенъ и стиховъ могутъ до извѣстной степени указать намъ, какъ упомянутые элементы уживались другъ съ другомъ, когда и гдѣ замѣчалось преобладаніе одного изъ нихъ, съ какого времени началось ослабленіе одного и усиленіе другаго, и т. п. Во-вторыхъ, не безъинтересно обратить вниманіе на встрѣчающіяся въ этихъ сборникахъ народныя пѣсни. Тутъ мы увидимъ прежде всего, что народныя пѣсни начали записываться гораздо раньше, чѣмъ обыкновенно думаютъ; а кромѣ того, иногда можно будетъ отмѣтить, какія измѣненія потерпѣла та или другая пѣсня въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, пока дожила до настоящаго времени. Бѣда только въ томъ, что большею частью въ подобныхъ тетрадкахъ нѣтъ точныхъ указаній, къ какимъ годамъ онѣ относятся; однако мнѣ извѣстны рукописи 1814, 1818 годовъ, и въ нихъ встрѣчаются народныя пѣсни не только польскія, но и малорусскія и даже великорусскія. Въ третьихъ, особенно интересны стихи самостоятельные, принадлежащіе самому составителю сборника или другимъ неизвѣстнымъ стихослагателямъ. Болѣе подробное изслѣдованіе этихъ литературныхъ альбомовъ или сборниковъ, можетъ быть, внесло бы въ исторію литературы, по крайней мѣрѣ мѣстной, два-три имени непризнанныхъ поэтовъ. Надо впрочемъ сказать, что обыкновенно эти оригинальные опыты бываютъ анонимны и, чувствуя хорошо, что данное стихотвореніе не народное, зная съ другой стороны, что оно не принадлежитъ какому нибудь извѣстному поэту, вы все таки не можете сказать, кто былъ его авторомъ и когда оно сочинено.

Изъ такихъ мѣстныхъ, непризнанныхъ поэтовъ мнѣ извѣстенъ нѣкто Шимонъ Гловинскій. Имя его, какъ составителя сборниковъ стихотвореній смѣшаннаго характера, выставлено на двухъ тетрадкахъ, доставленныхъ мнѣ изъ Волыни, а въ двухъ другихъ тетрадкахъ онъ упоминается, какъ авторъ нѣкоторыхъ стихотвореній. Во владиміро-волынскомъ уѣздѣ, откуда доставлены тетрадки, долго переходившія изъ рукъ въ руки, никто ничего не знаетъ о Шимонѣ Гловинскомъ, какъ передавалъ мнѣ г. Х. Симоновичъ, вывезшій оттуда эти рукописи. Въ самихъ же сборникахъ свѣдѣнія о его личности слишкомъ скудны. Изъ упомянутыхъ тетрадокъ первыя двѣ имѣютъ такія надписи на заглавномъ листкѣ: 1) Te Kantyczki z pieśniami światowemi są sporządzone i spisane dla zabawy *w Lubieszowie* w Roku 1814 przez Szymona Głowińskiego, Tom 1-szy. Названіе мѣстечка Любешова написано другой рукою на подчищен-

номъ мѣстѣ. 2) Te Kantyczki są własne Szymona Głowińskiego, zawierające w sobie różne pieśni dla zabawy i rozrywki, spisane R-u 1818, Tom 2-gi. И опять другою рукою и иными чернилами прибавлено; w miasteczku Lubieszowie [1]). Эти поправки, очевидно, не принадлежатъ составителю, такъ что остается не вполнѣ опредѣленнымъ, жилъ ли онъ дѣйствительно въ Любешовѣ и какъ долго. Равнымъ образомъ неизвѣстно, кто онъ былъ, чѣмъ занимался. Изъ другихъ тетрадокъ узнаёмъ только, что онъ родился около 1800 г., потому что въ одномъ стихотвореніи, написанномъ въ 1837 или 1838 г., онъ говоритъ, что до 38 лѣтъ ему жилось хорошо, а потомъ судьба его измѣнилась. Въ 1820 году онъ женился на Анастасіи, урожденной Дашкевичъ [2]), жилъ съ нею 16 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ; потомъ жена умерла, оставивъ ему шестеро дѣтей, въ томъ числѣ одного сына шести мѣсяцевъ. Утрату своей любимой жены онъ оплакалъ въ стихахъ на малорусскомъ и на польскомъ языкахъ. Въ одномъ изъ такихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ Pieśń po utracie żony najmilszej Anastazyi z Daszkiewiczów Głowińskiej napisana przez męża stroskanego Szymona pozostałego z sześciorgo dziećmi, 1837 roku, dnia 22 Marca, Головинскій описываетъ скорбь мужа и дѣтей объ утратѣ матери семейства. Мы приведемъ, для образца, 4 начальныя строфы этой пѣсни.

1. Коханеи ся [3]) осталы
Жены мужъ зъ дитмы, рыдалы:
„Ахъ, намъ 2. оплаканный свите!
Маты 2. вселюбезный цвите!

2 Мы тебе, маты, кохалы,
Зъ утихою проживалы:
Ныни 2. зъ тугы умираемъ,
Егда 2. тя не оглядаемъ.

3. Не такъ ся мы сподивалы
И тобою утишалы;
Мнилы 2. же чрезъ тебе, маты,
Будемъ 2. въ радосьць оплываты.

4. Теперъ зъ радосьць печалы,
Гды тя, маты, пострадалы,
Живя 2. мужъ зъ дытмы заблудны,
Вси дни 2. стаются намъ трудны.

Въ слѣдующемъ стихотвореніи авторъ заставляетъ умершую отвѣчать изъ гроба на его жалобы такимъ же количествомъ строфъ, построенныхъ по тому же образцу.

---

[1]) Любешевъ, иначе Любашево (также Новый Долыкъ) находится въ пинскомъ уѣздѣ минской г., на р. Стоходѣ, въ 70 верстахъ къ юго-зап. отъ Пинска и въ 20 приблизительно отъ границы волынской губ. (овруч. у.). Въ 17 вѣкѣ Любашево принадлежало князьямъ Дольскимъ и было деревнею, но уже съ 1693 г. стало называться мѣстечкомъ. Названныя „Кантычки“, слѣдовательно, были перенесены въ волын. губ. и прошли до самой западной ея границы (влад.-волын. у.).

[2]) По писцовымъ книгамъ б. Пинскаго и Клецкаго княжества эта фамилія (Daskyewicz) встрѣчается уже въ 1553 г. у пинскихъ мѣщанъ. Какой то Дашкевичъ Кипріанъ былъ товарищемъ Мицкевича, какъ это видно изъ посвященія къ „Дзядамъ“.

[3]) Въ подлинникѣ примѣнена польская транскрипція, которую мы замѣняемъ, употребляя ы вмѣсто игрека (кромѣ случаевъ послѣ шипящихъ и послѣ гласныхъ).—Я.

Odpowiedź nayukochańszey Żony.

1. Ахъ, мужу мой любезнійшій,
Въ тузи, смутку послидній шій!
Знаю 2. несчастну годыну,
Твою 2. котру терпышъ выну.

2. Зъ дитками позосталымы,
Которы суть нещастнымы
Еднакъ 2. при твоимъ фрасунку
Давай 2. имъ свого ратунку.

3. Бы знали Бога хвалыты
И зъ собою въ згоди житы,
А такъ 2. буде Богъ ласкавы,
Дастъ имъ 2. способъ житы въ слави.

4. Я зась любящая маты
Буду Бога вамъ благаты,
Бы вамъ 2. въ нещастливой доли.
Промыслъ 2. дававъ зъ своей воли.

Въ дальнѣйшихъ стихахъ умершая жена увѣщеваетъ мужа хранить и послѣ ея смерти супружескую вѣрность, говоритъ о невозможности возвращенія съ того свѣта и о необходимости покориться волѣ Божіей.

Языкъ этихъ „пѣсенъ“ волынскій, нѣкоторыя формы галицкія. Слогъ только въ иныхъ мѣстахъ тяжеловатъ и какъ будто изобличаетъ въ авторѣ лицо, близко стоявшее къ церкви. Размѣръ выдержанъ довольно правильно. Авторъ назвалъ первое стихотвореніе пѣснью, и они оба, дѣйствительно, предназначались для пѣнія, на что указываютъ и повторенія первыхъ двухъ слоговъ въ 3 и 4 стихахъ каждой строфы. Мы можемъ даже указать приблизительно напѣвъ, который имѣлся въ виду для этихъ пѣсенъ, а можетъ быть и дѣйствительно примѣнялся къ нимъ. Это, именно, польскій великопостный мотивъ пѣсни:

Jezu Chryste, Panie miły,
Baranku bardzo cierpliwy!
Wzniosłeś 2. na Krzyż ręce swoje
Za nie—2—sprawiedliwość moję i t. d.

Мотивъ этотъ былъ настолько распространенъ и у уніатовъ, что почаевскіе базиліане внесли его въ свой „Богогласникъ“, правда, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, примѣнивъ его тоже къ великопостной пѣснѣ (ч. I, № 41, изд. 1825 г.):

Уже декретъ подписуетъ,
Пилатъ судія всказуетъ
На крестъ 2 агнца неповинна,
Тебе 2. Творца непремѣнна! и т. д.

Этотъ жалобный мотивъ вполнѣ соотвѣтствовалъ плачу объ утратѣ дорогой жены.

Не останавливаясь на болѣе подробномъ разборѣ приведенныхъ стихотвореній, перейдемъ къ слѣдующимъ, помѣщеннымъ уже въ

другомъ сборникѣ смѣшаннаго характера. Онъ тоже неизвѣстно кѣмъ и когда составленъ. Сборникъ по внѣшнему виду совершенно похожъ на вышеупомянутыя „Кантычки“ Гловинскаго и писанъ разными почерками, но стихи Гловинскаго какъ будто написаны тою же рукою, что и вышеприведенные. Тутъ именно находимъ два стихотворенія его: одно малорусское (въ польской транскрипціи), другое польское. Первое озаглавлено

Pieśń [1]) *smutek rzewliwy po naymilszey Nastuni.*

1. Ахъ, пора приходыть по щасцю тужыты,
   Що свитъ не малы, мни нема зъ кимъ житы.
   Хоць бымъ пройшовъ цилый свитъ,
   Нема милой, щасця нитъ.
   Ахъ, бидный, ахъ бидный, бидный чоловикъ! [2])
2. До *тридцять осьмы* литъ добре мни було.
   А по тыхъ уже того нестало.
   Нестало мни не (=ни) ума,
   Едно, друго—всё туга... Ахъ, бидный, и т д.
3. По *сымнадцять* литёхъ житя зъ милею,
   Позоставъ зъ диткамы, зъ злею дoлею,
   Котореи першъ не знавъ,
   Теперъ ажъ надто познавъ...
4. Господарство и диты—моя сухота,
   Где-но повернуся—една трудната,
   Що милеи пострадавъ,
   Богъ житы зъ нею не давъ...
5. Давныи роскошы завше въ памяты,
   Которы згадавши, трудно стрыматы,
   Що нема вже Настуни,
   Найдрожшей жонуни...

Затѣмъ авторъ выражаетъ желаніе смерти, проситъ умершую молиться о счастьи для дѣтей и высказываетъ намѣреніе дожить въ чистотѣ свой вѣкъ.

Содержаніе и здѣсь, слѣдовательно, то же, что и въ двухъ предыдущихъ стихотвореніяхъ, только форма нѣсколько иная. Эта пѣсня, повидимому, написана позднѣе предшествующихъ и во всякомъ случаѣ не скоро послѣ смерти жены. Авторъ уже успѣлъ хорошо почувствовать недостатокъ женскихъ рукъ въ хозяйствѣ, и само это хозяйство пришло въ упадокъ. Свою прежнюю счастливую

[1]) Тутъ поставленъ значекъ, похожій на букву *v* (=vel?).

[2]) Примѣчаніе: Ten wiersz powtarza się za każdą strofą.

супружескую жизнь онъ называетъ „давными роскошами“, и вообще по прочтеніи этого стихотворенія не остается впечатлѣнія только что постигшаго горя.

Этой пѣснѣ предпослана писанная тою же рукою „элегія“ на польскомъ языкѣ, которая доказываетъ намъ, что Гловинскій владѣлъ и польскимъ стихомъ, при томъ гораздо искуснѣе, чѣмъ малорусскимъ. Изъ біографическихъ подробностей здѣсь между прочимъ видимъ болѣе точное указаніе на продолжительность жизни съ женою, именно 16 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ въ предыдущихъ стихотвореніяхъ была показана круглая цифра—17 лѣтъ. Окончаніе предпослѣдней строфы, какъ и нѣкоторыя мѣста изъ предыдущихъ стихотвореній, даетъ право думать, что у Гловинскихъ былъ фамильный склепъ. Что касается времени написанія этихъ стиховъ, то можно только указать на то, что о своей супружеской жизни авторъ и здѣсь вспоминаетъ, какъ о чемъ то давнемъ. Женился ли онъ вторично, не извѣстно; въ стихахъ онъ выражаетъ твердое намѣреніе сохранить до гроба вѣрность своей первой женѣ. То обстоятельство, что авторъ такъ напираетъ на свое нежеланіе жениться вторично, указываетъ на то, что по своему положенію онъ могъ бы жениться; отсюда слѣдуетъ, что онъ не былъ духовнымъ.

О степени дарованія Шимона Гловинскаго, конечно, трудно судить по этимъ стихотвореніямъ, хотя бы уже потому, что всѣ они написаны на одну и ту же тему. Очень можетъ быть, что ему принадлежатъ и еще нѣкоторыя стихотворенія, внесенныя въ его „Кантычкы“ и въ тѣ сборники, въ которыхъ встрѣчаются эти несомнѣнно ему принадлежащіе стихи; но, не имѣя на то прямыхъ указаній, не стану вдаваться въ предположенія и выдавать сомнительные стихи за его произведенія. Лучше укажу на тѣ народныя малорусскія пѣсни, которыя Гловинскій внесъ въ свои „Кантычкы“. Въ первой части (1814 г.) ихъ всего четыре, хотя сборникъ состоитъ изъ 70 нумеровъ, между которыми четыре великорусскихъ съ такими началами: 1) „Калина(у) съ малиной вода пойняла, на ту пору матушка меня родила“ и пр.; 2) „Нуте, русскіе солдаты, пойдемъ нѣмцевъ выручать“ (о 1813 годѣ); 3) „Я въ пустыню удаляюсь“ и т. д.; 4) „Прости, милая моя, ѣду въ дальніе края“. Остальные стихи всѣ польскіе, отчасти народные, отчасти искусственные; между ними сентиментальное произведеніе Княжнина „Laura i Filon“, дума о Жолкѣвскомъ (Za szumnym Dniestrem), извѣстные стихи „Jechał żołnierz borem lasem“, о которыхъ вспомнилъ и Мицкевичъ въ концѣ своихъ „Дзя-

довъ", „Nasz Kościuszko dobry był", тутъ же передѣлка малорусской пѣсни „У сусида хата била" (U sąsiada domek luby. Ср. Вацл. зъ Ол. 352); переводъ извѣстнаго стихотворенія „Звукъ унылый фортепьяна" (Dźwięku smutny fortepianu wyraź moją tęsknotę) и др. Малорусскія пѣсни привожу цѣликомъ; въ подлинникѣ онѣ написаны польскимъ шрифтомъ (между тѣмъ какъ великорусскіе—русскимъ, хотя и тою же рукою) и помѣщены въ разныхъ мѣстахъ сборника.

(№ 48).

1. Дивойко, рыбойко, чи по гори ходышъ?
   Ажежъ бачъ, гузарынъ, же не по долыни.
2. Дивойко, рыбойко, чи оришкы щиплешъ?
   —Ажежъ бачъ, гузарынъ, же не ягодойкы.
3. Дивойко, рыбойко, чи любышъ ты мене?
   —Ажежъ бачъ, гузарынъ, платочокъ у тебе.
4. Дивойко, рыбойко, чи пійдешъ за мене?
   —Ажежъ бачъ, гузарынъ, перснычокъ у тебе.
5. Дивойко, рыбойко, ходимо до шлюбу!
   —Ажежъ бачъ, гузарынъ, я твоя не буду...
6. И счернивъ, и стемнивъ, по гори ходячи,
   За тобою серце (мое) такъ бардзо тужачи.
7. Не черній, не теміній, не ходы за мною:
   Ты мни мужъ не будешъ, я тоби жоною.

Сюда же непосредственно присоединены слѣдующія строфы другой пѣсни:

1. Любылыся, кохалыся, насъ маты не знала,
   Не дай, Боже, розстатыся, якъ чорная хмара.
2. Любылыся, кохалыся, якъ братъ изъ сестрою,
   Не дай, Боже, розстатыся на вики зъ тобою.
3. Любылыся, кохалыся на часъ коротейкій,
   На дай, Боже, розстатыся черезъ ворожейкы!

Это варіаціи на тему: „Котылыся возы зъ горы". Ср., напр., В. зъ Ол. 353, Закревскій 71.

(№ 69).

1. Ой що жъ кому не сужоно, то не може буты,
   Ой треба намъ, серце мое, о соби забуты.
2. Хоць ты мини не сужаный, вольно тя кохаты,
   Ой що жъ кому любо, мыло, трудно занехаты.
3. Давъ жесь мому серцу волю, всемогущій Боже,
   За що жъ тее, що я жичу, статыся не може!

4. Нехъ на мене вси нещастя разомъ спадутъ зъ неба,
Мни зъ тобою розстатыся — бильшъ смутку не треба.
5. Кажутъ люде, судятъ люде, що я люблю кого,
Вшакъ же жъ и я серце маю: що жъ кому до того?
6. А я больше й не жадаю и много достатковъ (=ów),
Тылько тебе, мій мылейкій, и малую хатку.
7. А якъ тяжко серце тужыть за тобою, мылый,
Якъ згадаю, що мы зъ тобою завше ся любилы.
8. Въ ночи не сплю, день мни сумный, вся думка о тоби.
Житы буду я для тебе, мылосьць сконьчу въ гроби.

(№ 70).

1. Сусидо моя, сусидо близенька,
Красна, молода и принадобненька,
Не край очима, не кажы того,
Що ты надъ мене любышъ иншого.
2. Люблю, не люблю — що тоби пытаты?
Твоя ричъ мене вирно кохаты
Щожемъ завынылъ, що ты пытаешъ,
Чи ты надъ мене иншей не кохаешъ.
3. Не виру тоби, хоцяй прысягаешъ,
Що ты надъ мене иншей не кохаешъ;
Въ той часъ увиру, якъ намъ скажутъ
Клякнуты край прыстола и рученьки звяжутъ.
4. Дай же намъ, Боже, того дочекаты
Дня счастливого, щобы ся звинчаты:
Въ той часъ ся засмутятъ наши вси ворогы,
Всяки неправосты стопчемо подъ ногы.

Вотъ и весь малорусскій запасъ пѣсенъ, попавшихъ случайно въ I-ю часть „Кантычекъ“ Шимона Гловинскаго. Посмотримъ вторую часть, 1818 г. Въ ней изъ 50 нумеровъ только 17 польскихъ, а остальные русскіе (10) и малорусскіе (23). Никакой опредѣленной группировки пѣсенъ и здѣсь не существуетъ.

Интересно стихотвореніе, содержащее какъ бы *credo* поляковъ временъ Александра I и излагающее подробно тѣ надежды, съ какими обращалась тогдашняя Польша къ императору. Кому принадлежитъ это стихотвореніе, не могу сказать опредѣленно.

Изъ русскихъ пѣсенъ, которыя во 2-й части „Кантычекъ“ уже всѣ писаны русскими буквами, одна воспѣваетъ Суворова (№ 13).

Тучи темны, тучи грозны по-подъ небесамъ текуть,
Наши храбры гренадеры ко Измайлову идуть и пр.

Далѣе, двѣ-три солдатскія пѣсни довольно циничнаго содержанія; еще одна поетъ о купающейся пастушкѣ, которая, завидѣвъ подсматривающаго пастуха, хотѣла утонуть со стыда, но онъ ее вытащилъ и получилъ хорошую награду; есть и болѣе извѣстныя, напр., „Я вечоръ въ лугахъ гуляла“ (№ 38), „Соловей мой, соловей“ (№ 11). Есть и передѣлка извѣстной польской пѣсенки: „Córuś moja, dziecie moje, coś w komorze stuka“ [1]) (№ 29):

Наконецъ, отмѣчу слѣдующія четыре строфы сатирическаго содержанія; хотя онѣ перечеркнуты, но прочесть можно (pieśń 28):

1. Ахъ, монахъ съ думными очами,
Посмотри, что смерть за плечами!
Почто въ мирѣ ходишь,
Почто мисльми блудишь?
Ахъ монахъ!

2. Ахъ, монахъ, гдѣ твои обѣты,
Что клялся, мира не любить?
Гдѣ совѣсть, гдѣ вѣра,
Чтобъ не любить мира?
Ахъ монахъ!

3. Горлица, какъ друга лишится,
Во вѣки съ другимъ не парится:
На древахъ зеленихъ,
Цвѣтомъ украшенихъ,
Не сядетъ [2]).

4. Но лѣтыть на поля, на луги
И въ лѣсахъ шукай большой туги (?),
Чтобъ не возвратится,
Да вже не парится
Со другой.

Обращаясь къ малорусскимъ пѣснямъ этого сборника, я выпишу только то, что менѣе извѣстно.

Такъ, въ пѣснѣ „А въ сусида хата била“ есть такіе стихи:

А въ сусида хата била, а въ сусида жинка мыла,
А у мене ны хатынкы, ани жинкы, ны дытынкы...
А вже сусидъ коны мае, куды хоче поижджае,
А у мене ани коны, ани щастя, ани жоны...
Чи я роду докучаю, щасьця-долы тежъ не маю (?)
Чи такіи коны (кумы?) [3]) браны, щастя долы невгадалы...
Гей пійду я въ лисы—боры, шукаючы свои доли,
Ой стану я нарыкаты, свою долю проклынаты и пр.

Польское переложеніе этой пѣсни, какъ выше сказано, внесено въ 1 ч. „Кантычекъ“ Гловинскаго (№ 41).

Въ другой жалобѣ парня на бѣдность (Ахъ, я нещастный“) многое прибавлено сравнительно съ нынѣшними варіантами (напр.

---

[1]) Kolberg, Lud. IV, № 193—5, XII, № 365—8. Wojc. I, 113; срв. Чуб. V, 1188 № 3. Бесѣда 1872, XI, 42 и др.

[2]) Эта строфа перевед. съ польскаго: подлинникъ (Oj ty dziewczyno, ty moje kochanie) въ этой же рукописи:

Synogarlica, gdy pary pozbędzie, Tylko się tuła pod lada drzewiny,
Na zieloném drzewie nigdy nie usiędzie, Cożto za miłość kochać się w dziewczynie!.

[3]) Строфа съ упоминаніемъ кумовъ есть само собою въ рукописи.

Коципинск., 1 дек. № 1; В. зъ Ол. 325, 358; Чуб. V, 116, 252, 491), и въ этихъ прибавкахъ видно искусственное развитіе темы съ строго проведеннымъ діалогомъ. Привожу выдержки (№ 28):

Чтожъ бо я винёнъ, что въ мя гроши мало,
Ахъ чи-жъ тылько на мене такъ пало?
Колыбъ-но на мене, проклынавъ бы неба:
Чи-жъ то убогымъ сердца не потреба! [1])
Ахъ, мой хлопчыно, хоцяжъ ты убогы,
Колы тебе люблю, не дбай на ворогы,
А отець и маты того не докажутъ:
Кого не люблю, зъ тымъ рукы не звяжутъ.
Я нещастлывша, что мъ тя полюбыла,
Я того не знаю, чи я тоби мыла.
Скажу тоби правду, что нехочу гроши,
Бось ты у мене и безъ нихъ хороши.
Моя дивчино, знаю, что кохаешъ,
Жаднеи облуды въ соби не прымаешъ.
Любывъ бы мя отець, кохала бы маты,
Ахъ тольки нужда, что я небогатый!...
(*Она*). Безъ перестанку я соби думаю,
Ахъ что я тебе надъ жите кохаю;
Тольки скажи правду, чи ты мене любышъ,
Бо якъ не скажешъ, на вики загубышъ.
Я зарекуся передъ цилымъ свитомъ,
Что вирне любытыму во вики викомъ,
Поки буду житы, по тоби тужиты.
Иншой надъ тебе не буду любыты.
Не зарекайся иншой не любыты:
Ты безъ коханя не можешъ житы,
Забудешъ ты о мни, что я тоби мыла,
Ахъ я нещастна чтомъ тя полюбыла.
Пойду въ край пусты тамъ на мешкане,
Нарыкаючи на тое кохане,
Бо теперъ въ свиты тольки такымъ житы:
Хто мае гроши, то того любыты...
О Боже, Боже, глянь на серце мое:
Сколько ранъ въ серцу, а то все за тое,
Что я тебе люблю, дивчину одную,
За тобою въ свити жите оплакую.

Слѣдующая пѣсня (№ 5) еще яснѣе обнаруживаетъ фантазію неизвѣстнаго поэта на мотивъ извѣстной народной пѣсни:

---

[1]) Это строфа и 4-я поются, впрочемъ, съ варіантами въ полтавской губерніи (Чуб. V, 310).

a) Męzka.

Ой не свиты, мисячейку, теперъ для някого,
Тылько свиты въ мій куточокъ для мене бидного.
Свиты жъ мини, мисячейку, черезъ ночъ цилую.
Нехай пры твымъ свитли плачу за мою любую [2]).
Бувесь свидкомъ мого щасця, будзи теперъ плачу,
Ой, засвиты еще ясній, чи ей не зобачу.
А колы ей пры твымъ свитли вже биль̀ше не зочу,
Ой то зайды вже за хмару, бо я жить не хочу.
Булы тыи часы мылы, колы я кохався,
И веселый вразъ зъ милою къ тоби прыглядався,
А теперъ я нещаслывый самъ жію на свиты.
Хочай же ты ясно свитышъ, я не могу житы.
Але вже ты, мисячейку, зайшовъ за облоки:
Не мылы тя (ти) мои слезы, ны мій жаль глубоки.
Будь же здоровъ, мисячейку, зъ твоимы лучамы,
А я бидный ляжу спаты зъ моимы слёзамы.

b) Żeńska.

Вже ты зыйшовъ, мисячейку, вже зыйшлы и зоры,
Вже твымъ свитломъ освитылы долыны и горы.
Вже цилому свиту свитышъ твымы променямы,
А мене есь якъ покынувъ, такъ знайшовъ зъ слёзамы.
Чи ты всходышъ, мисячейку, свитышъ, чы заходышъ,
Мене бидну покыдаешъ, бидній̀шу знаходышъ.
Завше тужу нещастлыва, мучуся и плачу,
Бо противно всё нахожу и щасця не бачу.
Колы твои, мисячейку, луча освитылы
И того, кого я люблю, и хто мини мылы,
Скажи ёму мисячейку, що я всё вздыхаю,
А нымылыхъ и нывдячныхъ ривно проклынаю
Але вже ты, мисячейку, за гору змыкаешъ
И знову мя нещаслыву въ слёзахъ покыдаешъ.
Прошу жъ тебе, мисячейку, якъ взыйдешъ зъ зорою,
Прынесы мни покой, радосць, альбо смерть зъ собою.

Продолжительное, безуспѣшное ухаживаніе, на тему пѣсни „Заиздывъ коныка“ (Чуб. V, 116. Вацл. зъ Ол. 341) изложено довольно безпорядочно въ слѣдующемъ номерѣ (6) съ измѣненіями и добавленіями:

Теперъ мене берешъ красну молодую,
Красну молодую, на всимъ уродную;

---

[2]) Авторъ считаетъ строфу въ 4 стиха, съ повтореніемъ двухъ послѣднихъ, такъ что напѣвъ пѣсни, имѣющей такое же начало, сюда не подойдетъ.

Не дай же, Боже, недугы,
Ты не вдавайся до другыхъ.
Скарай мене, Боже, на гладкой дорози,
Колы я помыслю о иншой небози;
Скарай мя Боже на души,
Колы я помыслю о иншій.
Изъиздывъ коныка, изъиздывъ другого
До тебе, дивчыно, до тебе, небого:
Скажи правду, чи будешъ, чи ни (?)
Не задавай жалю серцу и мни.
Ой два голубойкы, тыи мылосць маютъ,
Тыи мылосць маютъ: у пари лытаютъ.
Дай же намъ, Боже, пожиты
И васъ (?) въ паройку злучыты.
Дознала, дознала, що кохане мыле,
Що мое сердейко безпрестанне ные:
А якъ не бачу коханя,
То я подношу вздыханя.
Сывая орлыця очкамы проводытъ,
Чомъ до мене моя мыла не говорытъ.
Ой промовъ, мыла, хочъ словце,
Потишъ мое смутнее серце.
Ой лыхо, лыхо (и) за ворогамы,
Вже копаютъ долы по подъ ногамы.
Короткій викъ ворогамъ,
Завяжемъ уста брехунамъ.
Прысягаю Богу и щиро до неба,
Що мни твій посагъ не конечне треба:
Ты въ мене посагъ самая,
Якъ у саду вышня красная.
А якъ мы станемъ на шлюбнымъ коберци,
Скажу тоби правду, що маю на серци,
Якъ зяжутъ руку зъ рукою,
Возьмутъ повезутъ зъ собою.

Рядомъ съ этой пѣсней я поставлю и другую, вполнѣ сходную по размѣру, а отчасти и по содержанію, но чрезвычайно любопытную вслѣдствіе чередованія малорусскихъ строфъ съ польскими (№ 46):

Ой дай же мни, Боже, щаслыву годыну,
Колыбъ я обачывъ любую дивчину!
Бога на помочъ взываю,
Же я еи вирне кохаю.
Wcale niepotrzebne te twoie azardy,
Bo ty w swoim losie uparty i hardy.
Wcale twej klątwy nie trzeba,
Widzą to ludzie i nieba.

Не я жъ тому винёнъ, то ворогы самы,
Же копаютъ ямы теперъ по подъ намы;
Ворогы винны, а не я:
Давно бысь была вже моя.
O płonna nadziejo, o jak że mnie zwodzisz,
Że nie tylko *w zdrowiu*, ale w szczęściu *szkodzisz*;
Tracisz me serce daremnie,
Jeśli nie kochasz wzajemnie.
Знаешъ, дивчинонько, же *умру зъ темности* [1],
Прыймы серце мое хочъ до тебе въ гости
Ричъ то естъ добра любыты,
Тылько не годытця зводыты.
Знаешъ, дивчинонько, же я твоимъ буду,
Поки житя мого, тебе не забуду;
Закрыю очы ворогамъ,
Завяжу уста брехунамъ.

А вотъ опять пѣсня (№ 15) съ извѣстнымъ началомъ „Добрый вечиръ, дивчыно, куды йдешъ“, къ которой присоединена другая извѣстная пѣсня (Закревск. 119 № 184):

Эй стояла сосонка край току,
Чекай мене, дивчино, до року

съ такимъ прибавленіемъ въ концѣ:

Хыбабъ же я зъ розуму изыйшла,
Що бъ я соби иншого незнашла?
Которая розуму не мае,
Нехай тебе до року чекае.

Варіантъ пѣсни „Коло млына, коло броду“, весьма близкій къ варіанту ушицкому (Чуб. V, 130 и 1087; ср. В. зъ Ол. 391, Баллинои, стр. 66), имѣетъ на концѣ такую прибавку (№ 16):

Сидлай коня вороного,
Зъижджай, серце, зъ двора мого.
Якъ я маю одъижджаты:
Тебе, серце, жаль кыдаты.
Оглянуся коло млына,
Дивчинонько моя мыла;
Озирнуся коло дуба,
Дивчинонько моя люба.
Хочъ поиду, то вернуся,
Бо зъ тобою кохаюся.

---

[1] Трудно сказать, имѣютъ ли эти намеки какое нибудь отношеніе къ Гловинскому.

За знакомымъ началомъ иногда скрывается совершенно иное содержаніе. Вотъ между прочимъ походная пѣсня полурусская, и потому написанная русскими буквами; это именно „Засвысталы козаченькы“. Послѣ двухъ строфъ, сходныхъ съ началомъ каневскаго варіанта (Чуб. V. 1006; ср. 532 = Закревск. 59, Баллин. № 53), и послѣ обѣщанія назвать Марусеньку „хоть сестрою не родною — солдацкой жаною“, читаемъ слѣдующее (№ 20):

Не далече походъ сказанъ: отъ Гродня до Варшавы,
А одъ Гродня до Варшавы шалоные мили.
На горашкѣ (?), на писочкѣ стоялъ панъ Косцюшка;
Онъ ранѣшенькѧ вставаеть, жолнѣръ побуждаеть:
„Эй, вставайте, жолнѣрушки, сѣдлайте вы кони:
Мы поѣдіомъ, жалнѣрушки, во чистое поле
Виглядивать, висматривать россійскаго войска.
Россійское храброе войско оченно велико.
Идіотъ оно со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ со четирохъ,
Идіотъ шляхта на три трахта, москалъ на четири.
Начинаеть панъ Касцюшка изъ пушокъ зъ картечи,
Генералъ козакъ Денисовъ изъ мѣлкихъ оружей.
Показался огонь жарокъ, Косцюшка утікаеть:
Черезъ рѣчку, черезъ Вислу переправи нѣту.
Рабятушки, гранадери, дайте логку шлюбку!
Мы Косцюшку тутъ догонимъ, въ полонъ его возмемъ.
Онъ не будетъ, онъ не станетъ съ Масквой воѣвати,
Съ Масквой, съ Масквой воѣвати Полшу разорати.

Наоборотъ, по измѣненному началу иногда можно не узнать знакомую пѣсню, напр. (№ 26):

И кывала, и моргала очыма на мене:
Прыйды, прыйды, гарный хлопче, въ неділю до мене.
Якъ я маю, моя люба, до тебе ходыты?
Естъ у тебе старенькій мужъ, хвалывся набыты.
Прыйды, прыйды, гарный хлопче, въ четвертой годыны,
А я вышлю старенького у лугъ по калыны и т. д.

Затѣмъ идетъ очень близкій варіантъ къ Чуб. V, 649—655, ср. 844; Лисенко III, № 12; Закревск. 89, № 130. На тотъ же мотивъ о непутной женѣ есть еще двѣ пѣсни въ этомъ сборникѣ. Въ одной (№ 41) изображается пьяница и при томъ спорщица, заставляющая мужа плясать по своей дудочкѣ. Это общеизвѣстная пѣсня, варіанты которой между прочимъ у Чуб. V, 685 (№ 293) и 682 (№ 286), ср. Коципинскаго, V дес., № 3. Начало такое:

Чоловикъ иде съ поля, волы поганяе,
А невиста иде зъ миста, гонкы вытынае и т. д.

Въ другой (№ 42) представлены дурныя послѣдствія женитьбы по разсчету, сказывающіяся между прочимь въ отсутствіи семейнаго согласія:

Тамъ одъ вечора до рана
То стрыжено, то голяно [1]),

а также въ необходимости выслушивать попреки:

Заразъ она скажетъ ему:
Тысь немылый серцу мему,
Бось ты голый, я богата:
Моя правда, моя хата.

За исключеніемъ указанныхъ стиховъ, нашъ рукописный варіантъ совпадаетъ съ вар. Вацлава зъ Олеська (388). Въ томъ же сборникѣ Вацл. зъ Олеська (406) есть варіантъ, правда, не исправный, и къ слѣдующей пѣснѣ (№ 35), гдѣ, въ противоположность предыдущей, превозносится любовь безъ разсчета:

Ой ты, хлопче гожи, живи,
Люблю твои очи сывы;
Очи сывы, бровы чорны:
Люблю хлопця, бо моторны.
Щомъ кохала, то кохала,
Тебе вирне сподобала.
Зле то в(з)носятъ тыи люде,
Що пры грошахъ щасце буде.
Бо не одна зъ нашыхъ плаче,
Що пры грошохъ бида скаче.
Гляну на бокъ—ажъ тамъ гроты,
Гляну въ другый—ажъ хороты.
(Стань ты, хлопче гожи, любы,
Серце хранить ажъ до згубы) [2].
Не хочу я гроши много,
Только хлопця хорошого.
Лучше въ биди викъ свій гнаты [3]),
Колы зъ кимъ ся естъ кохаты,
Нижъ зъ богатымъ, брыдкимъ житы,
Красу свою зле стравыты.

Одна пѣсня (№ 30) почти каждымъ стихомъ напоминаетъ какой нибудь знакомый пѣсенный мотивъ, но при всемъ томъ я не

---

[1]) Намекъ на извѣстный анекдотъ, внесенный и въ „Великое Зерцало“, и въ наши рукописные сборники фацецій 17 вѣка (ср. Памятн. древней письмен., 1878—9, стр. 129—30).

[2]) Это неуклюжее двустишіе вписано позднѣе между строкъ.

[3]) Полонизмъ: pędzić lata.

могу указать ближайшаго къ ней варіанта, соотвѣтствующаго ей въ цѣломъ. А именно:

Самъ я ся зажурывъ, що вже ся оженывъ [1])
—Не журыся, серце мое, добре есь чинывъ.
Залёты мои далыся мни знаты;
Липшей було биле лычко пирцемъ протыраты—
Ой не такъ пирцемъ, якъ оливою,
Ой не карай, моцны Боже, жоной лынывою.
Ны лынывою, ны дрыминвою,
Еще къ тому, моцны Боже, нещаслывою.
И сюды гора, и туды гора,
Между тымы горойкамы ясная зора.
Ой я жъ то думавъ, що зора зыйшла,
Ажъ то моя дивчинонька по воду прыйшла.
А я за нею по-надъ горою,
Сывымъ конемъ по-надъ полемъ за дивчыною.
Дивчино моя, заручоная,
Чого ходышъ, чого блудышъ засмучоная?
Чи я тебе бывъ, чи маты моя,
Чи такая, дивчинонько, натура твоя?
Ты мене не бывъ, ны маты твоя,
Но такая, козачейку, натура моя.
Пушовъ старенькій до стодолоньки,
Приложивъ винъ головонку до соломойки.
Ани перыны, ны подушины,
Еще къ тому, моцны Боже, ны радюжины [2]).
Ой я сырота, ты невелыкый панъ,
Ой я скыну фартушину, а ты свій жупанъ.

Среднія строфы сходны съ пѣснею: „Ой по сей бикъ гора“ или „Ой учора оравъ“ (Мар. Вовч. „Двісти укр. пісень“ съ муз. Эдуар. Мертке, № 8, Лейц. 1866; Лисен. I, № 33; Чуб. V, 158, 120, 155).

Довольно близкіе варіанты (напр. Чуб. V, 474, 361; Лисен. IV, № 25; Коцюпинск. IV дес. № 5), хотя и съ немалыми отличіями, можно указать для слѣдующей пѣсни (№ 43) на тему стиха „О горѣ злосчастіи“ въ примѣненіи къ женщинѣ:

Ой выросла калынойка въ лузи при куточку:
Породыла мене маты нещаслывую дочку.
Породыла мене маты въ проводную недилю,
Дала мини лыху долю, що негде не подію.
Повезла бъ я на ярмарокъ ту биду продаваты:
Уси знаютъ лыху долю, не хотятъ куповаты.

[1]) Въ подлинникѣ: „зажурывся... оженывся“; для риѳмы *я ся* отдѣлилъ.
[2]) Т. е. дерюжины; ср. рядно.

Пойды соби, лыха доле, у вири утопыся.
А одъ мене молодои соби пречъ одступыся.
Дывная ты, молодыце: хоць въ вири утоплюся,
Якъ ты придешъ воды браты, за видро учеплюся.
Хиба тебе, лыха доле, зъ васылейкомъ посію,
Нехай же я молодая на свитойку пожію.
А вжежъ тая лыха доля зъ васылейкомъ изыйшла,
Такы мене молодую и на вкранни знайшла.

Не останавливаясь на номерѣ „Якъ то тяжко, якъ то нудно“ (№ 33), который, за исключеніемъ двухъ-трехъ выраженій, сходенъ съ вар. В зъ Ол. (93), но на другомъ (№3); „Радятъ мини, щобъ ся звинчаты (Вацл. зъ Ол. 450; Коципинск. VI д. № 1), перехожу къ пѣснѣ (№ 36), носящей на себѣ явные слѣды искусственности:

Ахъ я нещасный, безъ доли вродывся,
Що часъ немалы, а я не женывся;
Я на те небардзо дбаю,
Чужихъ жонокъ одмовляю
Для своей выгоды,
Серцу охолоды, и т. д.

Варіантъ опять находится у В. зъ Ол. (373), но неполный. Четвертая строфа въ рукописи читается такъ:

Я до полёваня бардзо добре знаю:
На двохъ ногахъ сарну безъ хортывъ споймаю;
А дежъ я еи споймаю,
Тамъ я зъ ею ночлигъ маю.
Добре було спаты,
Не хтилося встаты.

Пятая неполная:

Ахъ запалыла тыжъ мою душу,
Я безъ тебе житы не мушу;
Я не дбаю темной ночи
Йду до тебе хоць въ пивночи...

Далѣе слѣдуетъ то же, что у В. зъ Ол., начиная съ 4 строфы и до конца, съ тѣмъ же пропускомъ въ послѣднемъ куплетѣ.

Заканчивая обзоръ „Кантычекъ“ Шимона Гловинскаго, приводу въ заключеніе выдержки изъ послѣдней малорусской пѣсни этого сборника (№ 34), имѣющей нѣкоторое отношеніе къ составителю. Она начинается.

Кто хоче Настуню знаты и пр.

Имя Настуни, какъ это ясно изъ поправокъ въ рукописи, подставлено позднѣе вмѣсто другаго. Очевидно, это сдѣлано никѣмъ

инымъ, какъ только самимъ Гловинскимъ, можетъ быть, уже въ пору его счастливой жизни съ Анастасіей Дашкевичъ. Воспользовавшись готовою пѣснею (ср. В. зъ Ол., 303; Закревск. 87), Гловинскій, можетъ быть, по недостатку собственной фантазіи, захотѣлъ воспѣть въ этой пѣснѣ свою милую, присочиняя, впрочемъ, кое что и свое. Такъ напр., красоту Настуни онъ расписываетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ (строфа 3):

Уста, якъ кораль, червоны,
Очи черны и моторны (sic),
Кудры висятъ за плечима,
Русы бровы надъ очима..

Настуня для него дороже и милѣе всего на свѣтѣ:

Хоць бы мни кто скарбы давъ,
Тобъ Настуни не оддавъ;
Не дамъ еи за весь свитъ,
Другой нигде такой нитъ..
Чи въ погоду, чи то въ слоту,
Весело йду на роботу;
Жадна бида не докучитъ,
Явъ (ся)[1]) Настуня зъ мною злучитъ.

Дальнѣйшіе стихи, очевидно, иного склада, изъ отдѣла шумокъ (стр. мою „Малор. свадьбу", № 197 и примѣч.):

Тече вода зъ пидъ города,
Тяжко ей заперты;
Я Настуню вирно люблю
До самои смерты.
Тече вода съ пидъ города
Заложоны (в)ятеръ,
Колы мя...

Неокончено, а затѣмъ, повидимому другою рукою, приписано въ недоконченную строку: „Не любытъ—трыста въ батька, въ матеръ!" съ оставленнымъ передъ этими словами мѣстомъ какъ бы для имени. Какъ знать? можетъ быть, эта рѣшительная приписка свидѣтельствуетъ о тяжелой душевной борьбѣ, о приливѣ ревности; можетъ быть возлюбленная Настуня не достаточно платила взаимностью нашему автору, когда онъ еще только искалъ ея руки. Если

---

[1]) *Ся* въ рук. зачеркнуто, какъ оказавшееся лишнимъ для размѣра при подстановкѣ другого имени (прежнее имя Гандзя, какъ и въ вариантахъ, п. ч. замѣтна буква *д*).

такъ, то передѣлка этихъ стиховъ происходила въ періодъ 1818—20 г., т. е. до женитьбы, а не послѣ, какъ предположено выше. Подтвержденіе этому, можетъ быть, можно видѣть и въ стихахъ:

Жадна бида недокучитъ
Якъ (ся) Настуня зъ мною злучитъ,

хотя здѣсь легко можетъ быть и намекъ на взаимную помощь живущихъ уже въ супружествѣ.

Воспѣвая свою милую, Гловинскій, конечно, не могъ предчувствовать того горя, какое его ожидало, и не могъ предвидѣть, что со временемъ ему придется оплакивать ея раннюю смерть, свое вдовство и сиротство дѣтей. Удрученный горемъ, онъ, какъ мы видѣли, писалъ уже самостоятельные стихи, но вмѣстѣ съ тѣмъ не пренебрегалъ и прежнимъ пріемомъ подстановки имени въ чужое стихотвореніе. Такъ, въ концѣ 2-й части „Кантычекъ“ помѣщено длинное стихотвореніе на польскомъ языкѣ (№ 44), въ которомъ представленъ 90-лѣтній патріархъ семьи, пережившій свою подругу жизни и собирающійся поминать ее торжественнымъ образомъ въ кругу дѣтей и внуковъ, на 12 году послѣ ея смерти. Стихотвореніе начинается:

Jakże jutrzenki miłe promienie
Pomiędzy temi różami,
Jak blask przebija przez śliwek cienie,
Co są pod memi oknami.

Между прочимъ въ 17 строфѣ старикъ говоритъ:

Tylko to dla mnie najsrożcza chwila.
Gdzie oko me we łzach tonie,
Kiedy kochana moja Amaryla (Maryla?)
Konała na moim łonie.

И здѣсь то вмѣсто упомянутаго имени Марыли (Маріи) поправлено: Nastunia, несмотря на искаженіе риѳмы. Очевидно стихотвореніе пришлось Гловинскому кстати, и онъ отожествлялъ себя съ этимъ старикомъ, хотя ему и не могло быть 90 лѣтъ. Стихотвореніе богато подробностями семейной жизни, но трудно сказать, насколько онѣ приложимы къ самому Гловинскому, исключая только одного главнаго сходства—утраты жены.

Намъ остается только сказать „вѣчную память“ „милой Настунѣ“, а относительно ея пѣвца ждать болѣе подробныхъ и точныхъ свѣдѣній отъ тѣхъ, у кого они имѣются подъ руками.

Н. Янчукъ.

Придворный бандуристъ въ бѣгахъ.

Послѣ установившихся съ начала прошлаго вѣка непосредственныхъ сношеній малороссіянъ съ столицами и съ оффиціальными сферами, вслѣдъ за выѣздомъ на сѣверъ духовныхъ особъ, проповѣдниковъ и учителей, явился оттуда запросъ и на артистовъ, которыми всегда была богата музыкальная и пѣвучая Малороссія. Пѣвчіе, взрослые и дѣти, наперерывъ увозятся въ Петербургъ и Москву, ко двору и въ домашніе хоры вельможъ. Требуются регенты и учителя пѣнія, попадаютъ въ столицы артисты на гусляхъ и пользующіеся славою, слѣпые украинскіе бандуристы. Помимо двора, мы видимъ ихъ и у знатныхъ людей того времени. Мемуаристы прошлаго вѣка Ханенко и Марковичъ упоминаютъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ отмѣткѣ отъ 3 янв. 1748 г. Ханенко, находившійся тогда въ Петербургѣ, пишетъ: „надъ вечеръ приходили къ намъ гуслистъ и бандуристъ графа Гендрикова"; Марковичъ разсказываетъ о придворномъ гуслистѣ Маньковскомъ, за котораго вышла замужъ дочь одного изъ черниговскихъ дворянъ—Карпѣки и т. п. Самымъ извѣстнымъ изъ артистовъ этой категоріи былъ Григорій Михайловичъ Любистокъ, бандуристъ двора Елизаветы Петровны.

Его имя встрѣчается часто въ замѣткахъ Марковича и Ханенка, относящихся къ сороковымъ годамъ прошлаго вѣка. Оказывается, что при дворѣ Елизаветы Петровны, тогда еще цесаревны, появился онъ гораздо раньше, въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, т. е. до возвышенія еще Разумовскаго и начала малороссійскаго вліянія. Первые шаги его въ столицѣ, въ новой, придворной обстановкѣ, были, какъ видно, не легки. Разница новыхъ условій жизни и окружающей среды должна была давать себя сильно чувствовать этимъ дѣтямъ деревни и то, что испытывалъ Любистокъ, испытывали, должно быть, и другіе его товарищи. Едва попавъ ко двору, около 1730 года, въ слѣдующемъ—1731 году, онъ уже *бѣжалъ* оттуда, найдя какую то возможность скрыться, особенно удивительную въ его положеніи слѣпаго. Въ старинной „Указной книгѣ" архива Трехсвятительской церкви города Прилукъ мы нашли помѣченный 31-мъ годомъ указъ „о бѣжавшемъ бандуристѣ черкасину Григорію Михайлову сину", объявленный въ догонку бѣглецу по всѣмъ свѣтскимъ и духовнымъ учрежденіямъ. Указъ императрицы Анны Іоанновны шлется „по доношенію отъ двора ея величества Государнѣ Цесаревнѣ Елисавети Петровни":

„Велено опубликовать объ ономъ Григорію къ синодальнимъ членамъ и во всѣ епархіи ко Архіереамъ в духовную дикастерію в Санктъ-Петербурское Духовное Правленіе и ставропигіялніе монастырѣ к властямъ указы послать, чтобъ его, какъ въ домѣхъ Архіерейскихъ, такъ и въ монастырахъ и пустиняхъ и нигдѣ отнюдь не постригали и в которихъ мѣстяхъ онъ объявится, то взять и прислать его в Москву в Святѣйшій Правителствующій Синодъ за калауромъ для сисканія к двору Ея величества по прежнему. А оной бандуристъ росту средняго, глазами слѣпъ, лицемъ бѣлъ и гладокъ, волосы русіе....“

Какъ видно, цесаревна очень желала вернуть Любистка, цѣня или музыкальность его, или голосъ, т. к. вслѣдъ за первымъ указомъ шлется, по тому же предмету, понудительный, второй. Поиски увѣнчались успѣхомъ. Въ 1732 году мы видимъ уже Любистка въ Петербургѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ Ханенко, записывая о свиданьи съ нимъ въ столицѣ, 8 іюля 32 г. („Дневникъ“ стр. 53). Съ тѣхъ поръ Любистокъ примирился съ своей судьбой и свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о немъ впослѣдствіи, носятъ совершенно иной характеръ. Бандуристъ вступаетъ на стезю отличій и обогащенія.

Въ запискахъ Марковича мы читаемъ о немъ разновременно слѣдующее:

3 апрѣля 1742 г. „Рано я, братъ и Андрей Горленко ѣздили во дворецъ, были у Разумовскаго, у духовника, у бандуриста Григорія Михайловича и у Михаила Алексѣевича кофешенка“ (Зап. Ч. II, 161).

14 ноября 1742. „Во дворцѣ бандуристъ слѣпой Григорій Михайловъ женился. (Зап. Ч. II, 182).

4 мая 1743 г. Бандуристъ и Божко (придворный пѣвчій) въ дворяне пожалованы.“ (Зап., ч. II, 191.).

Дѣловитый Ханенко передаетъ факты изъ послѣдующихъ лѣтъ жизни Любистка.

20 декабря 1747 г. „20-го были во дворцѣ я и Гудовичъ по службѣ, а вечеромъ былъ у насъ стряпчій графскій Антонъ Ивановъ и приносилъ купчую отъ Григорія Любистка, написанную Раковичцѣ и дѣтямъ ея на футоръ Шнаковскій на Галицкомъ степу, проданный отъ него за 1500 р. на которой мы трое и полковникъ Божичъ въ свидѣтелство подписались“ („Дневн.“ стр. 340.).

7 генв. 1748 г. „Былъ у съ Антономъ въ вечерѣ слѣпій Любистокъ и по прошенію его на купчей отъ него данной Раковичу

на хуторъ Шнаковскій и на дворы въ Монастырищѣ проданные за 1700 р. всѣ мы трое подписались" („Дн." 345 с.)

18 мая 1748 г. Пожалованы полковничими рангами изъ пѣвчихъ дворяне: Петръ Лазоровичъ, уставщикъ, Ѳедоръ Ивановичъ Коченевскій, Кирило Степанов. Рубановскій, да Григорій Михайловичъ Любистокъ, слѣпый, а подполковничимъ Пучковскій („Дн." 371).

А. М. Лазаревскій на основаніи подлинныхъ старинныхъ документовъ, сообщаетъ, что Любистокъ пріобрѣлъ въ лубенскомъ полку у сыновей тамошняго полковника Василія Савича дѣдовскія ихъ имѣнія село Хорошки и деревню Пулинцы и отцовскія—села Ходолѣевку и степь Строкачи, нынѣ село хорольскаго уѣзда. (Примѣч. къ „Дневн." Ханенка, стр. 54). Менѣе чѣмъ за двадцать лѣтъ бѣжавшій отъ придворной жизни робкій „черкасинъ Григорій Михайловъ" волею судебъ превратился въ богатаго помѣщика и въ особу, украшенную немаловажнымъ чиномъ.

В Г.

Ученики переяславскихъ славяно-латинскихъ школъ въ 1744 г.

Свѣдѣній о старинныхъ южнорусскихъ школахъ, въ особенности начальныхъ и среднихъ, покуда обнародовано чрезвычайно мало. Предлагаемый списокъ печатается съ подлинной рукописи, сохранившейся въ одномъ семейномъ архивѣ въ переяславскомъ уѣздѣ. Изъ него мы можемъ усмотрѣть какъ характеръ всесословности старой южнорусской школы[1]), такъ и отсутствіе нормъ относительно возраста учащихся (который отмѣченъ противъ фамиліи каждаго изъ учениковъ). Подлинникъ озаглавленъ „Роспись в школахъ славенолатинскихъ при домѣ Архіерея Переяславскаго имѣющихъ ся учениковъ со изявленіемъ о бытіи ихъ во Святую Четиредесятницу у исповѣди и Святихъ таинъ причастія. 1744 года". По листамъ рукопись (8 страницъ in 4°) скрѣплена подписями начальствующихъ въ училищѣ лицъ: „Къ сей росписи руку приложилъ Григорій (?), іерей Михаилъ Ісаевичъ, Іоанъ, Префектъ училищъ славенолатинскихъ переяславскихъ". Бывшими на исповѣди оказались, конечно, всѣ. Вотъ текстъ самого списка:

---

[1]) Отмѣченныя звѣздочками фамиліи принадлежатъ дѣтямъ мѣстной старшины.

Школа фара.

*1. Максимъ Василіевъ Мелесъ 12 л.
2. Сумеонъ Ивановъ Богдановичъ 14 „
3. Василій Прокопіевъ Коленскій 17 „
4. Василій Ивановъ Ѳеодоровичъ 16 „
5. Павелъ Петровъ Петровскій . 13 „
6. Артемій Димитріевъ Левѣцкій 14 „
7. Василій Ивановъ Савлучинскій 15 „
8. Александръ Ивановъ Станкевичъ 14 „
9. Матѳей Козмовъ Вродовскій . 12 „
*10. Петръ Исаіевъ Исаевичъ . . . 17 „
*11. Стефанъ Исаіевъ Исаевичъ. . . 15 „
12. Антоній Иванновъ Кустовскій . 13 „
13. Онисимъ Иванновъ Волчанецкій 13 „
14. Іосифъ Іоанновъ Волчанецкій 12 „
15. Михаилъ Іоанновъ Полонскій. 13 „
16. Іоанъ Василіевъ Максимовичъ 12 „
17. Ѳеодоръ Димитріевъ Дмитровскій . . . . . 13 „

Инфима.

18. Іосифъ Григоріевъ Туманевскій 11 „
19. Андрей Григоріевъ Туманевскій 12 „
20. Тимоѳей Павловъ Подгаецкій. 12 „
21. Григорій Варлаамовъ Булацель 11 „
22. Сумеонъ Ивановъ Соханскій. . 18 „
23. Александеръ Ѳеодоровъ Лабѣнскій . . . . . 16 „
24. Ѳеодоръ Димитріевъ Могилевскій . . . . . 16 „
25. Сава Ивановичъ Гарачевичъ . 12 „
*26. Ѳеодоръ Алексѣевъ Добронѣзкій . . . . . 13 „
*27. Сумеонъ Алексѣевъ Добронѣзкій . . . . . 14 „
28. Ѳеодоръ Григоріевъ Медведовскій . . . . . 13 „
29. Григорій Григоріевъ Медведовскій . . . . . 11 „
30. Петръ Кириловъ Ружинскій. . 15 „
31. Василій Ѳеодоровъ Ѳеодоровичъ . . . . . 17 „
32. Арсеній Ивановъ Бѣлоцерковецъ . . . . . 16 „
33. Петръ Іосифовъ Волѣнскій. . 12 „
34. Павель Іакимовъ Іакимовичъ . 15 л.
35. Василій Ѳеодоровъ Сливковскій 14 „

Граматика.

*36. Михаилъ Савинъ Граневичъ . 13 „
37. Іоанъ Іаковлевъ Іакубовичъ. . 13 „
38. Евстафій Ивановъ Іановскій. . 20 „
39. Іоанъ Петровъ Лебединскій. . 11 „
40. Назарій Яковлевъ Сунявскій . 18 „
41. Стефанъ Ѳеодоровъ Кисиліовскій . . . . . 16 „
42. Данiилъ Іосифовъ Нѣчкевичъ . 18 „
43. Леонтій Семеновъ Сумоновичъ 15 „
44. Мойсей Степановичъ Вѣржинскій . . . . . 17 „
45. Матѳей Степановичъ Вѣржинжинскій . . . . . 16 „
46. Гавріилъ Онисіевъ Онѣскіевичъ 17 „

Синтаксима.

47. Василій Николаевъ Козловскій 15 „
48. Іоанъ Григоріевъ Григоровичъ 14 „
50. Григорій Матѳеевъ Козачинскій . . . . . 14 „
*51. Ѳеодоръ Петровъ Завойка . . 14 „
52. Сумеонъ Димитріевъ Карповичъ 15 „
53. Петръ Евстафіевъ Жуковскій 11 „
54. Павелъ Василіевъ Нѣскевичъ 14 „
55. Максимъ Іосифовъ Нѣскевичъ 14 „
56. Іоанъ Герасимовъ Щетковскій 16 „
57. Іаковъ Михайловъ Чаруковскій 16 „
58. Андрей Ілиинъ Турчиновскій . 16 „
59. Андрей Петровъ Орнацкій . . 14 „
60. Василій Захаріевъ Калѣновскій 17 „
61. Василій Тимофеевъ Каневецкій 21 „
62. Матѳей Ѳедоровъ Лучаковскій 16 „
63. Іоанъ Аѳанасіевъ Соколовскій 20 „
64. Григорій Іоановъ Стефановичъ 15 „
65. Петръ Григоріевъ Тичиновскій 15 „
66. Карпъ Іоановъ Іановскій . . . 14 „
67. Дисолій Ѳеодоровъ Ходоровскій . . . . . 14 „
68. Данiилъ Ѳеодоровъ Ходоровскій . . . . . 13 „
69. Василій Іоанновъ Волчанецкій. . . . . 17 „

70. Леонтій Ѳеодоровъ Ѳеодоровичъ . . . . . 18 л.
*71. Даніилъ Петровъ Требѣнскій . 16 „
72. Михаилъ Андреевъ Волотковскій . . . . . 14 „
73. Іаковъ Андреевъ Волотковскій 13 „
74. Стефанъ Савинъ Буцкій . . . 18 „
75. Стефанъ Димитріевъ Могиліевскій . . . . . 20 „
76. Лука Ѳеодоровъ Тумковскій . 20 „
77. Карпъ Іакимовъ Гонскій . . . 20 „
78. Ѳеодоръ Марковъ Бораковскій 20 „
79. Василій Ірадіоновъ Квятковскій . . . . . 15 „
80. Іоанъ Григоріевъ Скавѣцкій . 21 „
81. Григорій Ѳеодоровъ Лучаковскій . . . . . 18 „
82. Іоанъ Андреевъ Староліескій . 16 „
83. Димитрій Романовъ Романовскій . . . . . 14 „
84. Захарій Василіевъ Злотнѣцкій 20 „
85. Стефанъ Ивановъ Бенедиктовичъ . . . . . 20 „
86. Іоанъ Григоріевъ Маероновскій 25 „

Поэтика.

87. Ѳеодоръ Демяновъ Островскій 20 „
88 Евстафій Іоановъ Полонскій . 18 „
89. Димитрій Василіевъ Зотнѣцкій 15 „
90. Іоанъ Григоріевъ Чмеліовскій . 13 „
91. Леонтій Ивановъ Савлучинскій 17 „
92. Кирилъ Савинъ Савѣцкій . . . 17 „
93. Алексѣй Василіевъ Молдавскій 14 „
94. Стефанъ Нестеровъ Нестеровичъ . . . . . 18 „
95. Іосифъ Савинъ Тоцкій . . . . 17 „
96. Ѳеодоръ Ѳеодоровъ Жежеліовскій . . . . . 21 „
97. Ѳеодоръ Леонтьевъ Коржевскій 19 „
*98 Михаилъ Карповъ Бурляй . . 15 „
*99. Романъ Карповъ Бурляй . . . 14 л.
100. Іоанъ Іаковлевъ Іакубовскій. . 17 „
101. Ѳеодоръ Тихоніевъ Тихоновскій . . . . . 18 „
102. Іоанъ Петровъ Савѣцкій . . . 18 „

Реторика.

103. Кирилъ Евстафіевъ Жуковскій 19 „
104. Ѳеодоръ Естафіевъ Жуковскій 16 „
105. Григорій Марковъ Карпѣнскій 24 „
106. Іаковъ Александровъ Журавскій . . . . . 19 „
107. Іоанъ Іоановъ Святковскій . . 19 „
108. Демянъ Петровъ Петрашевичъ 20 „
109. Михаилъ Моисеевъ Базилевичъ 22 „
110. Лазарь Ивановъ Голтвѣнскій . 23 „
111. Григорій Семеновъ Красовскій 23 „
112. Алексѣй Иліинъ Турчиновскій . 20 „
*113. Петръ Іоановъ Рустановичъ . 18 „
*114. Іаковъ Іоановъ Рустановичъ. 18 „
115. Іаковъ Николаевичъ Соховичъ 15 „
*116. Іоанъ Александровичъ Бахчевскій . . . . . 16 „
117. Прокопій Захаріевъ Покорскій 24 „
118. Іоанъ Іосифовъ Туржанскій . . 23 „
119. Іоанъ Пантелеймоновъ Тимковскій . . . . . 18 „
*120. Естафій Петровъ Завойка. . 16 „
121. Петръ Ивановъ Иванѣцкій . . 17 „
*122. Максимъ Ивановъ Чернявскій 21 „
123. Петръ Ѳеодоровичъ Ѳеодоровичъ . . . . . 16 „
124. Евфимій Іоановъ Іванѣцкій. . 25 „
125. Михаилъ Іаковлевъ Нѣчкевичъ 21 „
126. Герасимъ Іоановъ Зорнѣцкій . 22
127. Іоанъ Григоріевъ Риза. . . . 17 „
128. Григорій Семеновъ Петроневскій . . . . . 17 „
129. Стефанъ Ивановъ Соханскій . 19 „
130. Михаилъ Петровъ Рембаловитъ 21 „

Такимъ образомъ, по числу учениковъ отдѣленія училища распредѣляются такъ: въ фарѣ—17, инфимѣ—18, граматикѣ—11, синтаксимѣ—40, поэтикѣ—16 и риторикѣ—28. Возрастъ учащихся чрезвычайно разнообразенъ. Самые младшіе ученики—одинадцатилѣтки, при чемъ любопытно, что ихъ не встрѣчается совсѣмъ въ

первомъ отдѣленіи—фарѣ и есть нѣсколько во второмъ и въ третьемъ. Въ фарѣ, напротивъ, мы видимъ двухъ юношей 17 лѣтъ. Двадцатилѣтніе „мальчики“ попадаются, начиная съ „граматики“, а въ „синтаксимѣ“ есть одинъ 25-лѣтній, маститый Маероновскій, два 21-лѣтнихъ и семь 20-лѣтнихъ. Въ „риторикѣ“ эти годы попадаются ужь сплошь и рядомъ. Самому юному ритору—16 лѣтъ, но у него—два 23-лѣтнихъ товарища и одинъ 25-лѣтній. Безсмертные гоголевскіе образы „пищащихъ дискантомъ“ грамматиковъ, солидныхъ риторовъ, съ неожиданными „украшеніями на лицахъ въ видѣ реторическихъ троповъ“ и богослововъ „въ ужасныхъ шароварахъ и съ претолстыми шеями“ невольно возстаютъ въ памяти при чтеніи этого списка.

В. Г.

Турецкое посольство въ 1793-мъ году.

По окончаніи 2-й турецкой войны, императрица Екатерина II заключила съ Портой Оттоманской миръ, назначивъ для подписанія трактата о „вѣчномъ мирѣ“ графа Безбородка; это было исполнено имъ въ Яссахъ 29 декабря 1791 года. Спустя болѣе года послѣ заключенія мира, въ 1793 году, произведенъ былъ размѣнъ ратификаціи этого договора, для чего назначены были со стороны Россіи чрезвычайнымъ посломъ генер. пор. Голенищевъ-Кутузовъ и комиссаромъ бѣлорусскій генералъ-губернаторъ Пассекъ, а со стороны императора оттоманскаго [1]) беглеръ—бегъ румелійскій Рассихъ Мустафа Эффендій. Посламъ предписано было съѣхаться на границѣ Россіи и Турціи, въ г. Дубоссарахъ на Днѣстрѣ, между 1-го и 10-го апрѣля 1793 г. Послѣ обмѣна ратификаціи договора, турецкое посольство должно было отправиться въ Петербургъ и для сопровожденія его по Россіи былъ назначенъ приставомъ генералъ-маіоръ графъ Безбородко. Изъ Указа Екатерины II-й отъ 26 января 1793 года Правительствующему Сенату видно, что турецкое посольство изъ г. Дубоссаръ должно было отправиться черезъ екатеринославское намѣстничество на гг. Алексополь, Кременчугъ, Полтаву, Харьковъ и т. д. Для посла и его свиты тѣмъ же указомъ повелѣно было выставить отъ тѣхъ губерній, чрезъ которыя лежалъ путь посольству,

---

[1]) Такъ называетъ турецкаго султана графъ Безбородко въ сообщеніи своемъ Екатерин. намѣстн. правл. отъ 4 февраля 1793 года.

по 1000 лошадей съ упряжью и проводниками; отъ екатеринославскаго же намѣст., какъ пограничнаго, назначено было выставить съ пособіемъ отъ Малороссіи по 1000 лошадей въ двухъ пунктахъ: Дубоссарахъ и Елисаветградѣ. За поставленные лошади велѣно было платить владѣльцамъ ихъ прогоны и сверхъ того простойныя деньги, по 2 руб. на лошадь. На содержаніе турецкаго посольства, въ распоряженіе пристава гр. Безбородко было отпущенно 60 тысячь руб. Графъ Безбородко потребовалъ отъ екатер. намѣст. правленія: выставить по 1200 лошадей въ назначеныхъ пунктахъ, 50 крытыхъ повозокъ, на кованныхъ колесахъ, при особыхъ приставахъ, и прислалъ списокъ съѣстныхъ припасовъ, необходимыхъ въ пути для посольства. Количество съѣстныхъ припасовъ было заготовленно, примѣняясь къ тому, которое приготовлялось для турецкаго посольства въ 1773 году, а именно: на каждый день 2,800 пшеничныхъ хлѣбовъ, вѣсомъ въ 70 пудовъ, для печенія которыхъ отводилось на станціяхъ по 6-ти печей въ обывательскихъ домахъ. Поэтому гр. Безбородко просилъ правленіе объявить поставщикамъ изъ „Маркитантеровъ“, чтобы они явились въ Елисаветградъ, куда имъ былъ отправленъ для заключенія съ ними условій кросъ-коммиссаръ Анисимовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ правленіе отвести въ г. Елисаветградѣ для него, состоящихъ при немъ офицеровъ и солдатъ 155 квартиръ. Можно полагать, что всѣ лучшіе дома въ городѣ были заняты для пристава, такъ какъ въ то время не легко было найдти въ Елисаветградѣ столько квартиръ. Намѣстническое правленіе, указомъ 4 марта 1793 года, предписало земскимъ исправникамъ собрать для посольства съ каждыхъ 263 душъ помѣщичьихъ и казенныхъ крестьянъ, исключая козаковъ, по 1 лошади, а съ каждыхъ 57 душъ купцовъ по 1 повозкѣ. Въ то же время правленіе поручило исправникамъ поправить мосты и переправы на рѣкахъ, возлагая это на ихъ отвѣтственность, „яко въ дѣлѣ важномъ и самоскорѣйшаго исполненія требующемъ“. Елисаветградскому городничему сверхъ того было предписано приготовить въ Елисаветградѣ для гр. Безбородка и состоящихъ при немъ офицеровъ 50, а для солдатъ его 100 квартиръ. Мы извлекаемъ эти свѣдѣнія изъ дѣла алексопольскаго [1]) земскаго суда, въ которомъ приложено письмо исправника секундъ-маіора Миргородскаго къ городничему колл. ассес.

---

[1]) Алексополемъ въ то время именовалось м. Нехворощъ, константиногр. у. полт. губ., а въ 1794 г. м. Царигонка было переименовано въ г. Алексополь.

князю И. Манвелову. Вслѣдствіе этого письма, городничій кн. Манвеловъ 13 марта отправилъ изъ г. Алексополя, въ которомъ считалось тогда 1329 жит., на сборное мѣсто въ м. Кишенку [1]) лошадей съ 3 погонщиками, *упряжью и продовольствіемъ,* при особомъ приставѣ отставномъ вахмистрѣ Кашляковѣ. Отмѣтимъ, что въ спискѣ съѣстныхъ припасовъ, которые нужно было приготовить для турецкаго посольства, поименованы всевозможные припасы, въ томъ числѣ мыло турецкое, сахаръ канарскій, свѣчи восковыя, рыба сердели, мостика (?), вино волоское, чечевица, ячмень зерномъ и толченный, говядина, птицы—каплуны, индѣйки, гуси, а въ концѣ списка значится даже ледъ. Изъ этого видно, что приставъ гр. Безбородко не забылъ ничего для того, чтобы обставить путешествіе турецкаго посла всѣми удобствами. Возвращеніе турецкаго посольства изъ С.-Петербурга послѣдовало въ слѣдующемъ году: 28 января 1794 года посолъ выѣхалъ изъ столицы, 14 апрѣля прибылъ въ г. Кременчугъ, и 10 мая, наконецъ, пріѣхалъ въ г. Дубоссары. Маршрутъ его на возвратномъ пути былъ измѣненъ по екатеринославскому намѣстничеству и посольство слѣдовало, имѣя остановки въ гор. Полтавѣ, мѣст. Рѣшетиловкѣ, с. Хорошкахъ, м. Омельникѣ, г. Кременчугѣ, г. Елисаветградѣ, д. Кривомъ Озерѣ, м. Балтѣ (?) и въ Дубоссарахъ. Такимъ образомъ пребываніе турецкаго посольства въ Россіи продолжалось болѣе года, считая проѣздъ его изъ Дубоссаръ въ С.-Петербургъ. Пребываніе посольства около 5 мѣсяцевъ въ столицѣ объясняется тѣмъ, что посолъ Рассихъ Мустафа пріѣхалъ въ Петербургъ во время празднествъ, происходившихъ по случаю бракосочетанія великаго князя Александра Павловича съ принцессой Баденской. При возвращеніи посольства намѣстническое правленіе 21 января 1794 года распорядилось наготовить для него по 1200 лошадей въ 2-хъ мѣстахъ, на основаніи указа Екатерины II-й, даннаго Сенату 24 декабря 1793 г., съ кибитками или прочными повозками и сѣдлами для проводниковъ, и, сверхъ прогоновъ, по 2 рубля на лошадь простойныхъ денегъ, какъ прежде было назначено. На расходы по возвращенію турецкаго посольства тѣмъ же указомъ было отпущено 160 тысячъ р., а всего съ прежними было израсходовано 220 тысячъ руб. По расчету намѣстническаго правленія, съ каждыхъ 233 душъ крестьянъ было назначено собрать по

[1]) М. Кишенка, при р. Днѣпрѣ, принадлежитъ теперь къ кобылякскому уѣзду полтавской губ.

1 лошади, и по кибиткѣ со 100 душъ купцовъ, проводнику и сѣдлу на каждыя 3 лошади. Лошадей велѣно было земскимъ исправникамъ при особыхъ приставахъ отправить въ г. Елисаветградъ къ 5 апрѣля, а потомъ срокъ этотъ продолженъ до 20 апрѣля. Вслѣдствіе указа намѣстническаго правленія алексопольскій земскій судъ 29 января 1794 года сообщилъ въ управу благочинія о назначеніи для обратнаго проѣзда турецкаго посольства 6 лошадей отъ жителей г. Алексополя, „видныхъ и къ подъему тяжестей способныхъ, не изнуренныхъ и не престарѣлыхъ“ и „оные съ погонщиками вѣжливыми, нестарыми и не малолѣтними, съ провьянтомъ и фуражей на 2 мѣсяца отправить въ м. Кишенку на сборное мѣсто“. Въ заключеніе указа правленіе предписываетъ исправникамъ сопровождать посольство по уѣздамъ, салютуя послу въ городахъ изъ пушекъ, гдѣ есть артиллерія. Приставъ гр. Безбородко сообщилъ 14 января въ екатеринославское намѣстническое правленіе, чтобы было выставлено въ Елисаветградѣ и Дубоссарахъ по 1400 лошадей, т. е. болѣе на 200 лошадей въ каждомъ пунктѣ, ради множества экипажей, подъ посольствомъ находящихся, и дурныхъ дорогъ, и 70 крытыхъ повозокъ, и просить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ посольству назначены дневки, фуражъ для 700 лошадей. При распредѣленіи числа повозокъ, которое назначено было выставить жителямъ городовъ, въ г. Таганрогѣ показано было 3,366 купцовъ, съ которыхъ слѣдовало взять для турецкаго посольства 33 повозки. Но по свѣдѣніямъ, собраннымъ таганрогскимъ комендантомъ, бригадиромъ Каспаровымъ, оказалось, что въ г. Таганрогѣ было 66 купцовъ; это произошло потому, что казенная палата насчитала, по ошибкѣ, въ г. Таганрогѣ 804 души купцовъ и 2,562 мѣщанъ, а на вторичный запросъ правленія палата показала купцовъ въ немъ на 1794 г. только 66 душъ и 2 души мѣщанъ. Поэтому намѣстническое правленіе предписало 28 февраля 1794 года земскимъ исправникамъ потребовать по крытой повозкѣ съ каждыхъ 50 душъ купцовъ, а съ купцовъ г. Таганрога—взять только одну повозку.

П. Китицынъ.

Образованіе ланд-милиціи въ полтавской губерніи въ декабрѣ 1806-го года и о избраніи командующаго оною ланд-милиціею [1]).

Ничто не можетъ сравниться съ пріятными чувствованіями, которыя могъ испытать каждый благомыслящій и приверженный къ отечеству человѣкъ, имѣвшій счастіе быть зрителемъ происходившаго здѣсь на сихъ дняхъ.

Образованіе Ланд-Милиціи въ многихъ Губерніяхъ имперіи, въ числѣ коихъ равномѣрно находится и Полтавская, было побудительною причиною всеобщаго собранія дворянства въ семъ городѣ. Сія мѣра столь важная по случаю нынѣшнихъ чрезвычайныхъ произшествій подала случай видѣть во всемъ своемъ блескѣ истинную преданность къ Отечеству и ревность къ Государю.

24-го сего мѣсяца было первое собраніе дворянства. Князь Куракинъ, малороссійскій Генералъ-Губернаторъ, открылъ оное лично, объявилъ благородному обществу Высочайшее изволеніе по сему предмету, и менѣе нежели въ одну недѣлю все приведено къ концу и устроено на такихъ основаніяхъ, кои обѣщая совершенный успѣхъ, въ тоже время отвращаютъ всякія непотребства, сопряженныя часто со всѣми новыми учрежденіями. Тако производятся всѣ предпріятія подъ руководствомъ Начальника, который съ неутомимою дѣятельностью соединяетъ всѣ отличныя дарованія, свойственныя государственному человѣку.

Что касается до избранія Командующаго Губернскимъ Земскимъ войскомъ, то единодушно пареченъ въ сіе званіе Тайный Совѣтникъ Поповъ, извѣстный по многимъ важнымъ должностямъ, кои онъ занималъ въ царствованіе великой Екатерины. Дѣятельность и опытность въ службѣ, ему свойственная, доказали уже при самомъ вступленіи въ должность до какой степени онъ достоинъ довѣренности, возложенной на него. Число Губернскихъ ратниковъ простирается до 26000. Чрезъ двѣ недѣли всѣ будутъ вооружены, снабжены съѣстными припасами на три мѣсяца и совсѣмъ готовы къ выступленію по первому повелѣнію. Всѣ офицеры выбранные дворянствомъ снабжены нужными наставленіями и отправлены къ мѣстамъ.

---

[1]) Настоящая замѣтка взята нами изъ рукописнаго сборника конца XVIII и начала XIX в. и составляетъ, вѣроятно, отрывокъ изъ письма писаннаго кѣмъ нибудь изъ Полтавы къ кому либо изъ оффиціальныхъ лицъ.

Среди всѣхъ силъ движеній вездѣ и во всякомъ состояніи видно одинакое усердіе и рвеніе для блага общаго. Между прочимъ одинъ купецъ города Хорола внеся довольную сумму въ Казну, не удовольствовался послѣдовать во всемъ примѣру собратіи своихъ, но сего настоялъ, ато-бы оба его сына были вписаны въ число новыхъ ратниковъ.

Могильникъ въ урочищѣ Остроня, близъ г. Заславля волынск. губ.

Рѣка Горынь, прежде чѣмъ войти въ г. Заславль, дѣлаетъ небольшую излучину. Внутренняя часть этой излучины называется „Остроня“—передѣлка съ польскаго устронь. Мѣстность здѣсь довольно низменна и покрыта старымъ дубовымъ лѣсомъ. Въ этомъ-то лѣсу, въ восточной его части, и сосредоточены могильныя насыпи. Ихъ всѣхъ 17; онѣ также поросли лѣсомъ и расположены надъ самымъ прилегающимъ къ рѣкѣ лугомъ. Могильникъ заключаетъ въ себѣ курганы двухъ видовъ, различающіеся величиной. Къ первому относятся насыпи окружностью приблизительно въ 80 метровъ и высотой до 3-хъ мет. Онѣ куполообразной формы и ихъ всего 3. Остальныя 14 имѣютъ видъ небольшихъ расплывшихся бугорковъ, окружностью доходящихъ до 25 метр. и высотой до 1 м. Почва здѣсь черноземная и курганы насыпаны изъ черной земли. Подпочву составляетъ желтая глина.

Могильникъ начинается большимъ курганомъ (№ 1), затѣмъ къ сѣверу идутъ малые и заключается могильникъ также большимъ курганомъ; на бокахъ этого послѣдняго находятся 3 углубленія: на сѣверо-востокъ, юго-востокъ и юго-западъ. Третій большой курганъ расположенъ въ сторонѣ отъ могильника по направленію къ западу.

Благодаря любезности графа М. Валевскаго и при участіи его сына, мной было разрыто 8 кургановъ: 1 перваго вида и 7 втораго.

Курганъ № 1.

На верху его небольшая площадка. Окружность 72 мет. Высота 3,15 м. Раскопка производилась колодцемъ діаметромъ въ 6 метровъ. На глубинѣ 0,2 м. встрѣтился въ центрѣ черепокъ обыкновеннаго горшка; еще черезъ 0,2 м. въ восточной части—черепокъ изъ красной глины, толщиной въ 8 миллим.; на немъ видны продольныя полоски, онъ неправильной формы и дѣланъ отъ руки. На

глубинѣ 0,6 м. снова попался небольшой черепокъ, повидимому, также сдѣланный отъ руки. Въ разныхъ мѣстахъ найдено нѣсколько небольшихъ кремневыхъ валуновъ. На глубинѣ 1,45 м. стали попадаться угли; они были разсѣяны небольшими гнѣздами по всей насыпи до самаго материка. Черезъ 0,3 м., т. е. на глубинѣ 1,75 м. встрѣтились остатки костяка. Сохранились только задняя часть правой височной кости съ частями теменной и затылочной, правый сочленовный отростокъ нижней челюсти и кусокъ правой лопатки. Кромѣ этого на протяженіи 0,25 м. находился слой истлѣвшихъ костей толщиной въ 0,01 м. Сохранившіяся кости черепа лежали на юго-юго-западъ. Съ лѣвой стороны височной кости, сейчасъ же возлѣ нея, лежалъ каменный молотокъ. Онъ пятиугольный, сдѣланъ изъ діорита и хорошо отшлифованъ. Одинъ конецъ его острый и удлиненный, другой, составляющій тылье, тупой. Длина его 0,12 м., толщина—0,035 м. и ширина въ самой широкой части—0,047 м., въ этой же части сдѣлано цилиндрическое отверстіе. Видно, что это послѣднее было дѣлано въ нѣсколько пріемовъ, т. к. внутри замѣтны неровности и діаметры отверстія съ одной и другой стороны не равны: съ одной—0,019 м., а съ другой—0,021 м. Тылье молотка представляетъ шероховатую и неровную поверхность съ небольшими углубленіями,—что указываетъ на то, что молотокъ былъ въ употребленіи. Вѣситъ онъ 63½ золот. На той же глубинѣ, какъ и костякъ, найденъ небольшой черепокъ, а на 0,15 м. ниже—другой довольно грубый черепокъ и нѣсколько кусочковъ отбитыхъ кремней. На глубинѣ 2,9 м. въ желтой глинѣ обозначился неправильный кругъ черной земли діаметромъ въ 1,2 м., представлявшій какъ бы яму; въ немъ на той же глубинѣ найденъ большой кремневый валунъ; черезъ 0,2 м. черная земля прекратилась и далѣе шла чистая материковая глина. Затѣмъ было прокопано еще до глубины 3,75 м. и раскопка кургана окончена.

Курганъ № 2.

Онъ расположенъ у подошвы № 1 съ восточной стороны. Насыпь его вполнѣ слилась съ насыпью № 1. Окружность—24,5 м. Высота 1,1 м. Раскопка его, какъ и всѣхъ послѣдующихъ, производилась колодцемъ. На глубинѣ 0,7 м. обнаруженъ костякъ головой на западъ. Лежалъ онъ навзничь; руки вытянуты вдоль туловища. Кисти рукъ, ступни ногъ и вообще тонкія части костей плохо сохранились, но все таки можно было различить, что кисть правой

руки находилась на тазовой кости, а кисть лѣвой—подъ тазовой. Подъ лѣвой же частью тазовой кости найдено небольшое окислившееся серебряное колечко изъ тонкой проволоки; діаметръ его—0,018 м.; края не спаяны, а только согнуты и закруглены. На костякѣ въ разныхъ мѣстахъ найдено 3 желѣзныхъ гвоздя. Длина костяка отъ головы до пятъ—1,53 м. Затѣмъ была прорыта до материка поперечная канава, ничего не обнаружено и раскопка прекращена. Такія же поперечныя канавы были вырываемы и во всѣхъ остальныхъ курганахъ.

Курганъ № 3.

Расположенъ возлѣ № 2. Окружность 21 м. Высота 0,75 м. На глубинѣ 0,4 м.—костякъ. На немъ 2 гвоздя. Длина костяка 1,75 м. Голова на правомъ вискѣ, на сѣверо-западъ; руки вдоль туловища; кости рукъ и ступни ногъ сгнили. Между ступнями найденъ небольшой черепокъ отъ обыкновеннаго горшка, тамъ же находился кусочекъ истлѣвшей березовой коры. Снаружи кургана, въ томъ мѣстѣ, гдѣ приходились ступни ногъ, находился небольшой, отдѣльный отъ кургана бугорокъ.

Курганъ № 4.

Расположенъ въ 10 метр. на сѣверъ отъ № 1.

Окружность 21 м. Высота 0,95 м. На глубинѣ 0, 54 м.—костякъ, головой на западъ. Длина костяка—1,72 м. Голова на лѣвомъ вискѣ; руки вдоль туловища. Кисти рукъ и ступни ногъ полусгнили; кисть правой руки находилась подъ тазовой костью; ноги разставлены и правая нога лежала выше лѣвой. Между ступнями ногъ найдено 6 кусковъ отъ дна и верхней части горшка; горшокъ дѣланъ на гончарномъ кругѣ. Возлѣ черепковъ найденъ небольшой кусочекъ истлѣвшей березовой коры. Снаружи кургана, съ восточной стороны находился небольшой бугорокъ, какъ и въ № 3. Изъ этого кургана взятъ черепъ.

Курганъ № 5.

Расположенъ возлѣ № 4, надъ лугомъ. Окружность 24 м. Высота 0,65 м. На глубинѣ 0,65 м. обнаруженъ костякъ, головой на западо-западо-сѣверъ. Голова на лѣвомъ вискѣ; руки лежатъ вдоль туловища; кисть лѣвой руки подъ тазовой костью, тамъ же небольшой кремень. Длина костяка 1,72 м. Это единственный вполнѣ сохранившійся остовъ: всѣ конечности у него оказались цѣлыми. На ко-

стякѣ, въ средней его части, найденъ черепокъ отъ верхушки горшка, дѣланнаго на гончарномъ кругѣ.

Курганъ № 6.

Расположенъ сѣвернѣе № 5. Окружность 25,5 м. Высота 0,85 м. На глубинѣ 1,3 м.—костякъ, головой на западъ; голова на правомъ вискѣ. Длина костяка 1,65 м. Почва пропитана водой.

Курганъ № 7.

Расположенъ возлѣ № 6. Окружность 22 м. Высота 0,8 м. На глубинѣ 1,1 м. находился костякъ, головой на западъ. Руки вдоль туловища; голова на правомъ вискѣ. Длина костяка 1,7. Почва также пропитана водой.

Курганъ № 8.

Расположенъ въ срединѣ могильника. Окружность 22,5 м. Высота 0,85 м. На глубинѣ 0,71 м. обнаружена красная выжженная земля, здѣсь же, въ перемежку съ дубовыми углями, находились пережженныя человѣчьи кости, большей частью отъ нижнихъ конечностей; тутъ найденъ также черепокъ отъ горшка, дѣланнаго на гончарномъ кругѣ. Переженная земля, кости и угли шли до материка.

На основаніи вышеприведеннаго дневника раскопокъ можно сдѣлать слѣд. заключенія.

Курганъ № 1 своей величиной, сохранностью заключавшагося въ немъ костяка и предметомъ, найденнымъ у этого послѣдняго, существенно отличается отъ прочихъ разрытыхъ кургановъ и относится къ эпохѣ гораздо старѣйшей. Нахожденіе шлифованнаго молотка съ хорошо сдѣланной сверлиной и отсутствіе какихъ бы то ни было признаковъ бронзы или желѣза указываетъ на конецъ каменнаго вѣка, на т. н. неолитическій періодъ въ послѣдней фазѣ его развитія.

Къ числу предметовъ той же эпохи относится найденный въ прошломъ году при вспахиваніи поля сейчасъ же возлѣ лѣса кремневый клинъ, любезно предоставленный намъ графомъ М. Валевскимъ. Сдѣланъ этотъ клинъ изъ сѣроватаго кремня, которымъ изобилуютъ берега рѣки Горыни; верхняя часть его какъ бы отбита, онъ превосходно отшлифованъ и къ лезвію расширяется. Длина его—0,15 м., ширина у лезвія—0,075 м., у противоположнаго конца—0,06 м. и толщина въ самой толстой части—0,025 м. Вѣситъ онъ 88 золот.

Что касается кургановъ № 2—7, то мы здѣсь встрѣчаемъ два вида погребенія: въ курганахъ №№ 2, 3, 4 и 5 трупъ былъ схороненъ въ могильной насыпи, въ №№ 6 и 7—на незначительной глубинѣ въ материкѣ. Присутствіе въ курганахъ № 2 и № 3 желѣзныхъ гвоздей съ приставшими къ нимъ кусочками истлѣвшаго дерева даетъ поводъ предположить погребеніе въ гробахъ. Интересно также нахожденіе въ курганахъ № 3 и № 4 черепковъ отъ горшковъ и березовой коры возлѣ ступней. Серебряное колечко съ согнутыми, но не спаянными концами, указываетъ на незнаніе спайки. Типъ погребенія, обнаруженный въ курганахъ №№ 2—7, уже извѣстенъ. Онъ обыкновенно приписывается древлянамъ и относится къ концу VIII или началу IX в.в. Какъ на примѣръ аналогичнаго погребенія, можно указать на могильникъ у с. Ятнятина сквирск. у. кіевск. губ., изслѣдованный въ прошломъ году проф. В. Б. Антоновичемъ. Въ этомъ могильникѣ также встрѣтились два вида погребенія: въ насыпи и въ материкѣ; положеніе костяковъ было также на западъ и найденныя тамъ серебряныя кольца совершенно подобны кольцу изъ кургана № 2.

Курганъ № 8 занимаетъ особое мѣсто. Въ немъ обнаружено сожженіе трупа. Сожженіе было произведено прямо на землѣ и надъ остатками насыпанъ небольшой холмикъ.

Н. Бѣляшевскій.

Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца за первую половину 1888 г.

I. ЗАСѢДАНІЕ 31-го ЯНВАРЯ.

Д. чл. *В. Б. Антоновичъ* представилъ *характеристику древлянскихъ могильниковъ по послѣднимъ раскопкамъ.*

Въ теченіи послѣдняго лѣта референтъ раскопалъ 215 кургановъ; при производствѣ раскопокъ онъ старался, слѣдя за подробностями погребальнаго типа, опредѣлить южныя границы разселенія древлянъ. По полному сходству погребальнаго обряда онъ опредѣляетъ эту границу теченіями рѣкъ: Ирпеня, Унавы, Каменки и Раставицы. Къ сѣверу отъ указанной границы самыя численныя раскопки были произведены имъ на урочищѣ „Грубскѣ“ въ окрестности м. Ходоркова и на среднемъ теченіи Тетерева. Древлянскіе курганы расположены вообще густыми группами въ нѣсколько де-

сятковъ или сотень въ каждой (у с. Ягнятина ихъ болѣе тысячи). Величина кургановъ незначительна (отъ 1—1½ метра); они окружены у подножія канавами, совершенно явственными. Покойники лежатъ въ неглубокихъ ямахъ, дно которыхъ совпадаетъ по большей части съ верхнею поверхностью подпочвы; очень часто яма выстлана деревянными брусьями; въ нѣкоторыхъ, болѣе богатыхъ, курганахъ, въ самой насыпи, значительно выше скелета встрѣчались деревянныя постройки въ видѣ сруба или крыши.—Скелеты лежали навзничь, головою къ западу, съ протянутыми ногами.—Руки находились въ различномъ положеніи; чаще всего онѣ были скрещены на поясницѣ или на лобковыхъ костяхъ, рѣже всего протянуты вдоль тѣла, весьма часто онѣ были сильно изогнуты въ локтяхъ и ручныя кисти приходились подъ мышками. Форма костей не представляла уклоненій отъ формы костей современнаго скелета. Въ одномъ только случаѣ (у с. Ягнятина) найденъ былъ скелетъ съ черепомъ искусственно деформированнымъ. Черепъ этотъ принадлежалъ, повидимому, женщинѣ очень преклонныхъ лѣтъ; деформація состояла въ томъ, что на заднихъ частяхъ темянныхъ костей находились 3 сильно вдавленныя, довольно обширныя плоскости.

Древлянскія могилы бѣдны предметами. Въ нихъ замѣчается совершенное отсутствіе сосудовъ и только въ исключительныхъ случаяхъ встрѣчается оружіе. Въ каждой могилѣ встрѣчается большое количество желѣзныхъ гвоздей, расположенныхъ оригинальнымъ образомъ; гвозди эти расположены по контурамъ скелета и по большей части встрѣчаются въ отвѣсномъ положеніи, шляпками вверхъ; можно предполагать, что покойника накрывали мягкимъ покрываломъ и послѣднее прикрѣпляли къ землѣ гвоздями по контурамъ тѣла.

Въ числѣ вещей, находимыхъ у скелетовъ, чаще всего встрѣчались перстни, кольца и серьги; предметы эти сдѣланы изъ бронзы или серебра; они иногда литые, чаще же всего сдѣланы изъ проволокъ, концы которыхъ или свободны, или скручены узломъ, но никогда не спаяны—очевидно, умѣніе паять не было извѣстно туземцамъ во время сооруженія кургановъ; встрѣчаются перстни, составленные изъ двухъ скрученныхъ вмѣстѣ проволокъ. Довольно часто у покойниковъ находились бусы, весьма разнородныя по составу. Чаще другихъ встрѣчались бусы стеклянныя, обтянутыя тонкимъ листкомъ золота, затѣмъ бусы, состоящія изъ разныхъ глинистыхъ композицій, а также отлитыя изъ бронзы; рѣже другихъ сердоликовыя. Въ немногихъ случаяхъ найдены поясныя бронзовыя

и серебряныя пряжки. У нѣсколькихъ женскихъ скелетовъ замѣченъ былъ особый способъ украшенія волосъ: коса опускалась вдоль праваго плеча и конецъ ея былъ украшенъ рядомъ металлическихъ колецъ отъ 2 до 8. На нѣкоторыхъ пряжкахъ и кольцахъ встрѣтилась орнаментика—она представляла извилисто согнутыя вѣтки растеній съ листиками и отростками.

Слѣды одежды встрѣчались весьма рѣдко, такъ какъ она истлѣла отъ времени, въ нѣсколькихъ случаяхъ уцѣлѣла часть ворота, состоявшая изъ цвѣтной ткани и сохранившаяся на двухъ или трехъ скелетахъ, благодаря тому обстоятельству, что она пропиталась окисью отъ бронзовой пуговицы, которою воротникъ былъ застегнутъ; судя по этимъ немногочисленнымъ остаткамъ, можно заключить, что въ одеждѣ древлянъ воротникъ состоялъ изъ узкой стоячей полосы цвѣтной матеріи и застегивался на срединѣ шеи. Въ двухъ случаяхъ найдена была обувь; она сшита изъ тонкой кожи (сафьяна?), сложенной въ два пласта, и имѣла форму остроконечныхъ полусапогъ безъ отдѣльной подошвы; мягкая кожа сшита продольнымъ швомъ отъ пальцевъ до пятки на нижней части обуви; голенища невысокія, едва закрывавшія мыщелки берцовыхъ костей, и края ихъ отворочены наружу; отвороты эти шириною въ три пальца.

Оружіе весьма немногочисленно, оно встрѣтилось только въ 5 случаяхъ и курганы, въ которыхъ оно находилось, стояли нѣсколько въ сторонѣ отъ группы остальныхъ кургановъ и отличались значительно большимъ объемомъ. Оружіе это состояло изъ небольшихъ желѣзныхъ длинныхъ и тонкихъ наконечниковъ копій, большихъ ножей и въ одномъ только случаѣ найденъ короткій широкій желѣзный мечъ или, можетъ быть, кинжалъ.

Нѣсколько замѣчаній по поводу этого сообщенія было представлено д. чл. *В. З. Завитневичемъ.*

II. ЗАСѢДАНІЕ 21-го ФЕВРАЛЯ.

Д. чл. *В. С. Иконниковъ* прочелъ сообщеніе: *„Новые матеріалы и труды о патріархѣ Никонѣ“* [1]).

Д. чл. *А. В. Романовичъ-Славатинскій* сообщилъ свѣдѣнія *объ архивѣ Государственнаго Совѣта* и остановился въ частности

---

[1]) Въ болѣе полномъ изложеніи этотъ рефератъ напечатанъ въ іюньской книжкѣ кіевскихъ „Университетскихъ Извѣстій“ 1888 г. и вышелъ затѣмъ отдѣльнымъ оттискомъ.

на мнѣніяхъ графа Блудова: 1) о запискахъ Карамзина, касательно древней и новой Россіи и касательно Польши; 2) объ исторіи Руссовъ Конисскаго [1]).

По баллотировкѣ единогласно избранъ въ д. члены Общества профессоръ университета св. Владиміра *А. В. Прахов*.

III. ЗАСѢДАНІЕ 13-го МАРТА.

а) Предсѣдатель *М. Ф. Владимірскій-Буданов* выразилъ отъ имени Общества соболѣзнованіе по случаю кончины д. чл. Ѳ. Г. Лебединцева.

б) Д. чл. *А. И. Соболевскій* читалъ сообщеніе по вопросу: *въ какомъ году было крещеніе Руси?* По мнѣнію референта, лѣтописная дата крещеніе Владиміра—988 г. заслуживаетъ вѣры, такъ какъ подобное событіе не могло не быть отмѣчено кѣмъ нибудь изъ современниковъ и такъ какъ другіе источники, русскіе и иноземные, ей не противорѣчатъ. Показаніе „Памяти и похвалы“ Іакова Мниха („Владиміръ прожилъ послѣ крещенія 28 лѣтъ“), если сдѣлать вычисленіе такъ, какъ дѣлали въ древности, говоритъ въ пользу 988 г.; арабскій лѣтописецъ Яхъя и греческіе лѣтописцы Кедринъ и Зонара, разсказывая о женитьбѣ Владиміра на греческой царевнѣ, не противорѣчатъ 988 г. Та же дата можетъ быть признаваема и за дату крещенія Руси, такъ какъ Владиміръ крестился въ Корсунѣ не одинъ, а со всѣмъ своимъ войскомъ, и такъ какъ это войско можно съ бо́льшимъ основаніемъ признавать представителями всей Руси, чѣмъ не находившуюся въ войскѣ часть кіевскаго населенія [2]).

Д. чл. *В. З. Завитневичъ* представилъ возраженіе противъ положеній А. И. Соболевскаго, но послѣдній остался при своемъ мнѣніи.

Сущность разногласія выясняется въ слѣдующихъ тезисахъ, извлеченныхъ изъ реферата А. И. Соболевскаго, и въ отвѣтныхъ положеніяхъ В. З. Завитневича.

Тезисъ. О времени крещенія св. Владиміра есть даты въ трехъ русскихъ памятникахъ. Первый изъ нихъ самый важный—Несторова лѣтопись, которая относитъ крещеніе Владиміра къ 988 году. Эта лѣтописная дата сама по себѣ не внушаетъ никакихъ сомнѣ-

---

[1]) См. іюньскую кн. „Кіевской Старины“ 1888.

[2]) Рефератъ А. И. Соболевскаго напечатанъ во 2-мъ выпускѣ „Чтеній“ Общества.

ній. Лѣтописецъ для событій IX и X вв. нерѣдко выставляетъ года на угадъ; но есть достаточно основаній думать, что у него были подъ руками какія то старыя записи второй половины IX и начала X в., изъ которыхъ онъ извлекъ даты нѣкоторыхъ событій: смерти Ольги и Владиміра, прихода на Русь печенѣговъ и др. Эти записи, безъ сомнѣнія, имѣли въ себѣ и дату столь важнаго событія, какъ крещеніе Владиміра съ дружиною и войскомъ, которое не могло не обратить на себя вниманія какъ бывшихъ уже въ Кіевѣ христіанъ, такъ и греческаго духовенства, прибывшаго въ Кіевъ съ только что принявшимъ крещеніе Владиміромъ.

Антитезисъ. Нѣтъ сомнѣнія что мы вправѣ требовать отъ лѣтописца, чтобы онъ точно передалъ намъ хронологическую дату такого крупнаго событія, какъ крещеніе Владиміра. Но въ разсказѣ о событіяхъ эпохи Владиміра лѣтописецъ дѣлаетъ рядъ хронологическихъ ошибокъ, заставляющихъ историка относиться къ его показаніямъ съ большою осторожностью. Занятіе, напр., Владиміромъ кіевскаго стола лѣтописецъ относитъ къ 980 году; эта дата стоитъ въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ показаніемъ самого же лѣтописца. что Владиміръ княжилъ 37 лѣтъ. И дѣйствительно, другой древній русскій писатель Іаковъ Мнихъ точно показываетъ, что Владиміръ занялъ кіевскій столъ 11 іюня 978 года. Далѣе, подъ 988 годомъ у лѣтописца нагромождена цѣлая масса фактовъ, которые, уже въ силу одной физической невозможности, не могли совершиться въ одномъ и томъ же году. Мало того. Лѣтописецъ сознается, что у него подъ руками были источники, которые совершенно иначе говорили о крещеніи Владиміра, чѣмъ самъ онъ думаетъ. Эти источники, утверждая, что Владиміръ крестился у себя дома (въ Кіевѣ или въ Василевѣ), отдѣляли фактъ крещеніе отъ похода на Корсунь, а слѣдовательно и хронологическія даты для этихъ двухъ событій у нихъ были не одинаковыя. Все эго вынуждаетъ историка относиться къ лѣтописцу съ недовѣріемъ и его хронологическія показанія принимать только послѣ строгой критической провѣрки.

Тезисъ. Второй памятникъ, упоминающій о крещеніи Владиміра, это—древнее „Житіе Владиміра“ (Іакова Мниха), составленное въ XII или началѣ XIII вѣка. Авторъ „Житія“ несомнѣнно пользовался какимъ то древнимъ источникомъ, заключавшимъ въ себѣ нѣсколько фактическихъ данныхъ, не отмѣченныхъ лѣтописью, и нѣсколько датъ, отличающихся отъ датъ лѣтописи. Въ „Житіи“ между проч. говорится, что Владиміръ послѣ крещенія жилъ 28

лѣтъ; а смерть его, согласно съ показаніемъ лѣтописи, относится къ 1015 г. Въ лѣтописи часто встрѣчаются случаи, когда цифры, взятыя круглымъ числомъ, превышаютъ дѣйствительную продолжительность обозначаемыхъ ими событій. Въ виду этого и здѣсь 28 лѣтъ жизни Владиміра послѣ крещенія должны быть понимаемы въ томъ смыслѣ, что Владиміръ прожилъ только 27 лѣтъ и умеръ на 28 году. Поэтому годомъ крещенія Владиміра по „Житію“ долженъ быть признанъ 988 годъ, т. е. годъ, указанный въ лѣтописи. При этомъ нужно помнить, что при счетѣ лѣтъ за первый годъ послѣ событія иногда принимался самый годъ событія, такъ что вторымъ годомъ назывался годъ, слѣдующій за годомъ событія.

Антитезисъ. Цифра 28 въ разсматриваемомъ „Житіи“ несомнѣнно означаетъ число истекшихъ лѣтъ. Для означенія текущаго года въ „Житіи“ употребляется особое выраженіе: „на другое лѣто“ и т. д. Въ данномъ же случаѣ прямо сказано, что Владиміръ поживе 28 лѣтъ послѣ крещенія, а не сказано, что онъ умеръ на 28 лѣто по крещеніи. Вотъ почему, если въ данномъ случаѣ и можетъ быть рѣчь о неточности круглой цифры, но развѣ въ томъ смыслѣ, что Владиміръ жилъ послѣ крещенія 28 лѣтъ и умеръ на 29 году. Это значитъ, что 1 марта 1015 г., т е. съ началомъ новаго года, кончилось 28 лѣтъ послѣ крещенія Владиміра и наступилъ 29-й годъ. А такъ какъ Владиміръ умеръ 15 іюля этого года, то значитъ послѣ крещенія онъ прожилъ 28 лѣтъ 4 мѣсяца и 15 дней. Въ виду этого факта, если даже будутъ приняты во вниманіе всѣ условія, неблагопріятствующіе нашему вычисленію, все же годомъ крещенія Владиміра, по Іакову, неизбѣжно окажется 987 г.

Тезисъ. „Житіе Владиміра“ говоритъ, что Владиміръ взялъ городъ Корсунь на третій годъ послѣ крещенія. Мѣсто это противорѣчитъ показанію лѣтописи, свидѣтельствующей, что Владиміръ крестился послѣ взятія Корсуня. Для устраненія этого противорѣчія необходимо предположить или то, что Владиміръ послѣ крещенія во второй разъ ходилъ на Корсунь, или то, что въ „Житіи“ вмѣсто „взя“ нужно читать „основа“, т. е. основалъ г. Корсунь на рѣкѣ Роси.

Антитезисъ. Разъ доказано, что по „Житію“ Владиміръ крестился въ 987 году, всѣ эти догадки не имѣютъ мѣста: замѣна глагола „взя“ глаголомъ „основа“ является произвольнымъ искаженіемъ текста древняго памятника; а предположеніе, что Владиміръ непосредственно послѣ перваго похода на Корсунь взялъ его *второй*

разъ не только не оправдывается источниками, но и само по себѣ неправдоподобно. Самая попытка отыскать въ „Житіи“ основаніе для двоякаго похода Владиміра на Корсунь не выдерживаетъ критики при внимательномъ анализѣ „Житія“, какъ литературнаго памятника: мысль, что въ „Житіи“ сначала перечисляются дѣянія Владиміра язычника, а потомъ христіанина, опровергается тѣмъ, что непосредственно предъ первымъ перечисленіемъ передаются факты, имѣвшіе мѣсто послѣ крещенія Владиміра.

Тезисъ. Третій памятникъ—„Житіе Бориса и Глѣба“ Нестора Діакона относится, вѣроятно, къ самому началу XII в. Авторъ его, упомянувъ о крещеніи Владиміра и кіевлянъ, прибавляетъ: „се бысть въ лѣто 6000 и 400 и 90“. Такъ читается въ спискахъ XIV вѣка, но, по всей вѣроятности, лицо, писавшее этотъ списокъ, опустило въ концѣ цифры находившуюся въ оригиналѣ букву *е* (5), принявъ ее за окончаніе вин. пад. ед. чис. порядковаго числительнаго. Въ виду этого для оригинала „Житія“ возможно возстановить цифру 5,495, т. е. 987 годъ. Эта дата повидимому не согласна съ лѣтописной датой; но обѣ онѣ легко могутъ быть приведены къ одной, если предположить, что Владиміръ крестился между 1 марта и 1 сентября въ одинъ изъ пяти послѣднихъ мѣсяцевъ 987 сентябрскаго года, которые были вмѣстѣ съ тѣмъ начальными мѣсяцами 988 мартовскаго года.

Антитезисъ. Еще Погодинъ въ полемикѣ съ Хавскимъ доказалъ, что не мартовскій годъ предшествовалъ сентябрскому, какъ предполагаетъ выше констатированная догадка, а наоборотъ, сентябрскій мартовскому, вслѣдствіе чего послѣдніе мѣсяцы сентябрскаго 987 года соотвѣтствовали первымъ мѣсяцамъ того же 987 мартовскаго года. Вотъ почему, если предположить, что въ „Житіи“ Нестора дата крещенія Владиміра выставлена по сентябрскому счету, то, при переводѣ ея на мартовскій годъ, фактъ крещенія Владиміра можно переносить или на конецъ 986 г., или на начало 987 г., но на 988 годъ онъ никакимъ образомъ переносимъ быть не можетъ. И такъ, и Несторъ согласно съ Іаковомъ крещеніе Владиміра относитъ къ 987 году.

Тезисъ. Лѣтописный годъ крещенія Владиміра (988) находитъ себѣ полное подтвержденіе въ данныхъ лучшихъ иностранныхъ источниковъ—Яхъи, Кедрина и пр.

Антитезисъ. Названные иностранные писатели не даютъ ни малѣйшаго основанія относить крещеніе Владиміра къ 988 году.

Другіе же иностранные писатели для рѣшенія даннаго вопроса не даютъ никакихъ хронологическихъ указаній.

Тезисъ. Огненные столбы, явившіеся, по свидѣтельству Яхъи, 7 апрѣля 989 года, предвѣщали, по словамъ Льва Діакона, взятіе русскими Корсуня; слѣдовательно, Корсунь взятъ былъ Владиміромъ не раньше 989 года. Но такъ какъ это свидѣтельство противорѣчитъ лѣтописи, то необходимо признать, что Левъ Діаконъ въ своемъ повѣствованіи смѣшалъ событія разныхъ годовъ, при чемъ для него легче было смѣшать событіе 989 г. съ событіемъ 988 г., чѣмъ съ событіемъ 987, 986 и еще болѣе ранняго года.

Антитезисъ. Левъ Діаконъ ничего не смѣшивалъ: его показаніе совершенно согласно съ показаніемъ Іакова Мниха, по которому Владиміръ, крестившись въ 987 г., *на третье лѣто,* т. е. въ 989 г. взялъ Корсунь. Заподозриваніе въ смѣшенія событій современника этихъ событій, признаваемаго къ тому же самымъ добросовѣстнымъ между византійскими историками, является дѣломъ печальной необходимости, вызванной тенденціознымъ желаніемъ во что бы то ни стало оправдать ошибку нашего лѣтописца, и поэтому наукою не можетъ быть принято [1]).

в) Д. чл. *В. С. Иконниковъ* въ замѣткѣ о первомъ самозванцѣ и его отношеніи къ Польшѣ по водворенiи въ Москвѣ [2]) обратилъ вниманіе на недавно напечатанный въ „Русскомъ Архивѣ“ документъ, извлеченный изъ архива Краснохолмскаго монастыря, о сборѣ лошадей съ монастырскихъ вотчинъ „для польского похода“, въ концѣ правленія Дмитрія Самозванца. Сопоставляемый съ другими, напр., съ свидѣтельствомъ секретаря Самозванца Бучинскаго и съ иностранными извѣстіями (голландца Массы и др.), документъ этотъ подтверждаетъ мнѣніе о существовавшемъ у Дмитрія Самозванца планѣ—начать войну съ Польшей, отношенія къ которой въ послѣднее время его правленія настолько обострились, что дѣлали такой выходъ естественнымъ и необходимымъ. Тѣмъ болѣе возможнымъ казалось это предпріятіе, что въ то время было собрано уже значительное войско и артиллерія для войны съ Турціей, а между тѣмъ, отчасти по винѣ короля Сигизмунда III, планъ этотъ былъ разстроенъ,

---

[1]) Мнѣніе А. И. Соболевскаго объ аргументаціи г. Завитневича см. въ іюньской книжки Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія 1888 г.

[2]) Замѣтка эта предназначена къ помѣщенію въ „Русскомъ Архивѣ„.

война же съ Польшей могла принести Самозванцу громадную популярность.

Избранъ въ дѣйствительные члены по баллотировкѣ редакторъ-издатель „Кіевской Старины“ Александръ Степановичъ Лашкевичъ.

IV. ЗАСѢДАНІЕ 3-го АПРѢЛЯ.

а) Д. чл. *В. С. Иконниковъ* въ сообщеніи *„Изъ исторіи X-й главы Екатерининскаго наказа“* [1]) представилъ исторію отмѣны пытки въ Россіи. Референтъ указалъ сначала на смягченіе пытки до Екатерины II и измѣненіе, происшедшее во взглядахъ на примѣненіе пытки до „Наказа“, отчасти выразившееся и въ законодательствѣ. Затѣмъ онъ указалъ на важность того факта, что X-я глава „Наказа“, столь категорически высказавшаяся противъ пытки, вскорѣ послѣ закрытія Екатерининской коммиссіи вошла уже въ силу, а отступленія отъ нея вызвали повсемѣстное и безусловное запрещеніе производить пристрастные допросы и пытки. Значеніе этого извлеченнаго недавно изъ одного мѣстнаго архива распоряженія, какъ законодательнаго акта, подтверждается послѣдующими правительственными постановленіями по тому же предмету. Того же взгляда держалась императрица Екатерина II и въ отношеніи процессовъ политическаго характера. Губернская администрація, отступавшая иногда отъ указанныхъ началъ „Наказа“ (на который постоянно ссылаются акты), подвергалась замѣчаніямъ и выговорамъ. Но такъ какъ означенныя распоряженія имѣли секретный характеръ, то и отступленія отъ нихъ являлись болѣе возможными. Такими же отступленіями вызванъ былъ и извѣстный актъ въ началѣ царствованія Александра I (1801 г.), безусловно отмѣнявшій пытки и пристрастные допросы съ тѣмъ, чтобы и самое названіе пытки, наносящее стыдъ и укоризну человѣчеству, изглажено было навсегда изъ памяти народной. Этотъ актъ разсматриваетъ бывшіе случаи пристрастныхъ допросовъ, вызывавшихъ его, какъ злоупотребленіе закономъ и притѣсненіе со стороны властей. Несмотря на это, кое-гдѣ встрѣчаются еще злоупотребленія орудіями пытки, которыя отбираются по распоряженію правительства (напр., въ 1827 г.). Особенно долго существовали нѣкоторые виды пытки (колодки) въ лютеранскихъ приходахъ, подвѣдомственныхъ петербургской протестант-

[1]) Предназначено для „Русскаго Архива“.

ской генеральной консисторіи, примѣнявшіеся по распоряженію п. сторовъ и церковныхъ старостъ къ крестьянамъ.

б) Д. чл. *В. Б. Антоновичъ* сообщилъ *объ* изслѣдованныхъ имъ лѣтомъ 1887 г. *городищахъ Кіевской земли* [1]).

в) Д. чл. *И. В. Лучицкій* въ сообщеніи *о сябренномъ землевладѣніи* указалъ: 1) на отсутствіе въ литературѣ работъ по вопросу о сябренномъ землевладѣніи и 2) на тѣ источники, которыми онъ пользовался, именно: а) Румянцевскую опись,—томы, относящіеся до Любечской сотни (Черниговскій архивъ), б) документы рода Константиновичей, Стаховичей и др. Вопросъ въ рефератѣ г. Лучицкаго шелъ главнымъ образомъ о томъ, что такое сябръ и сябренное владѣніе. Послѣ разсмотрѣнія данныхъ о патронимическомъ названіи селъ, о семейной организаціи малороссовъ прежняго времени въ большія семьи соединенныя, затѣмъ данныхъ объ общемъ владѣніи землями, о передѣлахъ земель, сдѣлано общее заключеніе, а именно, что сябренное землевладѣніе есть особая форма землевладѣнія, одинаково отличная и отъ подворнаго, и отъ общиннаго. Она обязана своимъ возникновеніемъ разложенію единой и цѣльной семейной общины, распавшейся на группы семей, поселенныхъ въ отдѣльныхъ дворахъ, но связанныхъ общностью происхожденія, представляющихъ собою „родъ", „племя", и при раздѣленіи на дворы сохранившихъ нераздѣльное пользованіе отчинами и дѣдизнами, т. е. разнаго рода угодьями, распредѣляемыми на паи. Эти паи переходятъ изъ рукъ въ руки путемъ передѣла, но каждый дворъ пользуется ими не равномѣрно, а пропорціонально, сообразно размѣру родственныхъ правъ. Отъ общиннаго землевладѣнія сябренное отличается неравенствомъ участковъ и правомъ свободной продажи своего права на идеальную долю пользованія (на всю цѣликомъ или на нѣкоторую часть ея); отъ подворной—тѣмъ, что владѣніе участкомъ не было постояннымъ, а переходило изъ рукъ въ руки путемъ передѣла между дворами, изъ которыхъ каждый имѣлъ право собственности на *участіе* въ землѣ, а не на самую землю, другими словами пользовался идеальнымъ, а не реальнымъ участкомъ.

Избраны въ д. члены Общества А. И. Булгаковъ и Ѳ. И. Кнауэръ.

---

[1]) Изложеніе этого сообщенія см. въ майской кн. „Кіевской Старины".

Для справокъ.

—— **Нѣсколько словъ о „Журналѣ“ генер. хор. Якима Горленка (1736).** Въ Румянцевскомъ Музеѣ подъ № 1156 (1870 г) хранится среди рукописей, перешедшихъ туда послѣ смерти извѣстнаго въ свое время въ Малороссіи собирателя книгъ и рукописей Ив. Як. Лукашевича, рукопись, озаглавленная имъ „Журналъ Якима Горленка, генеральнаго хоружаго, веденный (sic) въ крымскомъ походѣ въ 1736 г.“— Заинтересовавшись многообѣщавшимъ намъ заглавіемъ этой рукописи и надѣясь въ ней найти что либо, напоминающее своимъ содержаніемъ извѣстные дневники Маркевича, Ханенка и т. п., мы постарались ближе ознакомиться съ нею и нашли, что рукопись эта (129 листовъ съ пропусками) составляетъ входящій и исходящій журналъ, веденный Горленкомъ въ крымскомъ походѣ 1736 г. Въ журналъ этотъ Горленко вносилъ собственноручно по порядку дневные приказы, рапорты, лозунги, вѣдомости о количествѣ выбывшихъ людей и лошадей и т. п., сюда же вносились имъ оффиціальныя донесенія подначальныхъ ему лицъ (Томары, Мелеся, Колотовскаго и др.), по которымъ составлялись общія вѣдомости по его отряду,—свѣдѣнія, имѣющія, можетъ быть, интересъ для лица, спеціально занятаго исторіей крымскаго похода 1736.

Данныхъ, хоть немного имѣющихъ общее значеніе, въ высшей степени мало. Изъ такихъ данныхъ можно упомянуть „вѣдомость сколко и в яком малороссійскомъ полку с сего юня д. 4: по настоящое числа под Козловом пало лошадей, також сколко тогож юня 8 д: людей татарми побыто ранено и взято и сколко лошадей отогнано и побито 1736 году юня 9 д. учинена“. Вотъ эта „вѣдомость“ (Л. 117):

Имя полка.	Число людей			Число лошадей	
	убитіе.	ранени.	татарми взяти.	догнанихъ.	палихъ.
Миргородского. . .	3	—	—	14	37
Лубенского	1	—	—	21	81
Прилуцкого	—	1	—	8	24
Чернѣговского . . .	—	—	1	9	19
Киевского	—	—	—	—	35
Переяславского . .	—	—	—	1	16
Охокомонного (sic) .	—	—	—	—	11 [1])
Нѣжинского	2	1	—	21	71
Полтавского	—	—	—	—	85
Гадяцкого	—	—	—	—	38
Итого. . . .	6	1	1	74	417

„Такова вѣдомост послана к князю Гессенготбускому (sic) юня 9 при доношеніи“.

На слѣдующемъ (118-омъ) листѣ „1736 Іюня 9 д. ч. вѣдомость от полку Миргородского подается в команду ннѣ имѣючуюся в походѣ над малороссійскими полками, коликое число под Козловомъ убило и лошадей што ниже значитъ а именно

[1]) Въ рапортѣ отъ этого полка не 11, а 31.

Іюня 8 числа тарми (sic) убытихъ
радовихъ козаковъ 1
Гсндна Полковника Павла Апостола фурманчиковъ. 2

Ито (sic) 3

Убылихъ лошадей
упало 37
Татарми занятихъ 14

Итого 51

Наказний полковникъ Мыргородский Семенъ Galaganъ а вомѣсто *его неграмотного* по Его веленію подписалъ Стефанъ ... правящій за писара полкового [1])".

„На черниговскомъ рапортѣ подпись: „за болѣзнію правящаго в настоящом походѣ наказного полковника обозного чернѣговского полкового Павла Сан...ского Асаулъ полковій чернѣговского полку Стефанъ Славатинскій подписалъся".

Конечно, эти крупицы очень незначительны, но намъ казалось нелишнимъ привесть ихъ и дать общее представленіе о „Журналѣ" Горленка, о которомъ, насколько мы помнимъ, въ печати еще не было упоминанія.

Вл. Каллашъ.

—— **Извѣстія тамбовской ученой архивной коммиссіи. Выпуски I—XIX. Указатель къ описи тамбовскаго историческаго архива. Часть I. Составилъ правитель дѣлъ коммиссіи М. Розановъ. Тамбовъ. 1888.** По иниціативѣ покойнаго основателя и перваго директора Археологическаго Института, Н. В. Калачова, съ 1884 года стали появляться въ разныхъ губернскихъ городахъ Россіи ученыя архивныя коммиссіи. Положеніемъ о нихъ, Высочайше утвержденнымъ 13 апрѣля того года, на нихъ возлагалось: 1) разборъ дѣлъ и документовъ, предназначенныхъ въ архивахъ областныхъ присутственныхъ мѣстъ къ уничтоженію, для выдѣленія изъ нихъ бумагъ, которыя, по ихъ научному интересу, подлежатъ передачѣ для храненія въ историческій архивъ, 2) составленіе таковымъ документамъ и дѣламъ описей и указателей и 3) расположеніе ихъ въ такомъ порядкѣ, чтобы они были доступны для ученыхъ занятій. Сверхъ того, ученымъ коммиссіямъ предоставлено право включать въ кругъ своихъ занятій розысканіе, описаніе и объясненіе всякихъ другихъ памятниковъ мѣстной старины.

Такимъ образомъ, учрежденіе областныхъ ученыхъ архивныхъ коммиссій было событіемъ величайшей важности въ исторіи русскаго просвѣщенія и науки, ибо оно ставило предѣлы тому варварскому истребленію, которому подвергались (и подвергаются доселѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) драгоцѣнные памятники древности со стороны лицъ и учрежденій, не понимающихъ цѣны ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ давало средство областнымъ жителямъ поучиться своей исторіи и поучить ей другихъ, давало имъ возможность, сидя на мѣстѣ, своими мѣстными средствами и путями стремиться къ одной общей великой цѣли—народному самосознанію. Понятіе о русской народности—чрезвычайно сложное по крайнему разнообразію этническиобластныхъ единицъ, его составляющихъ, различно проявившихъ себя въ теченіе

[1]) Изъ подписи на л. 127 слѣдуетъ, что прилуцкій полковой асаулъ Михайло Мовчанъ былъ тоже неграмотенъ.

тысячелѣтней исторіи и до сихъ поръ не утратившихъ своей бытовой жизненности. Показать участіе областей въ общемъ ходѣ отечественныхъ событій, вынести на свѣтъ Божій бытовыя отличія и особенности края—какое обширное поприще для дѣятельности мѣстныхъ историческихъ обществъ!

Передъ нами печатный слѣдъ трудовъ одной изъ первыхъ по времени учрежденія коммиссій — тамбовской. „Извѣстія“ тамбовской коммиссіи составляются: 1) изъ журналовъ засѣданій, 2) изъ рефератовъ членовъ коммиссіи, 3) изъ описи историческаго архива и 4) изъ приложеній. Рефераты (большинство которыхъ принадлежитъ предсѣдателю коммиссіи, И. И. Дубасову) посвящаются обозрѣнію и оцѣнкѣ архивнаго матеріала и рѣдкихъ книгъ рукописныхъ и печатныхъ, поступающихъ въ коммиссію. Описаніемъ архива дѣятельно занимаются члены коммиссіи П. И. Пискаревъ и М. Г. Розановъ; въ вышедшихъ до сихъ поръ выпускахъ извѣстій помѣщены описи 2267 дѣлъ, составленныя такъ подробно, что во многихъ случаяхъ вполнѣ замѣняютъ собою самый документъ. Въ приложеніяхъ печатаются полностью наиболѣе важные изъ документовъ, а иногда цѣлыя собранія однородныхъ по содержанію, описаніе матеріаловъ по тамбовскому краю, хранящихся въ другихъ архивахъ, главнымъ образомъ въ московскихъ, и пр. Наконецъ, въ видѣ приложенія, особой книжкою, напечатанъ указатель къ описи тамбовскаго архива, составленный весьма тщательно и подраздѣляющійся, какъ и слѣдуетъ, на отдѣлы предметный, географическій и личныхъ именъ. Тамбовская коммиссія имѣетъ въ настоящее время собственное помѣщеніе, владѣетъ интереснымъ археологическимъ музеемъ; средства ея... средствъ она не имѣетъ почти никакихъ, если не считать членскихъ трехъ-рублевыхъ взносовъ (членовъ числится не болѣе 100), да ничтожныхъ крохъ, ассигнуемыхъ министерствомъ юстиціи на вознагражденіе лицъ, занимающихся разборомъ дѣлъ упраздненныхъ судебныхъ мѣстъ. Вотъ, напримѣръ, любопытныя данныя изъ отчета за 1887 годъ. Членскихъ взносовъ (въ томъ числѣ 26 р. взносовъ за 1888 г.: значитъ, передержка!)—176 р., выручено отъ продажи изданій 9 р., перечислено изъ министерскихъ суммъ 100 р.: вотъ и весь приходъ—итогъ 285 р. Расходъ—287 р. 62 к. Передержано 2 р. 62 к. Благо, изданія печатаются безплатно въ губернской типографіи, по распоряженію губернатора, состоящаго непремѣннымъ попечителемъ коммиссіи. При такихъ тѣсныхъ матеріальныхъ условіяхъ, трудъ тамбовскихъ піонеровъ историковъ вызываетъ невольное уваженіе, а патріархально любовное отношеніе къ дѣлу изученія мѣстной старины, которое сквозитъ особенно въ рѣчахъ и сообщеніяхъ И. И. Дубасова, просто умилительно.

Но обращаемся къ ближайшему поводу, заставившему насъ остановиться на изданіяхъ удаленнаго по мѣсту ученаго учрежденія на страницахъ „Кіевской Старины“. Просматривая „Указатель“ г. Розанова, мы нашли въ немъ довольно матеріала по югу Россіи; нашли мы такой матеріалъ и не въ одной описи архива, а также и въ другихъ отдѣлахъ „Извѣстій“. На этихъ то матеріалахъ и позволимъ себѣ остановиться съ нѣкоторой подробностью.

Начнемъ съ журналовъ засѣданій коммиссіи. Въ сообщеніи И. И. Дубасова о рукописной книгѣ „Сказаніе о чудесахъ Богородицы“ (журналъ 8 марта 1885 г.) мы нашли указаніе на чудеса южно-русскихъ иконъ Богородицы теребовльской и, лаврской. Въ письмѣ Д. В. Ильченка на имя предсѣдателя (напечатано въ журналѣ того же засѣданія) о четырехъ печатныхъ книгахъ прошлаго столѣтія, жертвуемыхъ имъ, упоминается объ „универсалѣ“, видѣнномъ въ подлинникѣ авторомъ

письма лѣтъ 25 назадъ у одного малороссійскаго помѣщика (Апостола Кегича, нынѣ умершаго) и заключающемъ воззваніе къ запорожскимъ и украинскимъ казакамъ отложиться отъ Петра и стать подъ защиту Карла. Въ журналѣ засѣданія 4 октября того же года находимъ свѣдѣніе о каменной бабѣ, поступившей въ музей коммиссіи. Въ журналѣ засѣданія 3 декабря—списокъ книгъ, поступившихъ въ коммиссію, между которыми нѣкоторыя касаются польскаго возстанія 1863 года. Въ журналѣ засѣданія 22 апрѣля 1886 года есть краткое свѣдѣніе о рукописномъ житіи Іосафа Горленка, епископа бѣлгородскаго, пожертвованномъ въ музей коммиссіи.

Изъ рефератовъ, напечатанныхъ особо, въ приложеніяхъ къ журналамъ, укажемъ на рефератъ В. А. Заринскаго о книгѣ, глаголемой *лусидоріосъ* или *многоцѣнный бисеръ* (засѣданіе коммиссіи 3 декабря 1885 г.), принадлежащей къ числу памятниковъ отреченной литературы; въ ней заключаются данныя, важныя для сравнительнаго изученія христіанской легенды вообще и въ частности малорусской. Въ приложеніи къ журналу засѣданія 14 марта 1888 года находимъ цифровыя данныя о малороссахъ въ тамбовской губерніи по третьей ревизіи. Въ самомъ городѣ Тамбовѣ считалось ихъ 30 душъ и 5 дворовъ, въ тамбовскомъ уѣздѣ 116 душъ и 10 дворовъ, въ гор. Шатскѣ 8 душъ и 2 двора, въ Козловѣ 24 души и 5 дворовъ, въ козловскомъ уѣздѣ 116 душъ и 22 двора, въ лебедянскомъ уѣздѣ 3 души, въ липецкомъ—30 душъ и 2 двора. Однимъ изъ богатѣйшихъ владѣльцевъ шатскаго уѣзда былъ графъ К. Г. Разумовскій, которому принадлежало 11 поселеній и винокуренный заводъ съ крѣпостнымъ населеніемъ въ числѣ 4174 души.

Въ приложеніи къ журналу засѣданія 28 декабря 1887 года напечатанъ ордеръ генералъ маіору Сухтелену (1796 г.), предписывающій ему собрать свѣдѣнія о мѣстахъ въ юго-западныхъ губерніяхъ, которыя могли бы быть укрѣплены, и письмо (1806 г.) гр. Румянцева къ нему съ изъявленіемъ благодарности за увѣдомленіе о Высочайшемъ распоряженіи о сочиненіи проекта къ исправленію крутостей при кіевскихъ пещерахъ.

Переходимъ къ описи историческаго архива. По „Указателю“ находимъ слѣдующія описи дѣлъ съ упоминаніемъ о *малороссахъ* и *черкасахъ*:

№ 445. Вѣдомость кадомскаго уѣзднаго суда о находящихся въ уѣздѣ черкасахъ (1777 г.).

№ 1050. Дѣло шатской провинціальной канцеляріи объ открытіи тамбовскаго намѣстничества: въ немъ свѣдѣніе о черкасскихъ дворахъ (1779 г.).

№ 1190. По челобитью повѣреннаго штатсъ-дамы Нарышкиной о самовольномъ поселеніи въ крѣпостныхъ дачахъ ея при р. Хопрѣ, Воронѣ, Медвѣдицѣ, Терсѣ, Елани... разнаго званія людей и малороссовъ (1761 г.).

№ 1221. О возмущеніи священникомъ с. Елани Буханцемъ и малороссомъ Дубровскимъ съ товарищи поселившихся на землѣ Нарышкиной по Хопру и Медвѣдицѣ малороссовъ къ неповиновенію Нарышкиной (1767 г.).

№ 1222. О приведеніи въ повиновеніе малоросовъ слободы Алексѣевской графини Разумовской подполковникомъ хоперскаго батальона Анучинымъ съ командой (1767 г.).

№ 1350. Челобитье трехъ малороссовъ въ шатскую канцелярію на подполковника Ивана Богданова изъ дер. Рузановой нижеломовскаго уѣзда о томъ, что онъ довелъ ихъ до нищеты и прошенія милостыни (1766 г.).

№ 1513. Дѣло о „полякахъ", желающихъ поступить въ подушный окладъ (1778 г.).

№ 1546. Репортъ прапорщика Прогопопова въ шатскую канцелярію о взысканіи рекрутскихъ денегъ съ „черкасъ" шатскаго уѣзда загородноценскаго и подлѣсскаго становъ, съ показаніемъ селъ, гдѣ поселены были „черкасы" (1776 г.)

№ 1656. Допросъ малороссіянина Дудкина о поѣздкѣ его съ четырьмя товарищами его въ команду Пугачева, ибо де онъ набираетъ вольное войско (1774 г.).

№ 1799. Дѣло о поселившихся по рр. Хопру и Воронѣ въ дачахъ г-жи Нарышкиной невѣдомыхъ людехъ... изъ коихъ нѣкоторые называются малороссіянами (1761 г.; ср. № 1190).

№ 1958. Объ именующемся малороссіяниномъ крестьянинѣ Яковѣ Романовѣ Поляковѣ (1761 г.). Ссылаясь на свое вольное малороссійское происхожденіе Яковъ Поляковъ требовалъ исключить его изъ подушнаго оклада.

№ 2079. Объ освобожденіи малороссіянина Андрея Рухли изъ рабства помѣщика Протасьева (1746 г.).

№№ 2086 и 2087. О приписке малороссіянъ Трофима Семенова и Марка Васильева въ окладъ.

Затѣмъ, подъ № 889 записано дѣло о сборѣ провіанта съ малороссійскихъ и слободскихъ полковъ, съ обывателей воронежской и бѣлгородской губерній и о доставкѣ его въ крѣпость (1736 г.).

О гр. Разумовскомъ и семьѣ его, кромѣ указаннаго выше, находимъ слѣдующія дѣла:

№ 1364. Контрактъ о постановкѣ съ 771 по 775 годъ въ Нижній Новгородъ простаго вина по 10000 ведеръ въ годъ съ завода графини Разумовской.

№ 1476. О бѣглой крестьянской дѣвкѣ Иринѣ Петровой (1774 г.). Ирина Петрова укрывалась въ вотчинѣ гр. Г. Разумовскаго с. Нарышкинѣ.

№ 1906. О крестьянахъ гр. К. Г. Разумовскаго Иванѣ Сычевѣ съ прочими. Нѣсколько человѣкъ бѣглыхъ крестьянъ изъ вотчины гр. Разумовскаго Черной Слободы, шатскаго уѣзда, составивъ шайку, занялись кражами и грабежами (1775 г.).

№№ 1969 и 1970. О разбояхъ, производимыхъ крѣпостными людьми гр. Разумовскаго (1761 г.).

Сверхъ того, въ опись вошло еще нѣсколько дробныхъ дѣлъ, имѣющихъ отношеніе къ югу Россіи, а именно:

№ 1452. Вѣдомости касимовской, наровчатской и краснослободской воеводскихъ канцелярій за 771, 772 и 773 годы: въ какія мѣста, кто именно наряжены и отправлены были работники изъ Бахмутъ, Таганрогъ, въ Кіевъ, въ Петровскую крѣпость и въ крѣпость св. Елисаветы.

№ 2117. Нарядъ о переселеніи церковниковъ и оставшихся за штатомъ и ненадобностью для церкви дьячковъ на обширныя земли таврической область (1785).

Такихъ церковниковъ и заштатныхъ дьячковъ въ шатской провинціи было 131 семейство.

Таковы матеріалы „Извѣстій“ тамбовской архивной коммиссіи, имѣющіе отношеніе къ исторіи южно-руссовъ. Понятно, матеріалы эти вообще дробны и случайны, что объясняется удаленностью тамбовскаго края отъ Малороссіи; но мы считали полезнымъ привести ихъ въ извѣстность на страницахъ южно-русскаго историческаго журнала, потому что, во всякомъ случаѣ, они могутъ оказаться полезными при занятіяхъ южно-русской исторіей; къ тому же, изданія тамбовской коммиссіи мало кому на югѣ Россіи могутъ быть извѣстны.

В. Ястребовъ.

Библіографическій листокъ.

I. Обозрѣніе журналовъ и газетъ за 1888 г.

Кіевлянинъ (168—200). *Кіевское Слово* (454—484). *Русскій Лѣсопромышленникъ* (1—26). *Подол. Епарх. Вѣд.* (33—36). *Волын. Епарх. Вѣд.* (23—25). *Волынь* (89—105). *Черн. Губ. Вѣд.* (65—70). *Полтавск. Епарх. Вѣд.* (16). *Харьковскія Губ. Вѣд.* (210—235). *Южный Край* (2619—2644). *Екатеринославскія Губ. Вѣд.* (63—70). *Бессараб. Губ. Вѣд.* (71—93). *Новорос. Телеграфъ* (4126—4185). *Одесскій Вѣстникъ* (190—248). *Елисаветградскій Вѣстникъ. Одесскія Новости. Крымъ* (66—79). *Донская Рѣчь* (82—100). *Орловскій Вѣстникъ* (122). *Смоленскій Вѣстникъ* (63—107). *Донъ* (79—101). *Минскій Листокъ* (57—73). *Литов. Епарх. Вѣд.* (33—36). *Червоная Русь* (91—104). *Сибирская Газета* (23—56).

Кіевлянинъ №№ 168—200. 174. *Находки древностей въ Святополковой церкви Михайловскаго монастыря.* В. Гошкевича. Еще 2 года тому назадъ при выкопкѣ земли подъ поломъ въ с.-зап. углу храма были найдены 2 большіе сосуда: одинъ изъ желтой глины, шаровидный съ заостреннымъ дномъ, окружность его до 1, 4 метра, высота уцѣлѣвшей части 0, 7 метра, по обѣимъ сторонамъ обломки ушей; весь сосудъ покрытъ рядами правильныхъ поперечныхъ рельефныхъ полосокъ; другой сосудъ меньше, конусообразный, изъ красной глины, разбитъ на нѣсколько частей, верхняя часть утрачена, дно плоское, діаметръ—0,24 метра, высота 0,5 м., толщина стѣнокъ—1,5 сантим. Среднюю часть его опоясываетъ прямолинейная, слегка вдавленная кайма, такая же кайма и вокругъ нижней части сосуда, а въ верхней ей соотвѣтствуетъ волнообразная кайма; на бокахъ остались основанія обломанныхъ ушей. Теперь, когда сняли чугунный полъ, то оказалось, что находившіяся ниже его части стѣнъ и столбовъ расписаны фресками. Въ притворѣ найдена каменная гробница изъ нескрѣпленныхъ м. с. толстыхъ тесанныхъ каменныхъ плитъ, длина ея 2,19 метра ширина и высота—0,74 м. Дно ея изъ каменной плиты, а накрыта она шиферной плитой. Надписей нѣтъ. Въ ней свалены кости нѣсколькихъ покойниковъ и истлѣвшій деревянный гробъ. На лѣво отъ гробницы древняя кладка изъ кирпича, вѣроятно, остатокъ хода на хоры; подъ этой ступенью открывается

углубленіе, полузасыпанное землею и мусоромъ. Подъ срединой церкви разбросаны въ безпорядкѣ человѣческія кости. Въ лѣв. отдѣленіи посреди найденъ большой склепъ изъ краснаго кирпича, пустой. Входъ былъ закрытъ большой шиферной плитой съ высѣченными на оборотѣ широкими каймами. Въ притворѣ—склепъ новѣйшаго происхожденія. Въ правомъ отдѣленіи церкви—3 склепа; ближайшій къ притвору—пустъ; въ слѣдующемъ—деревянный гробъ, здѣсь, по преданію, погребенъ игум. Ѳеодосій; въ 3 мъ деревянный гробъ съ скелетомъ, завернутымъ въ сѣть.

183. *Пятидесятилѣтіе кіевск. института благор. дѣвицъ съ 1838 по 1888 г. Рѣчь инсп. классовъ М. М. Захарченка.*

190. *Археологическія раскопки.* О раскопкахъ кургановъ въ бассейнѣ р. Сулы (полтав. г.) проф. Д. Я. Самоквасовымъ.

— *Г. Винница, подольской губ*

192. *Драгоцѣнная археологическая находка.* О раскопкѣ Е. Д. Фелицынымъ кургана близь ст. Крымской, кубанск. обл. Найдены 2 погребальныя комнаты, соединенныя корридоромъ. Стѣны украшены фресками. Въ 1 комнатѣ остовъ женщины въ богатомъ нарядѣ, во 2-й остовъ мужчины, вѣроятно, царя. Найдена масса драгоцѣнныхъ вещей изящной греческой работы. Курганъ относится, вѣроятно, къ III—IV в. до Р. Х.

133. Извѣстія о командировкѣ академіей художествъ г. Татарова для изученія и описанія церкви, построенной въ с. Субботовѣ, чигир. у. кіев. губ., Богданомъ Хмельницкимъ.

197. *Рогатый идолъ.* «Въ селѣ Букахъ, сквирскаго уѣзда, надъ рѣчкою Растовицею, стоитъ теперь каменный рогатый истуканъ, вытащенный изъ этой рѣчки нѣсколько лѣтъ тому назадъ Истуканъ высѣченъ изъ цѣльной глыбы гранита, высотою въ сажень. По внѣшнему виду онъ напоминаетъ, такъ называмыя, каменныя бабы, но отдѣлка здѣсь болѣе тщательная: голова не сливается съ туловищемъ, и на макушкѣ торчатъ два рога, въ родѣ бычачьихъ. По мѣстному преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь расположено с. Буки, стоялъ встарину большой городъ «Бакожинъ», или «Мокошинъ», жители котораго поклонялись этому идолу и приносили ему жертвы, а когда кн. Владиміръ, крестившись, свергъ въ Днѣпръ кіевскихъ истукановъ, бакожинскій богъ потерпѣлъ ту же участь—и девять вѣковъ пролежалъ на днѣ Растовицы.

Обращаясь отъ этихъ темныхъ преданій къ дѣйствительности, мы знаемъ, что раскопки кургановъ вблизи с. Букъ, произведенныя профессоромъ В. Б. Антоновичемъ, показали, что здѣсь жило славянское племя; предметы, найденные имъ при скелетахъ, относятся къ языческой эпохѣ IX или начала X вѣка. Въ самомъ с. Букахъ сохранилось древнее городище надъ р. Растовицею. Оно расположено у подошвы горы, защищающей его съ одной стороны; съ другой

протекаетъ рѣка, а съ третьей прилегаетъ яръ. Вокругъ обведено оно тройнымъ валомъ, имѣющимъ мѣстами до 8 сажень высоты.

Бучанскій идолъ не есть ли древнерусскій богъ Волосъ или Велесъ, покровитель скота и родоначальникъ поэтовъ, богъ сильный, которымъ, наряду съ Перуномъ громовержцемъ, клялись Святославовы воины»?

198. «*Старинная посуда*, вырытая 4-го сентября въ усадьбѣ Товстопаловой по Кіяновскому переулку, представлена была завѣдывающему музеемъ духовной академіи проф. Петрову, для опредѣленія археологическаго значенія этой находки. Посуда состоитъ изъ слѣдующихъ вещей: сосудъ въ родѣ соусника изъ красной мѣди, луженый, тазъ изъ желтой мѣди, съ отверстіемъ для ручки, которая не сохранилась, другой тазъ, меньшихъ размѣровъ, оловяное блюдо и 11 оловяныхъ тарелокъ. На блюдѣ и тарелкахъ оказались штемпеля и вырѣзанные отъ руки иниціалы и монограммы—латинскими буквами. Между штемпелями встрѣчаются—съ изображеніемъ одноглаваго орла, лиліи, льва, луны, окруженной звѣздами, и двухъ на крестъ сложенныхъ ключей. Иниціалы также разнообразны; они состоятъ изъ буквъ: S и K, H и D, H и M, F и K, S и K, K и H; на одной изъ тарелокъ вырѣзана буква, похожая на греческую сигму. Интересно изображеніе на блюдѣ: стоитъ женщина съ распущенными волосами; въ правой рукѣ она держитъ птицу, а въ лѣвой, повидимому, лукъ. Кругомъ нѣмецкая неразборчивая надпись, готическими буквами, судя по шрифту, XVIII вѣка. Мѣдная посуда, повидимому, должна быть отнесена къ XVII вѣку».

Кіевское Слово №№ 454—484. 456. *Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси.* Корреспонденціи изъ Умани и Староконстантинова.

458. *Поѣздка въ Китаевъ.* Нѣсколько историч. свѣдѣній о Китаевѣ.

459, 460, 465, 466, 472, 473, 475, 476. *Воля и счастье.* Повѣсть І. Ясинскаго. Дѣйствіе происходитъ въ сѣверной части черниг. губ.

462. *Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси.* Корресп. изъ села Степанцевъ, канев. у. кіевск. г.

467. *О находкахъ въ Михайловскомъ монастырѣ.*

469. *50-лѣтній юбилей кіев. института благор. дѣвицъ.*

472. *Археологическая находка.* Въ днѣпровскомъ у. найдены и препровождены въ Имп. археолог. коммиссію древнія вещи, среди которыхъ замѣчательны: серебряная съ позолотой и гравировкой пряжка, золотая пластинка и украшенія съ красными стеклами и различными узорами.

473. *Изъ области народной медицины. Мих. Оіевскаго.* Приведено нѣсколько заговоровъ.

478. *Замѣчательная археологическая раскопка.* О раскопкѣ Е. Д. Фелицына близъ ст. Крымской, кубанск. обл.

481. *Церковно-археологическая замѣтка.* І. Августина. Объ изображеніи патр. Фатія въ кіевскихъ храмахъ.

482. Библіографич. замѣтка о Владимірскомъ Сборникѣ въ память 900-лѣтія крещенія Руси, изд. кіев. дух. академіей.

— *Археологическія раскопки въ системѣ р. Сулы N. N.* Рѣчь идетъ о раскопкахъ проф. Д. Я. Самоквасова въ двухъ группахъ кургановъ: герасимовской на лѣвомъ и аксютинской на прав. берегу Сулы. Въ первой группѣ у д. Герасимовки въ 2 в. отъ Роменъ (г. Самоквасовъ 1-й перенесъ раскопки на лѣвый степной берегъ Сулы) найдены: бронзовое зеркало, нѣсколько бронзовыхъ бляхъ отъ уздечки, слѣды желѣзныхъ удилъ, бусы, песчаниковая подставка и нѣсколько булавокъ, повидимому, серебряныхъ. Курганы эти принадлежатъ къ типу *скиѳскихъ* кургановъ, они *этажные*, т. е. надъ скиѳскими покойниками въ насыпи кургана погребены другіе или въ скорченномъ видѣ (мож. б. степные кочевники), или по христіанскому обряду. На правомъ берегу г. Самоквасовъ раскопалъ самый большой курганъ изъ аксютинской группы, т. наз. Старшую Могилу, ок. 25 арш. высоты и 350 арш. въ окружности, склепъ который, къ сожалѣнію, оказался залитымъ водою, п. ч. ранѣе почтеннаго профессора здѣсь уже похозяйничалъ одинъ коммерсантъ, выдающій себя за археолога (жаль, что авторъ не называетъ этого господина по имени, можетъ быть это послужило бы предостереженіемъ для тѣхъ, кому придется столкнуться съ этимъ спекуляторомъ во время его дальнѣйшихъ подвиговъ) и, поведя раскопку самымъ неумѣлымъ образомъ, при чемъ былъ задавленъ одинъ изъ рабочихъ, докопался до склепа и принужденъ былъ бросить курганъ; яма осталась незасыпанной и склепъ заливался водою отъ дождя и таявшаго снѣга. Г. Самоквасовъ д. б. отложить дальнѣйшую раскопку. При изслѣдованіи другихъ кургановъ той же группы г. Самоквасову опять пришлось встрѣтить слѣды опустошеній, произведенныхъ тѣмъ же «бичемъ археологичекой науки». Выдавъ себя въ Ромнахъ за профессора, онъ чрезъ полицію вытребовалъ рабочихъ и разграбилъ нѣсколько десятковъ кургановъ, пока, по счастью, не былъ обличенъ въ самозванствѣ и неубрался по добру по здорову. Два изъ остальныхъ кургановъ этой группы, раскопанныхъ проф. Самоквасовымъ, оказались попорченными грабителями или звѣрьками и въ нихъ нашлись только два желѣзныхъ наконечника копья, нѣсколько бронзовыхъ стрѣлокъ и нѣсколько кусочковъ желѣза, повидимому, отъ удилъ. Въ нѣсколькихъ мелкихъ курганахъ были найдены костяки и при нихъ бронзовыя стрѣлки, небольшія горшечки и разныя украшенія. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія: бронзовое зеркало съ центральной ручкой и съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ плоскости какого то животнаго, напоминающаго эхидну, и желѣзный браслетъ у кисти правой руки мужскаго скелета.

Русскій Лѣсопромышленникъ №№ 1—26. 6. *Корреспонденція изъ Екатеринослава* о неудобствахъ въ движеніи лѣснаго матеріала вслѣдствіе чрезмѣрнаго накопленія на пристани хлѣбныхъ грузовъ.

7. *Корресп. изъ уманскаго уѣзда.* Краткое описаніе состава лѣсовъ и очеркъ мѣстной торговли лѣсными продуктами.

7, 9 и 11. *Лѣса волынской губерніи, состоящіе подъ надзоромъ казны.* Очеркъ исторіи размежеванія лѣсныхъ пространствъ въ югозападномъ краѣ. Авторъ игнорируетъ фактъ присоединенія Польши къ Россійской имперіи въ концѣ XVIII вѣка.

8. *Корресп. изъ Острога.* Краткій очеркъ мѣстной лѣсопромышленности.

— *О распредѣленіи казенныхъ лѣсныхъ дачъ курской губерніи по уѣздамъ и о доходности этихъ дачъ за 1887 г.* Статистическій очеркъ.

11. *Лѣсное хозяйство въ южной Россіи.*—Передовая статья по поводу хищническаго истребленія лѣсовъ въ южныхъ губерніяхъ Россіи.

12. *Предстоящее лѣсоистребленіе* (въ острожскомъ уѣздѣ)—передовая статья, въ которой авторъ, между прочимъ, предлагаетъ для сбереженія лѣсныхъ богатствъ деревни, расположенныя внутри лѣсныхъ дачъ и не могущія существовать хлѣбопашествомъ (вслѣдствіе чего истребляютъ лѣсъ) переселить на свободныя казенныя земли на югъ Россіи.

23. *Лѣсная промышленность александровскаго уѣзда (херсонской губ).* Очеркъ лѣснаго хозяйства и промышленности и торговли лѣсными матеріалами.

25. *Кустарныя производства изъ дерева въ курской губерніи.* Статистическій очеркъ лѣсной кустарной промышленности. Распредѣленіе разныхъ видовъ промысла по уѣздамъ.

Подольскія Епархіальныя Вѣдомости 1888. № 33—36. 33. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ Кіевѣ.

34. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ м. Сатановѣ проскуровскаго уѣзда 15 іюля 1888 г.

35—36. Замѣтки учителя церковно-приходской школы.

— Порфирія Семеновича Пашута некрологъ.

Волынскія Епархіальныя Вѣдомости 1888. № 23—25. 23 Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ волынской епархіи (прод.). *М. Степань*, с. Студынь, с. Тынное, с. Зносичи, с. Яблонное, с. Голубное, с. Казимірка, с. Яполоть, с. Збужъ, с. *Жилинь*; 4. благочинническій округъ ровенскаго уѣзда: с. Бережки, с. Велюны (стр. 805—819) № 24 м. Высоцкъ, м. Домбровица, (стр. 854—868). № 25: м. Добровица, с. Селище, с. Берестье, с. Залѣшаны, с. Каменное, с. Карпиловка, с. Карасинъ, с. Курашъ, с. Любиковичи, с. Немовичи, с. Озеряны, с. Сарны, с. Люхъ, с. Малые Селища, с. Ельно, с. Клесовъ, с. Стрѣльскъ, с. Удрицкъ, с. Чубель (стр. 899—918).

23—24. *С. Бѣляевъ.* Принятіе св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ христіанства и крещеніе Руси (прод. и оконч.).

24. Н. К. Село Малые Дорогостаи дубенскаго уѣзда (истор. очеркъ).

— Бесѣда сказанная Высокопреосвященнѣйшимъ Платономъ митрополитомъ кіевскимъ, въ день празднованія 900-лѣт. юбилея крещенія Россіи 15 іюля 1888 года.

23. Лѣтопись текущихъ событій и разн. замѣтки: торж. актъ въ кіев. дух. академіи. 15 іюля въ Кіевѣ. Владиміръ-Волынскъ.

24. Въ этомъ же отд. празднованіе 900-лѣт. юб. въ Севастополѣ и Херсонесѣ.

25. Открытіе Владиміро-Волынскаго братства въ Житомірѣ.

23. Предметный указатель содержанія неоффиц. части Вол. Еп. Вѣд. за первые 20 лѣтъ ихъ существованія (стр. 207—212), № 24 (стр. 213—216), № 25 (217—230).

Волынь №№ 89—105. 93. Корреспонденція изъ Луцка. Сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о Крестовоздвиженскомъ соборѣ и Крестовоздвиженскомъ братствѣ.

97. Кладъ въ 17 милліоновъ. Извѣстный слухъ о кладѣ близь г. Остра черн. губ.

97—105. Порченная. Пов. Ю. Левицкой-Пащенко. Перепечатка изъ «Кіевской Старины».

100—101. Извлеченіе изъ отчета о состояніи житомірской мужской гимназіи за $188^{7}/_{8}$ уч. г.

100. Краткій некрологъ протоіерея А. Ѳ. Хойнацкаго.

102. Археологическіе раскопки въ Переяславѣ. О раскопкахъ проф. кіев. дух. ак. П. А. Лашкарева на мѣстѣ Успенской церкви.

Черниговскія Губернскія Вѣдомости 1888. № 65—70. 65. Черниговъ 80 лѣтъ тому назадъ (окончаніе); перепечатка изъ «Кіевской Старины» 1888 г. № 8-й.

69. Я. А. Селюкъ (некрологъ)—бывшій черниговскій городской голова.

70. Къ исторіи края—изъ архива графа Г. А. Милорадовича. Купчія на земли, пріобрѣтенныя Павломъ Полуботкомъ 1708 (2), 1710. (2) и универсалъ ему же, Полуботку, отъ гетмана Мазепы на постройку мельницы 1706 г.

Полтавскія Епархіальныя Вѣдомости № 16. 16. *Церкви старинной постройки въ полтавской епархіи.* Списокъ, составленный по клировымъ вѣдомостямъ 1886 года Порфиріемъ Мартиновичемъ и Василіемъ Горленкомъ. (Не оконченъ).

Харьковскія Губернскія Вѣдомости 1888. № 210—235. 215. Нѣкоторыя подробности о домашней жизни Гр. Ѳед. Квитки-Основьяненка: «Григорій

Θедоровичъ, по словамъ его старичка слуги, былъ человѣкъ добрый и сострадательный. Крестьянъ своихъ онъ не притѣснялъ; съ прислугою обращался ласково, бѣднымъ всегда помогалъ; нищихъ никогда не отпускалъ безъ подаянія. Жилъ онъ въ небольшомъ деревяномъ флигелькѣ (онъ существуетъ и теперь; въ немъ живетъ по найму французъ красильщикъ) и въ хозяйственныя дѣла совсѣмъ не вмѣшивался. Вставалъ рано, часовъ въ 6 и, надѣвши свой сѣренькій халатъ, отправлялся въ садъ на прогулку; послѣ прогулки, продолжавшейся обыкновенно часъ-два, пилъ чай; затѣмъ садился читать или уѣзжалъ по дѣламъ въ городъ, до обѣда, который былъ всегда въ 2 часа; спать ложился часовъ въ 12 и позже. По вечерамъ всегда писалъ свои сочиненія. Въ праздничные и воскресные дни Г. Θ. съ первымъ ударомъ колокола отправлялся въ церковь, и тамъ принималъ участіе въ богослужебномъ пѣніи и чтеніи. Изъ своей прислуги Квитка-Основьяненко больше всего былъ привязанъ къ своему кучеру Грицю, природному малороссу, и часто любилъ съ нимъ бесѣдовать. Иногда, во время ѣзды, баринъ и возница до того увлекались своей бесѣдой, что послѣдній совсѣмъ забывалъ свою обязанность, и нерѣдко лошади, предоставленныя полному произволу, привозили собесѣдниковъ вовсе не туда, куда нужно было. Основьяне глубоко уважали Гр. Θед., и когда онъ умеръ, то старые и малые со слезами провожали его прахъ на кладбище».

215—216. Передовая статья о вновь открываемомъ «Обществѣ пчеловодовъ и любителей пчеловодства».

222. Д. Б. Библіографическая замѣтка на книжку С. Р. «Разсказы про Кіевъ и его прошлое».

225. Корреспонденція изъ Воронежа о празднованіи 25-лѣтняго юбилея Николаевской женской прогимназіи.

229. Сообщеніе о присужденіи преміи И. Г. Вучины въ Императорскомъ новороссійскомъ университетѣ.

Южный Край 1888. № 2619—2644. 2625. О. В. На стражѣ православія и народности (Д. И. Эварницкій—Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа).

2620. Библіогр. зам. объ имѣющемъ выходить въ Львовѣ малороссійскомъ журналѣ «Правда».

2622. Некрологъ О. Е. Лозинскаго—уроженца подольской губ., бывшаго въ 1871 году редакторомъ «Современности».

2630. Баснословное богатство—выдержки изъ статьи профес. Менделѣева «Будущая сила, покоющаяся на берегахъ Донца».

— Извѣщеніе о томъ, что въ Императорскую археологическую комиссію поступили найденные древніе цѣнные предметы, среди которыхъ серебрян. съ

позолотой и гравировкой пряжка, золотая пластинка и украшенія съ красными стеклами и различными узорами.

2632. Корреспонденціи: а) изъ бердянскаго уѣзда о яко бы существующемъ кладѣ въ ур. Черемошномъ и б) изъ Мглина о празднованіи 500-лѣт. юбилея его существованія.

2639. О ростѣ харьковской общественной библіотеки.

2642. Корреспонденція изъ Новомосковска о состояніи народныхъ школъ.

Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости 1888. № 63—70. 63. Деревенскія письма. Погоня за рублемъ (оконч.) Берендѣева.

64. Открытіе екатеринославскаго епархіальнаго братства св. равноапостольнаго кн. Владиміра.

— Библіографическія замѣтки о пьесѣ Д. Манфельда въ сотрудничествѣ съ артистомъ малорусской труппы Старицкаго г-мъ Косиненко, «Не судылось» и о книгѣ г. Маценко «Прилукщина».

65. Техническое и профессіональное образованіе въ екатеринославской губерніи Н. Б.

66. Библіографическая замѣтка «Путеводитель по р. Днѣпру и порогамъ» — Карпинольцева.

67. О богатыряхъ—Ив. Манджуры,—перепеч. изъ «Кіевской Старины».

69. Важное открытіе--И. Шмакова (о находкѣ каолина вблизи Екатеринослава).

70. Торговля въ екатеринославской губерніи въ 1887 г.

Бессарабскія Губернскія Вѣдомости. 1888. № 71—93. 85. Археологическія раскопки въ Переяславѣ—перепечатано изъ Прав. Вѣстн.

„Въ послѣднихъ числахъ минувшаго іюля, профессоромъ кіевской духовной академіи П. А. Лашкаревымъ сдѣланы весьма любопытныя и важныя археологическія находки въ городѣ Переяславѣ, полтавской губерніи. По церковнымъ лѣтописямъ извѣстно о построеніи въ городѣ Переяславѣ церкви Успенія еще Владиміромъ Мономахомъ. Во время татарскаго нашествія эта церковь была разрушена и возобновлена только въ 1586 году, княземъ Василіемъ Васильевичемъ Острожскимъ въ видѣ большой деревянной церкви, гдѣ происходило торжественное принесеніе присяги на подданство Россіи гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ въ 1654 году. Въ концѣ XVI столѣтія, эта церковь сгорѣла и была вновь отстроена при помощи царя Алексѣя Михайловича. Въ 1786 году новый пожаръ разрушилъ этотъ храмъ, вскорѣ возобновленный мѣстными средствами. Въ 1824 году церковь была передѣлана, но за ветхостью, богослуженіе въ ней прекращено съ 1876 года. Въ настоящее время церковь разобрана для возведенія новой каменной, которая сохранила бы память объ этомъ славномъ историческомъ храмѣ. При нивеллировкѣ холма подъ новую постройку были

обнаружены, въ мѣстѣ бывшаго алтаря, древнія каменныя стѣны въ восточной половинѣ холма, имѣющія видъ и характеръ церковныхъ построекъ кіевскаго великокняжескаго періода. Кладка этихъ остатковъ оказалась имѣющею всѣ признаки древнѣйшихъ кіевскихъ церквей. Кирпичи имѣютъ видъ плитъ въ 7 вершковъ длины, $5^1/_4$ вершковъ ширины и 1 вершокъ толщины. Цементомъ служила известка съ толченымъ кирпичемъ. Кромѣ того открыты двѣ стѣны болѣе поздняго происхожденія, примыкающія къ древнѣйшей постройкѣ въ направленіи съ сѣвера на югъ. Длина послѣдней составляетъ 13 аршинъ 13 вершковъ при ширинѣ въ 9 аршинъ 10 вершковъ. Столь небольшіе размѣры этого древняго храма, по мнѣнію профессора Лашкарева, даютъ много вѣроятія въ пользу предположенія, что упомянутый древній каменный храмъ служилъ домовою церковью при великокняжескомъ дворцѣ Владиміра Мономаха. Весьма любопытно то обстоятельство, что храмъ, совершенно подобный открытому въ Переяславѣ, извѣстенъ только одинъ, именно—церковь на хорахъ Кирилловскаго монастыря, построенная супругою великаго князя Святополка.

Остатки найденныхъ въ Переяславѣ стѣнъ возвышаются съ небольшимъ на одинъ аршинъ, при весьма низкомъ фундаментѣ, не превышающемъ $^3/_4$ аршина. Все внутреннее пространство храма, наполненное щебнемъ, остается пока не раскопаннымъ, исключая небольшаго участка въ южной части, гдѣ профессоромъ Лашкаревымъ открытъ полъ, составленный изъ разноцвѣтныхъ кусковъ. По рѣшенію строительнаго комитета, найденные остатки будутъ цѣликомъ помѣщены подъ поломъ новаго храма, съ особеннымъ нижнимъ ходомъ для обозрѣнія и производства окончательныхъ раскопокъ. Стѣны сохранились (въ упомянутой высотѣ) на восточной, сѣверной и южной сторонахъ; въ западной же открытъ только небольшой участокъ стѣны съ полукруглымъ пилястромъ, каковые имѣются и въ другихъ сторонахъ. Во время раскопокъ найдены: круглая, болѣе чѣмъ до половины сохранившаяся, шиферная красная плита, съ отчетливыми слѣдами византійскаго орнамента; три куска четырехъ-угольныхъ такихъ же плитъ византійскаго орнамента, но нѣсколько отличнаго рисунка, и нѣсколько другихъ кусковъ красныхъ шиферныхъ плитъ. Въ западной части найдено множество могилъ съ остатками костей и гробовъ. Покуда найдены два перстня: мѣдный и серебряный, причемъ, въ отсутствіе профессора Лашкарева, послѣдній былъ испорченъ во время очистки, и бывшее на немъ какое то изображеніе уничтожено. Въ настоящее время, какъ передается въ «Кіевлянинѣ», изъ прежнихъ святынь этого храма сохранена икона Богоматери, извѣстная подъ именемъ Ченстоховской, нынѣ находящаяся въ кладбищенской церкви апостола Ѳомы. Кромѣ того, существуетъ Евангеліе, на которомъ, по преданію, присягалъ Хмельницкій съ народомъ. Оно хранится въ Переяславской Покровской церкви (П. В.).

86. Херсонъ Таврическій, его раскопки и празднованіе юбилея крещенія Руси (Н. В.)

89. Библіографич. зам. о книгѣ «Путеводитель по Кавказу». Вейденбаума.

Новороссійскій Телеграфъ (№ **4126—4185**). **4128—4129.** 900 лѣтній юбилей крещенія Руси.

4131. Многознаменательный юбилей.

4130, 4140. *Суручанъ.* По поводу 20-лѣтія реформы 14-го іюля 1868 въ Бессарабіи.

4151, 4167. *Суручанъ.* Чиншевики Бессарабіи и десятинщики Новороссіи.

4182. *Суручанъ.* Еще о положеніи 14-го іюля 1868 г.

4170. *Безсоновъ.* Десятилѣтіе Батума.

— *Кирпичниковъ.* Ѳедоръ Ивановичъ Буслаевъ.

Одесскій Вѣст. (**190—248**). **190.** Новый соборъ св. Владиміра въ Кіевѣ.

194. *Гильдебрандъ.* Къ вопросу о меннонитахъ въ Новороссіи.

209, 212. *Н. П. Б—въ.* Водоснабженіе въ херсонскихъ степяхъ.

226. *Максимовъ.* Островъ Элеоноры (бытовой одесскій этюдъ).

228, 229, 230. *Сергѣй Венгрженовскій.* Игнатій графъ Сциборъ-Марховцкій (историко-бытовой этюдъ о помѣщикѣ въ подол. губ. начала XIX вѣка).

229. Воспоминанія стараго солдата (о временахъ имп. Николая Павловича).

238. *Сумароковъ.* Письмо въ редакцію по поводу этихъ воспоминаній.

233. Раскопка кургановъ въ екатериносл. уѣздѣ.

Библіографическія замѣтки: **194.** Лѣтопись с. Ольшанки.

196. *Тарасевичъ.* Къ 900-лѣтнему крещенію Руси.

197. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ.

222. «Правда». Галицкій журналъ.

227. Извѣстія таврической ученой архивной коммиссіи.

248. *Эварницкій.* Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ.

«Елисаветградскій Вѣстникъ». 104. Возраженія «стараго солдата» на статью Сумарокова, помѣщенную въ № 238 «Од. В».

«Одесскія Новости». № 1061. Библіограф. рецензія о трудѣ Эварницкаго «Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа».

Крымъ №№ 66—79. 69. Возстановленіе древнихъ святынь въ Крыму. Г. Т. Письмо въ редакцію.

70. Путевыя записки П. По Черному морю (окончаніе) Кук—скаго.

71—73. Соляной промыселъ въ Крыму.

74. Вниманію археологовъ. Нѣсколько словъ о раскопкахъ проф. Самоквасова на бер. р. Сулы, близь селъ Аксютинцы и Пустовойтовка.

75, 76, 78. Крестьянскій банкъ и малоземелье въ Крыму.

75. Тридцатилѣтіе синопской битвы. Письмо въ редакцію.

Донская Рѣчь, №№ 82—100. № 83. Юбилейныя телеграммы. Адресъ отъ Дона въ Кіевъ. Кіевъ (описаніе города и юбилейнаго торжества). Празднованіе 900-лѣтія крещенія въ Ростовѣ на Дону.

№№ 85—88. Сизякина. Азовская епархія.

Орловскій Вѣстникъ. №№ 102—122. № 102. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси въ Кіевѣ.

№№ 103—4. Поѣздка въ Кіевъ (фельетонъ). Статейка весьма прочувствованная.

Смоленскій Вѣстникъ. №№ 63—107. № 100. Въ отдѣлѣ «Театръ и музыка»: «Гастроли русско-малорусской труппы подъ управленіемъ М. П. Старицкаго».

№ 102. Въ томъ же отдѣлѣ: «Малороссійская труппа М. П. Старицкаго».

№ 98. Объ открытіи клада въ остерскомъ уѣздѣ черниговской губерніи.

Донъ. №№ 79—101. № 92. Объ открытіи клада въ остерскомъ уѣздѣ черниговской губерніи.

Минскій Листокъ. №№ 57—73. 59. Корреспонденція изъ Кіева о празднованіи 900 лѣтія крещенія Руси.

67—68. Къ спектаклямъ малорусской труппы Н. Корницкаго. Біографическія свѣдѣнія о М. П. Старицкомъ, Н. В. Лисенкѣ и нѣкоторыхъ артистахъ труппы г. Старицкаго.

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости. 1888. №№ 33—36. № 33. 23-я годовщина виленскаго православнаго Св.-Духовскаго братства 6 авг. 1888 г.

— Дополненіе къ «сообщенію о Я. Ѳ. Головацкомъ».—И. Корнилова.

№ 34. Извлеченіе изъ отчета виленскаго православнаго Св.-Духовскаго братства за XXIII (1887—1888) годъ.

№№ 35 и 36. Уніатскіе церковные соборы съ конца XVI в. до возсоединенія уніатовъ съ православною церковью (прод.).

— Мелкіе статьи во всѣхъ №№ о празднованіи въ Литвѣ и Бѣлоруссіи 900-лѣтія крещенія Руси.

Червоная Русь. №№ 91—104. 91—98. Уніатскіи церковныи синоды.

92—96. Соединеніе церквей. Архим. Владиміра Терлецкаго.

92. Краткая библіограф. замѣтка о книгѣ Ф. И. Свистуна «Споръ о варягахъ и началѣ Руси».

94. Тайна примиренія нарѣчій русскаго языка. По поводу сочиненія Гумецкаго подъ тѣмъ же заглавіемъ.

98. 900-лѣтіе крещенія Руси.

— Дѣятельность общества имени М. Качковскаго.

99. Генеральное собраніе общества имени М. Качковскаго въ Дрогобычѣ.

103. Юбилей крещенія Руси въ Галичинѣ.

Сибирская Газета. №№ 23—56. № 25. Передовая статья о переселенческомъ дѣлѣ, имѣющая интересъ и для жителей юга.

№ 29. То же.

№ 33. Некрологъ Вс. Мих. Гаршина. Покойный—уроженецъ юга.

Некрологъ Маріи Петровны Грабовской—врача-ординатора тобольской городской больницы и преподавательницы тобольской повивальной школы. Покойная—уроженка и воспитанница южной Россіи.

Слово, произнесенное ректоромъ тобольской духовной семинаріи, протоіереемъ П. Голосинымъ, при погребеніи женщины-врача Маріи Петровны Грабовской, 28-го марта 1888 года. «Слово» это весьма интересно.

№ 36. Письмо къ редактору «Сибирской Газеты» отъ г. Кораблева, старшаго производителя работъ по устройству переселенческихъ участковъ въ Сибири.

№ 37. Въ отдѣлѣ «Сибирская хроника» помѣщены нѣкоторыя интересныя данныя о дѣятельности временнаго комитета помощи переселенцамъ въ Тюмени съ 1-го ноября 1885 г. по 1-е ноября 1886 года.

№ 40. Въ отдѣлѣ «Сибирская хроника»—статистическія данныя о переселенцахъ, прослѣдовавшихъ въ теченіи 1887 года чрезъ Омскъ въ семипалатинскую и семирѣченскую области и въ Туркестанскій край.

Некрологъ Н. Ив. Зибера. Покойный—уроженецъ и воспитанникъ юга. Первая ученая дѣятельность его прошла въ Кіевѣ, въ здѣшнемъ университетѣ.

№№ 43, 47, 48, 49, 51, 53, 54, 56. «Хроника переселенческаго движенія».

№ 45. Въ передовой статьѣ о началѣ правильной системы переселенческаго движенія въ Сибирь.

№ 47. Передовая статья объ отношеніи общества къ дѣлу образованія въ Россіи. Имѣетъ интересъ по приведеннымъ фактамъ изъ кіевской жизни.

II. Книги, вышедшія съ конца 1887 г., касающіяся ю. Россіи.

Бранкенгеймеръ. С. О значеніи христіанства въ исторіи русскаго государства (ко дню девятисотлѣтія крещенія Руси). Рѣчь, произнесенная 15 іюля 1888 г. въ собраніи одесск. славян. благотв. общества. Одесса 1888 г., 8 д., 43 стр.

Всенародное юбилейное изданіе въ память 900-лѣтія крещенія Руси. Историч. описаніе начала Руси и ея крещенія. Подъ ред. Б. Толстаго. Съ

изображеніемъ св. благов. равноап. вел. кн. Владиміра, рисованнымъ проф. Ѳ. Г. Солнцевымъ. Съ 54 изображен. государей и государынь. Спб. 1888.

Всероссійское торжество. Празднованіе 900-лѣтія крещенія Руси. Съ 7 рис. Изд. И. Морозова. Москва. 8 д. 47 стр.

Въ память 900-лѣтія крещенія Руси гимнъ святому равноапостольному князю Владиміру. *Слова Случевскаго.*

Гессенъ, И. Ю. Двадцатипятилѣтіе дѣятельности русскаго общества пароходства и торговли на Днѣстрѣ. Одесса. 1888 г. 8 д. 96 стр.

Глубоко-сердечное привѣтствіе изъ Москвы и нѣкоторыхъ городовъ и весей богоспасаемому граду Кіеву и благостнѣйшимъ архипастыремъ его высокопреосвященнѣйшимъ митрополитомъ Платономъ во главѣ, а также и всѣмъ горогимъ гостямъ, собравшимся на торжество празднованія 900-лѣтія крещенія Руси. Москва. 8 д., 82 стр.

238-е засѣданіе Императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей 23-го мая 1888 г. Одесса.

Знаменскій А и Тимковскій Д. Ко дню 900-лѣтія крещенія Руси. 988—1888. Историческое описаніе церкви во имя св. равноапостольнаго и благовѣрнаго князя Владиміра, что въ Садѣхъ, въ Москвѣ, близъ Солянки, съ приложеніемъ краткаго очерка жизни св. Владиміра и крещеніе Руси. Москва, 8 д., 42 стр.

Ивановъ А. Историческій очеркъ по поводу празднованія 900-лѣтія крещенія русскаго народа. Калуга, 8 д. 10 стр.

Игнатій, архим. Св. славный равноапостольный князь Владиміръ. Спб., 4 д., 8 стр.

К. А. Нѣсколько замѣчаній на книгу проф. М. Бобржинскаго: «Очеркъ исторіи Польши», въ переводѣ подъ ред. проф. Н. И. Карѣева. Спб. 1888. 8 д., 20 стр.

Канаевъ. Какъ крестился русскій народъ. 8 д., 3 стр.

Крещеніе Руси и житіе равноапостольнаго князя Владиміра. Ко дню девятсотлѣтія крещенія Руси. 988—1888. Москва, 16 д., 54 стр.

Мойсеенко И. Л. Въ память девятисотлѣтія крещенія Руси. 988—1888 (стихотвореніе). Пермь.

Равноапостольный князь Владиміръ святой. Изд. 2-ое. Спб. 16 д.

Св. равноапостольный князь Владиміръ. Спб. 8 д., 44 стр.

Св. равноапостольный князь Владиміръ, просвѣтитель русскаго народа. Казань, 1888. 8 д., 14+ нен. 2 стр.

Сиповскій В. Д. Св. равноапостольный князь Владиміръ и крещеніе Руси. Спб. 8 д., 16 стр.

СОДЕРЖАНІЕ.

Октябрь, 1888 г.

		стр.
I.	Первые четыре года ссылки Шевченка. **Н.И. Стороженка**	1—21
II.	Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ. Глава IV—V. **Ив. Теличенка.**	22—68
III.	Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ Рады великаго княжества литовскаго. II.—III. **С. А. Бершадскаго**	69—120
IV.	Слава Богу, для начала и это хорошо! **Мирона** . . .	121—148
V.	Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства. I. Панъ—повѣтовый маршалъ. **Л.**	149—161
VI.	Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова. **Александры Ефименко**	162—182
VII.	Графиня Е. М. Румянцева. **И. Житецкаго**	183—192
VIII.	Архивы въ Галиціи. **Н А. Линниченка**	193—214
IX.	Критика. Новые статистико-географическія данныя объ одесскомъ уѣздѣ. **И. Каманина.** Историко-статистическое описаніе города Мглина черниговской губерніи, въ связи съ церковно-археологическимъ обзоромъ священныхъ достопамятностей этого края (?) со времени первоначальнаго его заселенія. Съ приложеніемъ историческаго очерка мѣстечка Почепа. Съ гербомъ и 2-мя чертежами г. Мглина XVII—XVIII столѣтій. Составилъ И. Токмаковъ. Кіевъ. 1888. 8⁰. 119 стр. **А. Л.** И. Каргопольцевъ. Путеводитель по Днѣпру и его порогамъ. Екатеринославъ. 1888. **И. Ж.** Уѣзды Кіевскій и Радомысльскій. Статистическія и историческія замѣтки о всѣхъ	

стр.

населенныхъ мѣстностяхъ въ этихъ уѣздахъ и съ подробными картами ихъ. Собралъ Лаврентій Похилевичъ. Кіевъ. 1887. **И. К.** Сѣверо-западный календарь на 1888 годъ. Изданіе газеты „Минскій Листокъ". Минскъ 1888 г. **М. Запольскаго.** Русская военная сила. Очеркъ развитія выдающихся военныхъ событій отъ начала Руси до нашихъ дней. Составлено обществомъ офицеровъ Генеральнаго Штаба въ Москвѣ. I—II. 141. Выпускъ I. До-монгольскій періодъ. М. 1888 г. **П. Голубовскаго.** Wlad. Lozinski, przekupien Lwowski w XVII wieku (Kwart. Histor. Zeszyt III, 1888). **И. Л** . . . . . 1—28

X. Документы. извѣстія и замѣтки. Замѣтка о старыхъ рукописныхъ пѣсенникахъ. **Н. Янчука.** Придворный бандуристъ въ бѣгахъ. **В. Г.** Ученики переяславскихъ славяно-латинскихъ школъ въ 1744 г. **В. Г.** Турецкое посольство въ 1793 г. **П. Китицына.** Образованіе ланд-милиціи въ полтавской губерніи. Могильники въ урочищѣ Остроня близь г. Заславля волынской губерніи. **Н. Бѣляшевскаго.** Свѣдѣнія о засѣданіяхъ Историческаго Общества Нестора Лѣтописца за первую половину 1888 г. . . . . 1—50

XI. Для справокъ . . . . . 45—50

XII. Библіографическій листокъ . . . . . 1—14

Приложенія: 1) Наказы малор. депутатамъ 1767 г.
2) Словарь книжной малорусской рѣчи.

всѣ тѣ, кои въ Гроднѣ, гербы получая, соединились и дружбу заключили, такъ и тѣ, кои туда не издили, и обрѣтаясь вь Литвѣ и вь Руси вь домѣхъ своихъ, того не учинили, равномѣрно и одинаково, какъ бы и тѣ, кои вь Гроднѣ были, княжескія, господскія, земскія и рыцерскія поколѣнія и особы почитаемы, сохраняемы и счисляемы будутъ, и всякія достоинства, какъ то сенаторскія, воеводскія, каштелянскія, земскія и придворныя чины великаго княжества Литовскаго каждый изъ нихъ по заслугѣ и достоинству своему получать могуть, и во оныя отъ насъ и потомковъ нашихъ нынѣ и во всѣ послѣдующія времена допущаемы будутъ безъ всякаго униженія и отмѣны такъ, какъ будучи во всемъ равные господскіе и шляхетскіе чины и ползуясь отъ насъ и предковъ нашихъ волностями и свободами своими въ Полшѣ, всякія чины и достоинства получали, и нынѣ изъ милости нашей получають [1]).

Изъ Статута великаго княжества литовскаго, роздѣла 3:

Артикулъ 19.

О доказательствѣ шляхетства, когда кто упрекнетъ. Установляемъ, есть ли бы кто кому сказалъ, что онъ не шляхтичъ, тогда тотъ, кто себе очищаетъ, имѣетъ поставить съ отцовской и съ матерней стороны по два шляхтича природныхъ, то есть двухъ отцовскихъ а двухъ матернихъ сродственнихъ, и вь томь имь присягу учинить должно, что тотъ есть ихъ фамиліи природный и прямый шляхтичъ; а когда бы родъ извелся, а онъ бы былъ уроженецъ здѣшняго государства, тогда изъ бояръ сосѣдственнаго шляхетства долженъ поставить двухъ шляхтичей, которые съ нимъ присягнуть имѣютъ, что онъ шляхетской природы, а по таковомъ доказательствѣ опороченный при шляхетствѣ останется, а тотъ, который опо-

[1]) Вышеписанныя обѣ привилегіи упоминаются и утверждаются какъ въ Статутѣ великаго княжества литовскаго, которымъ Малая Россія судится, в разныхъ онаго раздѣлахъ и артикулахъ, такъ упомянуты онѣ и въ сочиненіи названномъ Объясненіе правъ диссидентскихъ (Exposition des droits des dissidents) и напечатанномъ въ Санктпетербургѣ 1766 года, и въ трактатѣ вѣчномъ между Россійскою Имперіею и Рѣчью посполитою полскою, заключенномъ февраля 13 дня 1768 года.

рочилъ, имѣетъ за такія предерзостныя слова сидѣть въ крѣпости или въ дворѣ нашемъ судовомъ двадцать недѣль, а сопернику своему заплатить безчестіе вдвое.

Артикулъ 21.

О иноземцѣ въ шляхетствѣ опороченномъ, и какимъ образомъ помѣстье приобрѣсть можетъ.

1. А такожде, естьлибы котораго иноземца опорочилъ кто въ шляхетствѣ, тогда онъ имѣетъ ѣхать въ свою землю, съ которой пріѣхалъ, и тамъ въ судебномъ мѣстѣ доказать шляхетство свое, и отъ онаго судебнаго мѣста за печатьми присутствующихъ принесть свидѣтелство, которымъ здѣсь шляхетство свое доказать имѣетъ. А естьли бы въ той землѣ была война, откуда онъ есть, то имѣетъ поставить двухъ особъ прямыхъ шляхтичей съ тойже своей земли, или здешнихъ людей, бывалыхъ въ той землѣ, которые были бы о его шляхетствѣ свѣдомы, а тѣ также имѣють вмѣстѣ съ нимъ присягнуть, что онъ есть шляхтичъ; таковымъ образомъ иноземецъ доказывать долженъ свое шляхетство. А когда уже тотъ опороченный докажетъ шляхетство свое, тогда тотъ, который его опорочилъ, какова бы онъ ни былъ чина, долженъ проторы и убытки, на чемъ тотъ, кто очистится, присягнетъ, наградить ему.

2. А когда бы который иноземецъ, пріѣхавъ въ здѣшнее государство наше, купилъ или какимъ нибудь порядочнымъ образомъ пріобрѣлъ себѣ имѣніе шляхетское, и хотѣлъ бы волностьми шляхетскими ползоваться, то первее имѣетъ предъ судебнымъ мѣстомъ, гдѣ купилъ имѣніе, доказать, что онъ есть прямый шляхтичъ; а буде того не докажетъ, то хотя и имѣніе купитъ, однако волностьми шляхетскими ползоваться и оныхъ употреблять и въ хоругвѣ равно съ шляхетствомъ служить не можетъ; но ближайшіе сродственники имѣють то его имѣніе выкупить, цѣною написанною ниже въ семъ статутѣ, въ артикулѣ о исполненіи дѣлъ рѣшенныхъ, и службу земскую изъ того служити; а однако иноземецъ достоинствъ и чиновъ имѣть не долженъ, хотя бы и шляхтичь былъ. Тоже разумѣть надлежитъ и о здѣшнихъ уроженцахъ не шляхтичахъ.

Артикулъ 22.

Естьли бы тотъ, кто кого въ шляхетствѣ опорочилъ, самъ не былъ шляхтичъ.

Установляемъ такожде, будибы кто самъ, будучи не шляхтичь, опорочилъ человѣка честнаго шляхтича, а тотъ шляхтичь въ томъ чину своемъ шляхетскомъ былъ бы знатный и свѣдомый, и на шляхетство доказателство учинилъ бы, и по доказателствѣ и изъясненіи своего шляхетства естьли бы такожде тотъ шляхтичь сопернику своему сказалъ, что онъ самъ есть не шляхтичь, а тотъ бы шляхетства своего по артикулу 19-му сего раздѣла не доказалъ, но явилось бы предъ судомъ, что онъ есть человѣкъ простой породы и не шляхтичь, таковаго, чій бы онъ ни былъ, то судное мѣсто наше, предъ которымъ то здѣлается, имѣетъ приказать палачу до столба весть и тамъ его метлами бить и прогнать, а по приведеніи къ наказанію и прогнанію его изъ города имѣетъ судъ повелѣть обнародовать, что онъ такими словами шляхтича безчестилъ.

РОЗДѢЛА 11.

Артикулъ 50.

О доказателствѣ шляхетства и приговорѣ платіежа за безчестіе или увѣчье.

Естьли бы послѣ приговора о награжденіи за безчестіе или увѣчье шляхетское отвѣтчикъ сказалъ, что я по приговору судовому пеню челобитчику заплатити готовъ, только не знаю, шляхтичь ли онъ есть или нѣтъ, и хочу о томъ вѣдать, тогда тотъ сказующій себе быть шляхтичемъ имѣетъ ѣхать въ ту землю или повѣтъ, гдѣ родился, и тамъ, собравъ братовъ, дядей или сродниковъ своихъ, въ судѣ тамошнемъ градскомъ или земскомъ, до котораго ему ближе будетъ, имѣетъ свое шляхетство доказать, а судъ тоей земли или повѣта имѣетъ въ тотъ судъ, гдѣ дѣло производилось, писать открытымъ листомъ и засвидѣтелствовать, что онъ есть шляхтичь, и когда то свидѣтелство о себѣ принесетъ, тогда сторону свою противную

имѣетъ въ судъ позвать на другій срокъ, для выслушанія того доказательства его, а тотъ позванный по первому позыву, такъ какъ бы на неотлагаемый срокъ, стать долженъ будетъ и онаго доказателства на шляхетство выслушать, а по доказателствѣ шляхетства, вмѣсто награжденія убытковъ, пеню положенную за безчестіе или увѣчіе шляхетское вдвое платить имѣетъ.

Конституціи 1654 года статья 15:

Безопасность честей и имѣній воеводствъ кіевскаго, браславскаго и чернѣговскаго.

Понеже у жителей сихъ воеводствъ непріятель не только имѣнія нѣкоторыя поотбиралъ, а другія опустошилъ, но и книги земскія и гражданскія пожегъ; того ради, по согласію всѣхъ чиновъ, установляемъ, дабы жители сихъ воеводствъ, получивши свидѣтелство отъ чиновниковъ и урядниковъ земскихъ о истребленіи архивныхъ дѣлъ тогожъ воеводства, для доказателства своего шляхетства не были понуждаемы въ судахъ показывать старыхъ писменныхъ на имѣнія своя крѣпостей; но по свидѣтелству и присягѣ въ томъ двухъ шляхтичей отъ рода отцовскаго, а другихъ двухъ отъ рода матерняго, а прежде самыхъ ихъ въ томъ, что имѣли крѣпости въ истребленныхъ архивныхъ дѣлахъ, и что подлинно суть прямые шляхтичи, на сеймикѣ, на которомъ шляхетство доказывать будетъ, доводъ ихъ утвержденъ быть имѣетъ [1]).

Договорныхъ статей гетмана Богдана Хмелницкаго 7162 года.

3. Статья.

Шляхта, которые въ Малой Россіи обрѣтаются и вѣру по непорочной заповѣди Христовой тебѣ великому Гдрю нашему, твоему цар-

---

[1]) Сія конституція, яко состоявшаяся въ томъ же самомъ году, въ которомъ Малая Россія подалась уже Россійской Имперіи, приводится только для одного свидѣтельства, чтобъ извѣстно было, что многіе изъ малороссійскихъ шляхтичей могли бъ шляхетство свое доказать и утвердить писменными доводами, естьли бы архивы не сожжены были.

скому величеству учинили, чтобъ при своихъ шляхетскихъ волностяхъ пребывали, и межъ себе старшихъ на уряды судовые обирали, и добра свои и волности имѣли, какъ при королѣхъ полскихъ бывало, чтобъ и иные, увидя таковое пожалованье твоего царскаго величества, клонилися подъ областъ и подъ крѣпкую и высокую руку твоего царскаго величества со всѣмъ міромъ христіанскимъ; суды земскіе и градскіе чрезъ тѣхъ урядниковъ, которыхъ они сами себѣ доброволно оберутъ, исправлены быти имѣютъ, какъ и прежде сего; такожъ шляхта, которые казну свою имѣли по крѣпостямъ на маетностяхъ, тогда и нынѣ любо чтоб имъ поплачено, или на маетностяхъ довладѣти дано.

Сей статьѣ указалъ Гдрь и бояре приговорили: быть по ихъ челобитью [1]).

Договорныхъ статей гетмана Демьяна Ігнатова 7177 года.

6. Статья.

Какъ напредъ сего заслуженые пожалованы были честію дворянскою, чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали, а которые впредь заслужатъ, а Гетманъ и старшина бить челомъ учнутъ, и чтобъ царское пресвѣтлое величество и тѣхъ къ тойже дворянской чести изволилъ пожаловать; а кому Гетманъ и старшина за услугу дадутъ мелницу или деревню и универсалы свои дадутъ и царскому пресвѣтлому величеству бити челомъ учнутъ, и чтобъ царское величество пожаловалъ на тѣ маетности свои царскаго величества грамоты, Великій Гдрь его царское пресвѣтлое величество пожаловалъ их по ихъ челобитью [2]).

Договорныхъ статей гетмана Івана Мазепы 7195 года.

4. Статья.

Какъ напредъ сего заслуженные пожалованы были честію дворянскою, чтобъ они при томъ же чину и чести пребывали, а ко-

[1]) Сія статья подтверждена особливою царя Алексѣя Михайловича данною въ томъ же году малороссійскому шляхетству грамотою съ пространнѣйшимъ изъясненіемъ.

[2]) Сія статья подтверждена шестою статьею гетмана Івана Самойловича сими жъ точными словами.

торые впредъ заслужатъ, а гетманъ и старшина бити челомъ объ нихъ великимъ Гдремъ, ихъ царскому пресвѣтлому величеству учнутъ, чтобъ царское величество и тѣхъ тою же дворянскою честію изволили пожаловать. А какъ Гетманъ и старшина за услугу дадутъ мелницу или деревню, или кто у кого купить и универсалы свои на то дастъ, и они великимъ Гдремъ ихъ царскому пресвѣтлому величеству бити челомъ учнутъ въ подтвержденіе того о ихъ государскихъ жалованныхъ грамотахъ, и чтобъ Царское пресвѣтлое величество пожаловали ихъ, велѣли имъ на тѣ маетности и свои царскаго пресвѣтлаго величества дать милостивые и жалованные грамоты.

И великіе Гдрь и великая Гдрня ихъ царское пресвѣтлое величество пожаловали ихъ по тому ихъ челобитью, и кому даны будутъ ихъ гдрскіе жалованные грамоты, и по тѣмъ жалованнымъ грамотамъ тѣми мелницами и деревнями владѣть непремѣнно, а гетману тѣхъ грамотъ у нихъ не отнимать, и ихъ Гдрскаго млстиваго указу ни чемъ не нарушивать; также какіе жалованные грамоты даны будутъ кому старшинѣ и знатнымъ особамъ войсковымъ, и тѣмъ ихъ гдрскимъ жалованнымъ грамотамъ быть въ своей силѣ, и гетману у нихъ тѣхъ грамотъ не отнимать же. И гетманъ и старшина и все воиско Запорожское на ихъ гдрской милости били челомъ и приняли то радостно[1]).

---

[1]) *Примѣчаніе.* Изъ вышеписанныхъ статей явствуетъ, что малороссійское шляхетство не токмо тѣ, кои пришли въ подданство россійскимъ монархамъ и ихъ потомки, но и тѣ, кои, будучи въ подданствѣ, заслуги свои оказали, и за то награждены чинами, деревнями и мелницами, имѣютъ такоежъ право считаться въ дворянствѣ, какъ и россійское дворянство; ибо не одно имя дворянина, но болше того помѣстья и отчины, жалуемыя за службу къ отечеству, составляли въ прежнія времена прямое дворянское достоинство. Между малороссійскимъ же шляхетствомъ и россійскимъ дворянствомъ различіе только состояло въ одномъ имени, то есть что россійскіе заслуженные люди жалованы были въ дворяне и въ другіе чины съ помѣстьемъ и отчинами, а малороссійскіе въ старшины съ тѣмъ же. Сверхъ же того малороссійская старшина всегда уравниваемы были съ великороссійскими чиновниками, напримѣръ: до учрежденія регулярныхъ войскъ многіе полковники малороссій-

XIX.

1768.

Прошеніе Малороссійскихъ депутатовъ во время составленія Уложенія.

Бьютъ челомъ малороссійскіе депутаты отъ шляхетства, отъ мѣщанъ и отъ козаковъ, а въ чемъ наше прошеніе—тому слѣдуютъ пункты:

1.

По высочайшему вашего Императорскаго величества манифесту декабря отъ 14 дня 1766 года, выбраны мы нижайшіе отъ сограждан нашихъ депутатамы, и съ данными намъ полномочіями, наказами и челобитными отправлены въ Коммиссію о сочиненіи проекта новаго уложенья, для представленія прозбъ, нуждъ, недостатковъ и отягощеній нашихъ.

2.

Находясь во оной Коммиссіи, ожидали мы, что оныя наши прозбы, нужды, недостатки и отягощенія выслушаны и милостиво рѣшены будутъ; но по прочтеніи проекта правъ благородныхъ, когда чрезъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ депутатовъ представили мы, что оныя

скіе имѣли и великороссійскихъ столниковъ чинъ, который по тогдашнему счисленію былъ четвертаго класса. По учрежденіи же регулярной службы, малороссійскихъ полковниковъ, служившихъ въ Лифляндіи въ 1701 и 1702 года, государь Петръ Великій указалъ наградить жалованьемъ и знаками противъ Ертаулнаго воеводы и полковниковъ конныхъ и пѣшихъ, компанейскихъ, сердюцкихъ и запорожскихъ полковниковъ противъ подполковника, а сотниковъ и прочую старшину противъ капитановъ, что имѣющіяся въ малороссійскихъ архивахъ и во многихъ партикулярныхъ домахъ письменныя доказателства свидѣтелствуютъ, а въ подтвержденіе сему и то служить можетъ, что многіе изъ великороссійскихъ полковниковъ и подполковниковъ жалованы были въ малороссійскіе полковники, а изъ оберъ-офицеровъ въ сотники. Напослѣдокъ и разныя правителства, а имянно, гдрственная коллегія иностранныхъ дѣлъ въ 1733, правителствующій сенатъ въ 1756, коммиссія о дворянской волности въ 1763 годахъ подали для конфирмаціи свои мнѣнія и доклады о уравненіи малороссійскихъ старшинъ съ великороссійскими армейскими чиновниками, хота и съ униженіемъ противъ бывшаго при гдрѣ Петрѣ Великомъ счисленія.

новосочиненныя права великіе несходства и недостатки имѣютъ съ правами и преимуществами малороссійскаго шляхетства, и, почитая за первую и главнѣйшую нашу нужду, въ силу данныхъ намъ наказовъ, просили, дабы въ оный проектъ внесено было, что малороссійское шляхетство должно остаться при своихъ правахъ и привилегіяхъ; то напротивъ того сентября 9 дня прошедшаго 1768 года оной Коммиссіи отъ господина маршала его превосходителства Александра Ильича Бибикова объявлено намъ, что представленія наши о семъ Коммиссіи не принадлежатъ, и она въ разбирательство ихъ входитъ не можетъ, а касаются оныя до правленія и зависятъ единственно отъ монаршей вашего Императорскаго величества власти.

3.

Сколь нечаянное намъ сіе объявленіе было, столь не оставило намъ никакаго другаго средства, какъ толко, чтобъ воспріятъ прибѣжище наше къ милосердію и правосудію вашего Императорскаго величества и, падъ къ монаршимъ вашимъ стопамъ, изъявитъ прозбы, нужды, недостатки и отягощенія наши.

4.

Вашему Императорскому величеству совершенно извѣстно, какимъ образомъ малороссійскій народъ подъ предводительствомъ гетмана Богдана Хмелницкаго, свергнувъ съ себя иго республики Полской, въ 1654 году, доброволно и презря всѣхъ постороннихъ государей приглашенія и обнадеживанія, пришелъ въ подданство подъ крѣпкую и высокую руку россійскаго монарха, государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и его наслѣдниковъ; извѣстно и то, что сіе доброволное подданство учинено на такомъ, договорами и данными привилегіями утвержденномъ, основаніи, чтобъ всѣмъ оного малороссійскаго народа чинамъ остаться вѣчно при своихъ правахъ, привилегіяхъ, преимуществахъ, волностяхъ, свободахъ и обыкновеніяхъ тѣхъ самыхъ, на которыхъ они состояли подъ королями полскими и великими князьями литовскими безъ всякаго нарушенія и отмѣны.

5.

Ползъ всѣхъ, которыя отъ сего доброволнаго Малыя Россіи соединенія Россійской имперіи произошли, не вычисляемъ, осмѣливаемся только представитъ самыя важнѣйшія и ощутителныя. Изъ оныхъ первая естъ присовокупленіе толь пространныхъ и плодоносныхъ земель безъ всякаго кровопролитія. 2. Вмѣстѣ съ подданствомъ Малыя Россіи завоеваніе великаго княжества Смоленскаго, въ которомъ малороссійское войско не малое имѣло участіе, о чемъ свидѣтелствуютъ россійскія и полскія іторіи. 3. Населеніе россійскихъ пустыхъ земелъ малороссійскимъ народомъ, чему въ доказателство служитъ Слободская, Бѣлогородская и Воронежская и прочія губерніи. 4. Прикрытіе сею частію земли многихъ внутреннихъ Россійской Имперіи областей отъ нахожденій непріятелскихъ; ибо вмѣсто того, что прежде татарскіе набѣги простирались гораздо внутръ Великой Россіи, нынѣ естъли когда случатся, кончатся на границахъ Малой Россіи. 5. Продолжающаяся чрезъ сто четырнадцатъ лѣтъ безъ жалованья малороссійскаго шляхетства и козацкаго войска служба. 6. Безплатное содержаніе 1711 года великороссійскихъ регулярныхъ полковъ. 7. Обыкновенные поборы и подати съ самого времени подданства Малыя Россіи исправно и безъ отрицанія платимыя, которыя, естъли отъ бывшихъ малороссійскихъ правителей когда либо не такъ, какъ должно, употребляемы были, въ томъ малороссійскій народъ не можетъ быть виновный. 8. Поборы чрезвычайные, взятые въ разныя времена для государственныхъ нуждъ хлѣбомъ, быками, лошадъми и прочими нужными припасами и вещъми, изъ которыхъ хотя нѣкоторыя взымаемы были безплатно, а другіе нащетъ заплаты, однако оной, кромѣ нѣкоторой неболшой суммы за быки, не получено. 9. Вспомоществованіе людми какъ во время военныхъ, такъ и мирныхъ случаевъ, для употребленія въ погонщики, къ строенію крѣпостей, линій, шанцовъ, каналовъ, засѣкъ и прочаго, кои какъ изъ козаковъ, такъ и изъ помѣщичьихъ мужиковъ высыласмы были, и во всегдашнихъ воинскихъ походахъ и внутренныхъ нарядахъ служатъ и служили со всякимъ радѣніемъ такъ, что многіе для того имѣнія свои попроживали. 10. Таможенныя пошлины

платимыя на малороссійскихъ границахъ несравненно противъ прежняго болше. За всѣ же свои службы, за всѣ, хотя съ немалымъ правъ и привиллегій своихъ ущербомъ, принесенныя и приносимыя Россійской імперіи ползы малороссійскій народъ за лучшее и всѣхъ сокровища дражайшее возмездіе почиталъ и почитаетъ слѣдующія всемилостивѣйшія монарховъ своихъ при толь многихъ случаяхъ повторенныя обнадеживанія: а мы васъ всегда будемъ сохранять при прежнихъ вашихъ правахъ, привилегіяхъ и волностяхъ, а въ томъ бы вамъ на нашу Государскую милость быть благонадежнымъ.

6.

Но когда милосерднымъ окомъ воззрите ваше Імператорское Величество на состояніе Малыя Россіи, въ которомъ она отъ лѣтъ нѣсколькихъ пребываетъ, то не можетъ укрыться отъ проницанія вашего расличіе нынѣшняго ея состояиія отъ прежняго. Нѣтъ, всемилостивѣйшая Государыня, въ Малой Россіи ни одного чина людей, который бы сказать могъ, что онъ при цѣлости прежнихъ своихъ правъ и привилегій находится, а которые еще при которомъ либо изъ нихъ и остались, то и тѣ служатъ только къ весма слабому ихъ защищенію и охраненію потому, что подвержены оныя произволному распоряженію и благоизобрѣтенію главныхъ надъ Малою Россіею правителей, какъ то ниже сего яснѣе ваше імператорское Величество усмотрѣть изволите. Видно, что Провидѣніе Божіе оставило оный народъ до временъ великія Екатерины, которая (полагая) славу и удоволствіе свое въ благоденствіи подвластныхъ себѣ народовъ, можетъ и насъ возставить и привесть въ первобытное состояніе.

7.

И такъ пріемлемъ дерзновеніе всеподданѣйше и всенижайше ваше імператорское Величество просить о ниже слѣдующихъ всѣмъ чинамъ общихъ нуждахъ. Оныя суть: 1. сохраненіе и цѣлость всѣхъ прежнихъ правъ, привилегій, преимуществъ, волностей, свободъ и обыкновеній всѣхъ обще и каждаго особливо чина, а именно: шляхетства, духовенства, мѣщанъ, козаковъ и всего малороссійскаго народа, данныхъ и утвержденныхъ имъ отъ королей польскихъ и

великихъ князей литовскихъ, и отъ предковъ вашего імператорскаго величества всероссійскихъ Государей, а особливо Государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича во время подданства Малыя Россіи, которыя хотя въ нѣкоторыхъ особенныхъ случаяхъ и отъ вашего імператорскаго Величества подтверждены, чрезъ что мы въ несомнѣнной находимся надеждѣ, что вашего імператорскаго Величества высочайшее намѣреніе есть сохранить и всѣ оныя при своей ненарушимой цѣлости; однако какъ для насъ, такъ и для потомковъ нашихъ просимъ всеобщаго на оныя вашего імператорскаго Величества подтвержденія съ тѣмъ всемилостивѣйшимъ изъясненіемъ, чтобъ оныя въ вѣчныя времена содержимы и сохраняемы были безъ всякаго нарушенія и отмѣны, и въ такомъ точно разумѣніи, какъ оныя написаны и заключены, чтобъ какъ всѣ обще, такъ и каждый особливо оными во всѣхъ случаяхъ ползоваться и себя охранять могли и чтобъ о семъ вашего імператорскаго Величества всемилостивѣйшемъ подтвержденіи упомянуто было въ новомъ уложеніѣ по примѣру тому, какъ о состоящихъ на своихъ привилегіяхъ провинціяхъ генеральнаго регламента въ 27 главѣ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государь Імператоръ Петръ Великій предписалъ.

2. Учрежденіе сходственныхъ съ правами и привилегіями нашими въ Малой Россіи правленій есть также одна изъ главнѣйшихъ нашихъ общихъ нуждъ. Почему всеподданнѣйше ваше імператорское Величество просимъ, чтобъ малороссійскія правительства учреждены были на основаніи правъ и привилегій нашихъ, то есть чтобъ гражданскія и земскія дѣла управляемы и судимы были по своимъ, воинскія по своимъ, а мѣщанскія по своимъ давнимъ правамъ и обыкновеніямъ особливыми изъ тамошнихъ шляхтичей, мѣщанъ и козаковъ в силу тѣхъ же правъ и обыкновеній выбранными людми, и никогда бы одни дѣла съ другими смѣшиваемы не были; ибо отъ сего смѣшенія дѣлъ произошли всѣ непорядки и нестроенія въ Малой Россіи, то есть, когда гетманы властію своею присвоили однимъ войсковымъ чиновникамъ всѣ дѣла, а верхнюю апеляцію себѣ, и тѣмъ отняли у шляхетства власть гражданскаго и земскаго управленія, власть, которая по нашимъ правамъ почитается главною и вышшею воин-

ской и въ которой шляхетство подтверждено при подданствѣ гетмана Богдана Хмелницкаго и послѣ онаго чрезъ нѣкоторое время при оной состояло; ваше императорское Величество положили уже сему основаніе всемилостивѣйшимъ возобновленіемъ подкоморскихъ и земскихъ судовъ; но сіи не могутъ быть дѣйствителны, естьли главное правителство не на такомъ же основаніи и не по тѣмъ же правиламъ дѣйствовать будетъ, какъ и оныя. 3. Внутреннія учрежденія, какъ то: наложенія податей, поборовъ, высылка на работы и прочія чинимыя главнымъ правителствомъ безъ согласія нашего служатъ также къ крайней нашей обидѣ и отягощенію; ибо таковыя учрежденія по привилегіямъ нашимъ должны дѣлаемы быть и дѣланы были в прежнія времена съ общаго согласія шляхетства и всѣхъ чиновныхъ людей на радахъ, а въ дѣлахъ важнѣйшихъ требовано было согласіе и отъ другихъ чиновъ, какъ то отъ мѣщанъ и козаковъ, и въ таковыхъ случаяхъ, когда и грамоты отъ предковъ вашего императорскаго Величества къ гетману присылаемы были, то всегда во оныхъ предписывано, чтобъ онъ гетманъ дѣлалъ таковыя внутреннія учрежденія и распоряженія на радѣ съ согласіемъ старшинъ, войска и всего посполитства и чтобъ оныя не могли быть къ отягощенію и разоренію малороссійскаго народа, и всегда была каждому уѣзду свобода на таковыя учрежденія соглашаться или не соглашаться и представлять гетману и радѣ, что то или другое учрежденіе будетъ служить къ народному отягченію. Въ недавнихъ же временахъ гетманы и учреждаемыя на ихъ мѣста главныя правителства стали дѣлать таковыя весма отяготительныя и несносныя для малороссійскаго народа распоряженія по присылаемымъ къ нимъ указамъ, а иногда и по своему произволенію, не призывая никого изъ общества въ совѣтъ. Изъ числа таковыхъ суть: опись по душамъ малороссійскаго народа, рублевый окладъ, положенный на хаты для содержанія шести драгунскихъ полковъ Глуховскаго гарнизона и главной полевой аптеки, на что все исходило до ста тысячъ рублей, а нынѣ собирается около трехъ сотъ тысячъ рублей, описаніе и мѣряніе всѣхъ всякаго чина земель и угодій и бываемыхъ съ нихъ доходовъ, переписъ всякаго скота и живности, а въ озерахъ

и прудахъ рыбы, собираніе съ шляхетскихъ, мѣщанскихъ и козачихъ домовъ квартирныхъ денегъ, естьли кто не желаетъ въ домахъ своихъ постоевъ, вѣсовыя денги, платимыя отъ дѣлъ, пересылаемыхъ по апелляціи къ верхнимъ судебнымъ мѣстамъ, и прочія симъ подобныя учрежденія, дѣлаемыя отъ малороссійскаго главнаго правителства не токмо безъ согласія и совѣта общаго, но еще съ угроженіемъ за неисполненіе наказаній, секвестровъ и прочаго, отъ которыхъ въ Малой Россіи никогда небывалыхъ и неслыханныхъ учрежденій малороссійскій народъ въ такій пришелъ страхъ и смущеніе, что многія тысячи онаго безвѣстно разбѣжались, и отъ времени до времени побѣга умножаются, а другіе изнуряются бѣдностью и нищетою. Почему всеподданнѣйше ваше імператорское Величество просимъ всемилостивѣйше отвратить всѣ таковыя нововведенныя отягощенія и указать таковыхъ учрежденій впредъ никогда не дѣлать, но чтобъ подати и поборы учреждены были постоянныя и съ правами и привилегіями нашими точно сходствующія, которыхъ бы никакое правителство ни прибавить, ни убавить, а колми паче другихъ вновъ наложитъ не могло безъ общаго малороссійскихъ чиновъ согласія.

Всемилостивѣйшая Государыня! представивъ всеподданнѣйше важнѣйшія общія наши прозбы, нужды о собственныхъ каждаго чина, хотя также великихъ, важныхъ и многихъ, ваше імператорское Величество утруждать не дерзаемъ. Оныя ваше імператорское величество всемилостивѣйше усмотрѣть изволите изъ поданныхъ отъ насъ в комиссію о сочиненіи проекта новаго уложенья наказовъ и челобитенъ, а сверхъ того, ежели ваше імператорское Величество укажете, всякій чинъ собственныя свои нужды и отягощенія обстоятелно изъяснитъ можетъ. Отъ исправленія общихъ воспослѣдуетъ собственныхъ исправленіе. Исполненіе же сихъ нашихъ прозбъ и отвращеніе нуждъ и отягощеній нашихъ почитаемъ мы и всегда почитать будемъ за главнѣйшее и всѣхъ лучшее благоденствіе наше. Кто жъ можетъ намъ даровать оное, какъ не ваше імператорское Величество, премудрая, человѣколюбивая и милостивая монархиня? Послушайте, всемилостивѣйшая Государыня, гласа толъ многихъ тысящей народа, чрезъ насъ къ вашему імператорскому Величеству прозбы и слезы

свои простирающаго, и въ помилованіи его послушайте совѣтовъ великой вашей души и человѣколюбиваго сердца. Совѣты ихъ будутъ вашему императорскому Величеству всѣхъ вѣрнѣйшія, а ему спасителныя. Послѣдуя онымъ, ясно увидите, сколъ справедливы и основателны оного прозбы и сколъ тяжки и велики угнѣтающія его нужды безъ всякой его прослуги и винности. Согласуясь со оными, имѣемъ надежду несомнѣнную, что ваше императорское Величество оставите насъ при всѣхъ прежнихъ нашихъ привилегіяхъ, преимуществахъ, волностяхъ, свободахъ и обыкновеніяхъ, что учредите сходствующія со оными и по онымъ поступающія правителства и отвратите всѣ нужды, недостатки и отягощенія какъ всѣхъ обще, такъ и каждаго особливо, и тѣмъ самымъ утвердите спасителное ваше Коммиссіи предписанное намѣреніе, то естъ цѣлость имперіи и народнаго благополучія. Сколъ славно естъ для вашего императорскаго Величества возстановленіе одновѣрной братіи нашей, обитающихъ въ Полшѣ, въ прежнія ихъ права и преимущества, столъ преславнѣе будетъ утвержденіе въ томъ же самомъ вѣрноподданнаго вашего императорскаго величества Малороссійскаго народа, который, видя свое благоденствіе, отъ всѣхъ странъ ежедневно умножаться будетъ. Заставто, всемилостивѣйшая Государыня, толъ многочисленный народъ за возобновленіе свое воздвигнуть вамъ монументы и жертвенники не на землѣ и воздухѣ, но на сердцахъ. Сколъ славныя, сколъ великолѣпныя, сколъ долговременныя таковыя зданія! Будучи не подвержены ветхости и тлѣнію, заставятъ народъ сей на вѣки почитать имя Екатерины великой, премудрой и Матери отечества, и ей одной возстановленіе свое и избавленіе отъ всѣхъ прежде бывшихъ неустройствъ и насилій приписывать.

V.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ ДО ВЫБОРОВЪ ДЕПУТАТОВЪ.

1767.

Циркуляръ Румянцева о выборахъ депутатовъ.

Циркулярный листъ.

Благороднымъ господамъ Шляхетству и Рицарству, въ повѣтѣ Зѣнковскомъ вотчины и помѣстья имѣющимъ, Гражданству и Земству.

Вы уже имѣете въ полученіи манифестъ, отправленный въ вашъ повѣтъ для обнародованія о учрежденіи въ нынѣшнемъ году въ Москвѣ Коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія. Изъ оного извѣстны вамъ, какія причины побудили Ея Императорское Величество на сіе обратить свое всевысочайшее примѣчаніе и какія милосердыя средства Ея Императорское Величество изобрели къ достиженію сего вожделенія. Онѣ являютъ намъ свойственную Ея Императорскому Величеству любовь къ правосудію и истинное Ея Величества матернее о благоденствіи всѣхъ подданныхъ Ея державѣ попеченіе, подтверждаютъ они во всѣхъ насъ возлагаемую на Ея къ намъ милость, надежду, что правосудіе и доброй порядокъ, составляющіе въ цѣломъ человѣческое благо, мудрыми Ея Величества мѣроположеніями возведутъ на степень совершенства. Я, приводя во исполненіе сіе Ея Императорскаго Величества Всевысочайшее повелѣніе, созываю Васъ для выбора въ повѣтъ вашъ Предводителя и Депутата къ „числу“ „мѣсяца въ“ и при желаніи лучшихъ въ предлежащемъ дѣлѣ успѣховъ отвѣчая должности званія того, не въ предложеніе точныхъ мѣръ, но въ совѣтъ вамъ сіе мое мнѣніе подаю

примите вы всѣ съ радостію сей подаваемый вамъ случай къ достиженію общенародного благоденствія, пользуйтесь имъ прямо и здѣлайте изъ него употребленіе таково, каковое бъ вамъ въ потомствѣ вашемъ честь и похвалу дѣлало. Обращайте всѣ ваши примѣчанія на общенародное добро, въ которомъ одинакое наше токмо прямо и заключатся можетъ, отдаляйте все то, что только блеститъ намъ нашею собственною маловременною корыстію, пройдите со вниманіемъ теченіе минувшихъ временъ, розыщите рачительно всѣ причины, вредившіе общему Вашему благоденствію и силѣ законовъ, приведшіе суды въ медленность и судей въ разновидныя разсужденія, а нѣкоторыхъ и на злоупотребленія, препятствовавшія вашимъ домостроительствамъ и въ вотчиномъ хозяйствѣ, уничтожившія весь порядокъ гражданского упражненія въ торгѣ и промыслѣ, наведшія отвращеніе поселянамъ не токмо къ земледѣльству и скотоводству, какъ главнымъ земли здешней промысламъ, понудившія или поводъ подавшія удалятся жилищъ, своихъ имуществъ. Помышляйте всегда, что во основаніи всѣхъ государственныхъ законовъ принято быть должно по страхѣ Божіемъ честь и слава государская и достодолжное наше къ нимъ подданство и благосостояніе государственное во всѣхъ обширныхъ онаго частяхъ, а за первое законное правило—доставлять всѣмъ и всякому въ тишинѣ и покоѣ пользоватся плодами трудовъ и упражненія его, въ чемъ прямая вольность въ добродѣтельномъ разумѣ и заключается. Избирайте между Вами Предводителя и Депутата таковыхъ, кои бы всѣ свойства, прописанныя во обрядѣ, имѣли, и объ общенародныхъ отягощеніяхъ, нуждахъ и недостаткахъ, а не о своихъ собственныхъ, помышляли и чужды бы были пороковъ тѣхъ, отъ коихъ главное неустройство вездѣ взяло свое начало, то есть: лихоимство, презрѣніе своего ближняго и неистовство на своего подчиненного; явитесь Вы прямыми соревнователями прочихъ провинцей въ признаніи чувствительномъ являемой къ намъ отъ Ея Императорского Величества всевысочайшей и материей милости, изявите благодарность вашу Ей безсмертнымъ доказательствомъ, поставте потомству вашему тѣмъ сего златого для насъ времени память, оправдайте мое здѣланное о васъ къ Ея Императорскому Величеству

З збитку—отизбитка.
Зищеніе—исполненіе, совершеніе.
Зкидаю—извергаю.
Злитованє—милость, милосердіе, милостиня, простиня, прощеніе, помилованіе, сострадание, соболѣзнованіе, щедрота.
Злитовуюсь—состражду, соболѣзную, ущедряю, щедру.
Злицаю—вовѣряю, возлагаю.
Зличаю—восперяю, воскриляю.
Зло—злоба, безчеловѣчіе, лукавство, строптивость.
Злорѣчіе—зри ганба.
Злорѣчую—зри ганю, порѣкаю.
Злостникъ—беззаконникъ, лукавозлобивъ, неблаѓоразуменъ, непреподобенъ, строптивъ, скварнавый.
Злото виборное—искуса златая.
Злочинство—злодѣйство.
Злочинца—злодѣй.
Злый—золъ, строптивый, растлѣнный.
Злый обычай—зри злого приложеня.
Злый прикладъ—соблазнъ.
Злого прироженя—злонравный.
Злупеніе—расхищеніе, разслабленіе.
Злучаю—растворяю, совокупляю, смѣшаю, составляю.
Злучаюсь—сочетаваюся.
Злученіе—сочетаніе, совокупленіе, союзъ.
Змаза—порокъ.
Змазаніе—скверна, нечистота.
Змерзаю—оледенѣваю.
Змерканіе—сумракъ.
Змертвыхъ встаніе—воскрешеніе, еслы хто презъ коо иншого встаетъ.
Змертвыхъ встаніе—если самъ презъ себе встаетъ з мертвыхъ, воскрешеніе [1]).
Змилованіе—зри злѣтованіеся.
Змиловуюся—зри злѣтовуюся.
Змова—съмиреніе, миръ.
Змовлююсь—совѣщаюсь.
Змолочую—стлачаю.
Змордованный—истомленный, изможденный.
Зморщенный—вресканый.
Зморщка—вреска.
Змоцненіе—утвержденіе, укрѣпленіе, крѣпость.
Змоцняю—утверждаю, укрѣляю.
Змышленіе—лицемѣріе, притвореніе.
Змышлячъ—лицемѣръ.
Змышляю—притворяю, лицемѣрствую.
Змышляючій—притворитель, лицемѣръ.
Змъраю на що—намѣраю.
Змъшую—растворяю, зри злучаю.
Змъщаю—вмѣщаю.
Знагла—внезапу, весьма, бѣхма.
Знаемость—разумѣніе.
Знаемый—знаемъ, вѣдомъ.

[1]) Въ подлинникѣ отличаются эти два выраженія тѣмъ, что въ первомъ слово *з мертвыхъ* написано съ надстрочными буквами *р* и *х*.

Знайденіе—обрѣтеніе.
Знайдуюсь—обрѣтаюсь.
Знакъ—знаменіе, воспоминаніе.
Знамѣнитость—преимѣтелство, превеличество, предъпріятіе.
Значеніе—знаменованіе.
Значеный—знаменитый, благонарочитъ, изрядный, изящный, великъ, преимѣяй, первый.
Значу—являю, сказую, назнаменую.
Знахожу—обрѣтаю.
Знаю—вѣмъ, разумѣю.
Знебачка—непредвыденнѣ.
Зневага—зри ганба.
Зневажаю—зри ганю.
Зневоляю—порабощаю, зри ганблю.
Зненацка—внезапу, напрасно.
Зниженіе—сонисхожденіе.
Зникаю—ищезаю.
Знищеніе—умаленіе, побѣжденіе, оскудѣніе.
Знову пойди—паки гряди.
Зной—жаръ, скваръ.
Зноснъ—отраднѣ.
Зношу—воспріемлю, пріемлю, подъемлю, терплю.
Знывъваю—унываю.
Знывълый—унывѣлый, унилый.
Зобохъсторонъ—обоюду, зособна.
Зову—глашу, глашаю, возиваю.
Зогненный—согбенъ.
Золотарь—златарь, сереброкузнецъ.
Золотый—златникъ.
Зопсованіе—истлѣніе, растлѣніе, разрѣшеніе, рѣшеніе.
Зопсованое—растлѣнное, лестное.
Зопсовую—разоряю, разсипаю, растлѣваю.
Зопхни—возрази, изрини.
Зоря—заря.
Зособна—особь.
Зостатка—отизбытка.
Зпихаю—возражаю.
Зпоеніе—соузъ.
Зпровожаю—низвожду.
Зпрудка—зри зненацка.
Зраняю—уязвляю.
Зраховую—исчитаю, сочисляю.
Зреница—зѣница.
Зрожуеться—угобжаеться.
Зрозумѣваю—внимаю, внемлю, соразумѣваю, мудрствую.
Зрозумѣй—внемли.
Зрозумѣло—внимателно, розумно.
З розуму зводитель—умопрелщатель.
Зростъ—возрастъ.
Зрублюю—состроякo.
Зрѣдка—намалѣ.
Зряженіе—строеніе, судьба.
Зтворжаюсь—возмущаюсь.
Зупелне—зри досконалне.
Зупелность—зридосконалность.
Зупелный—зри досконалный.
Зухвалный—дерзокъ, дерзостенъ, дерзый, непокоривый.
Зызоватый—косый, косвенный, разноокій.
Зыскъ—приобрѣтеніе, прибытіе, сонисканіе, прибытокъ, стяжаніе.

Зыскъ чынячій—прибыточный.
Зачливый — присный, рачитель.
Зычу—желаю.
Зъваю—зѣяю, прозияваю.
Зъдлость—напрасство, бѣда, напасть.
Зъдлый—лютый, безчеловѣчный, лютъ, дивый, напрасный, безстуденъ.
Зъліе—быліе, зеліе, зель, троскоть.
Зънка або человѣчокъ у оцъ—зѣница.

И.

Играчъ—сопецъ.
Игриско—мѣсце, игралище, плясалище, бѣсилище, подвигъ, тризнище, позоръ.
Игри справуючій—сѣновникъ.
Игуменъ бывшій—проигуменъ.
Иду—граду, шествую.
Ижъ—за еже, во еже, елмажъ, понеже, яко, якоже.
Изали—уболи.
Избыти—спастись, избавитися.
Изгиблій—истребленный.
Иле—елико, елма.
Иле кроть—елижды, колькроть.
Имаюсь—емлюсь.
Ими—емли.
Иначей—инако.
Иначей зовутъ—або иное значить, образословимый (sic).
Инквизиція—истязаніе выны.
Инквизицію чиню-выны истязую.
Иншимъ кшталтомъ — инообразно.
И овшемъ—и убо, истинно, извѣстно, въ истину.
Истинѣ—вѣрно, истинно.
Истность—существо.
Исторія—сказаніе, повѣсть.
Истотне—зри запрадды.
Истотный—истовый.

К.

Каганецъ—свѣтилникъ.
Кадило—ладанъ.
Кадь—делва.
Кадь винная—точило.
Кажу—псую, растлѣваю.
Казалница—сѣдалище, катедра.
Казаніе—народовѣщаніе, проповѣдь слова божого, проповѣданіе.
Казаніе кажу—проповѣдословлю.
Казка—баснь.
Казнодѣя — проповѣдникъ, соборникъ.
Казнь—вины.
Кайданы—вериги, путы.
Калвикаторъ—ристатель.
Калита—чпагъ.
Калюжа—ровъ.
Калъ—тина, тимѣніе (sic), ровъ.
Камень млинный—жерновъ.
Камѣнь—камень.

Камѣнь верхный млинный — жерновъ оселскій.
Каня—пилюкъ (sic).
Канлѣръ—книгочій.
Капланство—жречество.
Капса—зри калита.
Караценъ—броня.
Караніе — наказаніе, приятіе, казнь, учен'е удержаніе, язва
Караю—казню, наказую, истрясаю, воразумляю, уразумляю, уязвляю, досаждаю, выни истязую.
Караючій—казнитель, казняй, казатель, наказатель.
Карность—ученіе.
Кармазинъ—червень.
Карти граю—хартіи употребляю, тавліи употребляю.
Карчмарь—гостинникъ, всепріятникъ.
Катедра—зри казалница.
Катъ—мучитель, спекуляторъ, паличникъ, рядникъ, слуга народный.
Кафаръ що воду тягнетъ—водовожца.
Каюся — з болестію умиляюся, сокрушаюся.
Кваплюся — спѣшуся, спѣюся, тщуся, понуждаю, припонуждаю, постизаю, устребляюся вседушно.
Квасно—кисло.
Кватигъ—кій...
Квашеніе—сланутокъ.
Квестія—вопросъ, противоположеніе, противорѣчіе, пре-
кословіе, недоумѣніе.
Квѣтъ—красный злакъ.
Келихъ—скляница, кубокъ.
Киваніе—маніе, маяніе, мановеніе, помаяніе, накиновеніе.
Киваюсь—згибаюсь, колѣбаюся.
Кидаръ—клубукъ.
Кидаюсь на кого—устремляюся.
Кій—жезлъ, палица.
Кисло—кисело.
Кистка—стручецъ.
Кишеня—чпагъ.
Кламство—ложъ, зри тая же.
Кламца—ложъ, зри зрайца.
Клейнотъ—гривна, увясло.
Клекощу—крокощу, хлохощу.
Клепало—бряцало, было.
Клепецъ—оскордъ.
Клирикъ—чтецъ, читатель.
Клирошанинъ—клирикъ.
Кличу—возглашаю, глашаю, возиваю.
Клокотаніе—хлохотаніе.
Клопотъ—страданіе.
Клубы—лядвы, бедры.
Клуня—житница.
Клѣтка—дѣлателница, камора, клѣщики (sic).
Клямка—развора, верія.
Кляча—подяремникъ.
Книжникъ—дидаскалъ.
Кобилки—пружіе, прузи, свертщіе.
Коваль—ковачъ, кузнецъ.
Ковчанъ до стрѣлъ—тулъ.
Ковшъ—почерпало.
Когутъ—пѣтель, алекторъ.
Кождоденный—всегдашній, на-

сущный, насущественный, присный.

Кождый—всякъ, койждо, кождо.

Кожемяка—усмаръ.

Коли—егда, когда.

Колибка—колесница.

Колка—боль сердечный, коленіе, умиленіе.

Колко—колико, елико.

Колкокротъ—зри иле крать.

Колкость—количество.

Колнѣръ—обшляръ.

Колодязь—студенецъ, кладязь, кладецъ, роденникъ (sic).

Колосокъ—стручецъ.

Колотникъ или потворникъ—смущаяй, зрадца, смущенникъ.

Колочу—пакощу.

Колѣно—нѣдро, лоно.

Колья—чреда.

Колю—ухапляю, угризаю.

Коляція—пированіе, вечера.

Комната—зри клѣть.

Комора—зри клѣть.

Коморка—колибка.

Коморникъ—подсусѣдникъ, селникъ, содомникъ (sic), слуга.

Компутъ личби—согляданіе.

Конва—водоносъ, почерпало.

Конецъ—кончина, конецъ, исполненіе.

Конечне—ей.

Коники—зри кобилки.

Конный—всадникъ.

Конституція—состояніе.

Контентація—достотвореніе.

Контентую—удовляю, довляю.

Контентъ естемъ—доволенъ есмь.

Конфекти—сладости.

Кончаръ—улица.

Конь—клюся (sic), конь.

Коняктурую—усмотряю, соразсмотряваю.

Копаю—копитомъ кописаю.

Копенякъ—хламисъ.

Коперштихеръ—що на мѣди рисуетъ або печати рѣжетъ, ваятель.

Коппя—гвоздъ, архетипонъ, антиґрафонъ, парадиґма, копіе.

Корабелное начиніе—ядрило.

Корабль—ковчегъ.

Корецъ—кобель, кобль, спудъ.

Коритися—малитися, смиряется, покорятися, охуждатися.

Корито—поило.

Корма—кормило, стиръ, гребло кормилное.

Кормя—брашно, паствина, пища, питаніе, паства.

Корнетиста—сопецъ, пищанникъ.

Корнѣтъ—сопѣль, сопль.

Коробка—спудъ.

Коробникъ—пударъ.

Корова—крава.

Короватый—коравъ.

Корона—вѣнецъ.

Корона святителская—митра, увясло.

Коронованіе—вѣнчаніе, увязаніе.

Коронуюо—вѣнчаю, вязаю вѣнцемъ.

Коропатва—рябка.
Коростu—красти.
Коростьль—крастель.
Короткій—краткій.
Корчма—гостинница, всепріятелница.
Корчмарь—зри карчмаръ.
Корьнніе—потравы, сладости.
Кости играю—зри в капсы.
Котвица—зри котва.
Котелокъ—панвица.
Котелъ—конобъ.
Котляръ—ковачъ мѣды, мѣдный кузнецъ.
Который—иже.
Котрий—елици (sic), кій.
Котрое—кое.
Котрого—его же.
Котрой стороны—коей страны.
Котрому—ему же.
Коханіеся в собѣ—самоугодіе, самолюбіе, тѣлоугодіе.
Коханка—рачителница.
Коханокъ—рачитель.
Коханый—любимый, вожделѣнный, довлимый, другъ, рачитель, возлюбленный.
Кохаюсь—благоволю, наслаждаюсь, ревную, упитовляюся (sic).
Кошникъ—кошница, спирида.
Коштованіе—начинаніе.
Коштовный—частный, преимѣй, первый, благообразный.
Коштую—вкушаю, начинаю.
Коштъ—изнуреніе.
Кошуля—срачица, хитонъ.
Кошъ плетеный—кошница.
Кравецъ—кроитель, ризошвецъ.
Крадкомъ—отай, втайнѣ.
Крадъжство—татба.
Краина—страна.
Краса—ухищреніе, доброта, лѣпота, честность, утваръ, благолѣпіе, украшеніе, красованіе.
Краса приправная—красованіе.
Краситись—щапствоватися.
Красный—благолѣпный, благоподобный, изрядный, лѣпій, коварный, ухищренный, лѣпотный, добрый.
Красомовца—вѣтий, риторъ, хитрословъ, рѣчотворецъ.
Крата в брамѣ (sic)—хлябь (sic).
Кревлюся—гобзую.
Кревность—немощъ, ужичество.
Кревный—преискрный, ужикъ.
Крейда—мѣлъ.
Кресло—стулъ, полкружникъ.
Кресъ—кроторія, нарокъ, предѣлъ, черта.
Кретъ (sic)—кроторія.
Крещеніе—баня, крещеніе.
Кривда—обида, досада, неправдованіе, неправда.
Кривжу—обыжу, неправдую, беззаконую.
Кривий—косвенный, стропотный, согбенъ.
Кривоокій—косвенный, разноокій.
Кривоприсяжца—неправедно кленийся.
Кривость—кривина.

Крикъ—вопль, вопіеніе, кличъ, плищъ, мятежъ, молва.
Крикъ чиню—возмущаю, плищъ творю.
Криница—источникъ.
Криска—черта, йота.
Кричу—зри гомоню.
Крию—таю, утаеваю.
Кровъ банками пускаю—ваяю, изваяю, начертаваю.
Крогулецъ—крагуй.
Крокъ—степень.
Кролевскій столецъ—престолъ.
Кролюю—царствую.
Кроль—царь, скиптрофоръ, монарха.
Кромъ—освѣне.
Кропива—стволіе.
Кропля—капля.
Крувжула—круга и круги.
Кругъ всего неба—твердь.
Крукъ—вранъ.
Крукъ—гакъ, висилица.
Крупи—сланутокъ.
Крушецъ—руда.
Крыло—перія.
Крыла распростираю—раскрияю.
Ктиторъ—создатель, сооружитель, сотворитель.
Ксіонже—князь, народоводитель.
Кубокъ—чаша, потиръ, кратиръ, стекляница.
Куглярскій—призорный.
Куглярство—призоръ, призрачіе, призракъ, привиденіе, мечетъ.
Куколь—плевели, плавеліе—множественнаго числа; куколь у иноковъ называется клобукъ.
Кумовство—приемничество.
Кумъ—приемникъ.
Куншгую—смѣхословлю.
Кунштъ—смѣхотворство.
Купа—составъ, толпа, состязаніе.
Курва—блудница.
Куревство—блудъ, скверна.
Куря—врабій, птица.
Кусаю—угризаю, ухапляю.
Кусаюсь—угризаюсь.
Куситель—искуситель.
Кутась—пугва.
Кутя—коливо, колюва.
Куфа—вать, ровъ (sic).
Кухня—щегнюша.
Кучка якая колвекъ—куща, колиба, селеніе, сѣнь, село.
Кушеніе—искушеніе, начинаніе.
Кушу—искушаю.
Кушуся—ополчаюся, постизаюся.
Кшталтую—образую, творю.
Кшталтъ—благоимство, имѣтелство, образъ, устроеніе.

Л.

Лагодне—присердно (sic).
Ладанъ—кадило.
Лазня—баня.
Лазуиство—скитаніе.
Лайно—мотило, гной.
Лакненіе—алканіе.

Лакну—алчу.
Лакомство—лихоимство, лихоимѣніе, сребролюбіе.
Лакотникъ—ласкосердій, ядецъ, гортанобѣсецъ.
Лакотокъ—уживаніе, ласкосердіе, пресыщеніе.
Лакотяный—скорпеный (sic).
Ланцужокъ плетеный—тресня (sic).
Ланцухъ—уза, юза, веріе.
Ланцухъ золотый—гривна злата.
Ласиться—ласкаетъ.
Ласка—благодать.
Ласкавость—благостиня.
Ласкавый—благодатный, благодѣтелный, благоугодный, благосердій.
Ласкотаніе—скоктаніе.
Ласку показую—уважаю.
Ласьне—лицемѣріе.
Латаный—скортный.
Латво—удобно.
Латвость—удобство, благомощіе.
Латвочинный—удобезденъ (sic), латвый до пойманя.
Латвый—удобный.
Латвьй—удобѣе.
Лаю—запрещаю, досаждаю, язвляю, порицаю, оглаголую, зазираю.
Лаяніе—гажденіе, злохуленіе, лаятелство, обличеніе.
Лиарь—ложъ, зри зрадца.
Лиу—лжу, клевещу.
Левъ—леонъ, левъ.
Легкій—воспѣренъ, пернатъ.
Легкимъ чиню—воспѣряю, воскриляю.
Легко—нетяжко, нетяжественнѣ, ненавистнѣ (sic).
Легкомислный—легкота, непостоянный.
Легуменами опатрую—ухлѣбляю.
Легце важу—зри ганблю.
Легчу—восперяю, воскриляю.
Ледащо збираючій—мшелоимецъ.
Ледва—едва.
Лененіе—сіяніе, блистаніе.
Ленуся—сіяю.
Ленъя—правило, черта.
Лескотаніе—зри лоскотаніе.
Лечъ—же.
Лжа—ложъ, зри зрада.
Лженіе—зри лаяніе и ганба.
Лжьй—отраднѣе.
Ли—егда.
Лина грубая—велблюдъ (sic).
Листокъ—хартія.
Листъ—посланіе, грамота, епистолія.
Литера—писмо.
Литость—милость, зри змилованіе.
Литостивый—щедрый, благодѣтель.
Литость показую—зри литовуюсь.
Лихва—росты.
Лихота—окаянство, окаяніе.
Лице—ланита, зракъ, постасъ, собство, съставъ.
Личба—число.

Личбу чиню—слово говорю, сказаюся о словесы.

Личбу здиймую — зри личбу чиню.

Личманъ—чисма (sic).

Ліоси—жребія.

Лодо (sic)—лодія, корабецъ.

Ложко—ложе, одръ.

Ложница — чертогъ, невѣстникъ.

Локоть—мѣрило.

Лоскотаніе—скоктаніе.

Лоскочу—скоктаю, скокочу.

Лотрикъ—поясникъ.

Лотровскій—непреподобный.

Лотрская штука—тожъ що и лотръ.

Лотръ—скверный, сквернавый, омраженный, непреподобнодѣлатель.

Лука—удолъ, село, расло.

Лукъ—чеснокъ.

Лукъ—оружіе.

Лупѣжца—хищникъ.

Лупъ—користь, обраща (sic).

Луска—рибная чешуя.

Лущинка (*котораго орѣха або що жолудь выпадаетъ*)—плѣска.

Лысая гора—краніево мѣсто.

Лысій—плишивъ.

Лысина—плѣшъ.

Лытка—листа (sic).

Лывый—шуй.

Лыдъ—голодь, ледъ.

Лыкарня або домъ, що лычатъ—врачебница.

Лыкарство — биліе, балство, лѣчба, цѣлба, ликованіе.

Лыкаръ—балій, врачъ, цѣлитель.

Лычиво—щапственнѣ.

Лыничство имаю—щапствую.

Лынивый—унилый, лѣнивъ, дебелый, немощный, гнюсный, лѣностивъ, праздный, нетягъ.

Лынивѣю—униваю, стужаюся, ослабѣваю, лѣнюся.

Лыность—гнюсъ, унынiе, щапство.

Лыпше—лучше, уніе, уне, унше.

Лыпшій—лучшій, унший.

Лыска—жезлъ.

Лыта—времена, годы.

Лытаніе—пареніе.

Лытаю—парю, прудко перу, теку.

Лыторасль—отрасль, пародокъ.

Лыторастка — пружіе, розга, сучецъ.

Лыхтарь—свѣщникъ.

Лычeніе—цѣленіе, врачевство, врачеваніе, исцѣленіе, врачба.

Лычу—цѣлю, врачую.

Любимый—желаемый.

Люблю—вожделѣваю.

Люблю велми—ревную.

Любовъ—раченіе, согласіе.

Любовъ горячая—рвеніе, раждженіе, раченіе, ревнованіе, ревнообразіе.

Любую—благословляю.

Любячій Бога—Боголюбецъ.

Любячій доброе—благолюбецъ.

Любъ—или, аще же.

Людемъ подобаѣеся—человѣкоугодіе.

Людзкій—друголюбивъ, друголюбный.
Людзкость—страннолюбіе, друголюбіе.
Людъ—народъ.
Люнатикъ—лунящійся на новъ (sic), бѣсится (sic).
Лютій—дикій, свѣрѣпій, жестокій.
Лютость—сверѣпство, безчеловѣчіе, сверѣпіе, бридость.
Лядвы—лядвія, лядвины.
Ляинъ—людинъ.
Лякаюсь—ужасаюся.
Лякливый—малодушный.
Ляментую—плачу, рыдаю.
Ляментъ—плачъ, риданіе, сѣтованіе, пореченіе.
Лямпа—свѣтилникъ.
Лятра—бедры.

М.

Маестатъ—престолъ.
Маетность—имѣніе, держава, стяжаніе.
Маетный—имовитъ.
Макула—порокъ.
Малженство—женитба.
Маліованіе—повапленіе, образонаписаніе, натреніе, иконное воображеніе.
Маліованный—повапленный.
Маліованный образъ—иконный зракъ.
Малпа—піфикъ.
Малюю—живописую.
Малярство—живописателство, иконное писаніе, образонаписаніе, живописателно художество.
Маляръ—иконникъ, живописецъ, зоґрафъ, живописатель, иконописецъ.
Мамка—доилица, кормилица, питателница.
Мандатъ—заповѣдь, повелѣніе.
Манелѣ—запятіе.
Манка—шуйница, шуя, рукавъ.
Мантачъ—лестецъ, зри баламутъ.
Мара—мечтаніе, зри куґлярство.
Маркотаніе—зри воркотаніе.
Маркотливъ—ропотникъ, ропотливый, ропотивъ.
Маркочу—зри ворчу.
Мармаровый—мраморный.
Марморъ—мраморъ.
Марне—туне, всуе, безума.
Марность—суета.
Марнотравство—изнуреніе, истрошеніе.
Марнотравца—изнуритель, лотига.
Маршалокъ—архитриклинъ, служебначалникъ.
Мары—одръ, рака.
Масть—шаръ.
Матерія—вещество, вещь, грѣза.
Матица—утроба, животъ, ложесна, брухъ.

Маю — имамъ, имѣю, держу, одержу.

Маю баченіе — маю возглядъ. намѣраю.

Маю волю—хощу.

Маючій—имий, имѣяй.

Мла—мракъ, примракъ, тма.

Мненіе ока—мановеніе, маяніе, накиновеніе.

Мдлость—малодушіе.

Мдлый—малодушный.

Мдлью—малодушествую.

Медведица—мечка.

Меду пластръ—сотъ.

Межа—межда.

Менжне що справую—мужаюся, храбрствую.

Менжний—зри дужий.

Менжство—зри дужесть.

Мено̀ваніе—именованіе, наричаніе.

Мерзеный—зри лотръ.

Мерзитъ мя, мерзю чимъ—гнушаюсь, недугую.

Мерзость - безсластіе, бридость, несладость, нечистота, бѣда, скорбь, туга, болѣзнь.

Мертвость—умерщвленіе.

Мешканецъ — обитатель, обиталникъ.

Мешканіе—житіе, жилище, гражданство, село, селеніе, скинія, обиталище, храмина, куща, сѣнь, обитель.

Мешканіе займую — вселяюсь, водворяюсь.

Мешканьечко — кровъ, хлѣвина.

Мешкаю — жителствую, живу, обитаю.

Мізаю—помизаю, мизаю.

Мизгалово древо—кляпишъ.

Мигити въ очахъ—мжитъ.

Милосердіе — благостыня, благость.

Милосердіе показую—зри злитовуюсь.

Милосердія годный — умысленный.

Милосердный — благоутробный, простителный, милостивъ.

Милосница—рачителница.

Милостникъ—рачитель, ревнитель.

Милосць горячая—зри любовъ.

Милость утробы—благоутробіе, благостиня, любовъ.

Міліонъ—тма, легеонъ.

Милый—благопріятный, желаемый, любимый, изрядный, изящный.

Миля—поприще.

Мірянинъ—людинъ.

Миса широкая—діскосъ.

Миска—блюдъ, поница.

Мисюрка—шлемъ.

Митра—увясло.

Млинный камень—жерновъ.

Млинокъ ручный—жерновъ.

Младенецъ—младенецъ, юнота и юноша, отрокъ.

Многократъ — множицею, многажды, многащи, намнозѣ, колькрати.

Многомовность— многоглаголаніе, велерѣчіе.

Многомовный—велерѣчивый.
Множуся—возрастаю, умножаюся, гобзуюся, спѣю, преуспѣваю.
Мнозтво — множество, многое, бездна.
Мньманіе—мнѣніе, непщеваніе, мечтаніе, васнь.
Мньмаюмъ дохожу — разсмотрю.
Мньмаю—мню, непщую, вмѣняю. мечтаю.
Мньмаючій—непщеватель.
Мова нькчемная—блядословіе, лихословіе.
Мовеніе—вѣщаніе, глаголаніе; *мовеніе о великихъ речахъ*—велерѣчіе.
Мовлю—глаголю, вѣщаю.
Мовность—велерѣчіе.
Мовный—велерѣчивый, многовѣщанный.
Модрый едвабъ—синета.
Можно—мощно.
Можность — зри владычество, господство, держава, могуство, зѣлность.
Можный—велможный, велможа, зри дужий.
Мозокъ—мозгъ.
Мозоль на рукахъ—утерплины, ствердѣлы (sic).
Мокну—омокаю.
Мокрота—влага.
Молва—глаголъ, слово.
Молитва—моленіе.
Молоденецъ—зри младенецъ.
Молодецкій—юношескій.
Молодица—молотка.
Молодость—юность.
Молодостный—юностный.
Молодый—юный, младый.
Молодее вино — мустъ, мощъ (sic).
Молотба — вершба, вершитба, млаченіе.
Молотокъ, которимъ струны направляютъ,—било.
Молотокъ робячій—млотобіецъ.
Молотый—сомленый.
Молотъ—млатъ.
Молчаніе—безмолвіе.
Молюся за кого—ходатайствую.
Монастиръ—обитель.
Монета—дидрахма, златица.
Монисто—гривна, утварь, украшеніе.
Мордерца—мучитель, томитель.
Мордованіе—томителство.
Мордую—томяю (sic).
Море—составъ водный, озеро.
Морочный—мрачный.
Моршу—посмражую.
Моръ—моръ, губителство, смертоносіе, всегубителство.
Мосіондзъ—прудъ (sic).
Мостокъ—мясо, груды говяжи.
Мотузъ—уже, вервь.
Моцаръ—исполинъ, изящъ.
Моцне що справую—зри менжне.
Моцно—зри зѣло, дуже.
Моцный—зри дужий.
Моцованіе—зри валка.
Моцовникъ—подвижникъ.
Моцуюся—подвизаюся.

Моцъ—сила, держава, дѣтель.
моцъ божая—маніе, мановеніе, маяніе.
Мошенка—мошонка, зри вацокъ.
Мошка—мшица.
Мрокъ—мракъ.
Мругаю—моргаю, зри мигаю.
Мудрость—разумъ.
Мудрость любячій—любомудръ, философъ, любопремудръ.
Мудростію ся забавляю—мудрствую.
Мудре—прямо.
Мудрецъ—философъ, любомудръ.
Мудрый—умный, худогъ, мысленный, искусный.
Мужа не знаючая панна—неискусомужная, неискусобрачная, не познавшая мужа.
Мука—страсть, страданіе, мученіе.
Мулъ—мескъ.
Мунштукъ—брозда.
Мурава—лѣхъ, лѣха.
Муращокъ—мравый.
Муръ—стѣна.
Мусъ—насиліе.
Мученикъ—страдалецъ, страстотерпецъ.
Мучу—блядословлю, смѣхословлю.
Мщеніе—месть.
Мщуся—отмщеваю.
Мылня—баня.
Мыслы прозорливіи—промышленія, мечтанія.
Мыслію понятіе рѣчи—умная, мыслная.
Мысль—помышленіе, умъ, разумъ.
Мытникъ—мытарь, мытоимецъ.
Мышленіе—мудрованіе.
Мышлю—мудрствую, помышляю, вмѣняю, воспоминаю.
Мѣзерія—окаянство, бѣдности.
Мѣзерный—бѣденъ, бѣдный, умиленъ, окаяннѣйшій.
Мѣй на баченью—ради.
Мѣлемъ—имѣхъ.
Мѣлемъ волю—хотѣхъ.
Мѣнута—зри мгненіе ока.
Мѣняю—измѣняю.
Мѣра—правило, умѣреніе спуду (sic).
Мѣры не маючій—безмѣрный.
Мѣрность—воздержаніе, цѣломудріе, честность, мѣра, умѣреніе.
Мѣрный—мѣрный, умѣренный, смиренъ.
Мѣру до целю—намѣряю, размощряю (sic).
Мѣскій—градскій, гражданскій.
Мѣсто—градъ.
Мѣсце замѣренное—намѣреніе.
Мѣсяцъ—луна.
Мѣсячникъ—лунящійся.
Мѣховникъ—усмошвецъ.
Мѣхъ—ярта (sic).
Мѣшкорѣзъ—мошнорѣзъ.
Мѣшокъ—зри вацокъ.
Мѣщанинъ—гражданинъ.
Мѣщка—гражданка.

Мяккій—благоувѣ[illegible]ивъ, благоугодительн[illegible].

Мясо суш[illegible]—сушеница.

Мята—мятва.

Н.

Набоженство—служба, благочестіе, преподобіе.

Набоженство отправую—благочествую.

Набожный — благоговѣйный, умиленъ, говѣнъ, преподобный.

Набываю—стяжаю, стяжаваю, притяживаю, сънабдѣваю, сонискаю, приобрѣтаю.

Набиваю непристойне—мшелоимствую.

Набываючій—стяжатель.

Набытокъ — зри имѣніе, здобычъ.

Набытокъ непристойный — мшелъ, навалность, стремленіе, устремленіе.

Наважую—наляцаю.

Навой ткацкій—вратило ткацкое.

Навспакъ—воспять.

Навѣдитель—посѣтитель.

Навѣжаю—посѣщаю, присѣщаю.

Нагабаніе—навѣтъ, нужда, насилство, гажденіе.

Нагабаю — понуждаю, насилствую.

Нагана—порокъ.

Наганы годенъ—пороченъ, укоризненъ.

Нагло—внезапу, абіе, напрасно.

Наглость—продерзость, сверѣпство.

Наглый — напрасный, напраснивъ, сверѣпъ, стромнителенъ.

Наглю—належу.

Наглядаю—назираю, наблюдаю.

Наглячій—належай.

Нагорода—мзда, воздаяніе, возданіе, даръ.

Нагороду рицеромъ даючій—подвигоположникъ, даровникъ.

Надаремне—безума, всуе, туне, всяко, отюдь, вотще, тщетно, бошію.

Надворѣ—внѣ, внѣуду.

На дворъ—вонъ.

Надглядаю — назираю, наблюдаю.

Надгробокъ—епитафионъ, катафалкъ.

Наддеръ—попремногу, попреизлиха, изобиліе, преизящество, преизълишество, премножество, преимѣтелство и тому паче неизрѣченно, лишше.

Надзираю—зри надглядаю.

Надимаю—кичу.

Надкланяюсь—ничу.

Надмнѣманіе або надсподѣваніе.

Надобный—изрядный, изящный.

На долъ смотрячій—посупленъ.

Надорудю(sic)—наружи, приручно.

Надприроженье—пр[illegible]стественнѣ.

На другомъ мѣсци—другоици.

Надслушность — презпотребство.

Надто—зри наддеръ.

Надто маю—изобилую, избыточествую.

Надто размножую—тое жъ.

Надуто—хупаво.

Надутость—гордость, напыщеніе, хупавость, киченіе, надменіе, превозношеніе, кручина.

Надутый—напыщенъ, хупавъ, напраснивъ, самоугодный, гордостенъ, презоривъ, отяглаваемый, посупленъ, дерзый, яростенъ.

Надхожу—надстою.

Надѣюся—уповаю.

Надѣя—надежда, надѣяніе, упованіе.

Надѣи немаючій—отчаянный.

Надѣю трачу—отчаяваюсь.

Надѣявся—уповахъ, начаявся.

Надъ—вишше, паче.

Надъ власность—выше мѣры, существеннѣ.

Наежджаю—устремляюся.

Назадѣ иду—послѣдую, послѣдствую.

Назадъ—воспять.

Назбытъ—зри наддеръ.

Названный—рекомъ, зовомъ.

Назвиско—имя.

Називаніе—нарицаніе, именованіе.

Назначенный—[illegible]азнаме[illegible]анъ, избранный, нар[illegible]кованный, нар[illegible]енъ, уставленный.

Най—[illegible]е.

Найбарзѣй — паче, найпаче, израднѣе, ко[illegible]и паче, множае паче.

Найболше—премножество, множае паче.

Найграванье—зри ганьба.

Найграваю—изобличаю, подражняю, ругаюся, посмѣваюся, поругаюсь, подражаю.

Найлѣпше—врѣсноту, влѣпоту, изящнѣе, послѣдовательнѣе.

Найлѣпшій—найлучшый, нарочитъ, добрѣйшый, лучшый, изрядный.

Найменшый—премалъ.

Наймую—наймаю.

Наймилъ—наялъ.

Найнизшый—преисподный.

Найпереднѣйшее—преизящнѣйшее, преизящное, преднастоящее.

Наказую—вразумляю, руководствую.

Накараніе—уцѣломудріе.

Накладаю—задѣваю, налагаю, изпуряю.

Наклоняюся—ничу.

Наколенный—набоденный.

Накормленіе—насыщеніе.

Накормленный—насыщенный.

Накормлюю—насищую.

Наливка—изливалница.

Налогъ—нравъ (sic).

Наложница—заложница.

Нал[illegible]ніе—належеніе.
Налѣ[illegible]ю—[illegible]стою.
На малихъ мѣсцахъ—на м[illegible]ѣ.
Наметы робячій — ски[illegible]отворецъ, сѣннотворец[illegible].
Наміотъ—село, [illegible]леніе, скинія, сѣнь.
На многихъ мѣсцахъ—на мнозѣ, мно[illegible]йцѣ, множицею.
На обохъ мѣсцахъ—обонполъ, обоюду.
На обѣ стороны—обоюду.
На особности—особѣ, наединѣ.
На остатокъ—на послѣдокъ, послѣди, прочее, наконецъ.
На очи выкидаю—обличаю.
Напасникъ—дерзокъ, дерзитель, напраснывъ, досадитель.
Напастую—напаствую.
Напасть—бѣда, искушеніе.
Наплечникъ—нарамникъ.
Напой вшелякій окромъ вына—оловина.
На полы—полма.
Напоминаніе—нравоученіе, наказаніе.
Напоминачъ—научитель, наказатель, руководитель.
Напоминаю—увѣщеваю, обличаю, увѣряю, зри наказую.
На порохъ стираю—истнѣваю.
На порохъ стертый—истеренъ.
На потымъ—тоже по семъ.
На початку—искони, исперва, вначалѣ.
Направляю—исправляю, устрояю.
Напраснивъ—зри напрасникъ.
Напрас[illegible]—зри знагла.
Наприкраюся — пакощу, стужаю.
Напуцнѣваю—разботѣваю.
Напущеніе—попущеніе.
Народу повѣданіе — народувѣщаніе.
Нарушеніе—истненіе.
Нарѣканіе—плачъ, вопль, риданіе, ропотъ, хухнаніе.
Нарѣкаю—ропщу, негодую.
Наскакую—угнѣтаю, сотѣсняю, нахожу.
Наслѣдовца—подражатель, подобникъ.
Наслѣдую — подражаю, гоню, подобляюся.
Насмѣваюся—поругаюся, ругаюся, уничижаю, унедостояю.
Насмѣвиско—агавіе, огавность.
Насмѣявца—пересмѣшникъ.
Настрояю—устрояю.
Наступца—пріемникъ.
Насыщеніе—ситость.
Насъ, ны, наю—двойственнаго числа.
Натираю—устремляюся.
Натрентъ — буесловъ, велеречивъ, оплазивъ.
Натура — естество, имство, имѣнство.
Натягаю—напрягаю, наляцаю.
Наука — наказаніе, поощреніе, уставъ, ученіе, догматъ, поученіе, указаніе, устроеніе, веленіе.
Науки початокъ—оглашеніе.
На умѣ маю—мудрствую.